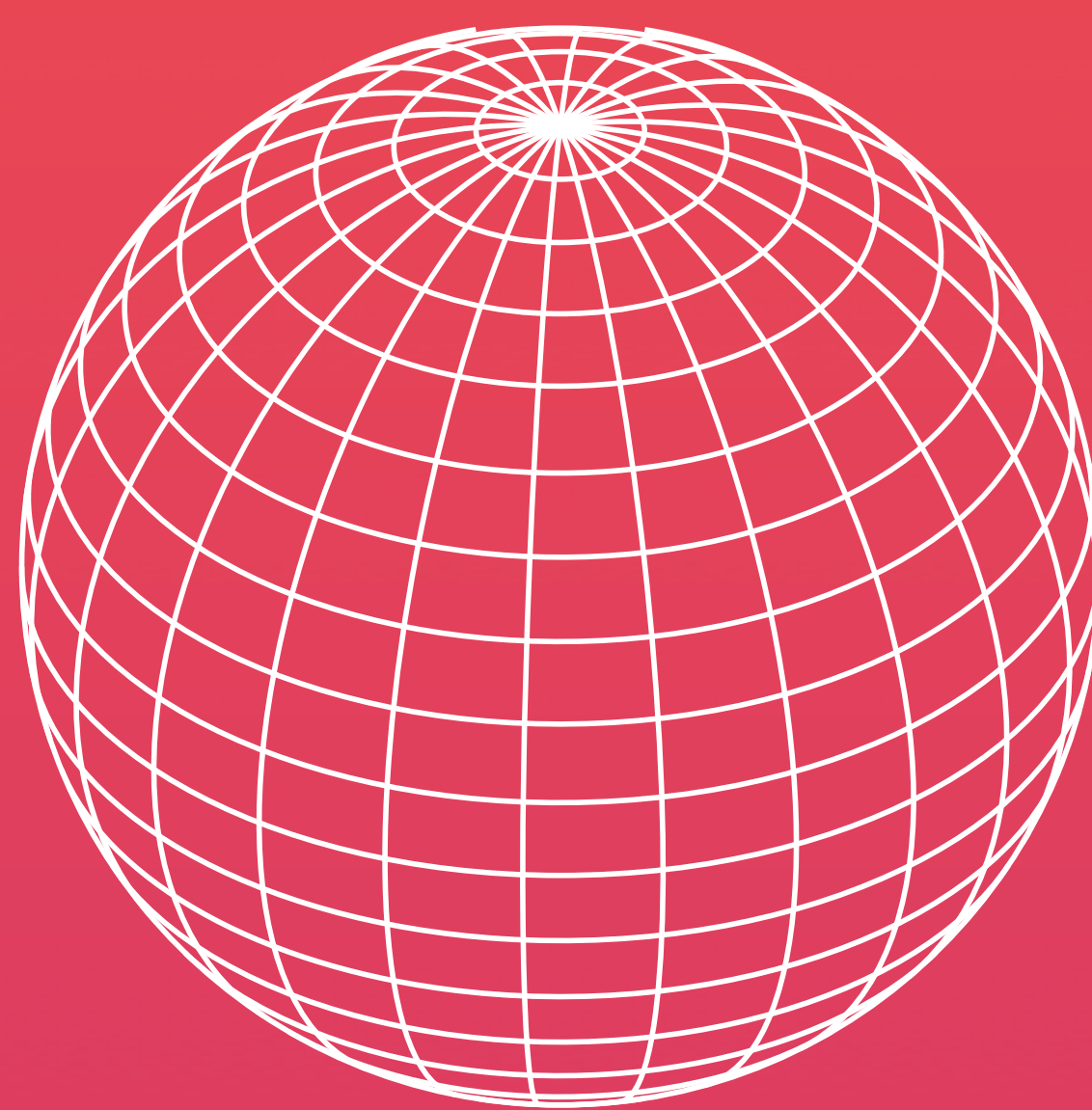

Министерство образования и науки РФ
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

МАТЕРИАЛЫ

XIII Межвузовской научно-практической
конференции с международным участием

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

17-18 апреля 2024 года

Санкт-Петербург
2024

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина)

Гуманитарный факультет

МАТЕРИАЛЫ

ХIII Межвузовской научно-практической
конференции с международным участием

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

17 – 18 АПРЕЛЯ 2024 ГОДА

Санкт-Петербург
2024

УДК 81
ББК Ш10я43

Материалы Тринадцатой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 17 – 18 апреля 2024 года. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 298 с.

ISBN 978-5-7629-3335-3

Организатор конференции

КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
им. В. И. Ульянова (Ленина)
(ИНЯЗ)

Состав оргкомитета

Председатель оргкомитета:

Семенов Александр Анатольевич,
Проректор СПбГЭТУ «ЛЭТИ» по научной и инновационной деятельности, д-р техн. наук, доцент

Заместители председателя оргкомитета:

Гигаури Нина Константиновна
канд. техн. наук
декан Гуманитарного факультета

Шумков Андрей Арнольдович
д-р филол. наук
заведующий каф. ИНЯЗ

Шульженко Татьяна Владимировна
доцент каф. ИНЯЗ
зам. зав. каф. ИНЯЗ по учебной работе,
руководитель направления «Лингвистика»

Степанова Наталия Валентиновна
канд. филол. наук
профессор каф. ИНЯЗ

Члены оргкомитета:

Беседина Елена Ивановна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Журавлёва Ольга Михайловна,
канд. ист. наук, доцент каф. ИНЯЗ
зам. зав. каф. ИНЯЗ по научной работе

Кузьмич Ирина Васильевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Преображенская Ольга Алексеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Рамантова Ольга Вячеславовна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Тихонова Елена Сергеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Ульяницкая Любовь Александровна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Флакман Мария Алексеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Кабанова Наталья Александровна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Сигаева Мария Сергеевна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Финионова Наталья Игоревна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Якубенко Елена Геннадьевна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Курганская Екатерина Владимировна
ассистент каф. ИНЯЗ

Мальшева Валерия Николаевна
ассистент каф. ИНЯЗ

Чупахина Александра Олеговна
ассистент каф. ИНЯЗ

MINISTRY FOR EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG ELECTROTECHNICAL UNIVERSITY
“LETI”

Faculty of Humanities

PROCEEDINGS

of the XIII National University Conference
with International Guests

CURRENT ISSUES IN LINGUISTICS

APRIL 17 –18, 2024

Saint Petersburg
2024

УДК 81
ББК III10я43

Proceedings of the XIII National University Conference with International Guests ‘Current Issues in Linguistics’, Saint Petersburg, April 17 – 18, 2024. ETU Publishing house, Saint Petersburg, 2024. 298 p.

ISBN 978-5-7629-3335-3

Conference Organizers:

FOREIGN LANGUAGES DEPT.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

Organizing Committee

Chair of the Organizing Committee:

Aleksander Semenov

Vice-Rector of St. Petersburg Electrotechnical University “LETI” for Research and Innovation, Doctor of Engineering Science, Associate Professor

Vice-chairs of the Organizing Com- mittee:

Nina Gigauri

PhD, Dean of the Faculty
of Humanities

Andrey Shumkov

Doctor of Linguistics
Head of Foreign Languages
Dept.

Tatiana Shulzhenko

Associate Prof.
Deputy Head of Foreign
Languages Dept.

Nataliia Stepanova

PhD, Prof. of Foreign Lan-
guages Dept.

Members of the Organizing Com- mittee:

Elena Besedina

PhD, Associate Prof.

Maria Flaxman

PhD, Associate Prof.

Irina Kuzmich

PhD, Associate Prof.

Olga Preobrazhenskaya

PhD, Associate Prof.

Olga Ramantova

PhD, Associate Prof.

Elena Tikhonova

PhD, Associate Prof.

Lyubov Ulyanitskaya

PhD, Associate Prof.

Olga Zhuravleva,

PhD, Associate Prof.
Deputy Head of Foreign
Languages Dept.

Natalia Finionova

Senior Lecturer

Nataliia Kabanova

Senior Lecturer

Maria Sigaeva

Senior Lecturer

Elena Yakubenko

Senior Lecturer

Aleksandra Chupakhina

Teaching Assistant

Ekaterina Kurganskaya

Teaching Assistant

Valeria Malysheva

Teaching Assistant

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА8

Баскова А.А. Тематическая лексика в искусственном языке на'ви: социолингвистический аспект	8
Бугаев А.С., Преображенская О.А. Симлиш: уникальный вымышленный язык вселенной The Sims	15
Кокколо А.В., Зайцева И.В. Применение приёма аллитерации в текстах современных американских рэперов (на примере текстов Eminem)	21
Петренко Г.К. Этимология термина «кварк» в историко-культурном аспекте	26
Тихонова Е.С. Женский вопрос в Старшей Ливонской рифмованной хронике	35
Шалупов Л.А., Перлова Ю.В. Особенности функционирования игрового сленга в онлайн-коммуникации.....	41

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА; ПРАГМАТИКА И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА46

Белоусова Е.В., Степанова Н.В. Анализ мультимодального аспекта коммуникации в медиаполитическом дискурсе (на материале “The Daily Show”).....	46
Бойков К.Б., Петренко Г.К. Сравнение понятий «человечность» и его аналогов в русском и английском медиадискурсах.....	53
Большакова Т.В., Чупахина А.О. Языковая репрезентация гендерного концепта single woman в художественном фильме “Bridget Jones’s Diary”	60
Бухарова А.А., Голубкова Е.Е. Структурные варианты трехкомпонентной конструкции XYZ: насколько открыты фиксированные слоты	65
Грейдина Н.Л. Лингвокогнитивные особенности дипломатического дискурса	71
Давыдова К.А., Степанова Н.В. Реализация коммуникативной стратегии сближения при произнесении благодарственной речи на церемонии вручения премии «Оскар»	75
Имбер С.Ю. Позитивная вежливость в немецком виртуальном дискурсе (на примере публикаций и комментариев из Reddit)	81
Караульщикова Ю.В. Средства выражения эпистемического содержания в англоязычной аналитической статье	87

Матвеева В.Н., Степанова В.Н. Проблема расового неравенства в британском медиатексте: дискурсивная личность автора.....	93
Мейсурова С.У. Реализация фундаментальных речевых тактик на примере речи представителя британской королевской семьи	100
Орлянская М.Н. Репрезентация концепта «экологическая безопасность» в медийном дискурсе	107
Ровинская Ю.В. Русский спортивный дискурс: к уточнению специфики	112
Сигаева М.С. Интертекстуальность в интернет-мемах о науке	117
Скидан К. С., Анисимова О.В. Лингвистические особенности англоязычных трейлеров фильмов в жанре оккультного ужаса	122
Степанова Е.С. Фреймовая структура лингвокультурного концепта «ДЕМИУРГ-ПРАРОДИТЕЛЬ» в мифах.....	129
Степанова Е.С. Манифестация категории чудесного в мифе: возвышенное и ужасное	133
Тестов А.М., Ульяницкая Л.А. Дискурсивный анализ романа Дж. Фаулза «Волхв»	138
Царькова О.А. Тактика обещания в публичных выступлениях Дональда Трампа.....	144
Чалова О.Н. Первоначальные ссылки на незнание как косвенные речевые акты в научном диалоге.....	150
Щербак Н.Ф. Символический язык Владимира Набокова и язык новой музыки.....	156

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ160

Гореленко И.М. Особенности современного пополнения лексического состава английского языка.....	160
Дёмин Г.А. Языки бельгийского кинематографа.....	165
Журавлева О.М. Использование топонимов в песенных текстах как элемента культурного кода.....	171
Казарян М.А., Соколова А.Ю., Тихонова Е.С. Семантические особенности явления «конглиш» в современном корейском языке.....	179
Коршунова Н.М. Межкультурная коммуникация студентов факультета иностранных языков в период обучения в вузе	184
Косыгина И.А. Фразеологические единицы как носители национально-культурной информации.....	189
Костецкая Ю.С. Indian-Russian cultural cooperation in the light of Indian cinema.....	194

Лембер Д.А. Языковые контакты в Эстонии: история и современность	200
Муллина А.М. Этикетные формулы согласия в русском и китайском языках в сфере бизнес-коммуникации	206
Ни Ж.В. Репрезентация образа отца в языковой картине мира корейцев и русских	214
Осипов С.К. Интерлингвокультурология и передача элементов русской культуры в англоязычных текстах	222
Попова К.В. Реализация национально-языковой политики в СССР на примере развития коми языка	227
Преображенская О.А. О создании французского термина <i>ordinateur</i>	232
Скрёбнев Е.С. Язык вражды в современной интернет-коммуникации	236
Чутова А.О. Некоторые стилистические особенности рассказа <i>Le calmant</i> Сэмюэля Беккета на французском и английском языках	242
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....	248
Базанов Л.К., Тихонова Е.С. Особенности перевода литературы жанра ужасов, на примере произведений Г. Ф. Лавкрафта.....	248
Бомова Н.Б., Гарин В.В. Стратегии синхронного перевода и фазы его выполнения.....	254
Веселова М.В., Беседина Е.И., Шамина Е.А. Iconicity in translation process: an experimental study.....	261
Косолапов С.О., Филиппова Ю.В. Оценка качества автоматического перевода видео на платформе Яндекс	266
ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	274
Ливанова А.Н. Новый глагол <i>vip(r)se</i> в норвежском языке	274
Флакман М.А. О редких функциях фон(ем)отипов английских звукоизобразительных слов	280

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.9'373.47

А. А. Баскова

Череповецкий государственный университет,

ORCID 0000-0002-7882-7070

anastasiya_basko@mail.ru

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ИСКУССТВЕННОМ ЯЗЫКЕ НА'ВИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данном исследовании рассматриваются социолингвистические характеристики тематической лексики вымышленного языка на'ви. Анализ результатов позволил автору сформировать 6 групп: «Социальные положения», «Предметы и их характеристики», «Флора и фауна», «Металлы и военное дело», «Принадлежность к расе и виду», «Восприятие». Установлено, наиболее продуктивной из них является группа «Социальные положения» (34,8 %), наименее продуктивной – «Восприятие» (4,88 %).

Культура, искусственный язык, язык «на'ви», тематическая группа, социолингвистические особенности.

Между любым естественным языком и обществом существует тесное взаимодействие, которое определяется культурой, уровнем духовности и образом мышления. Однако отмечается, что и в искусственных языках, которые обслуживают вымышленные вселенные, практическая и социальная деятельность, описанной народности, также может получить в нем непосредственное отражение.

Ю. М. Лотман считал, что «культура прежде всего понятие коллективное. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее, по своей природе культура, как и язык, есть явление общественное, т. е. социальное» [Лотман 1994, с. 5]. По его мнению, язык – это культура, которая обслуживает сферу общения внутри социума, а значит, имеет свою систему передачи смысла через знаки в языке. Исходя из этого, представляется возможным утверждать, что искусственные языки, которые базируются на компонентах уже существующих языков, подчиняются «правилам» функционирования данного естественного языка [Oostendorp 2017].

Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило содержит социолингвистическую трактовку понятия «искусственного языка»: «искусственный язык трактуется как система, разработанная для использования в тех сферах, где не представляется возможным применить естественные языки [Жеребило, 2010, с. 138].

Настоящее исследование демонстрирует реализацию агглютинативного искусственного языка на'ви с эргативно-аккузативным строем через самобытную культуру племени На'ви – народа Пандоры в кинематографической вселенной режиссера Джеймса Кэмерона «Аватар».

Методология исследования включает три этапа. Первый этап представляет собой сбор материала и его систематизацию с помощью социолексикографического анализа словарных статей с целью раскрытия значения лексем искусственных языков. Итоговый корпус материала составляет 1884 лексемы в собранном частеречном глоссарии. Вторым этапом является формирование тематических групп, которые отражают важные культурологические и социальные явления племени На'ви, с помощью метода компонентного анализа. На последнем этапе применяется метод количественного анализа для определения продуктивности тематических групп.

Наиболее важной составляющей в социолингвистическом анализе является тематическая группа, так как существует непосредственная связь между лексическими группировками и социальными сферами жизни [Моисеенко 2017, с. 105]. Тематическая группа – это группа лексем разных частей речи, системно связанных одной темой, объединяющихся в группы на основе экстралингвистических параметров [Жуйфэн 2013].

Анализ корпуса эмпирического материала, собранного из На'ви-русских электронных словарей, позволил автору сформировать шесть тематических, характеристики которых приводятся ниже:

1 группа: «Социальные положения». В эту группу входят 152 существительных, 65 прилагательных и 85 глаголов. Приведем примеры: *euktan* – *вождь, предводитель*; *kxitu* – *враг*; *leNa'vi* – *относящийся к Народу (На'ви)*; *ramtseo si* – *играть музыку*; *inan* – *читать (напр, лес), получить информацию через ощущения*).

Продуктивность данной группы составляет 34,8 %. Главенствующее положение этой группы указывает на довольно развитую социальную иерархию, которая подчеркивается такими бытовыми вещами, как одежда: лидер клана Оматикайя, Эйтукан, носил одежду из драгоценных материалов, в отличие от простой одежды, которую носили остальные члены клана. Главный герой – Джейк Салли сначала носил минимум простой

одежды (неокрашенная набедренная повязка), но по мере обучения у На'ви он приобретал аксессуары (браслеты и ожерелья), указывающие на его ремесло и позицию в обществе. Общество На'ви палеолитическое (в некоторых источниках неолитическое) и эгалитарное, что указывает на отчасти первобытное, но в то же время продвинутое общество, с возможностью выбирать партнера и профессию, то есть иметь равенство гражданских и социальных прав. Элитными профессиями считаются охотник и воин.

Джейк Салли: «Был морпехом. Воин, клана...клана солдафонов».

Эйтукан: «Это первый воин, ходящий во сне, которого мы видим. Нужно больше узнать о нем».

Нейтири: «Чтобы стать тороньо – охотником, нужно выбрать своего икрана, а он должен выбрать тебя».

Джейк: «Цу'тэй, сын Атейо, я стою перед тобой, готовый служить народу Оматикайя».

Все вышеперечисленные реплики относятся к наделению социальной ролью или статусом кого-либо из главных героев (Джейк – человек, сноходящий воин, тороньо, один из племени Оматикайя, чужак).

2 группа: «Предметы и их характеристика». В эту группу входят 102 существительных, 40 прилагательных и 36 глаголов. Приведем примеры: *i'ep* – струнный муз. инструмент; *letokx* – телесный; *txula* – строить, сооружать; *zäft* – модифицированный, не в естественном состоянии; *'op* – форма.

Продуктивность этой группы, составляющая 20,4 %, говорит о любопытном развитии общества, которое тяготеет к временам до бронзового века и доколониальным племенам нашего времени. Несмотря на это, народ На'ви демонстрирует технологический прогресс, превышающий данные периоды: оружие (луки, арбалеты), которое было изобретено уже после IV – VI века. Часть лексикона пришла от «небесных людей» и касается технологий XXI века, так как пополняется от прямой/косвенной коммуникации с людьми-учеными и деления территории с ними. Кроме того, существует богатая ремесленная традиция, включающая демонстрацию позиции, вкусов и деятельности посредством художественного оформления тела. На'ви отличные мастера в сфере танцев, музыки и других ремесел. Существует больше 10 видов музыкальных инструментов и развиваются виды песнопений (ритуальные, детские, для охоты, личные, социальные), включая теорию музыки. Что касается инструментария для различных сфер жизни, они могли изготавливать инструменты для еды, различные виды оружия (их около 20), самый известный – двухметровый лук из древесины Дерева Дома. Луки укрепляют покрытием из костей крыльев

священных животных, а стрелы создают из травы, похожей на бамбук, накопники из вулканического стекла, покрытые нейротоксином насекомых, а оперение из крыльев насекомых. Кроме того, существует особенный нож из крылевого когтя икрана длиной около 30 см с креплением на груди, используемый для церемоний и дарения быстрой милосердной смерти подстреленному животному в целях использовать в еду «чистое мясо», также буквальную или метафорическую смерть бывшему лидеру клана с целью занять его место. *Джейк, умирающему Цу'тей (вождю): «Я не буду тебя убивать».*

Цу'тей Джейку: «Таков обычай!»

Джейк: «Вождь должен умереть. Чтобы родился новый вождь».

Нейтири после слов благодарности Джейка животному, которое он подстрелил: «Чистая добыча. Ты готов» (Готов стать частью клана).

3 группа: «Флора и фауна». В эту группу входят 108 существительных, 40 прилагательных и 24 глагола. Приведем примеры: *atokirina'* – семя священного дерева; *awaiei* – райский баниш; *syuratan* – биолюминесценция; *lerik* – густой (о листве); *'ong* – раскрываться, распускаться, цвести, процветать).

Продуктивность этой группы составляет 19,8 %. Народ На'ви почитает Мать всего живого и называет ее Эйвой (разумное божество, которое самостоятельно поддерживает баланс жизни и смерти), поэтому они живут в естественном равновесии и уважении к окружающей среде Пандоры. Эйва влияет на флору и фауну, обеспечивая их достаточным количеством пищи и кровом, воздушным транспортом и комфортной температурой в разных биомах Пандоры. Их связь с природой демонстрируется даже через отношение к убийствам животных и особую анимистическую религию, которая базируется на взаимодействии членов племени На'ви с Эйвой, Древом Голосов и Древом Душ посредством «тцхелу» – нервных волокон, покрытых волосами, заплетаемых в длинную косу: она позволяет получать доступ к нейронной сети всей Пандоры, подсоединяет животного и всадника для образования ментальной и эмоциональной связи (телепатии), позволяет «общаться» со священными местами и образовывать пару между мужчиной и женщиной. Таким образом, разум отдельного индивида и коллективный разум сообщается с разумом природы через нейронные сети по всей планете.

Нейтири: «Это твоя вина. Им не надо умирать. Ты как ребенок – делать что не знаешь, шумишь, кричишь».

Здесь демонстрируется разница в восприятии природы и живых существ человеком и членом племени На'ви, так как они не убивают ради защиты, в отличие от «небесных» людей.

Джейк: «Я пытаюсь понять глубокую связь между лесом и народом На'ви. Она говорит о потоке энергии, который пронизывает все вокруг. Говорит, что энергия дается на время и однажды придется ее вернуть».

Нейтири: «Семена священного дерева. Очень чистые души».

Так как природа наделена качествами одушевленного предмета, она является и «организмом», и религией, которую практически невозможно постигнуть человеческой расе. На 100 % это удалось только Джейку, главному герою, так как, по предположению, он не был привязан к человеческому телу и менталитету, потому что имел ограниченные физические возможности.

Джейк: «Ты увидишь наш мир. Там нет зелени. Они убили свою Мать».

Нейтири: «Великая Мать не может быть на чьей-то стороне. Она сохраняет равновесие жизни».

Нейтири: «ЭЙВА УСЛЫШАЛА!»

(При убийстве животного) «Я вижу тебя, брат. И благодарю. Твой дух уходит с Эйвой. Твое тело остается, чтобы стать частью Народа».

Даже убивая животных (потребность: еда или защита) народ На'ви очень трепетно относится ко всей дикой фауне, что выражается в речи как извинение и выказывание уважения. Представитель фауны такой же уважаемый полноценный член общества, что и представитель На'ви.

4 группа: «Металлы и военное дело». В эту группу входят 79 существительных, 21 прилагательное и 53 глагола. Приведем примеры: *raspi'* – *краги* (защитные накладки на руки и ноги для войны или стрельбы из лука); *tete* – *тупой* (о лезвии); *fngar* – *металл*; *tem* – *стрелять*; *lätxaun* – *победить в бою, завоевать*.

Продуктивность этой группы составляет 17,7 %. Главный металл, за который и развязалась война – анобтаниум, отсутствует в лексиконе клана Оматикайя, так как они не имеют интереса ни к металлу, ни его продаже и деньгам, так как главной составляющей их жизни является духовная жизнь. Именно конфликт из-за природного ресурса, переросший в войну, между На'ви и «небесными людьми» стал завязкой сюжета. На'ви имели оружие и знали основы военного дела, хотя и использовали их крайне редко, в случае конфликтов с другими кланами или животными – для охоты и очень редко для защиты. Народ На'ви не изготавливал продвинутое оружие, но владел навыками примитивного военного дела, так как существование элитной профессии «воин» доказывает, что имеется необходимость быть готовыми даже к войне, что демонстрирует монолог Нейтири о ее предке и однажды наступившем «Времени скорби», когда кланы объединились под лидерством Торука Макто.

Эйтукан: «Цу'Тэй поведет воинов».

Эйтукан: «Бери икрана, нападай сверху!»

Куоритч: «Ты уже сделал главное. Добыл мне нужные сведения об этом Дереве Души (место с залежами металла)».

Джейк: «Они не отступят и не пойдут на сделки. Они не бросят свой дом».

5 группа: «Принадлежность к расе и виду». В эту группу входят 45 существительных, 8 прилагательных и 11 глаголов. Приведем примеры: *uniltiranyu* – аватар (под контролем оператора), *сноходец*; *vrretp* – демон; *tsyal* – крыло; *kelku si* – жить, обитать; *ngiway* – вой, крик змееволка.

Продуктивность этой группы значительно ниже остальных и составляет всего 7,3 %. Низкая продуктивность данной группы объясняется тем, что во вселенной Джеймса Кэмерона небольшое разнообразие рас и племен: кланы народа На'ви и людская раса, так как действие происходит в нашей звездной системе. В дальнейшем существует возможность развития этого пласта лексики и пополнения тематической группы за счет появления новых частей франшизы. Монстров как таковых вселенная не имеет, только дикую фауну, которая, на первый взгляд, может казаться разнообразием монстров для людей, но для расы, обитающей на данной планете, это дикие или одомашненные животные.

Нейтири Джейку: «Теперь выбери себе икрана. Ты почувствуешь его. Он захочет тебя убить».

Джейк Салли: «У нас его зовут леоноптерикс».

Нейтири: «Они выбирают одного охотника и летают с ним всю свою жизнь».

Представленные отрывки показывают принадлежность к виду фауны, а также что у животных, редко – у растений, есть свобода воли, потому они являются субъектом, а не объектом выбора.

6 группа: «Восприятие». Данная тематическая группа насчитывает 30 существительных, 37 прилагательных, 25 глаголов. Продуктивность данной группы является минимальной и составляет 4,88 %. Приведем примеры: *täkxi* – нарушение гармонии; *ï'awro* – индивидуализм (негативное значение), эгоизм; *teng* – похожий, подобный (передает значение схожести, сопричастности); *tse'a* – видеть, смотреть (зрительное ощущение); *z'it* – осязать (не намеренно).

Через язык, созданный П. Фроммером, хорошо прослеживается как народ На'ви воспринимает мир, свою и чужие культуры. Большое количество прилагательных говорит о присутствии народу желаний вникнуть в суть вещей, дать объяснение и описание каждому предмету или явлению. Для них жизненно важно иметь развитое и чуткое восприятие как в плане эмоций между членами

общины, так и считывание эмоций и желаний дикой флоры и фауны. На'ви многое «видят», понимают; они имеют уникальный взгляд на вещи, например, как социолингвистический феномен: «*Oel ngati kame*» (нейтральная коннотация), «*Oel ngati kameie*» (положительная коннотация) – значит «Я тебя вижу». Значение фразы: я вижу себя твоими глазами; я тебе доверяю и чувствую единение с тобой (*kame* – означает «видеть, понимать» в духовном смысле). Использование этой фразы довольно распространено между друзьями, семьей, также это вербальное выражение уважения. Пример-объяснение цитаты «Я вижу тебя»: **«Смысл не в том, что я вижу тебя перед собой, а в том, что я вижу тебя – вижу в тебе...».**

Грейс: «Дело не только в зрительно-моторной координации. Посмотри на мир ее глазами. Пойми суть того, что она говорит».

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что лексемы тематических групп являются маркерами важнейших социальных параметров жизни обществ. Тематическая группа «Социальные положения» является самой продуктивной. С одной стороны, причина этого в том, что язык создан искусственно, поэтому важной частью лексикона является имя существительное и процесс наименования, с другой стороны, это может объясняться социолингвистическими особенностями этноса: На'ви – эгалитарное общество с социально-духовной культурой выше человеческой. Наименее продуктивная группа «Восприятие» демонстрирует рутинность того уровня сознания На'ви, который для человека является духовностью, и это доказывает наличие более высокого уровня интеллекта На'ви.

ЛИТЕРАТУРА

- Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Пилигрим, 2011. – 487 с.
- Жуйфэн Л. Тематическая группа «война» в лингвосоциокультурном аспекте: Дисс... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2014. – 172 с.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. СПб: Искусство, 1994. – 419 с.
- Моисеенко А. В., Баскова А. А. Синонимическая и тематическая лексика в искусственном языке квэнья // Культура и цивилизация. 2017. №3. – С. 102–111.
- Oostendorp M. van. Language contact and constructed languages // Handbook on Language Contact / Ed. By R. Hickey. Mouton, 2017. – P. 1–9.

Baskova, A. A.

Cherepovets State University

THEMATIC VOCABULARY IN THE ARTIFICIAL LANGUAGE NA'VI: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

The focus of this study is on the thematic vocabulary of sociolinguistic features in the artificial language Na'vi. The data consist of 1884 lexical units selected from Na'vi-Russian electronic dictionaries. These lexemes were grouped into six thematic sets: "Social status", "Objects and their characteristics", "Flora and fauna", "Military", "Belonging to race and species", "Perception". The most productive group is "Social status" (34.8 %) and the least productive is "Perception" (4.88 %).

Culture, artificial language, na'vi language, thematic group, sociolinguistic features

УДК 811

А. С. Бугаёв

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

teyomce@icloud.com

О. А. Преображенская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

mminsh@yandex.ru

СИМЛИШ: УНИКАЛЬНЫЙ ВЫМЫШЛЕННЫЙ ЯЗЫК ВСЕЛЕННОЙ THE SIMS

В статье подробно рассматривается вымышленный язык симлиш, разработанный для серии игр The Sims, история его создания и характеристические особенности. Рассматриваются также вопросы использования симлиша в музыкальном контексте и анализируется его влияния на игровое сообщество.

Вымышленные языки, искусственные языки, симлиш, гейминг, языкознание

В области созданных языков существуют две основные категории: искусственные и вымышленные языки. Несмотря на принадлежность к общей классификации, эти два типа языков обладают рядом уникальных различий, которые заслуживают отдельного рассмотрения. Искусственные языки

создаются с целью реального использования в коммуникации между людьми. Примером такого типа языка может служить хорошо известный эсперанто. Вымышленные языки, напротив, создаются для применения в художественных произведениях, таких как книги и фильмы, в видеоиграх и метавселенных и не предназначены для реального общения. Примерами вымышленных языков могут служить эльфийский язык из «Властелина колец» и симлиш из серии игр The Sims. Известны случаи, когда вымышленные языки трансформируются в искусственные [Пиперски, 2017]. Например, язык На'Ви из вселенной Джеймса Кэмерона «Аватар». По мнению некоторых лингвистов [Пиперски, 2017], данный язык стал искусственным благодаря большому количеству последователей по всему миру. Такой же сценарий представляется вполне возможным и в случае с симлиш из серии игр The Sims.

В большинстве видеоигр присутствуют вымышленные языки, которые впоследствии становятся популярными не только среди игроков, но и любителей «необычных» языков.

История создания симлиша берёт своё начало в 2000 году [Russel J., Cohn R., 2012], когда команда разработчиков игры The Sims во главе с гейм-дизайнером Уиллом Райтом решила создать оригинальный вымышленный язык, так как введение в The Sims диалогов на естественных языках существенно удорожало бы игру и заняло больше места на жёстких дисках игроков, что в итоге могло снизить ее популярность на рынке видеоигр в силу высокой стоимости проекта.

Симлиш должен был решить две существенные проблемы: необходимость перевода всех диалогов на другие естественные языки и повторяемость диалогов. Изначально симлиш должен был представлять собой смесь украинского, эстонского и языка племени навахо [Пиперски, 2017]. Когда разработчики предприняли попытки первых записей диалогов на симлише, Райт остался недовольным, отметив, что записанные диалоги напоминали простую человеческую болтовню и не вызывали какой-либо эмоциональной реакции, как было задумано. В следствие с этим было принято решение нанять актёров-импровизаторов, которые в дальнейшем и повлияли на звучание симлиша [Russel J., Cohn R., 2012].

Группа актёров часами предпринимала попытки воссоздать «цепляющую», информативную, но при этом совсем неизвестную нам речь.

Изначально язык представлял собой звуковую импровизацию, и в значительной мере не содержал слова с однозначными смыслами, то есть создатели стремились предоставить игроку возможность самостоятельного

построения воображаемой беседы между героями игры. Такой подход также был призван обеспечить интернациональный имидж игры и тем самым стимулировать интерес игрового сообщества при релизе игры.

С научной точки зрения Симлиш нельзя назвать языком, так как он не имеет уровневости, характерной для естественных языков (фонетический, морфологический, лексический и синтаксический уровни). Также в языке отсутствуют части речи, времена и другие составляющие языковой системы. Однако это обстоятельство не стало препятствием для его эволюции и распространения не только в среде геймеров, но и в других социальных группах.

Как известно, языкам требуются поколения, чтобы превратиться из грубых вербальных ассоциаций в модели общения, а затем и в язык жестов [Пиперски, 2017]. Для достижения уровня модели общения The Sims потребовалось всего около шести месяцев. Если в игре The Sims были односложные диалоги, малое количество тем для разговоров между персонажами (так называемыми симами), странное звукоподражание, то в следующем проекте "The Sims Bustin' Out" язык был в значительной доработан и стал звучать более естественно, сохраняя при этом свою своеобразие. Стоит отметить, что для данной игры был составлен словарь и разработаны базовые правила синтаксиса, а с участием профессиональных актёров было озвучено более 4000 фраз, что в дальнейшем благоприятно сказалось на других частях игры The Sims. Через некоторое время в игре появляется собственный алфавит, что лишь приблизило данный вымышленный язык к статусу искусственных языков, так как облегчает процесс обучения для групп энтузиастов.

Симлиш	Латиница	Кириллица	Симлиш	Латиница	Кириллица	Симлиш	Латиница	Кириллица
А	Aa	Аа	І	Ii	Ии	Ъ	Rr	Рр
В	Vv	Вв	Ї	Ej	Дж (диграф)	Б	Ss	Сс
С	Cc	Цц	Љ	Ll	Лл	Г	Tt	Тт
Д	Dd	Дд	К	Kk	Кк	П	Uu	Уу
Э	Ee	Ее	U	Mm	Мм	Ч	Vv	Вв
А	Ff	Фф	П	Nn	Нн	W	Ww	Вв (глубокая)
В	Gg	Гг	Δ	Pp	Пп	У	Yy	Уу
Н	Hh	Хх	Ψ	Qq	Кью	З	Zz	Зз

Таблица №1. Алфавит Симлиш [Russel J., Cohn R., 2012]

Алфавит языка симлиш представляет собой некое подобие латинского алфавита с отдельными элементами, взятыми из греческого и арабского алфавитов. Изначально разработчики игры использовали изображения вместо символов, если хотели что-то передать в беседах героев, но уже через несколько лет после беспроигрышного дебюта игры *The Sims* создатели решили добавлять тексты на симлише для реалистичности вымышленного мира. Начиная с *The Sims 3*, тексты на симлише стали иметь более привычную форму для обычных игроков и символы начали обозначать определённые звуки.

Выбор использования вымышленного языка в качестве средства общения и отсутствие какого-либо перевода или интерпретации побуждают игроков больше концентрироваться на игре. Так, вместо того чтобы оценивать, что делает или говорит каждый персонаж *The Sims*, игроки стараются приложить больше усилий, чтобы соотнести фонетические звуки с соответствующими действиями на экране. В процессе знакомства с игрой у игроков возникают ассоциации между звуками симлиш и различными моделируемыми на экране действиями, поэтому вполне вероятно, что отсутствие смысла в данном языке может оказаться не недостатком. Возможности для развития знаний и понимания симлиш каждым игроком предоставляют интересный игровой опыт в отличие от строгих и монотонных игровых процессов, возникающих в результате типичного процесса перевода тех или иных фраз персонажей игры.

Язык, специфичный для игры, имел решающее значение для первых планов автора относительно вселенной *Sims*. Симам приходилось общаться друг с другом и с игроком так, чтобы достигалось понимание. Но Райт оставался непреклонен в вопросе «отделения» симлиша от существующих в мире языков. Словарный запас должен был представлять собой всего несколько слов, чтобы игроки могли чувствовать свободу интерпретации и воспроизводить собственные воображаемые разговоры между своими персонажами.

Важно отметить, что несмотря на то, что симлиш не является структурированным языком, в нем есть несколько правил произношения. Количество согласных звуков, следуемых друг за другом, в симлише строго ограничено двумя, в то время как в английском языке, например, допускается присутствие трех согласных звуков подряд ("strong" [strɒŋ]). Также в симлише некоторые гласные могут дифтонгизироваться. Например, [e] может превратиться в [ei], а [o] — в [oo] [Russel J., Cohn R., 2012].

Слово	Перевод	Слово	Перевод
Sul sul	Привет/пока	Mik/Mak/Мака	1/2/3
Chumcha	Пицца/китайская еда	Wabadebadoo	Я горю
Sperk	Говорить	Zep tor maboo	Помогите! Тут пожар!
Nooboo	Ребёнок	Fruby	Пятница
Vous	Ты	Gronk	Не счастлив/школа
Plees, dag vous neenle aws	Что делаешь	Neeba zow	Ты мне нужен сейчас же
Zo hungwah	Очень голодный	Dwam	Ругательство
Kik	Поцелуй	Jadosi	Мне это нравится
Mik Up	Макияж	Dag dag	Привет/пока

Таблица №2. Краткий словарь Симлиш
[Russel J., Cohn R., 2012; UrbanDictionary]

Одним из наиболее интересных аспектов языка симлиш является уровень эмоциональной экспрессии, которую можно передать не только благодаря высокому качеству озвучивания персонажей, но и благодаря музыке. Разработчики игры не только создали новый язык, но пошли дальше и использовали его для создания музыкального контента. Они пригласили профессиональных музыкантов и группы, для записи композиций на симлише. Это было сделано не для развлечения, но и с целью углубить игровой опыт, создавая атмосферу, которая полностью уникальна для мира The Sims.

Результатом стало создание уникальных музыкальных произведений, который добавил игре дополнительные черты оригинальности. Это помогло The Sims выделиться среди других игр и создать свою уникальную атмосферу. Симлиш с его музыкальной составляющей стал важной частью игрового опыта, делая мир The Sims еще более ярким и неповторимым. Одними из участников записи своих песен на язык симлиш были такие исполнители как Depeche Mode, Nelly Furtado, Ранетки, Charli XCX, Girl In Red, Paramore и многие другие известные группы, певцы и музыканты.

В рассматриваемом языке нет строгих грамматических и синтаксических правил [Russel J., Cohn R., 2012]. Такая свобода привлекает разных музыкантов к включению симлиш-музыки в свои произведения. Некоторые исполнители (Black Eyed Peas; Katy Perry) записали полноценные альбомы на языке симлиш.

В заключение можно утверждать, что симлиш, несмотря на отсутствие стандартной структуры и семантической нагрузки, играет значительную роль в контексте игрового процесса *The Sims*. Этот вымышленный язык обогащает игровой опыт, позволяя игрокам участвовать в моделировании диалогов и ассоциаций. Достигнутый уровень эмоциональной экспрессии и использование симлиша в музыкальном контексте делают его неотъемлемым элементом игровой вселенной. Несмотря на отсутствие структурированной грамматики и словаря, симлиш оказывает заметное влияние на игровое сообщество, привлекая внимание не только геймеров, но и широкой общественности, включая музыкантов и лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

Пиперски А. Ч. Конструирование языков. М.: Альпина нонфикшн, 2017. 210 с.

Russel J., Cohn R. Simlish. 2012. 77 с.

Онлайн словарь Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 10.02.2024).

Bugayov, A. S.; Preobrazhenskaya, O. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

SIMLISH: THE UNIQUE FICTIONAL LANGUAGE OF THE SIMS UNIVERSE

The article examines in detail the fictional language Simlish, developed for the The Sims series of games, the history of its creation and characteristic features. The use of Simlish in a musical context is also discussed and its impact on the gaming community is analyzed.

Fictional languages, artificial languages, Simlish, gaming, linguistics

УДК 81`38

А. В. Кокколо

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

lezhts@yandex.ru

И. В. Зайцева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

gumfa@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИЁМА АЛЛИТЕРАЦИИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ РЭПЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ EMINEM)

В данной статье рассматривается стилистический приём аллитерации в современных музыкальных произведениях, в частности его использование известным рэпером Эминемом, в творчестве которого данный приём играет ключевую роль в создании ритма текста и эмоционального воздействия на слушателя. Авторы приходят к выводу о том, что аллитерация, применяемая как эффективный стилистический приём, занимает центральное место в формировании ритма и эмоциональной нагрузки в музыке, в частности, в рэпе, обогащая тексты глубиной и экспрессией.

Аллитерация, стилистический приём, рэп-тексты, начальная рифма, ритм, современная музыка

В нашем мире, где музыка и слова сливаются вместе, создавая сильные эмоциональные впечатления, стилистический прием аллитерации занимает особое место: является одним из наиболее эффективных приемов в рэп-текстах и соединяет прошлое и настоящее существование ритмических особенностей стихотворных текстов.

Аллитерация, или начальная рифма, — это искусство использования повторения согласных звуков в начале слов в поэзии. Этот прием имеет древнюю историю и встречается в многих культурах и жанрах. Однако его особое применение в рэп-музыке открывает новые горизонты и возможности.

Использование аллитерации не только подчёркивает ритмичность произведения, но и придает ему определенное звучание, усиливает эмоциональное воздействие на слушателя. В рэпе аллитерация играет важную роль, позволяя авторам глубже выразить свои мысли и передать эмоции в более глубокой и вдумчивой манере, способствуя тем самым созданию эффектных и запоминающихся строк.

Аллитерационный стих представляет собой уникальную поэтическую форму, которая была весьма популярна в древнегерманском искусстве стихосложения: сначала в жанре эпоса, потом в скальдических песнях и в эддической литературе в целом. Эта форма широко использовалась в литературе различных культур, включая англо-саксонскую, древневерхненемецкую и древнеисландскую, начиная с VIII века и до середины XIII века [Литературная энциклопедия].

Строение аллитерационного стиха поражает структурированностью и строгостью реализации правил. Каждая строка формы состоит из четырёх ударных слогов и делится на две части паузой, или цезурой. В каждой из этих двух частей имеется два основных ритмических ударения, при этом количество слабых (безударных) слогов в каждой части может варьироваться [Жирмунский, 1923].

Одной из ключевых особенностей аллитерационного стиха является то, что вторая часть каждой строки обязательно повторяет (аллитерирует) согласные звуки, стоящие перед первым (а иногда и перед вторым) ударением первой части строки. Этот повтор, или аллитерация, играет критически важную роль в организации ритма древнегерманского стиха. Она представляет собой одну из форм начальной рифмы, известной как "Stabreim", и является одним из определяющих элементов его ритмической структуры [Sievers, 1893, с. 291–294].

Со временем аллитерационный стих становится менее популярным, и был постепенно заменяется стихом с конечной рифмой. Впервые этот переход зафиксирован в творчестве Отфрида Вейсенбургского в IX веке, открыв, таким образом, новую эру в истории поэзии [Heusler, 1894, с. 127].

В отдельных случаях, аллитерация может включать согласные, которые не полностью идентичны, но имеют в своем составе схожий звук. Например, в древнеанглийском языке, звуки /g/ и /g̊/ могут заменять друг друга в аллитерационных парах. Это обусловлено тем, что они, несмотря на некоторые произносительные различия, имеют схожее звучание.

gār — [gār] копье (нем. Ger) и gēar — [g'æar/jæar] год (англ. year, нем. Jahr) в первом стихе Песни о Беовульфе:

"Hwæt wē gār-dēna in gēar-dāgum..."

«Как мы копыеносных датчан в былые дни...»

(gēar-dagas — 'годов дни', 'былые дни').

Существуют также такие фонестемы, как **sp**, **st**, **sk** (**sc**), которые в контексте аллитерации представляют собой неделимые элементы. Это означает, что

каждое такое сочетание повторяется целиком и вступает в процессы аллитерации друг с другом. В этом случае они не вступают в аллитерацию с другими согласными или их сочетаниями:

"Scēotend Scýldinȝa tō scýpon féredon"

«Стрелки Скильдингов на корабли переправили» [Bilingual Beowulf].

С другой стороны, аллитерация может включать все гласные, которые могут создавать в аллитерационные пары друг с другом. Возможно, это связано с тем, что гласные в начале ударного слога имеют особое звуковое воздействие, связанное с гортанным взрывом. Этот звуковой эффект, собственно, и создает аллитерацию:

"áþele órdrùma Écȝþèow háten"

«благородный предводитель, Эгътеов по имени» [Bilingual Beowulf].

В четырехсложном стихе аллитерация может охватывать от 2 до 3 слогов. В первой половине стиха аллитерация может приходиться либо на один, либо на оба ударных слога. Во второй половине стиха, обычно аллитерации подвергается только один слог – первый ударный слог в этой половине стиха. Это особенность структуры стиха и правил аллитерации.

Авторами отмечено, что в современных текстах рэп-исполнителей часто проявляется приём аллитерационного стиха. Эминем известен своим уникальным стилем написания текстов, который включает использование сложных рифм и стилистических приемов. Один из таких приемов – аллитерация. Эминем мастерски владеет им, что делает его творчество идеальным материалом для изучения аллитерации в современном музыкальном жанре рэпа.

Более того, тексты Эминема часто характеризуются сложными рифмовыми структурами и многослойными смыслами, что делает их богатым источником для анализа. Изучение его текстов позволит не только изучить сегодняшнее воплощение аллитерации, но и увидеть, как она взаимодействует с другими стилистическими приемами и как она используется для создания определенных эффектов и смысла.

Рассмотрим некоторые примеры:

(1) *"F**k around get choked and found in a moat floatin' around drowned face-down in a boat"* (Trife Thieves).

Помимо многосложных внутренних рифм, которые здесь есть (*"round and git choked"*, *"found in a moat"*, *"down in a boat"*), в этой строчке одновременно присутствуют 6 аллитерационных рисунков на следующих звуках:

*F (f**k, found, floatin', face)*

*K (f*ck, choked)*

D (around, and, and, choked, found, around, drowned, down)

N (around, and, and, found, in, floatin', around, drowned, down, in)

T (get, moat, floatin', boat)

R (around, around, drowned)

Фактически единственными согласными звуками в этой строке, которые не являются частью аллитерации, оказываются /g/ в *get*”, /tʃ/ в *choked*”, /m/ в *“moat”*, /s/ в *face*” и /b/ в *boat*”.

(2) *“Some vodka that’ll jumpstart my heart quicker than a shock when I get shocked at the hospital by the doctor when I’m not cooperating when I’m rocking the table while he’s operating”* (Without me).

Звук /o/ повторяется несколько раз в этой строке, создавая ритмический узор, который придает тексту ритмичность. Повторение звука также помогает акцентировать внимание слушателя на определенных словах и фразах, усиливая их влияние.

Аллитерация помогает Эминему выразить и передать свое сообщение более эффективно, благодаря чему текст становится более запоминающимся для слушателя.

(3) *“But I kept rhymin’ and stepwritin’ the next cipher/*

Best believe somebody’s payin’ the pied piper” (Lose Yourself).

(4) *“I can hear the drummer drumming/*

And the trumpets, someone’s tryna summon someone, I know something’s coming” (Kings Never Die).

(5) *“Supplyin’ smoke, got the fire stoked/*

Say you got me in a scope, but you grazed me” (Killshot).

Представленные отрывки иллюстрируют разнообразие вариантов использования исследуемого приёма.

“ В песне Lose Yourself”, Эминем применяет аллитерацию на звуки /b/ и /p/, придавая тексту особую ритмичность, усиливая бит и делая песню более запоминающейся. Это также позволяет усилить акцент на теме песни – борьбе и упорстве в достижении своей цели, музыкального успеха.

“ В песне Kings Never Die”, присутствует аллитерация на звук /s/. Использование этого звука создает ощущение некой тревоги и напряженности. Это чувство полностью соответствует общему настроению песни, которое пронизано борьбой и стремлением к выживанию. Аллитерация на /s/ в данном случае подчёркивает и усиливает эмоциональное воздействие песни. Всё это подчёркивает главную тему песни о борьбе, выживании и бессмертии искусства.

Особенно актуальной эта тема представляется в контексте творческой биографии автора, где искусство становится способом противостоять времени и забвению.

“В песне Killshot”, аллитерация на звук /s/ используется для создания ощущения агрессии и наступательности. Эминем использует эту песню как платформу для ответа на атаки своих критиков, и аллитерация на звук /s/ усиливает эту идею, подчеркивая свое агрессивное и решительное отношение к критике. Этот прием помогает подчеркнуть общую тему песни, которая связана с отстаиванием своих взглядов и уверенностью в правоте своих решений.

Анализ представленного в статье материала убедительно показывает, что аллитерация, представляя собой мощный стилистический приём, широко используемый в музыкальной индустрии, особенно в рэп-музыке, играет ключевую роль в создании ритма, усилении эмоционального воздействия и придания тексту содержательной глубины.

В работах таких рэп-исполнителей, как Эминем аллитерация часто «эксплуатирует» конкретные звуки, добавляя текстам сложности и философской глубины, усиливая выразительность и неповторимость. Таким образом, становится очевидным, что аллитерация, обладая огромным стилистическим потенциалом, универсальностью и «гибкостью», может быть успешно применена не только в традиционной поэзии и литературе, но и в различных жанрах современной музыки.

ЛИТЕРАТУРА

- Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. Вопросы поэтики: Вып. III. Пг.: Academia, 1923. 342 с.
- Литературная энциклопедия. В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. 1929 – 1939. URL: <https://rus-literature-enc.slovaronline.com/> (дата обращения: 18.03.2024).
- Тексты песен. URL: <https://www.azlyrics.com/> (дата обращения: 18.03.2024).
- Heusler A. Ueber germanischen Versbau. Berlin, Weidmann, 1894. 139 S.
- Sievers Ed. Altgermanische Verslehre. Tübingen: Niemeyer, 1893. 216 S.
- Bilingual Beowulf. URL: <https://www.mit.edu/~jrisling/webres/beowulf.pdf> (дата обращения: 18.03.2014).

Kakola, H.; Zaytseva, I. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

**APPLICATION OF THE ALLITERATION TECHNIQUE IN THE LYRICS
OF MODERN AMERICAN RAPPERS
(ON THE EXAMPLE OF EMINEM'S LYRICS)**

This article examines the stylistic device of alliteration in modern musical works, in particular its use by the famous rapper Eminem, in whose work this device plays a key role in creating the rhythm of the text and emotional impact on the listener. The authors conclude that alliteration, used as an effective stylistic device, takes a central place in the formation of rhythm and emotional load in music, particularly in rap, enriching the texts with depth and expression.

Alliteration, stylistic device, rap lyrics, initial rhyme, rhythm, contemporary music

УДК 81'373.6

Г. К. Петренко

ORCID 0000-0003-3616-427X

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

komrad-georgy2010@yandex.ru

**ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА «КВАРК» В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ
АСПЕКТЕ**

Рассматривается этимология термина физики «кварк», введённого для обозначения фундаментальных частиц. Выявляются литературные истоки термина и неожиданные этимологические параллели в славянских языках. Высказывается предположение о том, что этимологический путь слова «кварк» может рассматриваться как закономерный и наполненный мировоззренческим смыслом.

Этимология, физика, фундаментальные частицы, кварк, этимологические параллели

Этимология нередко открывает нам удивительную судьбу как отдельных лексем, так и целых словообразовательных гнёзд, и даже лексико-семантических групп. Зачастую семантические сдвиги можно проследить и подтвердить подобными сдвигами в других, в том числе родственных языках. Фонетические изменения нередко удаётся объяснить благодаря знанию диахронических

фонетических законов. Однако некоторые случаи, в силу их сложности и неожиданности, следует рассматривать не только в русле этимологии, но и с привлечением более обширной экстралингвистической историко-культурной базы.

Обратимся прежде всего к определению термина «кварк». В словаре иностранных слов Н. Г. Комлева [Комлев, 2006] термину *кварк* дается следующее определение: «кварк – гипотетическая элементарная частица материи». В толковом словаре иностранных слов Л. П. Крысина [Крысин, 1998] *кварк* трактуется как «гипотетическая частица с дробным электрическим зарядом, которая, возможно, входит в состав элементарных частиц, участвующих в сильных взаимодействиях». Подобным образом определяется кварк и в этимологическом словаре *etymonline.com*: «гипотетическая субатомная частица, обладающая дробным зарядом» [Online Etymology Dictionary].

Отметим, что «гипотетичность» существования кварков является в данном определении несколько устаревшей характеристикой, поскольку ряд физических экспериментов, проведённых уже после введения понятия, на тот момент служившего в качестве объяснительной гипотезы, подтвердил реальное существование таких частиц [Bloom et al., 1969; Breidenbach et al., 1969; Carithers et al., 1995]. Попытки выстроить современную модель атома без кварков противоречат данным этих экспериментов, поэтому закономерным представляется признание кварковой модели физическим сообществом в 1976 году [Левин, 2014].

Согласно соответствующей статье энциклопедии «Британника», *кварк* – частица, принадлежащая к группе субатомных частиц, между которыми осуществляется сильное взаимодействие. Кварки считаются неделимыми, то есть не имеющими очевидной структуры, и являются одной из фундаментальных составляющих вещества. Кварки объединяются друг с другом, образуя протоны и нейтроны, подобно тому, как последние объединяются, образуя атомные ядра [Encyclopaedia Britannica]. Данное определение выглядит наиболее полным и адекватным современному научному знанию.

Термин «кварк» с лингвистической точки зрения привлекает своей непрозрачностью внутренней формы, невозможностью моментальной этимологизации до широко распространённых в научной терминологии корней греко-латинского фонда.

Лексема «кварк» в основных этимологических словарях русского языка не встречается [Этимологические онлайн-словари русского языка]. Однако некоторые сведения о её этимологии можно почерпнуть из ранее упомянутых выше словарей Н. Г. Комлева [2006] и Л. П. Крысина [1998]. В первом приведён такой комментарий «от англ. *quark* – слово якобы из романа Дж. Джойса «Поминокпо Финнегану». Чуть более уверенно о происхождении лексемы

говорится во втором словаре: «англ. *quark* – название заимствовано амер. Физиком М. Гелл-Маном из романа Дж. Джойса «Поминки по Финнегану», где означало нечто неопределенное, мистическое».

Почему же именно данный термин, вопреки традиции, был выбран в качестве обозначения столь основополагающей частицы? Был ли этот выбор обусловлен желанием М. Гелл-Мана обратить внимание на необычность описываемого им объекта? И почему столь неуверенно говорят и о частице, и о происхождении рассматриваемого термина русскоязычные словари? Приведем более подробную этимологическую и историческую справку по термину кварк из англоязычных источников.

Итак, по этимологическому онлайн-словарю английского языка (Online Etymology Dictionary) термин «кварк» введён в 1964 году американским физиком Марри (Мюрреем) Гелл-Маном (1929–2019). В качестве альтернативного названия для частицы другой американский физик Джордж Цвейг, выдвинувший гипотезу о существовании кварков независимо от Гелл-Мана в том же году, предлагал «туз» (*ace*) [Online Etymology Dictionary]. По предположению Цвейга, «тузов» было 4, что метафорически соответствовало числу мастей в картах. Однако по неясным причинам термин Цвейга в итоге не прижился, а несколько позднее выяснилось, что видов кварков шесть.

В 1978 году, уже по признанию кварка научным сообществом, М. Гелл-Ман в переписке с издателями Оксфордского словаря английского языка (Oxford English Dictionary, OED), сообщает, что слово «кварк» взято из наиболее загадочного и экспериментального романа Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану» (1939) и что, однако, звуковая форма термина уже сформировалась в голове учёного до встречи с соответствующим словом в книге Джойса [Online Etymology Dictionary].

В книге самого М. Гелл-Мана «Кварк и ягуар» можно обнаружить немаловажные пояснения на счёт выбора звуковой и графической формы для термина [Gell-Mann, 1994]. Упредительно заметим, что по-английски сочетание *qua*, как правило, произносится «кво», и исключением не является и термин физики, произносящийся, как минимум, в американском английском «кворк» [Cambridge Dictionary; Meriam-Webster Dictionary].

Итак, Гелл-Ман пишет: «В 1963 году, когда я присвоил название «кварк» фундаментальным составляющим нуклона, у меня сначала был звук без написания, и слово могло звучать «кворк». Затем, когда я в очередной раз изучал «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса, я наткнулся на слово «кварк» во фразе «Три кварка для Мистера Марка». Поскольку «кварк» (что означает, с одной стороны, крик чайки) явно должен был рифмоваться с «Марком», а

также со словом «лаять» (*bark* – примеч. автора) и другими подобными словами, мне пришлось искать предлог, чтобы произнести его как «кворк». Но роман представляет собой сон трактирщика по имени Хамфри Чимпден Эрви-кер. Слова в тексте, как правило, взяты из нескольких источников одновременно, как, например, словослияния в «Алисе в Зазеркалье» (как многие неологизмы в стихотворении «Бармаглот» и др. – примеч. автора). Время от времени в книге встречаются фразы, которые частично продиктованы заказом напитков в баре. Поэтому я предположил, что, возможно, одним из многочисленных источников выкрика «Три кварка для Мистера Марка» может быть «Три квартиры за мистера Марка», и, в таком случае, произношение «кворк» было бы в некоторой степени оправданным. Так или иначе, число три идеально подходило к тому, каким образом кварки встречаются в природе» (перевод автора статьи) [Gell-Mann, 1994, с. 180–181].

Последнее утверждение Гелл-Мана о числе 3 требует пояснения, которое автор и приводит в следующей двух абзацах. Учёный разъясняет, что и протон, и нейтрон состоят из трёх кварков с зарядами $2/3$, $2/3$ и $-1/3$ для протона, и $-1/3$, $-1/3$ и $2/3$ для нейтрона. Кроме того, у кварков есть другое важное свойство для наглядности названное «цветом», и данных «цветов» тоже три – красный, синий и зелёный, что соответствует базовым цветам для восприятия света человеком. По Гелл-Мановской метафоре и протон, и нейтрон таким образом должны быть белыми [Gell-Mann, 1994].

Итак, становится очевидным, что звуковая форма Гелл-Маном введена, как будто, довольно произвольно, однако физик упорно отстаивает её, и, уже найдя соответствующую графическую форму, ищет оправдания задуманному ранее произношению. Однако, нельзя оставить без внимания и источник вдохновения для графической формы термина, возможно послуживший Гелл-Ману и некоторой психологической поддержкой в выборе фонетической формы. К тому же, необходимо проверить, верно ли утверждение физика о значении *quark* у Джеймса Джойса.

Приведём чуть более развёрнутую цитату из книги Джойса 1939 года «Поминки по Финнегану» со строчкой «Три кварка для мистера Марка»:

*Three quarks for Muster Mark!
Sure he hasn't got much of a bark
And sure any he has it's all beside the mark.
But O, Wreneagle Almighty, wouldn't un be a sky of a lark
To see that old buzzard whooping about for uns shirt in the dark
And he hunting round for uns speckled trousers around by Palmer-stown Park?
Hohohoho, moulty Mark!*

*You're the rummest old rooster ever flopped out of a Noah's ark
And you think you're cock of the wark.
Fowls, up! Tristy's the spry young spark
That'll tread her and wed her and bed her and red her
Without ever winking the tail of a feather
And that's how that chap's going to make his money and mark!*
[Joyce, 2021, с.220]

С одной стороны версия, что слово «кварк» у Джойса – это устаревшее английское звукоподражательное слово, означающее «каркать» отчасти подтверждается как самим Гелл-Маном (хотя, как видно выше, учёный скорее воспринял лексему как крик чайки), так и словарём American Heritage [American Heritage Dictionary] и даже известным исследователем творчества Джойса, Л. Криспи [Crispi L., Slotte S., 2007]. Прочитанные выше строки о птичьем хоре в последних двух источниках трактуются как насмехательство над обманутым королем Корнуолла Марком в легенде о Тристане и Изольде. Более того, странное на первый взгляд написание «Мустер» обыгрывается в следующем после стихотворения абзаце: «Трустан и Узольда» [Joyce, 2021, с. 220].

Тем не менее, данную версию нельзя считать стопроцентно убедительной. В немецкоязычных странах широко распространено полулегендарное предположение, что Джойс мог включить это слово в свой лексикон, находясь в одной из них, и что интересующая нас первая строка из «песенки-дразнилки» могла быть парафразом рыночного рекламного слогана “Drei Mark für Musterquark” – «Три марки за образцовый творог» [Fritzsche, 2007; Leutwyler, 2014].

Такая аналогия могла бы показаться поверхностной и надуманной, если бы не некоторые обстоятельства биографии и особенности творчества Дж. Джойса: во-первых, большую часть жизни он провёл, живя в немецкоязычных странах или путешествуя по ним; во-вторых, автор очевидно активно и намеренно использует немецкие лексемы в «Поминках по Финнегану» (в стихотворении на себя обращает внимание ещё и *uns*); наконец, Джойс известен своей сложнейшей игрой смыслов и звуков, переименованием слов и изречений и активным использованием аллюзий на других авторов.

Наиболее убедительно немецкое происхождение слова «кварк» у Джойса доказывает почётный профессор Стенфордского университета, экс-президент Международной ассоциации сравнительного литературоведения и исследователь творчества писателя Дж. Е. П. Джилеспи. В начале своей статьи «Почему Джойс в ответе и не в ответе за кварк в современной физике» он подходит к вопросу лингвистически и обращает внимание и на насыщенность «Поминок»

немецкими словами, и на то, что слова «кварк» до Джойса в английском языке не существовало [Gillespi, 2010].

Проведённая автором настоящего исследования небольшая экспериментальная проверка не позволяет полностью согласиться с последним утверждением, однако показывает, что слово *quark* (в значении «каркать» или «кричать» применительно к птицам), вероятно, было весьма редким. Так, данная лексема не встречается ни разу до 60–70-х гг. XX вв. ни в одном из общедоступных исторических корпусов английского с сайта english-corpora.org (Corpus of Historical American English, Hansard Corpus, Early English Books Online) [Davies, 2008]. Её так же нет в словаре С. Джонсона и Дж. Вокера [Johnson, Walker, 1828], в котором присутствует ближайшее по смыслу *croak*. В сервисе Google Ngram Viewer, который позволяет найти первоисточники с годом публикации соответствующей книги из коллекции Google Books, удалось найти несколько примеров за XIX в. Подавляющее большинство примеров содержится в англо-немецких и немецко-английских словарях. Тем не менее, иногда слово встречается как обозначение карканья ворон, криков морских птиц, криканья уток [Google Ngram Viewer; Notes and Queries, 1871 и др.].

Представляется, аргументы, представленные проф. Джилеспи выглядят более убедительно. Он отмечает, что Джойс всегда претендовал на место в ряду величайших писателей, заочно полемизировал с Данте, В. Шекспиром и Гёте, и даже завидовал их успеху. Исследователь утверждает, что Джойс позволяет себе насмешки над великими предшественниками, а также скрыто, неявно, не превращаясь в их последователя, отсылает к их произведениям. «Это стремление приводит к творческому присвоению, то есть поиску способа вписать (в своё произведение – примеч. авт.) ключевые знаки, связывающие с другими авторами, а не свидетельствовать о своём раболепстве, имитируя этих авторов» [Gillespi, 2010, с. 23].

Так, Джилеспи обращает внимание на появление упоминания басни о кузнечике и муравье незадолго до, и рассказа о кузнечике (правда в написании Gracchoper) – вскоре после процитированного выше стихотворения в тексте «Поминок по Финнегану». Кузнечик, по мнению учёного, совершенно не случаен, так как он отсылает к «Фаусту» Гёте – произведению мирового масштаба, которое на рубеже веков всё ещё активно изучалось и обсуждалось современниками Джойса. Кузнечик, по мнению исследователя, является аллюзией на эпизод, когда Мефистофель подшучивает над Богом, говоря, что люди подобны цикадам, которые прыгают к небесам, но, подобно Икару, падают носом в... *Quark* – что по-немецки означает «творог» или переносно «чепуха, ерунда» [Gillespi, 2010].

Таким образом, Джилеспи рассматривает лексему *quark* как один из важных элементов выстраивания зашифрованной аллюзии, а саму аллюзию – как свидетельство желания честолюбивого ирландского писателя стать в один ряд с мэтром немецкой литературы.

Вполне вероятно, учитывая всю криптографическую сложность и многослойность текстов Джойса, что и трактовка Джилеспи, выступающего за немецкое происхождение лексемы, и мнение Криспи и других исследователей, считающих *кварк* исконно английским звукоподражательным словом, и даже прочтение Гелл-Мана, проводящего аналогию с *quart* – верны, так как Джойс легко мог вкладывать целый ряд смыслов в одно слово. Как минимум, каждая из трактовок аргументирована и не может быть проигнорирована.

Что интересно, в биографии Марри Гелл-Мана отмечается факт его происхождения из семьи мигрантов из Австро-Венгрии [Brockman, 2003], то есть слово *Quark* могло даже звучать в доме будущего учёного задолго до того, как он посвятил себя физике.

Однако, этимологическое расследование всё ещё нельзя считать окончательным, не ответив на вопрос о происхождении и значении слова *Quark* в немецком языке. Попадание данной лексемы в значении «творог» в немецкий язык из западнославянских языков не ставится под сомнение (ср. чеш. *tvaroh*, польск. *twaróg* — «творог») [Иванов, 2002; Duden Etymologie: Herkunftswörterbuch, 1989].

Но всё ли так очевидно со словом «творог» в славянских языках? Портал etymonline.com однозначно возводит лексему к церковнославянского *tvarogi* к суффиксальной форме от праиндоевропейского корня **teue* – «набухать», к которой также возводят греческое *tyros* «сыр» [Online Etymology Dictionary]. В этимологических словарях русского языка (М. Фасмера, Н. Г. Крылова, Л. В. Успенского, Н. М. Шанского) эта точка зрения в целом поддерживается [Этимологические онлайн-словари русского языка]. М. Фасмер, ссылаясь на многих предшественников, включая Р. О. Якобсона, склоняется к похожему мнению, связывая *творог* в одно этимологическое гнездо с *твор*, *творить*, *тварь* и прилагательным *твёрдый* [Фасмер].

Конечно, этимология не точная наука, однако, когда налицо и объяснимое регулярными чередованиями и падением редуцированных фонетическое сходство и связь смыслов (*творить* – делать *твёрдым* – *творог* как твердеющие, возникающие из жидкости частицы свернувшегося молока), такую этимологию следует считать достоверной.

Можно сделать вполне закономерный вывод, что название частицы, образующей ядра атомов всего сущего, с большой долей вероятности может

быть связано с русским глаголом «творить» и существительным «твёрдый». И уж не с небесной ли твердью, о которой говорится в Гл. 1 библейского Бытия, этимологически связанным оказывается *кварк*? И как не вмешательством Бога объяснить, что обычно материалистически мыслящие физики избрали в качестве основополагающего термина столь креационистское слово, сами не подозревая о той длинной цепочке метаморфоз, которое оно претерпело?

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов В. В. Ранние коптские заимствования в славянском // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 57–58.
- Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. Москва: Эксмо, 2006.
- Левин А. Кваркам – полвека. // «Троицкий вариант». 2014. №11(155). URL: https://old.elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432333/_Kvarkam_polveka (дата обращения 20.03.2024).
- Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М: Русский язык, 1998.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения 20.03.2024).
- Этимологические онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/> (дата обращения 20.03.2024).
- American Heritage Dictionary. URL: <https://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=quark> (дата обращения 20.03.2024).
- Bloom, D, Coward D. H. et al. High-Energy Inelastic e–p Scattering at 6° and 10°. // Phys. Rev. Lett. 1969. № 23, p. 930. <https://journals.aps.org/prl/abstract/10.1103/PhysRevLett.23,930> (дата обращения 20.03.2024).
- Breidenbach, M., Friedman, J.I. et al. Observed Behavior of Highly Inelastic Electron-Proton Scattering. // Physical Review Letters. 1969. № 23, pp. 935-939. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/OBSERVED-BEHAVIOR-OF-HIGHLY-INELASTIC-SCATTERING-Breidenbach-Friedman/ecc95dcb1ac1f8b0283cdf8c0a783eb24db3f01e> (дата обращения 20.03.2024).
- Brockman, J. The Making of a Physicist: A talk with Murray Gell-Mann. Edge Foundation, Inc., 2003. // URL: https://www.edge.org/conversation/murray_gell_mann-the-making-of-a-physicist (дата обращения 20.03.2024).
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/quark> (дата обращения 20.03.2024).
- Carithers, B., Grannis B. Discovery of the Top Quark. 1995. URL: <https://www.slac.stanford.edu/pubs/beamline/25/3/25-3-carithers.pdf> (дата обращения 20.03.2024).
- Crispi, L., Slote, S. How Joyce Wrote Finnegans Wake. A Chapter-by-Chapter Genetic Guide. University of Wisconsin Press, 2007.
- Davies, M. English Corpora. 2008. URL: <https://www.english-corpora.org/> (дата обращения 20.03.2024).
- Duden Etymologie: Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache, 2 Ausgabe. / von Drosdowski G. Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989.

- Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/science/quark> (дата обращения 20.03.2024).
- Fritzsch, H. Das absolut Unveränderliche. Die letzten Rätsel der Physik. Piper Verlag, 2007.
- Gell-Mann, M. The Quark and the Jaguar: Adventures in the Simple and the Complex. 1995. URL: <https://archive.org/details/quarkjaguar00gell> (дата обращения 20.03.2024).
- Gillespie, G. E. P. Why Joyce Is and Is Not Responsible for the Quark in Contemporary Physics. // Papers on Joyce. 2010. №16. Pp. 19–27.
- Google Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения 20.03.2024).
- Johnson, S., Walker, J. A Dictionary of the English Language. London, 1828. // URL: https://books.google.ru/books?id=z3kKAAAIAAJ&pg=PP5&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 20.03.2024).
- Joyce, J. Finnegans Wake. Global Grey Books, 2021. URL: <https://pdflake.com/wp-content/uploads/2022/01/Finnegans-Wake-PDF.pdf>.
- Leutwyler, H. Insights and puzzles in particle physics // H. Fritzsch and M. Gell-Mann, eds. Fifty Years of Quarks. Singapore: World Scientific, 2014.
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/quark> (дата обращения 20.03.2024).
- Notes and Queries. Oxford University Press, 1871. URL: <https://books.google.ru/books?id=3tkEAAAAYAAJ&hl=ru> (дата обращения 20.03.2024).
- Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 20.03.2024).

Petrenko, G. K.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

ETYMOLOGY OF THE TERM "QUARK" IN THE HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT

The etymology of the physics term "quark" introduced to denote fundamental particles is considered. The literary origins of the term and unexpected etymological parallels in Slavic languages are revealed. It is suggested that the etymological path of the word "quark" can be considered as causal and meaningful for one's worldview.

Etymology, physics, fundamental particles, quarks, etymological parallels

УДК 811.112.2'04:929.713

Е. С. ТихоноваСанкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000–0001–8301–1028

middjungards@gmail.com

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ

В статье рассматривается функционирование в Старшей Ливонской рифмованной хронике существительных, обозначающих женщин с точки зрения как социального, так и биологического статуса. Особое внимание уделяется входящему в Хронику сюжету об Эмме и Вильмесе, предположительно, имеющему фольклорные корни.

Средневерхненемецкий, Старшая Ливонская рифмованная хроника, Немецкий орден, эпитеты, поэтика

Старшая Ливонская рифмованная хроника – анонимный стихотворный памятник конца XIII в. о Балтийском крестовом походе Немецкого ордена. Одной из её важнейших тем являются мирские достижения крестоносной деятельности, а именно воинская слава и добыча.

Неудивительно, что главные действующие лица – преимущественно мужчины, однако небольшое число женщин всё же упоминается, и для их номинации используются следующие четыре лексемы: *vrowe* «госпожа, женщина, жена», *maget* «дева», *kunigîn* «королева», *wîr* «женщина, жена». Первые три лексемы могут называть как реальных женщин, так и Деву Марию, небесную покровительницу Ордена.

Так, лексема *vrowe* «госпожа» почти в трети реализаций (7 из 24) обозначает именно Богородицу. Как правило, в этом значении это существительное употребляется в сочетании с притяжательным местоимением *unsere* «наша»:

(1) *mit deme here reit er dô // vaste kegen Lettowen // in dienste unsere vrowen.* (8534–36) «С этим войском он тогда быстро поехал против литовцев [будучи] на службе нашей Госпожи».

Другая женщина, которая часто называется *vrowe* – это Марта, крещёная жена литовского короля Миндовга (10 примеров). Примечательно, что мы знаем её по имени. Возможно, это связано с тем, что она важна для сюжета: она постоянно склоняла Миндовга к дружбе с Орденом, а Миндовг

прислушивался к её советам. Кроме того, Марта – единственная активно действующая в Хронике женщина [Fischer, 2014, S. 234]:

(2) *dô sie quâmen in daz lant, // man toufte und wîhete zû hant // den rîchen kunic Myndowen // und Marthen sîne vrowen.* (3559–62) «Когда они прибыли в ту страну, тут же покрестили могучего короля Миндовга и Марту, его жену».

Эта номинация встречается и в прямой речи: Миндовг обращается к ней «госпожа», как если бы они были персонажами куртуазного романа. М. Фишер также отмечает, что их диалог, в котором Марта пытается убедить мужа вернуться к христианской вере и к дружбе с немцами, смоделирован по образцу диалога в куртуазном эпосе [Fischer, 1991, p. 182]:

(3) *dô ich mit ougen dich gesach // komen von der herevart, // dô sach ich, daz dîn lîb vil zart // was betrûbet harte; // nû weste ich gerne, arme Marthe, // wie diz heren wêre ergân: // daz lâz mich, hertzelieb, verstân.* (6520–26) «Когда мои глаза узрели, что ты вернулся из похода, тогда я увидела, что твоя нежная душа сильно подавлена; и вот я, бедная Марта, хотела бы знать, как прошёл этот поход: это позволь мне, возлюбленный, понять».

Марта также обозначается как *kunigîn* «королева» (4). С другой стороны, эта же лексема входит в словосочетание *himelische kunigîn* «Царица Небесная» (5):

(4) *brûder Andrês urloub nam // von sînen brûderen, als iz wol zam, // und reit zû Littowen // an sînen vrûnt Myndowen // und ouch zû der kunigîn.* (3593–97) «Брат Андрес попрощался со своими братьями, как пристало, и поехал к литовцам к своему другу Миндовгу, а также к королеве».

(5) *er lobete dar umme sêre got // und die liebe mûter sîn // die himelische kunigîn, // die man von rechte êren sol, // wen sie sint beide lobes vol.* (9894–98) «Он весьма возблагодарил за это Господа и его дорогую мать, Царицу Небесную, которую надо как следует почитать, потому что они оба полны благодати».

Наиболее частотное обозначение женщины, лексема *wîp* (45 примеров), в подавляющем большинстве случаев (37 примеров) встречается в парных формулах – фразеологизмах «с целостным смыслом, возникающим в результате семантического преобразования сочинительных сочетаний, включающих два однородных слова ... и соединяемых при помощи союза *und*, реже *oder*, *weder* ... *noch*» [Чернышёва, 1970, с. 59] (6) или перечислениях, состоящих из трёх однородных членов (7):

(6) *sehete an wîp und an kint, // die vor ûch hie gebunden sint* (1522–23) «Посмотрите на жён и детей, которые здесь перед вами связаны».

(7) *man, wîb und megede, // rinder unde pferde // vûrten sie vil werde // gebunden und gevangen. (7290–93)* «Мужчин, женщин и девиц, скот и лошадей они весьма чинно вели связанными и пойманными».

Вне парной формулы существительное *wîp* представлено в Хронике восемью примерами:

(8) *die heidenschaft hât spêhe site, // sie wonet nôte ein ander mite, // sie bûwen besunder in manchen walt. // ir wîb sint wunderlîch gestalt // und haben selzêne cleit. // sie rîten als ir vater reit. (343–348)* «У язычников поразительные обычаи, они [лишь] вынужденно живут друг с другом, они строятся отдельно в каком-нибудь лесу. Их женщины удивительны обликом, и у них необычное платье. Они ездят верхом, как их отцы ездят».

Лексема *maget* «дева» также служит для номинации Девы Марии, но встречается и в парной формуле или перечислении (см. пример 7).

М. Фишер отмечает, что изображение женщин в Хронике преимущественно схематично, женщины рассматриваются как архетипы и описываются с помощью формульных выражений. Парадоксальным образом, индивидуальные черты присутствуют в основном в описании язычниц [Fischer, 2014, S. 233–234]. Равным образом номинациям женщин не сопутствуют эпитеты, за одним исключением, которое будет рассмотрено ниже. Это – эпизод, повествующий о спасении двух пленных братьев парой язычников – Эммой и её мужем Вильемесом:

(9) *der brûder zwêne viengen sie // zû Velîn. wie iz den ergie, // daz sie nicht beide hungers tôt // bliben, von der grôzen nôt // half in ein heidensch vrowe gût. // die hatte tugenthaften mût: // mit ires mannes râte // vrû unde spâte // quam sie dâ sie lâgen. // mit spîse ir nicht entpflâgen // die bôsen Eisten durch iren haz. // sie sprach zornlîch: “umme waz // lâzet ir die dûtschen leben? // den tôt wil ich in selbe geben”. // sô warf sie steine zûtz in in, // daz niemant prûven mochte iren sin: // dar under gab sie spîse gût. // alsus trôste sie in den mût, // des sie doch sint vil wol genôz: // sie bleip vrie, alles zinses blôz. // Emme und Viliemês ir man // ir beider sêle ich gûtes gan: // sie hât mîn dicke wol gepflegen. // got hêrre, dînen sûzen segen // gib in vor alle pîne // durch die gûte dîne! (777–802)* «Они поймали двух из братьев в Фелине. Как с ними случилось так, что они оба не умерли от голода? От великой нужды им помогла одна добрая языческая женщина. У неё был отважный дух: по совету своего мужа рано и поздно она приходила туда, где они лежали. Их не снабжали едой злые эсты из-за своей ненависти. Она гневно говорила: «Чего ради вы позволяете немцам жить? Я сама им дарую смерть». Так она бросала камни к ним, чтобы никто не мог понять её замысел: среди них она давала добрую еду. Так утешался их дух, из-за этого всё же они

позже преуспели: они стали свободны, освобождены от всех налогов. Эмма и Вильмес, её муж, я желаю блага вашим душам: она часто за мной ухаживала. Господи, Твоё сладкое утешение дай им от всяких мучений, во имя Твоей доброты!»

Об источниках этого эпизода в Хронике (как и об источниках Хроники в целом) нет единого мнения. Речь идёт о восстании эстов 1223 г., а, возможно, и о более раннем. Э. Тарвел предполагает, что история Эммы и Вильмеса, которую она называет «легендой», восходит к локальной традиции, в то время как для Л. Маккензена этот сюжет – косвенное доказательство существования нескольких источников Хроники: в этом эпизоде присутствует местоимение 1 л. ед. ч. (*sie hât mîn dicke wol gepflegen*), но тот, кто за ним стоит, не мог быть свидетелем событий 1290 г. и начала XIII в. [Tarvel, 1987, S. 183]. Р. Мажейка, напротив, считает, что это «я» – свидетельство того, что хронист был лично знаком с участниками этой истории, которая могла быть рассказана непосредственно Эммой, оговаривая, впрочем, что «это ещё не делает её реальной» [Mažeika, 1998, pp. 240–241].

В приведённом отрывке Эмма описывается в тех же выражениях, что и мужчины-воины, для номинации которых – как рыцарей-христиан, так и прибалтов – автор Хроники регулярно использовал одни и те же лексемы: *helt, degen* «герой», *ritter* «рыцарь» и др., вплоть до того, что описание братьев Ордена и язычников часто невозможно различить [Neecke, 2007, S. 87]. При этом эпитеты могут присутствовать не только при номинации дружественно настроенных или крещёных прибалтов, но и в тех случаях, когда речь идёт о врагах Немецкого ордена, ср. пример (10), где, как и в примере (9), эпитет стоит в постпозиции в несклоняемой форме:

(10) *sie hatten brâcht in einen walt // von Lettowen manchen helt balt: // sie wolden heren Nieflant. (7779–81)* «Они привели в лес много храбрых героев из литовцев: они хотели воевать в Ливонии».

Подобного рода эпитеты при существительном – обозначении лица являются одним из характерных признаков Хроники, которая активно использует стилистические средства куртуазного и героического эпоса, в частности, эпитеты при наименованиях деятеля. Так, эпитет *gût* в постпозиции регулярно сочетается с существительным-обозначением воина *ritter* и появляется при характеристике персонажа.

Неоднократно отмечалось, что именно рыцарская и героическая этика и концепция куртуазности превалируют в Хронике над религиозным дискурсом [Fischer, 1991], [Jeziarski, 2020], [Vander Elst, 2011] и др. В Хронике братья Ордена представлены как благородные христианские рыцари, сражающиеся

под знаменем Девы Марии, и акцент делается на их ратных подвигах, а не на обращении прибалтов, что отличает данное произведение от прочей литературы Немецкого ордена.

В Хронике также присутствуют такие черты куртуазного миропонимания, как образ «благородного язычника», в отличие, в частности, от хроники Петра из Дусбурга, который писал на 30 лет позже [Arnold, 2010, S. 857], а также «рыцарское уважение» к боевым качествам противника, что и даёт возможность характеризовать прибалтов как героев (*helde*), описывать подвиги отдельных язычников в позитивном ключе, а также превозносить их доблесть [Fischer, 1991, pp. 182–184].

Проанализированный сюжет интересен тем, что, действуя в интересах братьев Ордена, Эмма уподобляется герою-мужчине, что позволяет использовать рядом с её именем существительное с эпитетом. Это служит очередным подтверждением следующего тезиса: наименование лица, которому может сопутствовать эпитет, в Хронике в значительной степени десемантизировано, и может варьироваться за счёт контекстуальных синонимов – в данном случае, существительного *wowe* «женщина».

ЛИТЕРАТУРА

- Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970.
- Arnold U. Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. v. Wolfgang Stammer et al. Band 5. Berlin/New York: De Gruyter, 2010. Sp. 855 – 862.
- Fischer M. “Di Himels Rote”: The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 525). Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991.
- Fischer M. Die Darstellung von Frauen in der historischen Erzählung des Deutschen Ordens // Neue Studien zur Literatur im Deutschen Orden / ed. by Bernhart Jähnig u. Arno Mentzel-Reuters. Stuttgart: Hirzel Verlag, 2014. S.229 – 246.
- Jeziarski W. Livonian Hospitality. The ‘Livonian Rhymed Chronicle’ and the Formation of Identities on the Thirteenth-Century Baltic Frontier // Frühmittelalterliche Studien 54 (2020), pp. 395 – 427.
- Mažeika R. “Nowhere was the fragility of their sex apparent.” Women Warriors in the Baltic Crusade Chronicles // From Clermont to Jerusalem: The Crusades and Crusader Societies / ed. by Alan V. Murray. Tournhout: Brepols, 1998. S. 229 – 248.
- Neecke M. Das 13. Jahrhundert // Feistner E., Neecke M., Vollmann-Profe G. Krieg im Visier. Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung. Tübingen: Max Niemeyer, 2007. S. 97 – 105.
- Tarvel E. Livländische Chroniken des 13. Jahrhunderts als Quelle für die Geschichte des Schwertbrüderordens und Livlands // Werkstatt des Historikers der mittelalterlichen Ritterorden. Quellenkundliche Probleme und Forschungsmethoden / Hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń, 1987. S.175 – 184.

Vander Elst St. Chivalry, Crusade, and Romance on the Baltic Frontier // *Mediaeval Studies* 73 (2011), pp. 287 – 328.

Tikhonova, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

WOMEN’S ISSUE IN THE LIVONIAN RHYMED CHRONICLE

The article considers the functioning of nouns denotating women regarding their social and biological status in the Livonian Rhymed Chronicle. Special attention is paid to the incorporated in the Chronicle story of Emma and Viliemes that presumably is derived from a folklore source.

Middle High German, Livonian Rhymed Chronicle, Teutonic Order, epithets, poetics

УДК 81.322.4

Л. А. Шалупов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

vadhechuvachestvo@gmail.com

Ю. В. Перлова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

perlova5@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИГРОВОГО СЛЕНГА В ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности функционирования игрового интернет-сленга. Распространение компьютерных игр оказывает большое влияние на развитие языка. Стремление людей к краткому и быстрому изложению информации путем использования сленгизмов рассматривается как одна из основных причин их появления в сфере онлайн-коммуникации. Делается вывод относительно особенностей игрового сленга, его функций и роли в русском языке.

Игровой сленг, онлайн-коммуникация, интернет-дискурс, компьютерный сленг, чат

Как в отечественных, так и зарубежных исследованиях выделяется характерная особенность игрового интернет-сленга: изменение семантического поля путем добавления новых лексических единиц, преимущественно состоящих из сокращений, жаргонизмов, аббревиатур и их видоизменение. Анализируя данное явление, А. Г. Абрамова отмечает, что с распространением электронных средств коммуникации происходят существенные перемены как в устной, так и в письменной речи, оказывающие влияние на языковую динамику в целом. Автор обосновывает свою точку зрения, исследуя виртуальные формы общения, такие как онлайн-чаты. Исследователь приходит к выводу, что изменения в речи связаны с визуальным форматом передачи информации. Например, в чатах текст постоянно находится в движении, стимулируя людей писать сообщения быстрее и читать их намного активнее, нежели при взаимодействии со статичными текстами, что, в свою очередь, приводит к использованию сокращений и определенной терминологии. В процессе такой коммуникации часто возникают грамматические, пунктуационные

и орфографические ошибки в результате опечаток или сознательного изменения языковых конструкций с целью экономии времени при наборе текста.

Аналогичные взгляды высказывают М. В. Барт, Т. Е. Дудар и О. Г. Минина, которые отмечают, что в связи с изменениями в процессах интернет-коммуникации общение становится более лаконичным, что, в свою очередь, вызывает существенные изменения в языковой идентичности и в соблюдении языковых норм.

В рамках исследований, связанных с игровым интернет-сленгом, важно обратить внимание на труд П. А. Горшкова, в котором исследователь анализирует сленг геймеров в различных аспектах. В своей работе автор выделяет три вида компьютерного сленга: сленг хакеров, сленг прогеймеров и сленг обычных пользователей, включая программистов.

Хакер определяется автором как «компьютерный хулиган, вторгающийся в чужие информационные системы из озорства, с целью получения доступа к информации, внесения ложных данных и тому подобное». Более точную формулировку можно найти в Кембриджском словаре: хакер — это «...человек, который незаконно проникает в чужие компьютерные системы».

Следующий тип – «программист». Программистом, в отличие от хакера, является человек, занимающийся разработкой компьютерных программ с целью улучшения качества и эффективности работы в зависимости от поставленных задач.

«Прогеймер» – термин, происходящий от английского *professional gamer* или «профессиональный киберспортсмен». Прогеймером является человек, зарабатывающий деньги путем участия в соревнованиях по киберспорту. Автор подчеркивает, что с приходом новых пользователей, активно использующих электронику и интернет-ресурсы, категории лиц становятся более разнообразными.

П.А. Горшков также акцентирует внимание на том, что в рамках изучения компьютерного жаргона не всегда возможно с легкостью установить его границы. Исследователь отмечает, что среди новых пользователей преобладает молодежь и предполагает, что данное обстоятельство может привести к смешиванию молодежного сленга с компьютерным. Сленг геймеров охватывает оба типа сленга и разделяется на устные и чатовые формы. Категория, которая включает в себя лексические единицы из чатов, характеризуется сокращением слов исходного текста, как, например, *gg* вместо *good game* или *ty* вместо *thank you*. Главной чертой сленга геймеров является его краткость и эмоциональность. С этой позицией трудно не согласиться. Молодое поколение проявляет более выраженную тенденцию к использованию разнообразных

нестандартных языковых элементов, что обусловлено интересом молодежи к новшествам и развитию. Данное обстоятельство также подтверждают исследования Г. А. Измайлова, Г. Р. Замалетдинова и М. С. Жолшаева, которые подчеркивают, что сленг активно распространяется и развивается среди представителей более молодого поколения.

Главными причинами активного использования слов с англоязычными корнями являются не только экономические факторы, но и политические аспекты, оказывающие влияние на русский язык. Данный феномен сильно выделяется в сленге молодежи. Озвученные точки зрения совпадают со взглядами Н. Э. Бут-Гусаима, В. А. Кормаковой, А. А. Донцовой и других исследователей, которые также подтверждают факторы, способствующие активному распространению и использованию сленга среди подростков, включая наличие множества англоязычных лингвистических составляющих.

Поскольку сленг геймеров имеет общие составляющие с компьютерным сленгом, целесообразно обратить внимание на позицию А. Р. Киселева. Автор включает сленг геймеров в компьютерный сленг и выделяет пять основных категорий структуры компьютерного языка, имеющего тематический характер:

1. Названия компьютеров и их компонентов.
2. Названия программ и продуктов.
3. Обозначения лиц, связанных с компьютерной сферой.
4. Названия действий, выполняемых во время работы на компьютере.
5. Названия областей интернета.

Например, автор упоминает такие лексемы, как «динозавр», обозначающая очень старый компьютер или «гуглить» – процесс поиска информации с использованием браузера Google Chrome. Автор позволяет обратить внимание на достаточно высокий уровень распространения неологизмов, каламбуров, заимствований и других способов словообразования в компьютерном сленге, что подтверждает идею о том, что установить четкие границы между компьютерным и игровым интернет-сленгом не всегда возможно.

Многие исследователи сходятся во мнении, что игровой интернет-сленг оказывает существенное влияние на русский язык. Согласно М. В. Барт, ключевым методом обогащения компьютерного жаргона русского языка является заимствование для обозначения новых компонентов компьютера. Влияние английского языка обусловлено экономическим статусом англоязычных стран, имеющих ведущее положение в мировой компьютерной промышленности. Данный факт также объясняет распространение англицизмов и заимствований в игровом интернет-сленге русскоязычного сегмента.

Исходя из данного наблюдения целесообразно вернуться к работе П. А. Горшкова. Автор указывает на процесс заимствования слова его полным копированием с замещением соответствующих букв английского термина на родные символы, то есть часто при заимствовании имеет место транслитерацию. Действительно, в языке становится все больше англоязычных языковых единиц, пришедших из компьютерной и игровой среды интернета, например, такие слова как *Windows* или *ban*, которые пишутся русскими буквами «Виндоус» или «Виндовс» и, соответственно, «бан».

Что касается исследований данного вопроса в зарубежных трудах, стоит обратить внимание на работу Катарини Хсу. В ней автор рассматривает сленг геймеров, как язык отдельной социальной группы. К. Хсу исследует проблему коммуникации в сфере сленга геймеров, обращая внимание на то, что игровой интернет-сленг является новой и постоянно обновляющейся субстанцией, которая наиболее распространена среди молодых людей. Автор подчеркивает, что несмотря на то, что сленг геймеров берет начало из конкретных видеоигр, его использование выходит за рамки игровых процессов и используется в реальной жизни игроками или людьми, которые имеют отношение к игровой сфере в зависимости от их статуса и степени эрудированности в области гейминга.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что сленг геймеров сложно отделить от других видов компьютерного сленга, так как он состоит из языковых единиц, которые присущи как игровой среде интернета, так и компьютерному дискурсу в целом. Однако становится очевидно, что характерной особенностью сленга геймеров является краткость, эмоциональность и содержательность, а также тенденция к постоянной трансформации.

Одной из характерных особенностей сленга геймеров является его распространенность среди молодых людей. Активное использование электронных средств коммуникации имеет воздействие на процессы, происходящие в языке. Большинство употребляемых единиц имеет англоязычные корни, что вызвано преобладающей позицией английского языка в мировой экономике, а также тем фактом, что в игровом интернет-дискурсе английский язык играет главенствующую роль.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова А. Г. Лингвистические особенности электронного общения: специальность 10.02.20 «Сравнительно – историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абрамова Анастасия Георгиевна; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, 2005. – 28 с.

- Барт М. В., Дудар Т. Е., Минина О. Г. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие / М. В. Барт, Т. Е. Дудар, О. Г. Минина; Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина. Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 87 с.
- Бут-Гусаим Н. Э., Кормакова В. А. Сленг подростков / Н. Э. Бут-Гусаим, В. А. Кормакова. Текст: электронный // Язык и культура. 2020. № 15. – С. 51-53. URL: <https://www.elib.gary.ru/item.asp?id=16756513> (дата обращения: 20.04.2024).
- Горшков П. А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: специальность 10.02.19. «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Павел Алексеевич Горшков; Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Москва, 2007. – 21 с.
- Измайлова Г. А., Замалетдинова Г. Р., Жолшаева М. С. Текст: электронный // Linguistic and Social Features of Slang. 2017. № 5. – С. 75–78. URL: https://www.researchgate.net/profile/Guzel-Izmaylova/publication/325386957_Linguistic_and_Social_Features_of_Slang/links/5b09e3edaca2725783e85380/Linguistic-and-Social-Features-of-Slang.pdf
- Хсу К. Игровой язык и как он характеризуется / Катарина Хсу, Бломберг Иоган. Текст: электронный // Центр языка и литературы Лундского университета. 2018. – С. 69. URL: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=9031632&fileId=9031634> (дата обращения: 20.04.2024).

Shalupov, L.A.; Perlova J.V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

FUNCTIONING FEATURES OF ONLINE GAMING SLANG

The article is devoted to the analysis of the functioning of Internet gaming slang. The spread of computer games has a great impact on development and transformation of the language. The author considers the reasons for the appearance of gaming slang terms in the field of online communication and the desire of people to briefly and quickly present information needed. The conclusion is drawn regarding the features of Internet gaming slang, its functions and role in modern Russian.

Gaming slang, online communication, Internet discourse, computer slang, chat

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА; ПРАГМАТИКА И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42

Е. В. Белоусова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

belousovaev02@gmail.com

Н. В. Степанова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

nathalie.tresjolie@icloud.com

АНАЛИЗ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО АСПЕКТА КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ “THE DAILY SHOW”)

Доклад посвящен исследованию мультимодального аспекта коммуникации в медиаполитическом дискурсе на материале общественно-политического шоу. Рассматриваются вербальные, паравербальные и невербальные средства актуализации информации на различных уровнях модальности интеракции в условиях симультанности восприятия аудиовизуального контента в совокупности с особенностями дискурсивного поведения субъекта речи в МПД.

Медиаполитический дискурс, мультимодальность, коммуникация, вербальные средства, невербальные средства, дискурсивные тактики

Развитие средств массовой информации изменило систему коммуникации в сфере политики: различные медиа-ресурсы дали акторам политического дискурса, всегда ориентировавшимся на массового адресата, возможность опосредованно апеллировать к более широкой аудитории, тем самым расширив сферу влияния политиков. В настоящее время средства массовой информации являются одним из главных политических институтов, представляя собой сферу коммуникации участников политического дискурса и участвуя в формировании общественного мнения посредством транслирования определенных идей и ценностей и конструирования в сознании аудитории различных образов.

Вследствие активного взаимодействия политического дискурса и дискурса СМИ происходит их сращивание, и, в связи с этим, можно говорить о существовании медиаполитического дискурса (МПД), определяемого как

коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающими актуальный фрагмент политической реальности [Сулина, 2014, с. 221]. Медиаполитический дискурс сочетает особенности политического дискурса (институциональность, театральность, авторитарность, динамичность, смысловая неопределенность, информативность) [Суханов, 2017, с. 148] и медиадискурса (медийность, массовость и интегративность медиатекста, соединяющего в себе разнообразные семиотические коды) [Казак, 2012, с. 323]. Некоторые исследователи отмечают измерения, в которых существует политический дискурс, а следовательно, и МПД. Е. В. Шейгал разделяет виртуальный (семиотическое пространство, включающее в себя вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которого является мир политики) и реальный (речевая деятельность во взаимодействии с лингвистическими, паралингвистическими и экстралингвистическими факторами) уровни дискурса [Шейгал, 2000, с. 23].

Исходя из определения таких особенностей медиаполитического дискурса, как поликодовость и многоуровневость, рассматривать данный тип дискурса представляется наиболее эффективным с позиции мультимодальности. Стоит отметить, что в теории коммуникации на данный момент не существует единой интерпретации мультимодальности, однако в общих чертах это понятие можно определить как «направление в теории коммуникации и социальной семиотике, которое рассматривает процесс коммуникации как набор текстовых, звуковых, пространственных и визуальных средств или режимов для создания сообщения» [Шань, 2024, с.2].

В данном докладе рассматривается мультимодальный аспект коммуникации в таком жанре МПД как общественно-политическое шоу, характерной особенностью которого является сочетание информативности с развлекательной составляющей. В данном жанре, где односторонняя коммуникация осуществляется посредством представления и субъективной интерпретации информации ведущим, одним из важнейших элементов остается зрелищность, характерная для аудиовизуальной телевизионной коммуникации, обеспечивающая наибольшую достоверность поведения субъекта [Егорченкова, 2014, с. 26] и часто достигаемая с помощью экспрессивного невербального поведения телеведущего.

Наиболее эффективным методом анализа мультимодальности интеракции в общественно-политическом шоу представляется видеоанализ, позволяющий рассмотреть взаимодействие различных уровней и средств коммуникации в условиях их равноценности и simultанности [Егорченкова, 2014, с. 27]. С целью реализации своих коммуникативных целей субъект речи использует различные вербальные, паравербальные и невербальные средства на всех уровнях модальности, что делает невозможным подробный анализ

данных средств в условиях единоразового просмотра видеофрагмента и обуславливает необходимость рассмотрения особенностей коммуникативного поведения актора на вербальном, паравербальном, невербальном уровнях. В работе также изучаются приемы аудиовизуального представления информации в совокупности с проведением стилистического и дискурсивного анализа текста с учетом контекста речевой ситуации.

Материалом данного исследования послужили видеофрагменты выпуска телепередачи «The Daily Show» от 12.03.2024 «Jon Stewart Calls BS on Trump & the GOP's Performative Patriotism». На момент проведения исследования ведущим американского общественно-политического шоу является Джон Стюарт, американский комик, сатирик, писатель.

Обратимся к фрагменту речи телеведущего: (1) *He [Joe Biden] had the unenviable task of having to lay out his vision for the nation whilst also demonstrating he is not too old, not too tired to be the president of the United States. And that he wouldn't rather just tie thousands of balloons to the White House and head to Paradise Falls.* «Перед ним [Джо Байденом] стояла **незавидная задача** изложить свои взгляды общественности, одновременно демонстрируя, что **он не слишком стар, не слишком утомлен, чтобы быть президентом Соединенных Штатов. И что он не предпочел бы просто привязать тысячи воздушных шаров к Белому дому и отправиться к Парадиз-Фоллс**».

В данном примере Джон Стюарт выносит на обсуждение обращение к нации президента США Джона Байдена, акцентируя внимание на общем физическом состоянии политика, стремясь создать в сознании аудитории образ немощного старика в роли президента. Для реализации своей цели на вербальном уровне Джон Стюарт использует стилистические приемы (нередко в саркастическом ключе), в данном случае эпитеты *unenviable task* «незавидная задача» и *he is not too old, not too tired to be the president* «он не слишком стар, не слишком утомлен, чтобы быть президентом». Ведущий также использует прием метафоры, говоря о намерениях Д. Байдена улететь в доме на воздушных шарах, тем самым делая отсылку на мультипликационный фильм «Вверх» («Up»), 2009 г., и главного героя мультфильма, оставившего все проблемы позади, улетев в «райское место» вместе со своим домом.

Одной из главных отличительных черт подобных телевизионных шоу является возможность визуального дублирования информации, которую произносит ведущий (рис.1). На невербальном уровне коммуникации автором высказывания активно используются кинесические знаки для симплификации восприятия зрителем вербальной информации. Жест «поднятый указательный палец» применяется с целью акцентировать внимание аудитории

на определенных фрагментах речи или логически разделить высказывание на части. В качестве паравербальных знаков препинания телеведущий также использует такие просодические средства как повышение тона голоса, ускоренный темп речи, игра голосом и активное паузирование с целью достигнуть наибольшей вовлеченности аудитории в контекст повествования.

Рис.1. Jon Stewart: he wouldn't rather just tie thousands of balloons to the White House and head to Paradise Falls. (1)

Стоит также проследить особенности дискурсивного поведения личности ведущего в рассматриваемом шоу. Фрагмент речи 1 ведущего дополняется следующей репликой: (2) *Which one of you pricks want to fight? Put up your nukes. Biden's back, baby.* «Кто из вас, придурков, хочет подраться? Готовьте свои ядерные боеголовки. Байден вернулся, детка». В данном отрывке речи Джон Стюарт пародирует выступление Джо Байдена и его заявления о военной силе Соединенных Штатов Америки. Телеведущий произносит вымышленную реплику президента, сопровождаемую инвективной лексикой (*pricks* «придурки»), сопровождая ее гипертрофированными движениями боксирования (рис.2), тем самым реализуя коммуникативную тактику дискредитации и насмешки, представляя политическое выступление Джо Байдена в исключительно комическом ключе и обесценивая серьезность намерений президента.

Рис.2. Jon Stewart: Which one of you pricks want to fight? Put up your nukes. Biden's back, baby. (2)

Однако телеведущий в своем выступлении высказывает недовольство не только настоящим президентом США, но и предыдущим – Дональдом Трампом. Обратимся к следующим фрагментам: (3) *Jon Stewart: That's why these patriots love Donald Trump. For he **alone** will restore the rule of law in our constitutional republic.* «Джон Стюарт: «Вот почему эти патриоты любят Дональда Трампа. Потому что он **один** восстановит верховенство закона в нашей конституционной республике»». «*MSNBC*»'s news anchor: *Trump's lawyer claimed the president has a legal license to murder his American political rivals.* «Ведущий новостей телеканала «MSNBC»: «Адвокат Трампа заявил, что у президента есть законное право на убийство своих американских политических соперников»». *Jon Stewart (looking in the Constitution of the USA): I don't see anything here about **assassinating** your political rivals.* «Джон Стюарт (заглядывая в Конституцию США): «Я не вижу здесь ничего об **убийстве** ваших политических соперников»».

(4) *Donald Trump: I feel that as a president you have to have an immunity, very simple.* «Дональд Трамп: «Я думаю, что как президент вы должны обладать иммунитетом, это очень просто»». *Jon Stewart: Yes, it is the **bedrock** American constitutional principle, the President **must be above the law. Out of reach of the law.*** «Джон Стюарт: «Да, это **основополагающий** конституционный принцип Америки, президент должен быть выше закона. Вне досягаемости закона»».

Данные высказывания телеведущего звучат в контексте того, что сторонники политической партии республиканцев в США, одним из лидеров которой является Дональд Трамп, в большинстве своих выступлений и обращений акцентируют внимание важности и первостепенности Конституции США как основополагающего документа в обеспечении политической свободы граждан и соблюдения демократии в стране. Джон Стюарт выносит на обсуждение противоречивые высказывания бывшего президента, несоответствующие главным ценностям демократии, тем самым реализуя в своем дискурсивном поведении тактики комментирования, дискредитации, а также реификации (конструирования образа «врага»), при этом иллюстрируя свои высказывания речами Д. Трампа с целью усилить эффект воздействия на аудиторию и спровоцировать в сознании зрителя негативные эмоции, закрепляющие эффект отторжения к личности политика.

На вербальном уровне можно отметить стилистические приемы гиперболы и сарказма: *for he **alone** will restore the rule* «он **один** восстановит верховенство закона», *it is the **bedrock** American constitutional principle, the President must be ... **out of reach of the law*** «это **основополагающий** конституционный принцип Америки, президент должен быть... **вне досягаемости закона**», используемые с намерением подчеркнуть степень абсурдности мнения оппонентов. Автор высказывания также использует модальные глаголы (*must* «должен») для усиления эмоционального воздействия на аудиторию.

Стоит отметить, что речь Джона Стюарта сопровождается активной мимикой и жестикуляцией, постоянным взглядом в камеру, создающим эффект поддержания зрительного контакта со зрителем, и паравербальными средствами (часто меняющиеся темп и тембр речи, повышение голоса, паузирование в повествовании), с помощью которых телеведущему удается производить ощущение личной оживленной беседы с адресатом, что делает дискурс более запоминающимся и интересным для аудитории.

Особая зрелищность выступлений достигается частыми пародийными или театральными вставками телеведущего, благодаря которым возрастает степень комичности высказываний. Следующий фрагмент речи был проиллюстрирован картинным разглядыванием текста Конституции через лупу в попытках найти что-либо, указывающее на справедливость высказывания адвоката политика «*the president has a legal license to murder his American political rivals*» «у президента есть законное право на убийство своих американских политических соперников» (рис.3).

Рис.3 Jon Stewart: I don't see anything here about assassinating your political rivals. (3)

В ходе подробного рассмотрения интеракции в данном шоу были выявлены особенности вербального и невербального поведения ведущего во взаимодействии с аудиторией. С целью влияния на сознание адресата и формирование в его сознании определенного образа по вопросам актуальной повестки субъект речи использует различные стилистические средства, самыми частотными из которых являются эпитеты, гиперболы, метафоры и сравнения, в совокупности с просодическими (паузы, акцентные выделения фрагментов речи, интонационные конструкции) и невербальными (активная жестикуляция и мимика) средствами. С точки зрения дискурсивного поведения личности ведущего стоит отметить активное использование коммуникативных стратегий, направленных, главным образом, на дискредитацию обсуждаемой телеведущим личности. Стратегии воплощаются посредством использования рассмотренных лингвистического инструментария и невербальных средств коммуникации,

а также элементов юмора и сатиры, как вербальной, так и аудиовизуальной, в форме пародийных коллажей и комических импровизаций ведущего.

Таким образом, одним из наиболее эффективных методов анализа коммуникации в общественно-политическом шоу является рассмотрение коммуникативного события с позиции его мультимодальности. Повествование, интерпретация фактов и трансляция собственной позиции ведущего осуществляется при помощи интегрирования средств и знаков различных семиотических систем, сочетание которых позволяет субъекту речи наиболее успешно реализовать коммуникативную цель. Восприятие адресатом информации происходит одновременно через несколько каналов, что усиливает уровень вовлеченности в контекст и увеличивает манипулятивный потенциал общественно-политического шоу, как и медиаполитического дискурса в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Егорченкова Н. Б. Стратегический потенциал мультимодальной интеракции в медиа-политическом дискурсе / Н.Б. Егорченкова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. №5 (31). С.24 – 37
- Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография. М., 2012. С. 320 – 334.
- Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Санкт-Петербургский государственный университет. 2014. №1. С. 217 – 222.
- Суханов Ю. Ю. Специфика политического дискурса / Ю. Ю. Суханов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №5 (71). С.147 – 149.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
- Шань Ц. Мультимодальные средства речевого этикета в различных модусах русской и китайской коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.8 / Шань Цзян – Москва, 2024. – 29 с.

Belousova, E. V.; Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

ANALYSIS OF THE MULTIMODAL ASPECT OF COMMUNICATION IN MEDIA POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF "THE DAILY SHOW")

The article is devoted to the study of the multimodal aspect of communication in media political discourse based on the material of a socio-political show. The article examines verbal, paraverbal and non-verbal means of updating information at various levels of interaction modality in conditions of simultaneous perception of audiovisual content in combination with the subject of speech's discursive behavior peculiarities in the MPD.

Media political discourse, multimodality, communication, verbal means, non-verbal means, discursive tactics

УДК 81'42

К. Б. Бойков

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

kbboikov@gmail.com

Г. К. Петренко

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0003-3616-427X

komrad-georgy2010@yandex.ru

СРАВНЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ» И ЕГО АНАЛОГОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСАХ

*В работе рассматривается понятие «человечность» в русскоязычном и англоязычном медиадискурсах. Приводятся определения дискурса, медиадискурса, человечности. Корпусным методом выявляются лексемы, сочетающиеся со словами «человечность», *humanity*, *humanism* и проводится анализ рассматриваемого понятия в русском и английском медиадискурсах. В отношении СМИ к данному понятию обнаруживаются как сходства, так и отличия. Раскрывается многозначный характер понятия *humanity*, который становится очевидным в англоязычном медиадискурсе. Кроме того, описываются особенности и трудности корпусного анализа подобных понятий.*

Дискурс, медиадискурс, человечность, *humanity*, лексемы, коллокации, корпусный метод

Термин «дискурс» не имеет единого определения в связи с тем, что это многогранное понятие трактуется различным образом не только в различных гуманитарных науках, среди которых лингвистика, семиотика, социология и др., но и внутри каждой из этих наук.

С лингвистической точки зрения, дискурс, в одной из трактовок, является процессом живого вербализованного общения, который характеризуется множеством отклонений от канонической письменной речи. При исследовании дискурса с позиций лингвистики уделяется особое внимание таким признакам, как: степень спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора и тонально-жанровые изменения (серьезность или несерьезность, обиходность или ритуальность, стремление к унисону или конфликту, сокращение или увеличение дистанции общения) [Карасик, 2002, с. 232–243].

Однако письменная речь также предполагает действие дискурсивных факторов. По определению ЛЭС, «Дискурс (от фр. *discours* – речь) – связный

текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания; речь “погруженная в жизнь”» [ЛЭС, 2004, с. 136–137].

На современном этапе, когда информационно-коммуникационная среда занимает столь важное место в жизни носителей всех крупных языков, на передний план выходит такой вид дискурса, как *медиадискурс*. Под медиадискурсом подразумевается текст, направленный на конкретную аудиторию, учитывающий экстралингвистические факторы и участвующий в коммуникации в реальных условиях. Медиадискурс также рассматривается как любой вид дискурса, реализуемый в сфере массовой коммуникации, производимой СМИ. Следовательно, политический, религиозный, философский и другие дискурсы, рассматриваются как разновидности медиадискурса [Авидзба, 2016, с. 36].

Основными субъектами процесса коммуникации в медиадискурсе являются СМИ и их аудитория. Основная цель данного процесса – донести информацию, отражающую общественную действительность до аудитории, используя разнообразные формы передачи и представления информации [Богуславская, 2011, с. 27].

Человечность – моральное понятие, которое тесно связано с понятиями «общество», «человек». Одно из определений понятия человечности гласит, что человечность – объективный закон нормального отношения общества в целом и каждого его члена ко всем другим его членам, взятым вместе или по отдельности. Под «нормальным отношением» понимается общение, конечной целью которого является достижение гармонизации личного и общественного в отношениях между членами общества [Богуславская, 2011, с. 21–24]. Человечность может трактоваться и как проявление осознанного достоинства, милосердия и мудрости [Каржина, 2009, с. 64].

В английском языке аналогом термина «человечность» являются термины *humanism* и *humanity*. Роберт Пул характеризует гуманизм, как «защиту и продвижение общечеловеческих ценностей и процветания человечества» [Poole, 2019, с. 17]. Это понятие является частью философии эпохи Возрождения, при этом в эпоху Просвещения гуманистические ценности только укрепились.

Понятие *humanity* в Оксфордском словаре определяется как *the quality of being kind to people and animals by making sure that they do not suffer more than is necessary* – «качество, предполагающее доброе отношение к людям и животным, реализующееся через минимизацию их страданий» и *the state of being a person rather than a god, an animal or a machine* – «бытие в качестве человека,

а не бога, животного или машины». Согласно словарю Merriam-Webster, данное понятие обозначает *compassionate, sympathetic, or generous behavior or disposition: the quality or state of being humane* – «сострадательное, отзывчивое или великодушное поведение, или характер: гуманность как качество или состояние». В словаре Longman приведены следующие значения: *kindness, respect, and sympathy towards others* – «доброта, уважение и сочувствие к другим»; *the state of being human rather than an animal or machine* – «бытие в качестве человека, а не животного или механизма».

Humanism трактуется Оксфордским словарем как *a system of thought that considers that solving human problems with the help of reason is more important than religious beliefs. It emphasizes the fact that the basic nature of humans is good* – «система мышления, в которой решение человеческих проблем с помощью разума считается важнее религиозных верований. Она подчеркивает тот факт, что основная природа человека – добро». Merriam-Webster дает следующее определение: *devotion to human welfare* – «преданность человеческому благополучию» и *a doctrine, attitude, or way of life centered on human interests or values* – «учение, отношение или образ жизни, основанные на человеческих интересах или ценностях». Словарь Longman определяет *humanism* как *the belief that human problems can be solved through science rather than religion* – «вера в то, что человеческие проблемы могут быть решены скорее с помощью науки, нежели религии».

СМИ могут создать образ различных явлений, дать им характеристику и на основе этого внушить определенное мнение своей аудитории. Отношение людей к понятию «человечность» и *humanism* может повлиять на отношение людей друг к другу, к самим себе, человечеству и окружающему миру в целом, – поэтому важно понимать, как СМИ представляют рассматриваемые понятия. Этим и определяется актуальность данного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении лексики из медиатекстов, характеризующей понятие «человечность» и *humanism/humanity* и их образ в русском и английском медиадискурсах.

Исследование проводилось при помощи корпуса английского языка News on the Web (NOW) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В НКРЯ для исследования, был использован Газетный корпус: Центральные СМИ (815 млн. лексем). Корпус NOW насчитывает около 18 млрд лексем, при этом следует помнить, что английский язык является международным языком, соответственно в нем будут медиатексты, содержащие британские, американские и различные региональные (африканские, индийский, австралийский и проч.) варианты английского языка. Кроме того, по количеству слов NOW больше, чем «Газетный корпус: Центральные СМИ» в составе НКРЯ в 22 раза.

Во время исследования изучалось сочетание ключевых слов с 3 лексемами до и после ключевого слова. Для детального анализа отбирались 10 первых по встречаемости коллокатов.

При исследовании русских медиатекстов было выявлено, что ключ «человечность» чаще всего совместно использовался с коллокатами «преступление» (2177 раз) и «против» (2082 раза). На втором месте по совместной частоте находится коллокат «совершить» (199 раз), а на третьем – «геноцид» (150 раз). На четвертом и пятом местах расположились коллокаты «военный» (137 раз) и «нарушение» (110 раз). Лексема «закон» на 6-м месте (100 раз). Далее идут: «война» (53 раза), «доброта» (44 раза), «убийство» (43 раза), «мораль» (26 раз).

Такая статистическая картина совместного употребления свидетельствует о том, что чаще всего СМИ используют термин «человечность» в сочетании с негативными коллокатами. Они формируют образ человечности как явления, о котором вспоминают только в случаях, когда происходят трагические события.

С одной стороны, СМИ подчеркивают, что человечность является противоположностью указанным катастрофическим явлениям. С другой стороны, это свидетельствует о том, что в СМИ человечность рассматривается «с позиции жертвы», против которой совершаются преступления. Следовательно, у читателей может возникнуть мысль, что такое качество как человечность находится «на грани вымирания», а окружающий мир является злым местом, без любви и уважения друг к другу.

В результате исследования английских медиатекстов было выявлено, что ключ “humanity” чаще всего использовался с коллокатом *against* (49028 раз). Также он использовался с такими коллокатами как: *crimes* (36442 раза), *habitat* (14876 раз), *crime* (8892 раз), *future* (6647 раз), *common* (6394 раз), *service* (5288 раз), *love* (4763 раз), *faith* (3815 раз), *shared* (3757 раз).

Как и в случае с русскими СМИ, в англоязычных медиатекстах *humanity* часто используется с коллокатами, имеющими негативное значение. Как и в русском медиадискурсе, возможно это связано с тем, что англоязычные СМИ хотят продемонстрировать, что *humanity* является противоположностью по отношению к антиморальным действиям.

При расширении контекста до четырёх лексем справа и слева, в первую десятку попадают лексемы *genocide* и *war*. Это явление можно объяснить различающимся порядком слов в англоязычном и русскоязычном клише: *genocide and crimes against humanity* и «преступления против человечности и геноцид», или «геноцид, преступления против человечности». В русском языке в обоих клише коллокат – 3-е от ключа слово, тогда как в английском – 4-е.

Следовательно, стоит учитывать, что видимые отличия между списками коллокатов могут быть результатом различий в клише.

Кроме того, в процессе исследования было выявлено, что коллокаты *habitat*, *service*, *common* и *future* сочетаются с ключом и в значении «человечество/род человеческий». Лексемы *habitat* и *service* также являются составляющими таких англоязычных словосочетаний, как *Habitat for Humanity* и *service to God and humanity*. Первое – это название международной неправительственной некоммерческой организации, а второе является англоязычным клише, которое используется в гуманистическом и религиозном дискурсах. Коллокаты *common* и *future*, используемые с ключом достаточно часто, могут свидетельствовать о попытках англоязычных СМИ подчеркнуть всеобъемлющий характер понятия *humanity*. Тем не менее изучаемое понятие чаще всего употребляется по соседству с данными лексемами в значении «человечество». Так, в примерах употребления с лексемой *common* часто фигурируют общие ценности, потребности, проблемы человеческого рода.

Использование слов *love* и *faith* указывают на духовный характер понятия *humanity* и отсылают нас к одному из его значений – *kindness, respect, and sympathy towards others*. Помимо этого, следует выделить некоторые лексемы вне первой десятки: *committed* (как прошедшее время глагола «совершать») и *genocide*, так как их аналоги присутствуют в первой десятке среди русскоязычных коллокатов, и лексемы *sense* (часть клише *sense of shared humanity*) и *compassion*. Несмотря на то, что эти лексемы по встречаемости уступают многим, идущим впереди них, именно они употребляются с ключом *humanity* в значении «человечность» (а не «человечество»).

Исследование коллокаций с ключом *humanism* показало, что коллокат *secular* использовался наибольшее количество раз (423 раза). Помимо этого, искомый ключ сочетается с лексемами: *integral* (397 раз), *values* (157 раз), *spirit* (147 раз), *universal* (143 раза), *scientific* (136 раз), *philosophy* (109 раз), *temper* (108 раз), *science* (108 раз), *liberal* (101 раз). Данный ключ, в отличие от предыдущего, не сопрягается с коллокатами несущими негативное значение, наоборот, данные лексемы подчеркивают характер *humanism* как важного философского течения, несущего определенные ценности обществу. Таким образом, по сочетаемости и сравнительно низкой употребимости данной лексемы становится очевидным, что она мало распространена в англоязычных СМИ, а если и используется, то в значении «гуманизма» как философского направления, а не «человечности».

В результате исследования можно сделать вывод, что в русскоязычных и в англоязычных СМИ, лексемы *humanity* и «человечность» чаще всего

сочетаются с лексемами с негативной коннотацией. Однако следует отметить разносторонний характер понятия *humanity*, который подчеркивается наличием в русском языке нескольких аналогов (человечность, человечество, род человеческий), а в английском языке – большим разнообразием коллокатов, характеризующих разные значения этого понятия.

Даже если мы рассматриваем только те коллокаты *humanity*, которые подразумевают значение «человечность», среди них значительно чаще, чем в русском медиадискурсе, встречаются лексемы с положительными коннотациями. Возможно, коммуникативная интенция англоязычных СМИ чаще побудительна, нежели оценочна. Издания скорее подталкивают читателей к проявлению человечности, любви и веры (см. выше), чем просто констатируют факт выхода за рамки допустимого для рода людского.

В русском медиадискурсе явно заметен более высокий уровень разнообразия негативных коллокатов. Такое неравенство может быть связано с тем, что Россия исторически является страной, переживающей большое количество трагических событий. Вероятно, вследствие этого в СМИ активно обсуждаются темы военных действий и связанных с ними противоправных и аморальных деяний. Русскоязычные СМИ, вероятно, ставят первостепенной целью классифицировать данные деяния, дать им правовую и моральную оценку. Кроме того, они вероятно подразумевают, что «человечность» находится в состоянии борьбы с аморальностью.

Данное исследование лишь намечает некоторые количественные и качественные тенденции, характерные для русскоязычного и англоязычного медиадискурса. Для подтверждения выдвинутых гипотез по поводу природы отличий между ними потребуются более глубокий анализ примеров с каждым коллокатом и всестороннее рассмотрение нескольких десятков самых распространённых коллокатов, их объединение в лексико-семантические поля (ЛСП) и сравнение совокупной встречаемости лексем разных ЛСП.

Необходимо отметить, что данное исследование демонстрирует большую важность всестороннего корпусного анализа подобных проблем. Во-первых, абсолютные частоты приведённых коллокаций невозможно адекватно сравнивать, так как корпуса отличаются размерами, следовательно, числа, характеризующие статистику встречаемости лексем в Газетном корпусе НКРЯ, нужно умножать на 22 для сравнения с аналогичными числами корпуса NOW. Данный фактор был учтён авторами исследования, и вышеприведённые рассуждения отталкиваются от «арифметически выравненного» соотношения. Во-вторых, поиск необходимо производить несколькими способами с разной величиной контекста для учёта разницы в построении клише в медиатексте на разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Авидзба А. В. Медиадискурс как составляющая информационного пространства. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики., 2016. 35–40 с.
- Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. // Анализ журналистских текстов. М.: УРСС Эдиториал., 2011 – 280 с.
- Гумницкий Г. Н., Зеленцова М. Г. Понятие человечности в общей теории морали // Философия и общество, 2008. № 3. с. 20–31
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Каржина Г. А. Концепты человечности в глобальной культуре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки 2009. с. 64–66
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, – М., 1990.
- Национальный корпус русского языка. 2003 — 2024. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.03.2024)
- News on the Web. 2010 – 2024. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 20.03.2024)
- Poole R. A. The true meaning of humanism: Religion and human values // Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 1. pp. 17–33.

Boikov, K. B.; Petrenko, G. K.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

COMPARISON OF THE TERM OF "HUMANITY" AND ITS ANALOGUES IN RUSSIAN AND ENGLISH MEDIA DISCOURSES

The paper examines the concept of "humanity" in Russian and English-language media discourse. Definitions of discourse, media discourse, and humanity are given. Lexemes forming collocations with the words "человечность", humanity, humanism are identified using a corpus method, and the concept under examination is analysed in Russian and English media discourses. Both similarities and differences are found in the attitude of the media to the concept. The article reveals the polysemous nature of the concept of "humanity", which becomes obvious in the English-language media discourse. In addition, the specific features and difficulties of corpus analysis of such concepts are described.

Discourse, media course, humanity, humanity, lexemes, collocations, corpus method

УДК 80/81; 811.111

Т. В. Большакова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

boltat424@mail.ru

А. О. Чупахина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

alexandra.chupakhina@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНЦЕПТА SINGLE WOMAN В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ “BRIDGET JONES’S DIARY”

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации гендерного концепта SINGLE WOMAN. На материале текста сценария к художественному фильму “Bridget Jones’s Diary” было выявлено, что концепт представлен в виде фрейма, в котором содержатся стереотипные представления о незамужних женщинах. Установлено, что важной особенностью процесса актуализации фрейма является его эмоциональная маркированность, объективируемая на вербальном уровне преимущественно стилистическими средствами.

Гендер, концепт, фрейм, эмоциональная маркированность, кинодискурс

В современной науке антропо-ориентированная парадигма обуславливает особое внимание к проблемам, связанных с социокультурными аспектами коммуникации. В центре внимания ученых находится категория гендера, являющаяся одним из главных факторов регулирования общения, определяющая поведение членов общества в связи с принадлежностью к тому или иному полу, а также лежащая в основе стереотипных представлений о феминности и маскулинности.

В связи с этим, особый интерес представляет анализ важнейших культурных концептов общественного сознания – концептов мужественности и женственности. Как считает Н. Н. Болдырев, мыслительная деятельность индивидуумов происходит за счет концептов, представляющих собой «смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности» [Болдырев, 2021, с. 39]. Исследователь, рассматривая типологию концептов, выделяет их содержательный аспект, который предполагает разделение концептов на тематические области, например, культурно-обусловленные концепты, которые репрезентируют коллективный опыт познания мира [Болдырев, 2021, с. 52].

На наш взгляд, гендерная концептосфера может быть представлена как концептуально-тематическая область, содержание которой репрезентирует знания или представления о социальных, культурных, психологических аспектах женственности и мужественности. Е. С. Гриценко отмечает, что языковая репрезентация гендера – это когнитивная деятельность, «в основе которой лежит соотнесение языковых форм/сигналов с гендерными представлениями (ассоциациями, стереотипами, идеалами и пр.), являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры» [Гриценко, 2006, с. 63].

Материалом для анализа стал скрипт к художественному фильму “*Bridget Jones’s Diary*”, представляющий собой письменно зафиксированную речь героев и хронотоп событий. Выбор обусловлен тем, что, на наш взгляд, в фильме ярко воссоздана жизнь современной женщины – Бриджит Джонс, которая сталкивается с одиночеством, неудачами в личной жизни и поиском собственной идентичности. Интерес вызывает языковая репрезентация гендерного концепта SINGLE WOMAN, который напрямую связан со стереотипами и социокультурными ожиданиями относительно социального статуса и роли женщины.

Как показал анализ, концепт SINGLE WOMAN представлен в виде двухуровневого фрейма. Под фреймом понимается структурированная единица знаний и мнений, которая представляет собой стереотипную, часто повторяющуюся, конкретную ситуацию. Как правило, фрейм представляется в виде двухуровневой структуры, состоящей из вершинных и терминальных (нижних) узлов (слотов). [Болдырев, 2021, с. 52, 103]. Элементы фрейма могут быть как репрезентированы, так и не репрезентированы, в зависимости от намерения представить на языковом уровне последовательность конкретных элементов фрейма и сфокусировать на них внимание [Петухова, Чупахина, 2023]. Обратимся к рассмотрению примеров:

(1) *Bridget: It all began on New Year's Day, in my 32nd year of being single. Once again I found myself on my own and going to my mother's annual turkey curry buffet* [Bridget Jones’s Diary].

Пример иллюстрирует актуализацию фрейма SINGLE WOMAN путем употребления герундия *being single*, возвратного местоимения *myself*, а также устойчивого сочетания *on my own*. Вербализируется слот ВОЗРАСТ, представленный с помощью словосочетания *in my 32nd year of being single*, за счет чего в сознании зрителя происходит соотнесение данных языковых единиц со стереотипными представлениями. Таким образом, рассматриваемый слот заполняется данными о том, что незамужняя женщина – это, как правило, одинокая женщина старше 30-ти лет.

(2) *Darcy: Mother, I do not need a blind date. Particularly not with some verbally incontinent spinster who smokes like a chimney, drinks like a fish and dresses like her mother* [Bridget Jones's Diary].

В рассматриваемом дискурсивном фрагменте фрейм актуализируется с помощью существительного *spinster*. Согласно дефиниции, заимствованной из Cambridge Dictionary, *spinster* – “a woman who is not married, especially a woman who is no longer young and seems unlikely ever to marry” [Cambridge Dictionary]. Данная лексическая единица в своей семантике содержит единицу знания о возрасте, что актуализирует в речи героя слот ВОЗРАСТ, который заполняется данными о том, что незамужняя женщина – это уже немолодая женщина, которой сложно найти партнера.

Вместе с тем, в фокусе зрителя находятся и такие составляющие фрейма, как ПОВЕДЕНИЕ: *verbally incontinent spinster*; ВНЕШНОСТЬ: *dresses like her mother*; ПРИВЫЧКИ: *smokes like a chimney, drinks like a fish*. Интересно обратить внимание на то, что данные, заполняющие слоты, являются эмоционально-маркированными. В речи героя применяются такие стилистические приемы, как гиперболические сравнения (*smokes like a chimney, drinks like a fish and dresses like her mother*) и метафора (*verbally incontinent spinster*), с целью, с одной стороны, вызвать смех у зрителя, а с другой – подчеркнуть неприязнь Марка Дарси по отношению к главной героине.

Примечательно, что актуализированный в репликах слот ВНЕШНОСТЬ (*dresses like her mother*) репрезентирует стереотипное представление самого Марка Дарси, поскольку на самом деле Бриджит Джонс одевается иначе. Рассмотрим фрагмент:

(3) *Mum: Now, what are you going to put on?*

Bridget: This.

Mum: Oh, don't be silly, Bridget. You'll never get a boyfriend if you look like you've wandered out of Auschwitz.

Bridget: Great. I was wearing a carpet [Bridget Jones's Diary].

В рассматриваемом примере фокусирование внимания зрителя происходит на слоте ВНЕШНОСТЬ и ПОВЕДЕНИЕ путем представления на языковом уровне ожиданий матери (Джемма Джонс) о внешнем виде ее незамужней дочери. В репликах Джеммы Джонс репрезентируется негативная оценка одежды дочери с помощью гиперболического сравнения *look like you've wandered out of Auschwitz*. Можно сделать вывод о том, что в английской лингвокультуре социальные ожидания старшего поколения относительно внешнего вида одинокой женщины включают представления о яркой одежде, которую необходимо носить с целью привлечения противоположного пола. Это

позволяет говорить об актуализации слота ПОВЕДЕНИЕ, который заполняется информацией о том, какие действия должна предпринимать женщина для того, чтобы найти партнера. При этом представления о внешнем виде более молодого поколения отличаются, о чем свидетельствует фраза Бриджит: *“Great. I was wearing a carpet”*, прибегающая к стилистическому приему «метафора», а также фраза *dresses like her mother* в примере (2).

(4) *I was going to live a life where my major relationship was with a bottle of wine and I'd finally die fat and alone* [Bridget Jones's Diary].

В рассматриваемом дискурсивном фрагменте актуализируются слоты ВНЕШНОСТЬ, заполняющиеся данными о том, что незамужняя женщина имеет лишний вес *I'd finally die fat*, и слот ПРИВЫЧКИ, содержащий информацию о зависимости от алкоголя, которая является результатом одиночества и отсутствия отношений *live a life where my major relationship was with a bottle of wine*. Можно говорить о том, что слоты эмоционально маркированы, поскольку героиня использует стилистический прием «гипербола», преувеличивая свое отчаянное положение в будущем, с целью подчеркнуть свое состояние одиночества.

(5) *No pressure, Bridge, but your whole future happiness now depends on how you behave, on this one social occasion. First, look gorgeous. Two then totally ignore Daniel and suck up to famous authors. Introduce people with thoughtful details* [Bridget Jones's Diary].

В приведенном примере внимание зрителя сосредоточено на слотах ПОВЕДЕНИЕ и ВНЕШНОСТЬ. Слот ПОВЕДЕНИЕ актуализируется с помощью глагола *behave* и содержит информацию о том, каким образом должна себя вести Бриджит, чтобы удержать интерес мужчины, в которого она влюблена: *look gorgeous, totally ignore Daniel, suck up to famous authors, introduce people with thoughtful details*. Обращает внимание тот факт, что поведение, которое требуют от Бриджит друзья, ей не свойственно. Они, таким образом, репрезентируют свои стереотипные представления о том, какого поведения должна придерживаться женщина, чтобы оставаться привлекательной, о чем также свидетельствует фрагмент *look gorgeous*, актуализирующий слот ВНЕШНОСТЬ.

Проведенный анализ киноскрипта позволяет заключить, что концепт SINGLE WOMAN представлен в виде фрейма и содержит стереотипное знание о незамужней женщине. На вышележащем уровне фрейма находятся слоты: ВОЗРАСТ – ВНЕШНОСТЬ – ПОВЕДЕНИЕ – ПРИВЫЧКИ, а нижележащие слоты заполняются данными о качествах, которые характерны для конкретного человека – главной героини Бриджит Джонс. Таким образом, незамужняя

женщина – это одинокая женщина старше тридцати лет, с лишним весом, имеющая вредные привычки. Вместе с тем, она должна вести себя и выглядеть так, чтобы привлекать противоположный пол. Важной характеристикой репрезентации фрейма является эмоциональная и оценочная маркированности преимущественно представленные на языковом уровне такими стилистическими приемами, как гипербола и метафора.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение к когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – 236 с.
- Гриценко Е. С. Когнитивно-прагматические аспекты языкового конструирования гендера // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №3, С. 63–70.
- Петухова Т. И., Чупахина А. О. Репрезентация перцептивного события в интервью с художником // Дискурс. 2023; 9(4):160–175.
- Bridget Jones's Diary URL: <https://www.scribd.com/document/523475239/Bridget-Jones-s-Diary-Script> (дата обращения: 18.03.24).
- Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.03.24).

Bolshakova T. V.; Chupakhina A. O.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE GENDER CONCEPT SINGLE WOMAN IN THE FILM “BRIDGET JONES'S DIARY”

The linguistic means of the representation of the SINGLE WOMAN gender concept are considered. Based on the script text of the film “Bridget Jones's Diary”, it is revealed that the concept is presented in the form of a frame containing stereotypical notions of single women. It is established that an important feature of the frame actualization process is its emotional marking, objectified at the verbal level mainly by stylistic means.

Gender, concept, frame, emotional marking, film discourse

УДК 811.111

А. А. Бухарова

*Московский Государственный Лингвистический Университет,
ИИЯ им. Мориса Тореза*

ORCID 0009–0003–9179–0107

anneeab@yandex.ru

Е. Е. Голубкова

*Московский Государственный Лингвистический Университет,
ИИЯ им. Мориса Тореза*

ORCID A–6275–2016

katemg@yandex.ru

СТРУКТУРНЫЕ ВАРИАНТЫ ТРЕХКОМПОНЕНТНОЙ КОНСТРУКЦИИ XYZ: НАСКОЛЬКО ОТКРЫТЫ ФИКСИРОВАННЫЕ СЛОТЫ

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть фиксированные слоты в трехкомпонентной прецедентной конструкции XYZ с точки зрения возможностей их вариативности.

Грамматика конструкций, слоты конструкции, семантика, варианты, вариативность

Введение

Согласно положениям Грамматики конструкций, актуального направления в современной лингвистике (Fillmore, 1996, Goldberg, 1995, Fillmore&Kay, 1997, 1999), центральной единицей языка является конструкция различной протяженности, степени сложности и уровня абстракции [Добровольский, 2016], а язык рассматривается как сеть конструкций, или конструктикон [Goldberg, 2006]. Грамматика конструкций подчеркивает динамичность порождения высказываний, отрицая подход к языку, согласно которому высказывания строятся из «лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений и регулярным грамматическим правилам» [Добровольский, 2016, с. 8]. Конструкция является лексико-грамматической единицей и трактуется как единство грамматической структуры с варьирующимся семантическим наполнением, которое имеет общее концептуальное значение [Рахилина, 2010]. Структура конструкции предполагает наличие двух основных типов элементов, или слотов – фиксированные слоты и открытые слоты. Открытые слоты принято обозначать заглавными буквами

латинского алфавита, а фиксированные слоты записывать словами. Например, the X the Y (*the sooner the better*), It is so X of Y (*It is so generous of you*). Такое обозначение логически вытекает из наблюдений о существовании моделей, по которым создаются конструкции. Некоторые модели оказываются настолько частотными, что есть основания полагать, что они хранятся в памяти носителя языка как единые блоки, а не выстраиваются каждый раз заново [Добровольский, 2016]. Образование конструкций по моделям говорит о том, что конструкции характеризуются высокой степенью воспроизводимости и порождаются носителем по мере необходимости [Рахилина, 2010]. Открытые слоты предполагают выбор лексической единицы. Лексическая единица в открытом слоте уточняет семантику конкретного случая реализации конструкции, как правило, это знаменательная часть речи, у которой можно выделить лексическое значение. Важно то, что каждая конструкция имеет свои «лексико-семантические требования», которые отвечают общему концептуальному значению конструкции и накладывают ограничения на вариативность участников. Поэтому открытые слоты «закрываются» настолько, насколько позволяет общее значение всей конструкции в целом. Фиксированные слоты считаются каркасом конструкции и изменяются реже. Их вариативность можно соотнести с наличием структурных вариантов конструкции. В настоящей статье на примере трехкомпонентной прецедентной конструкции X [COP] [DET] Y_{prec} of Z (*Amsterdam is the Venice of the North*) мы попытаемся ответить на вопросы о том, могут ли фиксированные слоты проявлять вариативность и какими факторами она определяется.

Структурные варианты в прецедентной конструкции XYZ

Трехкомпонентная конструкция с прецедентным характером служит для образного описания некоторого объекта X из сферы Z путем сравнения его с другим объектом или понятием Y по определенному критерию. Например, в конструкции *Amsterdam is the Venice of the North* проводится сравнение Амстердама и Венеции, и каналы Амстердама описываются посредством прецедентной номинации *Venice*. Данная конструкция предполагает три открытых слота, обозначаемых буквами X, Y, Z, и три фиксированных слота. [COP] – это глагол-связка, [DET] – детерминатив, то есть определитель для единицы в слоте Y, и предлог *of*. По данным, собранным нами в корпусах современного английского языка, онлайн версиях газет и журналов, интернет-блогах, с точки зрения структуры конструкции возможны две основных категории вариативности:

- вариации фиксированных слотов;
- дополнительные вкрапления, опущение или перемещение слотов.

В первой категории возможны следующие вариации – вариации детерминатива перед слотом Y, вариации предлога, вводящего слот Z, и вариации глагола-связки. Рассмотрим каждый из них по отдельности.

Для вариаций детерминатива нами были обнаружены два основных типа детерминативов – артикли и местоимения, которые взаимосвязаны с типом лексических единиц в слоте Y и их коннотацией:

- определенный артикль (*the Mecca of the music world, the Aspirin of negotiations*);
- неопределенный артикль (*a McEnroe of golf, a Hiroshima of the human spirit*);
- отрицательное местоимение *no* в случаях употребления прецедентной номинации с негативной коннотацией (*We wanted no 9/11 of today*), а также вариант *any* при наличии отрицания у глагола-связки;
- местоимение *other* и его вариации (*She could become another Marilyn of our times*);
- комбинация местоимений *no, any* и *other* (*We could not afford any other 666 of the week*).

Детерминатив как самостоятельная единица имеет самостоятельное лексико-грамматическое значение, которое сохраняется в рамках конструкции и соотносится с параметрами лексической единицы в слоте Y – признаком, фокусируемым в прецедентном слоте Y, степенью его интенсивности и его коннотацией. Например, мы можем сделать вывод о том, что неопределенный артикль снижает интенсивность фокусируемого признака и придает значение «один из возможных вариантов». Вариант с неопределенным артиклем в качестве детерминатива актуален для примеров, в которых фокусируется оценочность, например «*To limit poetry is a Hiroshima of the human spirit*», или для случаев, в которых артикль выбирается по аналогии со смежными структурами, например «*But Tom was a great character, a McEnroe of golf*». Отрицательное местоимение *no* может употребляться в качестве детерминатива прецедентных номинаций с отрицательной коннотацией для усиления фокусируемого отрицательного признака.

Для вариаций предлога перед слотом Z нами были обнаружены варианты со следующими предлогами:

- с предлогом *of* (*the cockroach of the sea*);
- с предлогом *among* (*the Einstein among skateboarders*);
- с предлогом *in* (*the New York in Moscow*);
- с предлогом *for* (*the Mecca for Aunt Jane*).

Слоты X и Z в конструкции принадлежат к одной области, или одному концептуальному домену, отличному от домена слота Y, таким образом выстраивая концептуальную сравнительно-описательную структуру конструкции. Поэтому основная функция предлога – определить и ввести в контекст общую область, к которой относится объект из слота X. В конструкции возможны разные предлоги, способные выполнить данную функцию, однако для сохранения общего концептуального значения конструкции важно, чтобы они были взаимозаменяемы с предлогом *of*, который можно назвать основным вариантом. Выбор предлога определяется семантикой единиц в слоте Z, например для слота Z «топос» возможен вариант с предлогом *in*, который будет фокусировать локацию, а для слота Z «вид деятельности» встречается вариант с предлогом *among*, который будет подчеркивать, что объект в слоте X – один из представителей, выполняющих определенные функции. Особым вариантом является предлог *for*, который вводит в качестве слота Z наименование индивида и его личный опыт.

Выбор глагола-связки определяется такими параметрами как сравнительный характер конструкции, образность сравнения, коннотация прецедентной номинации в слоте Y, а также дискурсивными особенностями. Мы можем выделить несколько основных подгрупп глаголов-связок:

- вариации глагола *be* (*is, was, has been*);
- вариации глаголов изменения состояния (*will become, has developed into, wants to be*);
- пассивный залог глаголов называния (*is called, is nicknamed, is considered, is believed*);
- глаголы, подчеркивающие отрицательную коннотацию (*cannot afford, do not want*);
- замена глагола-связки знаком препинания (*Mono Lake: The “Dead Sea” Of The West*).

Из всех слотов конструкции слот глагол-связка может быть самым длинным и включать от одного до нескольких слов. Это достигается за счет аналитических форм глаголов в английском языке, например пассивных конструкций или конструкций с инфинитивом. С семантической точки зрения глагол-связка может отражать такие аспекты прецедентного слота Y как коннотация и концептуальный статус. Например, перед прецедентными номинациями с положительной коннотацией, стремящимися к статусу эталона, встречаются глагольные конструкции *rise to become, want to be* – «*Golda Meir rose to become the Iron Lady of Israel*», «*Marrs M-1 wants to be the Harley of electric bikes*», а также конструкции с существительным – «*There was another major drive towards*

modernisation, including an attempt to make Cairo the Paris of the East». Глагол-связки могут выбираться с целью подчеркнуть отрицательную коннотацию прецедентной номинации, например «*We could not afford any other 666 of the week*».

Среди примеров конструкции встречаются случаи, в которых глагол-связка опущен и заменен знаком препинания – запятой (*Naomi Scott, the Princess Jasmine of today, is a complete package of beauty and talent*), двоеточием (*Kim Kardashian: The Marilyn of our times?*) или тире (*Euler – the Beethoven of mathematics*). Случаи замены глагол-связки знаком препинания характерны для публицистического дискурса, в целях экспрессии и экономии места. Например, конструкции с двоеточием частотны в заголовках. Опущение глагол-связки не изменяет общее значение конструкции и не препятствует ее пониманию, поэтому такая структурная вариация оправдана. Опущению может подвергнуться также слот X, среди примеров встречаются случаи, в которых вторая часть конструкции [DET] Y_{prec} of Z используется самостоятельно в качестве прозвища, а слот X лишь подразумевается из общего контекста (*Can the 'Macron of the Philippines' succeed Duterte?; Biden and 'the Biden of Brooklyn'*). Слот X также может занимать постпозицию после слота Z, как правило в таком случае используются дополнительные пунктуационные средства (*The asbestos of the airline industry: killing flyers; Praised as the 8 ½ of Iranian films, Hamoun is without a doubt a real cult film*). Возможность опущения или перемещения без потери общего значения свидетельствует о существовании иерархии структурных элементов конструкции по степени важности. Вторая часть конструкции [DET] Y_{prec} of Z является более стабильной, потому что в ней сосредоточен центр прецедентности и выстраивания семантики, тогда как слот X может подразумеваться из общего контекста и быть перенесен или опущен.

Конструкция может допускать дополнительные вкрапления. Среди таких вкраплений встречаются определения (*Girl with a Pearl Earring: the mysterious Mona Lisa of the North*), обстоятельства (*Health promotion has been very much the Cinderella of Policy*), приложения (*He was, as the Examiner put it, the Napoleon of football*), агент (*Brussels is considered by many to be the Minneapolis of Europe*). Вкрапления не могут приобрести статус структурного элемента конструкции, их наличие всегда опционально и служит для дополнительной экспрессии или уточнения.

Заключение

Порождение каждой новой реализации конструкции происходит путем подбора необходимой лексической единицы, которая отвечала бы одновременно двум критериям – общему концептуальному значению конструкции и интенциям говорящего для реализации конкретного примера с учетом

лексических особенностей единиц в открытых слотах. Фиксированный характер слота говорит о том, что такой слот менее подвержен коэрции, то есть перестройке семантики в зависимости от языкового окружения. Открытые слоты являются более динамичными и «авторскими», тогда как фиксированные слоты в большей степени опираются на общее лексико-грамматическое значение слов и выбираются из лимитированного списка опций. Однако вариативность фиксированных слотов определяется семантикой открытых слотов. Вариации фиксированных слотов и перенос и опущение отдельных слотов зависят от каждого отдельного случая реализации конструкции с учетом семантики единиц и особенностей дискурса. В этой связи каждый структурный вариант будет одновременно являться структурно-семантическим. Возможность переноса и опущения слотов свидетельствует о наличии иерархии внутри структуры конструкции и позволяет определить центр выстраивания семантики конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.

Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. Москва: Азбуковник, 2010.

Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language* / Adele E. Goldberg. Oxford; New York; Auckland: Oxford university press, 2006. VII, 280 p.

Bukharova, A. A.; Golubkova, E. E.

Moscow State Linguistic University

STRUCTURAL VARIANTS OF THE THREE-COMPONENT XYZ CONSTRUCTION: HOW OPEN ARE THE FIXED SLOTS?

This paper attempts to examine fixed slots in the three-component precedent XYZ construction from the perspective of their variation options.

Grammar of constructions, construction slots, semantics, variants, variation

УДК 81'33

Н. Л. Грейдина

Дипломатическая академия МИД России

greidina@yahoo.com

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Данное научное исследование посвящено анализу актуальных вопросов, характеризующихся лингвокогнитивным статусом. Предмет исследования связан с когнитивным конструированием и интерпретацией дипломатического дискурса с учетом его внешнеполитического характера. Решение исследовательской цели достигается посредством использования комплексной методологии на основе лингвокогнитивного подхода как к процессу формирования дипломатического дискурса, так и его истолкованию. Материалом исследования служат дипломатические тексты. Новизна исследования определяется разработкой процесса алгоритмизации трансформации лингвокогнитивного дипломатического диссонанса в международный коммуникативный сбой. Вывод исследовательской работы связан с установлением интерпретационной тональности дипломатического дискурса на внешнеполитическом векторе его реализации.

Дипломатический дискурс, лингвокогнитивный анализ, дискурсивная практика, когнитивный диссонанс, институциональный дискурс, акторы дискурса, национально-государственные интересы, дипломатия, внешняя политика, дипломат

Дипломатический дискурс является одним из наиболее актуальных фокусов общественно-политического характера, привлекающего интерес не только научного сообщества, но и социума в целом. При этом дипломатический дискурс относится к одной из наименее изученных сфер когнитивной лингвистики [Ардаева, 2019, с. 67].

Дискурс как термин был введен в целях обозначения коммуникативного образа действительности, отражающего ценностные и идеологические установки, т.д., в определенном контексте.

Дипломатический дискурс соотносится с одним из видов институционального дискурса, обладая соответствующими социально-ролевой спецификой акторов, тематическим вектором содержания, ситуацией общения.

Ряд определений дипломатического дискурса более относятся к процессу коммуникации [Терентий, 2010, с. 47], не к дипломатическому дискурсу.

При этом необходимо дифференцировать понятия «дипломатия» и «внешняя политика»: первое отражает курс государства на международной

арене [Попов, 2023, с. 69], второе – деятельность, направленная на реализацию данного курса на практике [Левин, 2021, с. 32].

Важно обозначить, что в формате лингвокогнитивного анализа дипломатического дискурса особое значение приобретает рассмотрение целевых ориентиров коммуникации вовлеченных сторон и средств их достижения.

В рамках дискурсивной практики дипломатическое овещается посредством лингвистического [Водак, 2019, с. 68].

До дискурсивного поворота система международных отношений характеризовалась многовекторностью, обеспечивающей развитие различных межгосударственных отношений, интересов [Hacker, 2018, с. 37].

Данная концепция была основана на пересмотре фундамента дифференциации «внутреннего» и «внешнего» на государственном уровне. Изначально выделение «внешнего» и «внутреннего» предполагало рассмотрение первого как проекцию вовне, отражающую внутригосударственный консенсус по внешнеполитической составляющей.

В конце XX в. существовавший принцип приоритета внутренней политики по отношению к внешней был подвергнут критике на основании дискурсивного анализа, актуализированного и в сфере дипломатии. Дискурсивные угрозы, проявляясь в формах внешней опасности и категории «другого», носили определяющий характер для единогласия во внутренней политике. Результатом дискурсивной практики становится пересмотр стратегических действий в дипломатическом пространстве: внешняя политика превращается из отношений между государствами с установленными границами по их поддержанию в политику по установлению данных границ.

Категория «другого» (в различных смыслах – национальном, идеологическом, иных) формируется исключительно в процессе дискурсивной практики и объективируется в рамках дипломатического дискурса, имеющего внешнеполитический вектор.

Во многих дипломатических контекстах оппозиция категорий «я» и «другой» становится центральной линией и основой создания политической идентичности.

Категория «я» связана с формированием образа страны и народа. Данный образ обладает динамическим характером, так как трансформируется с течением времени. Так, Россия в дореволюционный период (до 1917 г.) представляла собой образ стратегического противника Британской империи, после революции (после 1917 г. и до 1940 г.) – союзника Германии, на современном этапе – империи, бросающей ценностный и стратегический вызов всему Западу, представляющей угрозу для этой цивилизации.

На основе подобной категоризации формируются национально-государственные интересы [Шейгал, 2018, с. 39]. Они определяются как целенаправленное обеспечение безопасности страны и ее граждан, их материального благосостояния, возможностей духовного роста и развития, других потребностей [Маслакова, 2023, с. 16]. При этом именно свойство дискурсивности национально-государственных интересов определяет возникновение обязанности государственных органов по их воплощению и граждан государства по их соблюдению. Свойство дискурсивности распространяется еще на одну категорию – международное право как инструмент проведения дипломатической линии, являющееся системой норм по урегулированию межгосударственных отношений.

В рамках дискурсивного анализа дипломатической сферы необходимо констатировать определенное противоборство международного права и национально-государственных интересов. В значительном количестве случаев международное право превращается из регулятора дипломатического дискурса в его «заложника». В результате из взаимозависимых и взаимосвязанных категорий они становятся автономными.

Важно указать на возможное развитие когнитивного диссонанса, возникающего как результат коллизии международного права и национально-государственных интересов или несоответствия интересов международных акторов в конкретном дипломатическом дискурсе. При этом являясь одним из основных мотивов коммуникации [Фестингер, 2021, с. 38], непосредственно когнитивный диссонанс становится импульсом для углубления коммуникативной среды. Так, в контексте дипломатического дискурса Организации Объединенных Наций отмечается трансляция всех обвинений Украины в отношении России, даже без подтверждения так называемых фактов, в то время как подобные замечания с российской стороны с серией доказательств полностью игнорируются [Лавров, 2021, с. 63]. Наряду с данным несоответствием наблюдается отсутствие принципа равноудаленности ООН, как следует из мандата данной организации [Лавров, 2021, с. 89].

Акторами дипломатического дискурса выступают дипломаты как представители государственного ведомства соответствующей специфики или международной организации внешнеполитического формата, продвигающие интересы своей страны в процессе установления и поддержания официальных контактов. Именно от акторов дипломатического дискурса зависит роль и функции международного права и национально-государственных интересов.

Таким образом, все компоненты дипломатического дискурса являются взаимозависимыми. Отмечается значительная роль дискурсивных акторов

в ходе «обретения» статуса каждым из компонентов. Эта позиция позволяет указать на межинституциональный статус дипломатического дискурса, с одной стороны, и на возможность процесса алгоритмизации трансформации лингвокогнитивного дипломатического диссонанса в международный коммуникативный сбой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ардаева Н. В. Политический и дипломатический дискурс. М.: Флинта, 2019. 286 с.
- Водак Р. П. Язык. Дискурс. Политика. М.: АСТ, 2019. 396 с.
- Лавров С. В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. М.: Концептуал, 2021. 568 с.
- Левин Д. Б. Дипломатия. М.: Международные отношения, 2021. 196 с.
- Маслакова Н. Ю. Государственный интерес // Вестник Южного федерального университета. Серия «Право». 2023. Вып. 6. С. 16–21.
- Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика. М.: Международные отношения, 2023. 367 с.
- Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 47–56.
- Фестингер Л. К. Теория когнитивного диссонанса. М.: Язык, 2021. 269 с.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Слово, 2018. 369 с.
- Hacker K. L. Political linguistics. Discourse Analysis. New York: State University of New York Press, 2018. 179 p.

Greidina, N. L.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

LINGVOCOGNITIVE FEATURES OF DIPLOMATIC DISCOURSE

This scientific study is devoted to the analysis of topical issues characterized by linguistic and cognitive status. The subject of the study is related to the cognitive construction and interpretation of diplomatic discourse, taking into account its foreign policy nature. The solution of the research goal is achieved through the use of a comprehensive methodology based on a linguocognitive approach to both the process of forming diplomatic discourse and its interpretation. The research material is diplomatic texts. The novelty of the research is determined by the development of the process of algorithmization of the transformation of linguocognitive diplomatic dissonance into an international communicative failure. The conclusion of the research work is connected with the establishment of the interpretative tonality of diplomatic discourse on the foreign policy vector of its implementation.

Diplomatic discourse, linguocognitive analysis, discursive practice, cognitive dissonance, institutional discourse, actors of discourse, national and state interests, diplomacy, foreign policy

УДК 811.111

К. А. Давыдова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина)

kiradawydova@yandex.ru

Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина)

nathalie.tresjolie@icloud.com

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ СБЛИЖЕНИЯ ПРИ ПРОИЗНЕСЕНИИ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ РЕЧИ НА ЦЕРЕМОНИИ ВРУЧЕНИЯ ПРЕМИИ «ОСКАР»

В докладе рассматривается понятие «риторический дискурс», а также благодарственная речь как жанровая разновидность данного типа дискурса. Анализируется стратегия сближения с адресатом – одна из стратегий, используемых ораторами во время выступления на церемонии премии «Оскар». Выявляются частные стратегии, направленные на сближение с аудиторией. В ходе исследования выявляются лингвистические средства, характерные для реализации каждой из стратегий.

Риторический дискурс, речевой жанр, коммуникативные стратегии, прагматическое воздействие

В центре внимания настоящего доклада находится речь, произносимая победителями премии Американской академии кинематографических искусств и наук «Оскар». Церемония награждения традиционно проводится в Лос-Анджелесе, в театре «Долби». За всю историю премии, которая впервые состоялась в 1929 г., в список номинаций были включены 23 категории [oscars.org].

Следует рассмотреть природу публичного выступления. Интересен подход к определению публичной речи, избранный А. В. Голодновым. Автор использует термин «риторический дискурс», определяя его как прагматический метадискурс (гетерогенный дискурс) [Голоднов, 2011, с. 7–19].

Согласно М. Я. Блоху и Е. Л. Фрейдиной, социальная, культурная и историческая обусловленность дискурса согласуется с идеей о воздействии этоса на «фактуру» речи, которая была выдвинута в теории риторики. Исследователи рассматривают термин «этос» в узком и широком смыслах. Так, в узком смысле под этосом понимаются социокультурные факторы, которые определяют характер участников конкретного риторического дискурса. В широком

смысле этос – это совокупность социокультурных и этических норм в рамках определенного общественного уклада, которые отражаются в языке.

Для риторического дискурса характерны целенаправленный и активный характер, обусловленность требованиями этоса, динамичность и интерактивность, то есть способность изменяться в процессе порождения речевой деятельности [Блох, Фрейдина, 2011, с. 17].

Риторический дискурс является интегративной единицей, которая включает типы текстов, обладающих определенными «риторическими параметрами» на разных уровнях ментально-коммуникативной организации. А. В. Голоднов выявляет некоторые параметры, инвариантные для текстов, образующих риторический дискурс. Основной характеристикой риторического дискурса является персуазивность, что определяет использование в риторических текстах разнообразных тактик воздействия на всех языковых уровнях [Голоднов, 2011, с. 7–19].

Одной из жанровых разновидностей риторического дискурса является благодарственная речь. Благодарность, по мнению У. Бо, представляет этикетный речевой жанр. Этикетный речевой жанр направлен на осуществление действия, предусмотренного правилами данного социума [Бо, 2014, с. 158–167].

У. Бо отмечает, что к числу важнейших жанрообразующих характеристик благодарственной речи как особого жанра относят образ автора и адресата.

Так, участниками-адресантами премии «Оскар» являются деятели киноискусства – актеры и актрисы, режиссеры, а также все причастные к созданию кино, которые обращаются к адресату – в данном случае широкой аудитории.

Следующей прагмалингвистической характеристикой жанра благодарственной речи является коммуникативное намерение адресанта. Для того, чтобы определить намерение автора необходимо определить цель произнесения благодарственной речи на церемонии вручения премии «Оскар». Исходя из самого названия данного типа речи можно сделать вывод, что целью адресанта является прежде всего выражение благодарности, которое сопровождается оказанием определенного воздействия на адресата. У. Бо пишет, что благодарность – это реактивный жанр, поскольку представляет собой реакцию на другие коммуникативные события. Для наилучшего достижения коммуникативного намерения используются определенные стратегии, среди которых можно выделить: стратегию самопрезентации, стратегии убеждения и удержания внимания, стратегию создания эмоционального настроения, стратегию сближения с адресатом и др.

В настоящем докладе будут рассмотрены лингвистические средства, используемые ораторами при реализации стратегии сближения с адресатом. В ходе исследования была рассмотрена 31 речь, произнесенная на церемонии с 2014 по 2024 гг. Речи участников премии опубликованы на официальном сайте [oscars.org](https://www.oscars.org) [oscars.org].

В рамках стратегии сближения можно выделить несколько частных стратегий, одной из которых является **стратегия обращения к адресату**. Обращения указывают на принадлежность оратора и адресата к одной группе.

Для того, чтобы продемонстрировать свою близость с адресатом, адресант выбирает определенные местоимения. Так, при обращении к своей аудитории ораторы используют местоимение второго лица *you* (рус. «ты/вы»). Джаред Лето, выступая по случаю получения «Оскара» за роль второго плана в фильме «Далласский клуб покупателей», обращается ко всем зрителям: *And to those of you out there who have ever felt injustice because of who you are or who you love, tonight I stand here in front of the world with you and for you* (рус. «И за тех, кто когда-либо сталкивался с несправедливостью из-за того, кем вы являетесь, кого вы любите, сегодня я стою перед всем миром с вами и за вас»).

Сближение с адресатом может происходить при помощи выбора вместо местоимения *I* (рус. «я») местоимения первого лица множественного числа *we* (рус. «мы»), обладающего большей иллокутивной силой. Так, Хоакин Феникс, получивший «Оскар» за главную роль в фильме «Джокер», говорит: *I think that we've become very disconnected from the natural world. And many of us, what we're guilty of is an egocentric worldview, the belief that we're the center of the universe. We go into the natural world and we plunder it for its resources* (рус. «Я считаю, что мы сильно оторваны от окружающего мира. И многие из нас виновны в эгоцентрическом мировоззрении, в вере в то, что мы – центр вселенной. Мы приходим в мир и забираем все его ресурсы»).

Победители регулярно прибегают к прямым обращениям по имени. Так, Леонардо Ди Каприо выражает благодарность Тому Харди, своему партнеру по съемкам фильма «Выживший»: *to my brother in this endeavor, Mr. Tom Hardy. Tom, your fierce talent on screen can only be surpassed by your friendship off screen* (рус. «моему собрату в этом стремлении, г-ну Тому Харди. Том, твой блистательный талант на экране может превзойти только то, каким другом ты являешься за пределами съемочной площадки»). При этом Ди Каприо называет партнера “*my brother*” (рус. «мой собрат»).

Эмма Стоун, получая статуэтку за лучшую женскую роль в фильме «Ла-Ла Ленд», также прибегает к стратегии обращения к адресату, выражая слова благодарности своим коллегам: *to the women in this category – Natalie, Isabelle, Meryl, Ruth – you were all so extraordinary, and I look up to you and I admire you more than I can put into words. It has been the greatest honor just to stand alongside you; that is the greatest honor of all* (рус. «всем номинаткам в этой категории – Натали, Изабель, Мерил, Рут – вы были настолько великолепны, я равняюсь на вас и я так восхищаюсь вами, это чувство сильнее, чем я могу выразить словами. Высшая награда – просто стоять рядом с вами»).

Использование общих для адресата и адресанта аллюзий может иметь ликопоощряющую функцию, поскольку они нацелены на то, чтобы адресат испытал удовольствие от того, что понимает данные аллюзии [Понятина, 2013, с. 235–237]. Актриса Фрэнсис Макдорманд, получившая «Оскар» за роль в «Земле кочевников» произносит: *I have no words. My voice is in my sword." We know the sword is our work, and I like work. Thank you for knowing that, and thanks for this* (рус. «У меня нет слов. Тебе их скажет мой меч». Мы знаем, что этот меч – наша работа, а я люблю работать. Спасибо, что вы понимаете это, и спасибо за награду»). В данном отрывке используется цитата из пьесы У. Шекспира «Макбет», Фрэнсис апеллирует к общей когнитивной базе.

Среди синтаксических средств можно выделить использование вопросов. В своих речах победители могут использовать риторические вопросы, приглашая читателей поразмышлять над чем-либо: *And to Chairman Fred Hampton. Man, what a man. What a man. How blessed we are that we lived in a lifetime where he existed, do you understand?* (рус. «А также Фреду Хэмптону. Человек, какой человек. Как нам повезло, что мы живем там же, где жил он, вы понимаете?»).

Стратегия обращения к адресату сочетается со **стратегией выражения похвалы**, проявлением лаудации, когда, например, Леонардо Ди Каприо выбирает эпитет “*fierce*” (рус. «блистательный») при описании таланта Тома Харди. Эмма Стоун выражает похвалу в адрес остальных номинанток, свое восхищение ими, используя эпитеты “*extraordinary*” и “*the greatest*”.

Еще одной разновидностью стратегии сближения является **стратегия преувеличения**. Так, ораторы нередко используют описательную гиперболу, например, “*more than I can put into words*”, что наблюдается в благодарственной речи Эммы Стоун. Говорящие обращаются к использованию повторов, например, в своей речи Хлоя Чжао, вторая женщина в истории, получившая «Оскар» за лучшую режиссуру («Земля кочевников»), произносит: *Oh, man. Thank you. Thank you to the Academy. Thank you to my brilliant, brilliant nominees, fellow nominees, thank you* (рус. «О, боже. Спасибо. Спасибо Академии. Спасибо моим великолепным, великолепным номинантам, номинантам в данной категории, спасибо»), повторяя лексемы “*thank you*”, “*brilliant*” и “*nominees*”. Мэттью Макконахи, получивший «Оскар» за лучшую мужскую роль в фильме «Далласский клуб покупателей» повторяет лексему “*thank you*” шесть раз: *Thank you. Thank you, thank you, thank you, thank you to the Academy for this, all six thousand members. Thank you to the other nominees* (рус. «Спасибо. Спасибо, спасибо, спасибо Академии за эту награду, всем шести тысячам членам Академии. Спасибо остальным номинантам»).

Также одной из тактик актуализации стратегии преувеличения является использование единиц-интенсификаторов (или маркеров усиления) – оценочных прилагательных или наречий: *thank you all so very much* (рус. «всем большое спасибо»), *I'm full of so much gratitude right now* (рус. «сейчас меня переполняет чувство благодарности»), *the tremendous thanks to the Academy members* (рус. «большущее спасибо членам Академии»), *I thank you all very, very much* (рус. «я очень, очень благодарен вам»).

Стратегия допущения нежелательных последствий – это частный случай стратегии преувеличения. Ораторы допускают, что без помощи сторонних лиц они не смогли бы добиться результата. Например, Леонардо Ди Каприо выражает благодарность родителям следующим образом: *And to my parents, none of this would be possible without you* (рус. «И моим родителям, ничего бы этого не получилось без вас»). Махершала Али, удостоенный статуэтки за роль второго плана в «Зеленой книге», в своей речи выражает благодарность своей бабушке: *And I know that I would not be here without her, that she has gotten me over the hump every step of the way* (рус. «И я знаю, что я не стоял бы здесь без ее помощи, она помогала мне преодолеть все препятствия на моем пути»). Дэниел Калужа завоевал награду в номинации «Лучший актер второго плана» за роль в фильме «Иуда и черный мессия» в своей речи также использует стратегию допущения нежелательных последствий, произнеся: *Thank you, God. I can't be here without your guidance and your protection* (рус. «Боже, спасибо. Меня не было бы здесь без наставления и защиты»).

Еще одной стратегией сближения является **стратегия прямого или имплицитного обещания**. Оратор может при выражении благодарности проявить готовность «рассчитаться» за оказанную помощь. Рами Малек, произнеся речь по случаю получения «Оскара» за лучшую мужскую роль за работу в «Богемской рапсодии» произносит следующие слова: *Thank you guys for being, for allowing me to be the tiniest part of your phenomenal, extraordinary legacy. I am forever in your debt. My crew and my cast, I love you. You are my equals. You are my betters. I could have never been here without you* (рус. «Спасибо всем вам за то, что вы позволили мне быть крошечной частью этой феноменального, несравнимого наследия. Я навсегда в долгу у вас. Моя команда и мои коллеги, я люблю вас. Я такой же, как и вы. Вы – лучшее, что есть во мне. Я никогда бы не стоял здесь без вашей помощи»). Леонардо Ди Каприо произносит: *I thank you all for this amazing award tonight. Let us not take this planet for granted. I do not take tonight for granted. Thank you so very much* (рус. «Я благодарю вас за эту удивительную награду. Давайте не будем считать нашу планету чем-то само собой разумеющимся. Я не считаю, что этот вечер нечто само собой разумеющееся. Большое спасибо»).

Итак, одной из ключевых жанрообразующих характеристик благодарности как речевого жанра является образ адресанта и адресата. Для достижения коммуникативного намерения в ситуации оратор обращается к определенным коммуникативным стратегиям. В докладе рассматривается стратегия сближения с адресатом. В рамках данной стратегии можно выделить частные стратегии. Стратегия обращения к адресату проявляется в использовании местоимения первого лица множественного числа “we”, вместо местоимения первого лица единственного числа “I”, употреблении прямых обращений по имени, общих аллюзий, риторических вопросов. Стратегия выражения похвалы реализуется посредством использования эпитетов. Для стратегии преувеличения характерно использование описательной гиперболы, повторов, единиц-интенсификаторов – оценочных прилагательных или наречий. Частным случаем стратегии преувеличения является стратегия допущения нежелательных последствий. Другая стратегия сближения с адресатом – это стратегия прямого или имплицитного обещания, говорящий подчеркивает, что он готов возместить ресурсы, затраченные адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

- Блох М. Я., Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодический строй. М.: Прометей, 2011. 236 с.
- Бо У. Речевой жанр благодарности в русском языке (в сопоставлении с китайским) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. №3. С. 158–167.
- Голоднов А. В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестник Ленинградского государственного университета А. С. Пушкина. 2008. №2 (13). С. 7–19.
- Понятина Т. П. Коммуникативная стратегия сближения с адресатом художественного текста // Вестник ННГУ. 2013. №1–2. с. 235–237.
- Academy of Motion Picture Arts and Sciences. Oscars.org. URL: <https://www.oscars.org> (дата обращения 15.03.2024).

Davydova, K. A.; Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

THE IMPLEMENTATION OF A COMMUNICATIVE RAPPROACHEMENT STRATEGY WHEN DELIVERING THE ACCEPTANCE SPEECH AT THE ACADEMY AWARDS CEREMONY “OSCAR”

This report is focused on analyzing the rhetoric discourse, as well as contemplating the acceptance speech as genre type of the above-mentioned discourse. The report investigates the strategy of rapprochement with the addressee – one of the strategies used by a speaker in their speech at the Oscar ceremony. The study identifies particular strategies aimed at getting closer to the audience, as well as linguistic means inherent the implementation of each strategy.

Rhetorical discourse, speech genre, communication strategies, pragmatic impact

УДК 81–13

С. Ю. Имбер

Московский государственный лингвистический университет

ORCID 0000–0002–7234–6516

yanaimber@yandex.ru

ПОЗИТИВНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В НЕМЕЦКОМ ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ И КОММЕНТАРИЕВ ИЗ REDDIT)

Работа посвящена выявлению стратегии позитивной вежливости, а также анализу языковых средств ее выражения в немецкоязычном виртуальном дискурсе на примере публикаций и комментариев пользователей форума Reddit. Автор рассматривает коммуникативные акты благодарности и похвалы, а также другие тактики позитивной вежливости, реализуемые посредством субъективированных высказываний с ярко выраженной положительной оценкой, нейтрально-сдержанных комментариев с перформативными глаголами и существительными, а также внутригрупповых языковых маркеров.

Позитивная вежливость, виртуальный дискурс, Reddit, публикация, комментарий, благодарность, похвала

Введение и методология

На сегодняшний день социальные сети являются не только одним из способов самопрезентации человека, поиска и получения необходимой информации, но и важным каналом коммуникации. Появление «устно-письменной формы общения» [Казак, 2012] свидетельствует об изменении традиционных форм и правил интеракции людей в соответствии с новыми условиями, диктуемыми компьютерно-опосредованной коммуникацией, с которой напрямую связано понятие виртуального дискурса. Данный термин определяется как «текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности», которая накладывает на общение свои специфические особенности [Лутовинова, 2009, с. 3]. Например, исследователи наблюдают изменения в поведении пользователей при общении онлайн: повышение количества актов интернет-агрессии [Шульгинов, Мустафин, Тиллабаева, 2022], психологическую раскрепощенность пользователей [Горошко, 2014], возрастающее чувство вседозволенности и безнаказанности [Имбер, Томская, 2023].

Многие коммуникативные ситуации, в которых пользователь оказывается при общении в Интернете, являются аналогичными и в реальной жизни, например, необоснованная критика или дружеская поддержка. Данные случаи

напрямую связаны с одним из основополагающих факторов успешной коммуникации, а именно с категорией вежливости, которая определяется как «моральное качество ... человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом общения с окружающими» [Словарь этики, 1989, с. 37]. С точки зрения дискурсивного подхода вежливость является социокультурным феноменом [Ларина, 2009], при исследовании которого важно учитывать контекст и условия, в которых она функционирует. Национальность участников общения, возраст, половая принадлежность, мировоззрение – все эти факторы оказывают влияние на нормы, правила и традиции. Таким образом, дискурсивный подход позволяет рассматривать категорию вежливости не как некую константу, а как переменную, подверженную разного рода колебаниям.

В теории П. Браун и С. Левинсона рассматриваются два типа вежливости: вежливость сближения (позитивная) и вежливость дистанцирования (негативная) [Brown, Levinson, 1978]. Позитивный тип основан на «желании быть желанным», а также на намерении говорящего сблизиться со собеседником и вызвать его симпатию [Brown, Levinson, 1978, p. 62]. Негативная вежливость направлена на социальное дистанцирование, отражает желание адресанта иметь свободу действий и защитить свою автономию [Brown, Levinson, 1978]. В рамках данной теории вежливость рассматривается как набор стратегий, состоящий их речевых действий и соответствующих тактик для их реализации [Ларина, 2009].

Материалом данного исследования являются немецкоязычные публикации и комментарии, представленные на форуме Reddit. Для анализа нами были выбраны те сообщества, в рамках которых пользователь мог запросить помощь от других участников группы и получить в качестве ответа совет, оценку или мнение [Reddit]. В рамках данного исследования нами было проанализировано 50 публикаций и более 1000 комментариев из вышеупомянутых сообществ. Целью данной статьи является выявление стратегии вежливости сближения и языковых средств ее выражения в немецкоязычном виртуальном дискурсе (на примере форума Reddit).

Методологическую базу статьи составили работы П. Браун, С. Левинсона [Brown, Levinson, 1978], Р. и С. Сколлон [Scollon, Scollon, 2001], О. С. Иссерс [Иссерс, 2008] посвященные категории вежливости и стратегиям ее реализации, исследование Т. В. Лариной [Ларина, 2009], в которых рассматривается категория вежливости в рамках национально-культурных особенностей.

Стратегия и тактики вежливости сближения

Вежливость сближения, широко представленной в нашем материале в виде коммуникативного акта благодарности – «платы за то или иное действие, подарок, услугу» [Ларина, 2009, с. 308]. Большинство авторов благодарили потенциальных читателей за уделенное время и внимание в заключительных фразах своих публикаций. Кроме этого, признательность также находит свое выражение в коммуникации автора и других пользователей в процессе обсуждения поста. В то же время отметим, что некоторые авторы считали излишним благодарить каждого комментирующего в отдельности при вступлении с ним в диалог. По нашим наблюдениям, степень благодарности в анализируемом нами материале онлайн-общения является оптимальной, по сравнению, например, с английской лингвокультурой [Ларина, 2009, с. 310]. Наиболее стандартными способами выражения данного коммуникативного намерения являлись нейтрально-сдержанные высказывания с существительным „*Dank*“ («благодарность») и возможной интенсификацией с помощью лексемы „*viel*“ («много, сильно»). Некоторые авторы добавили своим высказываниям больше экспрессивности, используя в сочетании с перформативным глаголом „*danken*“ («благодарить») или существительным „*Dank*“ прилагательные с общеоценочным предикатом «хорошо»: „*lieb*“ (зд. «громадный, огромный»), „*vom vollsten Herzen*“ («от всего сердца»). Отметим, что во всех нижеприведенных примерах сохранена орфография и пунктуация автора.

Danke für deine Antwort («Спасибо за твой ответ»). *Vielen lieben Dank für die vielen Antworten!* («Огромное спасибо за такое большое количество ответов!») *Für jeden Input danke ich bereits vom vollsten Herzen* («Благодарю от всего сердца за каждый комментарий»).

Некоторые пользователи выбрали имплицитный способ выражения благодарности, отказавшись от конвенциональных формулировок и добавив высказывания субъективности через описания своих положительных эмоций („*sich freuen*“ «радоваться»), которые будут вызваны ответами и реакциями других пользователей. Подобный коммуникативный ход реализует стратегию положительной вежливости, описанных Роном и Сюзанной Сколлон [Scollon, Scollon, p. 50]. Тактика преувеличения, находит выражение в интенсификаторах „*sehr [freuen]*“ («очень [радоваться]»), „*am besten [anzusprechen]*“ («лучше/вплотную [разобраться]»), что свидетельствует о наличии эмоциональной оценки.

Ich würde mich über Tipps, Erfahrungen oder Ratschläge um dieses Thema am besten anzusprechen sehr freuen! (Я буду очень рад советам или опыту, которые помогут лучше разобраться в этой теме!).

Также нами было обнаружено небольшое количество актов благодарности, содержащих коммуникативный ход «оправдание», который мы можем скорее отнести к стратегии негативной вежливости, предоставляющей адресату «пути отхода», чтобы ему было легче отказать собеседнику [Scollon, Scollon, p. 50]. С другой стороны, выражение-штамп „*vielen Dank*“ («большое спасибо»), которое следует непосредственно после «оправдания», наряду с другими способами выражения благодарности, относится к вежливости сближения. Таким образом, в нижеприведенном примере, мы наблюдаем достаточно интересный случай сочетания двух противоположных типов вежливости в одном высказывании.

Wenn ihr bis hier hin durch gehalten habt, *vielen Dank* («Если вы продержались до этого момента, большое спасибо»).

Позитивная вежливость широко представлена в комментариях через тактику похвалы и, соответственно, оценочность. Подчеркнем, что в рамках данной статьи мы сконцентрируем внимание исключительно на положительной оценке, эксплицитно выраженной и часто встречающейся в высказываниях пользователей. Как отмечает О. С. Иссерс, похвала подразумевает «оценку качеств, знаний, умений адресата ... в область диктума включается поступок ... качества личности, проявленные при каких-либо обстоятельствах» [Иссерс, 2008, с. 179]. Мы заметили, что большинство коммуникативных актов похвалы строятся по одинаковой формуле: сначала комментирующий выражает похвалу с помощью прилагательных и существительных с маркером «+» (*cool* «классно», *Respekt* «мой уважение», *wichtig und richtig* «важно и правильно»), далее дает обоснование своей положительной оценки (*dass Du dir Hilfe holst* «что ты ищешь помощь», *dass Du diese Entscheidung triffst* «что ты принимаешь это решение», *ausziehen zu wollen* «что ты хочешь переехать»). Во всех, из обнаруженных нами комментариях, пользователи хвалили какое-то конкретное действие, реакцию, даже вопросы авторов публикаций. В связи с этим мы считаем, что в данном анализе речь идет именно о тактике похвалы, а не комплимента, который, имея схожую коммуникативную цель, все же подразумевает положительную оценку несколько других качеств.

Hi, erstmal *cool*, dass Du dir Hilfe holst («Привет, для начала скажу, что это *классно*, что ты ищешь помощь»). *Respekt*, dass Du diese Entscheidung triffst («*Респект*, что ты принимаешь это решение). Es ist *wichtig und richtig*, in deiner Situation *ausziehen zu wollen* («Это *важно и правильно*, что в твоей ситуации ты хочешь переехать»).

Интересным для изучения является следующий пример, в котором можно наблюдать имплицитно выраженную похвалу, возможно, даже восхищение.

Данный комментарий построен на противопоставлении двух ситуаций, а именно неудачи в жизни молодого человека и его попытках что-то изменить и предпринять. Особенную важность в выражении интенции автора имеет союз „*trotzdem*“ («несмотря на»), который интенсифицирует данную оппозицию. По нашему мнению, комментирующий удивляется способностям автора поста преодолевать сложности, находить в себе силы для улучшения ситуации.

Da ist ein junger Mensch der Pech mit seinem Start hatte und *trotzdem* versucht aus seinem Leben etwas zu machen («Вот молодой человек, который потерпел неудачу в самом начале, *но все равно* пытается улучшить свою жизнь»).

Нами было обнаружено большое число примеров, содержащих положительную оценку (*ok*, *nicht falsch* «не плохо», *richtig* «правильно», *naheliegend* «понятный, естественный»), но не относящихся непосредственно к тактике похвалы. Мы предполагаем, что нижеприведенные примеры имеют в пропозициональном отношении скорее значение поддержки, подтверждения позиции автора, согласия с ней, что также соотносится со стратегией вежливости сближения [Scollon, Scollon, p. 50]. Отметим, частое использование комментирующими интенсификаторов (*völlig* «совершенно», *absolut* «абсолютно», *sehr* «очень»), с целью подчеркнуть свою позицию, убедить и успокоить, поддержать автора публикации.

Es ist *völlig ok* das nicht zu machen («Это *совершенно нормально* этого не делать»). Nein, das ich *nicht falsch*, das ist *absolut richtig* («Нет, это *не неверно*, это *абсолютно правильно*»). Das hört sich *schon sehr naheliegend* an («Это звучит *совершенно естественно*»).

Говоря о других тактиках сближения, отметим использование комментирующими и авторами языка, понятного внутри данного сообщества. К нему относятся различного рода аббревиатуры, популярные именно в Reddit, например, „OC“ (original content), „OP“ (original poster), *BIDA* (*Bin ich das arschloch?* «Я плохой человек?»), „AMA“ (Ask me anything). Для пользователя, незнакомого с «языком Reddit» вышеупомянутые внутригрупповые маркеры могут являться существенным препятствием для коммуникации внутри социальной сети, что, в свою очередь, не способствует реализации позитивной вежливости.

Заключение

Позитивная вежливость в немецкоязычном виртуальном дискурсе находит свое выражение с помощью интенсификации, нейтрально-сдержанных высказываний с перформативными глаголами и существительными. Так пользователи Reddit реализовывали коммуникативный акт благодарности. Имплицитно он также выражался средствами субъективированных высказываний с

включением «преувеличенной» положительной оценки. Нами были обнаружены интересные примеры сочетания вежливости сближения и дистанцирования в рамках одного высказывания для выражения благодарности. Коммуникативный акт похвалы в большинстве случаев состоял из двух элементов: высказывания с положительной оценкой и ее последующего обоснования. С помощью ярко выраженного противопоставления некоторым комментирующим удалось имплицитно сформулировать похвалу. Позитивная вежливость также была отражена в тактике использования маркеров внутригрупповой принадлежности. Перспективной темой для дальнейшего исследования являются средства выражения позитивной вежливости в других немецкоязычных и русскоязычных социальных сетях.

ЛИТЕРАТУРА

- Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / ред.: Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука. 2012. С. 9–52.
- Имбер С. Ю., Томская М. В. Модерация социальных сетей как инструмент управления коммуникацией (на примере «ВКонтакте» и „Reddit“) / С. Ю. Имбер, М. В. Томская // Междисциплинарные проблемы человеко-машинного взаимодействия: Сборник научных статей. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "ОнтоПринт", 2023. С. 74–94.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика. М.: ФЛИНТА, 2012. С. 320–334.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / О. В. Лутовинова. – Волгоград, 2009. С. 10–11.
- Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. 6-е изд. М.: Политиздат, 1989. 448 с.
- Шульгинов В. А., Мустафин Р. Ж., Тиллабаева А. А. Регулярная (не)вежливость в интернет-коммуникации: к вопросу о дискурсивном сдвиге в использовании этикетных формул благодарности // Культура и текст. Алтайский государственный педагогический университет, 2022. Вып. 1 (48). С. 177–187.
- Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction / E. Goody (ed.). N. Y.: Cambridge University Press, 1978. P. 256–289.
- Scollon R., Scollon S. Intercultural Communication: A Discourse Approach. Second Edition. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001. 336 p.
- Reddit: <https://www.reddit.com/r/BinIchDasArschloch/>, <https://www.reddit.com/r/Ratschlag/>, <https://www.reddit.com/r/beziehungen/> (дата обращения: 16.03.2024).

Imber, S. Yu.

Moscow State Linguistic University

POSITIVE POLITENESS IN GERMAN VIRTUAL DISCOURSE: PUBLICATIONS AND POSTS ON REDDIT

The work is dedicated to identifying strategy of positive politeness, as well as analyzing the linguistic means of its expression in German-speaking virtual discourse using the example of publications and comments of users on the Reddit forum. The author examines communicative acts of gratitude and praise and other tactics of positive politeness, realized through subjective statements with a strongly positive evaluation, neutrally restrained comments with performative verbs and nouns, as well as intragroup linguistic markers.

Positive politeness, virtual discourse, Reddit, publication, comment, gratitude, praise

УДК 811.111

Ю. В. Караульщикова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ORCID: 0000–0003–1222–0660

karaulshchikova@sgspu.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

В докладе рассматриваются средства выражения эпистемического содержания в англоязычной аналитической статье, посвященной инаугурации Барака Обамы. Рассматриваются лексико-синтаксические и композиционно-стилистические средства, создающие метасемiotическое содержание статьи. Полученные результаты показали, что основная идея статьи об уникальности американской нации реализуется при помощи синтагм с дейксисом первого лица, эмоционально-оценочной лексики, развернутой метафоры.

Эпистемическое содержание, средства выражения, аналитическая статья

Обращение к развернутым речевым произведениям при анализе модального содержания текста невозможно без учета таких экстралингвистических факторов как цели и установки субъекта речи, избираемые им речевые тактики, особенности ситуации общения, отношение говорящего к сообщаемому [Кудряшева, 2022]. Отношение говорящего

к сообщаемому, так же как и отношение высказывания к действительности, являются свойствами категории модальности, которая связана с противопоставлением высказываний по характеру коммуникативной установки, по признаку «утверждение – отрицание» и градации значений в диапазоне «реальность – ирреальность», а также степени уверенности говорящего в достоверности его представлений о действительности [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 303]. Выражение степени уверенности в сообщаемом в определении категории модальности коррелирует с дефиницией эпистемической модальности, которая выражает степень принятия информации и отношение к надежности [Кондаков, 1975, с. 32].

В настоящей статье ставится задача рассмотреть вопрос о реализации эпистемического содержания в составе развернутого речевого произведении, в котором прослеживается установка на определенное, характерное для текста в целом, модальное содержание. В качестве материала для анализа избрана статья, смысловая доминанта которой в плане модальности может быть определена как «реальность – ирреальность». Выбранная статья посвящена инаугурации Барака Обамы – событию, получившему широкий отклик в СМИ, и взята с сайта www.theguardian.com, от 26 января 2009 года. Выбор именно этой статьи объясняется тем, что один из основных признаков модальности (реальность и ирреальность) в ней реализуется с позиции субъективного отношения к степени вероятности описываемого события, т.е. с эпистемической модальностью.

При анализе материала мы использовали метод лингвистического анализа для выявления разноуровневых языковых средств, способствующих раскрытию эпистемического содержания статьи. Кроме этого, был использован описательно-аналитический метод для описания материала и анализа особенностей использования языковых единиц, реализующих модальное содержание статьи. В качестве метода также используется контекстуальный анализ, так как при рассмотрении структурно-семантических и функциональных особенностей языковых средств, формирующих модальное содержание, учитывается контекст их употребления.

В статье об инаугурации Барака Обамы в жанре аналитического комментария под названием “Obama's inauguration was the most inspiring thing we've seen in years – and the most terrifying, too” [The Guardian] авторское отношение к описываемому событию реализуется в первом абзаце текста:

*Last week I watched the most frightening horror movie I've ever seen. It was about three hours long, and, **incredibly**, it all unfolded live. I'm talking, **of course**, about the inauguration of Barack Obama. Yes it was inspiring, yes it was uplifting,*

but it was also genuinely terrifying on a very human level, because just like you I was watching it with the terrible nagging suspicion that he might get shot at any moment («На прошлой неделе я посмотрел самый пугающий фильм ужасов, который я когда-либо видел. Это длилось около трех часов, и, что невероятно, все происходило вживую. Я говорю, конечно, об инаугурации Барака Обамы. Да, это вдохновляло, да, это воодушевляло, но это было также по-настоящему страшно на очень человеческом уровне, потому что, как и вы, я смотрел это с ужасным мучительным подозрением, что его могут застрелить в любой момент.» – здесь и далее перевод автора статьи – Ю. К.).

Модальное глагольное словосочетание с эпистемическим содержанием *might get shot*, будучи включено в рематическую часть абзаца, становится центральным элементом вводной части текста. Тематическая часть высказывания насыщена экспрессивно-оценочными лексическими единицами, призванными передать чувства автора в отношении инаугурации: с одной стороны, это слова с позитивной коннотацией (*inspiring, uplifting*), а с другой – словосочетания с ярко выраженной мелиоративной коннотацией: *the most frightening horror, genuinely terrifying, the terrible nagging suspicion*. Противопоставление позитивного и негативного (*inspiring-terrifying*) лежит и в основе заглавия, отражающего главный посыл статьи.

В этой статье реализуется оппозиция реальности-ирреальности достижения человеком поставленной цели. Данное модальное содержание получает как позитивную, так и негативную трактовку, поскольку относится к двум аспектам. Возможным считается то, что афроамериканец, вышедший из не совсем благополучной среды, самостоятельно выбирает себе жизненный путь и достигает его вершины, преодолевая препятствия; в то же время здесь выражены сомнения в возможности сначала победы на выборах, а затем, когда инаугурация состоялась, в возможности того, что благоприятное течение обстоятельств продлится, и жизнь президента не подвергается опасности.

В основной части текста модальные глаголы реализованы в четырех синтагмах с эпистемическим содержанием: *would be travelling* «будет передвигаться», *would be far happier* «были бы гораздо счастливее», *would be more comfortable to assume* «было бы спокойнее предположить», *could actually be* «могли на самом деле быть». Все они, как и фраза, включающая эпистемический глагол (*seems too good to be true* «кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой») имеют значение гипотетичности. Из средств выражения модальности на лексическом уровне можно назвать модальные слова *of course* «конечно», *fortunately* «к счастью», *incredibly* «невероятно», *probably* «вероятно» со значениями уверенности, оценки и вероятности.

Личностное восприятие описываемой ситуации, которое ярко проявляется в рассматриваемом тексте, находит отражение и в многочисленных субъектно-предикатных синтагмах с дейксисом первого лица единственного числа: *I watched* «я смотрел», *I've never wanted* «я никогда не хотел», *I've seen* «я видел», *I've been* «я был», *I'm gripped* «я захвачен», *I shouldn't have mentioned* «мне не следовало упоминать», *I know* «я знаю». Они дополняются разговорными фразами и междометиями, которые призваны отразить уже не рациональную, а эмоциональную сторону восприятия происходящих событий: *Oh Jesus!* «О Боже!» *Goddamit!* «Черт возьми» *Let's hope...* «Будем надеяться...» *Oh Christ!* «О Боже!» *ta da!* «та да!».

Противопоставление и контраст, которые были отмечены в отношении заголовка и вводного абзаца, в основной части выражаются контрастирующими по смыслу и характеру коннотации частями высказывания, вводимыми словами *yes* «да» и *but* «но» (*Yes it was inspiring, yes it was uplifting, but it was also genuinely terrifying on a very human level* «Да, это вдохновляло, да, это воодушевляло, но это было также по-настоящему страшно на очень человеческом уровне»), союзной конструкцией *Still ... But* «Еще ... Но», объединяющей два абзаца.

Контрастирующие по характеру коннотации слова реализуются в рамках различных по структуре словосочетаний. Так, слова с мелиоративной коннотацией включены в синонимические коллокации: *hope and expectation* «надежда и ожидание», *joy and trepidation* «радость и трепет», *peaceful and powerful* «умиротворенный и сильный», *good and inspiring ... and simply downright wonderful* «хороший и вдохновляющий ... и просто замечательный». Гораздо более многочисленные синтагмы с пейоративной коннотацией включают субстантивные словосочетания (*terrible nagging suspicion* «жуткое ноющее подозрение», *dark fears* «темные страхи»), наречные словосочетания (*downright mean* «откровенно неприятно», *tense uncontrollably* «неудержимо напрягаться»), глагольные сочетания (*gripped by an eerie sense of dread* «был охвачен жутким чувством страха»).

Основным приемом выражения авторской оценки становится аллюзия, основанная на фильме о Супермене в сочетании с развернутой метафорой:

For the last eight years, watching America at work was like watching the scenes in Superman III where Superman, under the influence of red kryptonite, goes "bad" and grows stubble and gets drunk and starts vandalising the city and shouting at kids. He's only stopped when his geeky alter ego Clark Kent magically fights his way out from within. ... Evil Superman is finally vanquished. As a battered but unbowed Clark Kent gazes up at the heavens, the theme music swells, and his shirt open to reveal – ta da! – a fresh, clean Superman costume he'd been wearing

underneath the whole time («В течение последних восьми лет наблюдать за работой Америки было все равно, что смотреть сцены из «Супермена-3», где Супермен под воздействием красного криптонита становится «плохим», отращивает щетину, напивается, начинает разрушать город и кричать на детей. Он остановился только тогда, когда его вызывающее альтер-эго Кларк Кент волшебным образом пробивается наружу изнутри. ... Злой Супермен наконец побеждён. Пока избитый, но непокоренный Кларк Кент смотрит на небо, музыкальная тема нарастает, и его рубашка расстегивается, обнажая – та-да! – свежий, чистый костюм Супермена, который он носил под ней все это время.»).

Противопоставление *Evil Superman – His alter ego* становится способом выражения идеи о том, что предыдущий президент, и, в общем, Америка в целом до инаугурации – это злой Супермен, в то время как Альтер Эго – это Барак Обама как символ лучшего в Америке и связанного с ним будущего. В тот момент, когда Добрый Супермен побеждает Злого Супермена и смотрит в небеса, звучит музыка – *ta da!* – и под обычной одеждой обнаруживается новенький костюм супермена, который, оказывается, все время был на нем. Автор говорит: ... *it had all been a pretty good metaphor for the redemptive spectacle of last November's election. And now it's just a silly action movie I probably shouldn't have mentioned in the first place* («... все это было довольно хорошей метафорой искупительного зрелища выборов в ноябре прошлого года. А теперь это просто глупый боевик, о котором, наверное, вообще не следовало упоминать.»). По убеждению автора, в сознании избирателей Барак Обама действительно поднялся до образа Супермена: *Still, Obama really has been elevated to the position of Supermen in many minds* («Тем не менее, во многих умах Обама действительно возведен в ранг Супермена.»). Эта вера людей граничит с отчаянием: ... *to the point where it's hard to keep a check on expectations; we're all yearning for him to single-handedly save the world. Hearing him referred to as "President Obama" on the news still seems too good to be true* («... до такой степени, что трудно сдерживать ожидания; мы все жаждем, чтобы он в одиночку спас мир. Слышать, как его называют «президентом Обамой» в новостях, все еще кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой.»). Сомнение не покидает никого: *But we are also aware that he isn't a Man of Steel, painfully aware too that the world contains its fair share of racists and paranoid gun nuts* («Но мы также осознаем, что он не Человек из стали, а также с болью осознаем, что в мире есть изрядная доля расистов и параноиков с оружием.»).

Противопоставление пессимистичного и оптимистичного взглядов на сложившуюся ситуацию можно считать основой текстовой модальности в данной статье.

В этой статье на метасемиотическом уровне провозглашается идея уникальности американской нации: *the most exciting nation on earth: America* («Самая захватывающая нация на земле: Америка»). Мета-содержание текста заключается в утверждении того, что исключительность Б. Обамы как главы единственного в своем роде государства, «сверх-человека», действительно способного успешно осуществить возложенную на него миссию, требует от граждан страны преданности президенту.

Можно сделать вывод, что в модальном содержании рассмотренной статьи выражен контраст реального и нереального и установка автора на выражение собственной интерпретации происходящего. Эти, связанные с субъектом речи, черты нашли отражение в использовании значительного по количеству и разнообразию по составу комплекса средств выражения эпистемического содержания, насыщенности текста синтагмами с дейксисом первого лица, высокой степени эмоционально-экспрессивно-оценочной окраски текста, которая проявляется не только в лексическом составе, но и в образности используемой развернутой метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

- Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М.: Наука, 1975. 720 с.
Кудряшева Ф. С. Политический медиадискурс и языковые средства реализации его интенции // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2022. Т. 27. №1. С. 179–186.
Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
The Guardian: Obama's inauguration was the most inspiring thing we've seen in years – and the most terrifying, too URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/jan/26/charlie-brooker-obama-inauguration> (дата обращения: 17.03.2024).

Karaulshchikova, Yu. V.

Samara State University of Social Sciences and Education

MEANS OF EPISTEMIC CONTENT EXPRESSION IN THE ENGLISH ANALYTICAL ARTICLE

The means of epistemic content expression in the English analytical article about Barack Obama's inauguration are considered. Lexico-syntactic and compositional-stylistic means of metasemiotic content expression are studied. The results show that the main idea of the article about the uniqueness of the American nation is realised through syntagms with the first person deixis, emotional-evaluative language, a detailed metaphor.

Epistemic content, means of expression, analytical article

УДК 81`42

В. Н. Матвеева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000–0001–6696–3836

09082000@list.ru

Н. В. Степанова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000–0002–0920–753X

nathalie.tresjolie@icloud.com

ПРОБЛЕМА РАСОВОГО НЕРАВЕНСТВА В БРИТАНСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ: ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА

В докладе рассматривается дискурсивная личность автора британского медиатекста, посвящённого вопросам неравенства. С точки зрения современной лингвистики актуальность избранной темы заключается в необходимости изучения способов воздействия дискурсивной личности на читателя. Было установлено, что к основным ценностям, транслируемым автором медиатекстов, относятся справедливость, сплочённость, вера в равные права и возможности. Речевой портрет автора обладает высокой степенью эмотивности, к числу используемых дискурсивных тактик можно отнести сближение с читателем, апелляцию к стереотипам, обобщение и противопоставление.

Дискурсивная личность, корпусная лингвистика, неравенство, медиадискурс, медиатекст

Понятие языковой личности постепенно утрачивает свою эвристическую ценность в свете недавних исследований в области дискурс-анализа [Синельникова, 2013, с. 43]. Термин «дискурсивная личность», производный от понятия «дискурс», представляется более точным и позволяет учитывать в исследовании не только собственно лингвистический, но и когнитивный план дискурса, включая ментальные модели, сценарии и ценностные установки языковой личности.

Несмотря на широкое использование термина «дискурсивная личность» в работах современных исследователей, толкование данного понятия по-прежнему остаётся дискуссионным [Михайлова, 2021, с. 24]. Дискурсивная личность представляет собой языковую личность, осуществляющую коммуникацию и воздействующую на ход общения в соответствии со своими коммуникативными намерениями в рамках того или иного дискурса. Подобное понимание дискурсивной личности подразумевает использование типологического

подхода, т. е. в центре исследования находится коллективная языковая личность, изучение которой позволяет сформировать собирательный образ участника конкретного вида дискурса [Мальшева, 2011; Михайлова, 2021; Резанова, 2017]. Таким образом, здесь и далее в тексте доклада под словом «автор» принято понимать коллективную языковую личность, т. е. типичного представителя исследуемого дискурса, обладающего набором стандартных ценностей и концептов, которые он транслирует, речевых стратегий и тактик и т. д.

Достоверное исследование дискурсивной личности должно проводиться на основе объёмного корпуса текстов, работа с которым возможна при задействовании специального программного обеспечения [Синельникова, 2013, с. 43]. Автоматизированный анализ текстов можно назвать одним из самых современных методов лингвистического исследования. Использование подобных программ значительно облегчает процесс восприятия текста и помогает выявить различные прагматические и стилистические значения, закодированные в конкретном употреблении каждого языкового выражения [Khafaga, 2022, с. 220].

Программы для автоматизированного анализа текста предлагают целый ряд параметров, по которым может быть произведён анализ различных типов текстов. Одним из преимуществ автоматизированного анализа текста также является более высокая точность результатов по сравнению с традиционными методами анализа текста [Khafaga, 2022, с. 221].

Материалом данного исследования послужили публикации журнала "The Guardian", опубликованные на официальном сайте издания. Общий объём корпуса, на материале которого проводилось исследование, составляет 301 страницу или 94693 слова и включает в себя 104 публикации. Отбор материала проводился при помощи встроенной функции поиска по сайту (<https://www.theguardian.com/international>) с сортировкой материала по релевантности. Таким образом, в состав корпуса вошли наиболее просматриваемые и комментируемые публикации, размещённые на сайте журнала "The Guardian". В рамках исследования были использованы такие методы исследования, как машинный анализ при помощи программы Antconc, метод сплошной выборки, концептуальный анализ текста корпуса, а также прагмастили-стический анализ дискурсивной личности автора.

С точки зрения лексической представленности в тексте корпуса наиболее актуальной является тема расового неравенства, преобладающая над остальными подразделами исследуемого дискурса. Согласно результатам машинного анализа текста посредством программы Antconc, данная тема представлена следующими лексемами (в квадратных скобках указана лексема, к которой относится коллокат): *racial inequality* (17), *racial discrimination* (15), *ethnic*

inequality (8), race discrimination (2), racial injustice (2), racism and discrimination (2); black (30), ethnic (20), white (18), minority (16), asian (13) [PEOPLE]; black (18), native (3), latina (3) [WOMEN]; race (8) [HEALTH]; people (30), women (18), asian (18), ethnic (12), minority (11), african (8), caribbean (8), communities (7), medical (6), residents (4), chemists (4), americans (4), careers (3), academic (3), outraged (2) [BLACK].

Несмотря на возможности машинного анализа текста, данный тип анализа не позволяет осуществлять качественную интерпретацию полученных количественных данных. В связи с этим работа с корпусом также предполагает использование метода сплошной выборки, при котором материал просматривается вручную на предмет наиболее показательных примеров, иллюстрирующих дискурсивную личность автора. Привлечение метода сплошной выборки также позволяет выделить те способы репрезентации концепта, которые, несмотря на невысокую частотность, благодаря своей образности производят глубокое впечатление на читателя. Так, например, в рамках исследуемого корпуса расизм сравнивается с монстром:

(1) *This monster [racism] has no place in our society. It not only harms First Nations peoples, whose continued collective suffering should be enough of an impetus to inspire change [The Guardian: Whatever the voice vote's result, Australia has a racism problem we must tackle].*

(2) *It is a tentacled monster that feels impossible to slay, and its venomous nature seems to have only mutated in recent times [The Guardian: Whatever the voice vote's result, Australia has a racism problem we must tackle].*

(3) *The monster of racism can only be truly challenged if we all stand together to confront it. Those in power must take the lead [The Guardian: Whatever the voice vote's result, Australia has a racism problem we must tackle].*

Подобная персонификация расизма позволяет автору наиболее эффективно донести до читателя своё отношение к описываемому явлению: так, в примере (1) при помощи данного образа расизм противопоставляется здоровому обществу, в котором нет места расовой или этнической дискриминации. Исходя из этого, можно сделать вывод, что основополагающей ценностью для автора является справедливость. Стоит также отметить, что для достижения коммуникативной задачи автор использует дискурсивную тактику сближения с читателем (*our society*). Образность также усиливается словосочетанием *continued collective suffering*, подчёркивающим деструктивную природу расизма и его негативное влияние на те социальные группы, которые ему подвергаются.

В примере (2) данный образ усиливается благодаря эпитету *tentacled*, который позволяет передать многоуровневый характер описываемого явления:

таким образом, автор утверждает, что расизм охватывает все стороны жизни, и решение данной проблемы требует комплексного подхода. В приведённом примере расизм представляется как непреодолимое (*impossible to slay*) и прогрессирующее (*mutated*) явление, «отравляющее» (*venomous nature*) общество. Степень образности данного высказывания позволяет сделать вывод, что одной из центральных характеристик дискурсивной личности автора является эмотивность.

Тем не менее, в примере (3) автор утверждает, что путь к устранению расизма заключается в консолидации общества, включая привилегированные слои населения (*those in power*). Иными словами, одной из ключевых ценностей автора является социальная сплочённость. Также стоит отметить, что, как и в примере (1), автор задействует дискурсивную тактику сближения с читателем (*stand together*). Таким образом, использование олицетворения позволяет автору создать определённый коммуникативный эффект и отразить важные стороны описываемой проблемы, такие как деструктивный, прогрессирующий и глобальный характер явления, а также необходимость объединения общества для его устранения.

Многоаспектность и многоуровневость как свойства расового и этнического неравенства передаются не только посредством образов, но и в сравнении с другими существующими социальными проблемами. Так, в примере (4) автор отмечает, что на данный момент общество переживает сразу несколько кризисов (*multiple overlapping crises*), при этом решение каждого из них требует немедленного вмешательства (*emergency*):

(4) *We live in a time of multiple overlapping crises: we have a health emergency; we have a housing emergency; we have an inequality emergency; we have a racial injustice emergency; and we have a climate emergency, so we're not going to get anywhere if we try to address them one at a time. We need responses that are truly intersectional* [The Guardian: 'It's inequality that kills': Naomi Klein on the future of climate justice].

Таким образом, с точки зрения автора разные аспекты неравенства существуют в тесной взаимосвязи, т. е. неравенство как явление становится интерсекциональным. Данная мысль находит отражение в примерах (5) и (6):

(5) *Black, Brown, Indigenous and low-income communities have been historically overburdened with fossil fuel pollution and are now on the frontlines of a climate crisis that is largely the making of richer people* [The Guardian: Who are the polluter elite and how can we tackle carbon inequality?].

(6) *The review found evidence of negative interactions, stereotyping, disrespect, discrimination and cultural insensitivity, leading to some minority ethnic*

women feeling “othered”, unwelcome, and poorly cared for [The Guardian: Radical action needed to tackle racial health inequality in NHS, says damning report].

Так, в примере (5) интерсекциональность неравенства выражена сразу тремя аспектами: расовым, экономическим и экологическим, при этом сложившаяся ситуация сравнивается с военными действиями (*frontlines of a climate crises*) для достижения большей образности высказывания. Взаимосвязь гендерного и расового неравенства выражена в примере (6) через описание «отчуждённости» (“othered”), с которой сталкиваются женщины, принадлежащие к этническим меньшинствам: таким образом, одной из характеристик дискурсивной личности автора является приверженность таким ценностям, как равенство и инклюзивность.

В рамках дискурса неравенства тема расизма также обыгрывается метафорой «расизм как болезнь»: так, в примере (7) данное явление сравнивается с чумой. При помощи этой метафоры автору удаётся выделить сразу несколько аспектов описываемой проблемы, а именно ее масштабность, деструктивность и темпы распространения:

(7) *But the problem with this point of view is that the report has already been used to advance the claim that Britain is still plagued by racism – and the very same people who make this claim also emphasise only one kind of racial inequality, one that puts black and Asian people at the very bottom of society, and “white” people at the top* [The Guardian: Racism in Britain is not a black and white issue. It’s far more complicated].

Особого внимания в рамках дискурса неравенства требует оппозиция «угнетённые-привилегированные», которая реализуется в примерах (8), (9) и (10):

(8) *Arts and culture are in danger of becoming the preserve of white, public-school-educated men* [The Guardian: Inequality diminishes the culture sector].

(9) *But what Martin and other young men of his ilk don’t seem to be aware of is that even as their social capital dwindles, straight white men are still winning, as far as tangible indicators of wellbeing go* [The Guardian: To the Andrew Tate disciples who feel downtrodden by society: straight white men are still winning].

(10) *Instead, it’s very likely that the backlash to his video has done nothing but reinforce to Martin that the easily offended snowflakes online do unfairly hate straight white men* [The Guardian: To the Andrew Tate disciples who feel downtrodden by society: straight white men are still winning].

В приведённых примерах ключевым признаком привилегированности является расовая принадлежность (*white*), однако автор подчёркивает интерсекциональную природу неравенства при помощи уточнений относительно гендерных (*straight*) и экономических (*public-school educated*) особенностей

привилегированного слоя населения. Таким образом, можно сказать, что для достижения необходимого коммуникативного эффекта автор прибегает к стереотипизации и обобщению: использование подобных тактик можно расценивать как проявление манипулятивной дискурсивной стратегии. К одной из характеристик речевого портрета автора можно отнести тактику противопоставления, которая прослеживается во всех трех вышеперечисленных примерах.

Тем не менее, в некоторых текстах можно наблюдать отступление от манипулятивной стратегии: рассуждая об эксплуатации труда, в примере (11) автор ставит знак равенства между недобросовестными работодателями различной расовой принадлежности:

(11) *Exploitation exists in all communities. Exploiters do not care about the colour or culture of those whom they exploit. Black employers or shopkeepers are as likely to take advantage of black employees or consumers as are Asian or white ones* [The Guardian: What a brawl in a Peckham shop tells us about race and class in Britain today].

Таким образом, конструируя дискурс расового неравенства, автор строит повествование на противоречиях, которые бывают неочевидны рядовому читателю. Так, например, в рамках заданного дискурса автор прибегает к использованию стереотипов, однако склонен критиковать стереотипизацию меньшинств или непривилегированных слоёв населения. Говоря о ценностях, транслируемых автором, стоит отметить такие категории, как справедливость, равенство прав и возможностей, социальная сплочённость и др. Также одной из характеристик, присущих речевому портрету автора, можно назвать высокую степень образности (например, использование олицетворения и метафоры), которая способствует более эффективной коммуникации с читателем и интенсификации дискурсивного воздействия. Наконец, стоит отметить, что большое внимание автор уделяет интерсекциональному характеру неравенства, неоднократно подчёркивая взаимосвязь расового, экономического, гендерного и экологического аспектов проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Мальшева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск: Изд-во Ом. гос. унта, 2011.
- Михайлова О. А. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2021. №6 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-lichnost-opyt-lingvoaksiologicheskogo-analiza> (дата обращения: 10.03.2024).
- Резанова З. И. Дискурсивная языковая личность участника виртуального фан-сообщества // СибСкрипт. Кемерово, 2017. №1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-yazykovaya-lichnost-uchastnika-virtualnogo-fan-soobschestva> (дата обращения: 13.03.2024).

- Синельникова Л. Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация // Грани познания. Волгоград, 2013. №1 (21). URL: <https://sciup.org/koncept-diskursivnaja-lichnostmezhdisciplinarnaja-parametrizacija-14821861#> (дата обращения: 10.03.2024).
- Khafaga A. F. A Computational Approach to Decode the Pragma-Stylistic Meanings in Narrative Discourse // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. Utan Kayu Publishing. Pringsewu, 2022. №2 (13). URL: https://thesai.org/Downloads/Volume13No2/Paper_27-A_Computational_Approach_to_Decode.pdf (дата обращения: 13.03.2024).
- The Guardian: 'It's inequality that kills': Naomi Klein on the future of climate justice. URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/feb/13/its-inequality-that-kills-naomi-klein-on-the-future-of-climate-justice> (дата обращения: 17.03.2024).
- The Guardian: Inequality diminishes the culture sector. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2024/jan/02/inequality-diminishes-the-culture-sector> (дата обращения: 18.03.2024).
- The Guardian: Racism in Britain is not a black and white issue. It's far more complicated. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/apr/15/racism-in-britain-is-not-a-black-and-white-issue-it-is-far-more-complicated> (дата обращения: 18.03.2024).
- The Guardian: Radical action needed to tackle racial health inequality in NHS, says damning report. URL: <https://www.theguardian.com/society/2022/feb/13/radical-action-needed-to-tackle-racial-health-inequality-in-nhs-says-damning-report> (дата обращения: 18.03.2024).
- The Guardian: To the Andrew Tate disciples who feel downtrodden by society: straight white men are still winning. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jan/02/to-the-andrew-tate-disciples-who-feel-downtrodden-by-society-straight-white-men-are-still-winning> (дата обращения: 18.03.2024).
- The Guardian: What a brawl in a Peckham shop tells us about race and class in Britain today. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/17/what-brawl-in-rye-lane-peckham-shop-tells-us-about-race-class-britain-today> (дата обращения: 18.03.2024).
- The Guardian: Whatever the voice vote's result, Australia has a racism problem we must tackle. URL: <https://www.theguardian.com/media/2023/nov/11/uk-us-news-journalism-executives/> (дата обращения: 17.03.2024).
- The Guardian: Who are the polluter elite and how can we tackle carbon inequality? URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/nov/22/who-are-polluter-elite-how-can-we-tackle-carbon-inequality> (дата обращения: 17.03.2024).

Matveeva, V. N.; Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

THE ISSUE OF RACIAL INEQUALITY IN THE BRITISH MEDIA TEXT: THE DISCOURSE PERSONALITY OF THE AUTHOR

The article analyses the discourse personality of the author of a British media text on inequality issues. The significance of the chosen subject lies in the necessity to investigate how a discourse personality influences a reader. It was found that the author's primary values are justice, consolidation, and faith in equal rights and opportunities. The author's use of language has a high level of emotiveness, and their discourse tactics include rapprochement, appeal to stereotypical views, as well as generalizations and opposition.

Discourse personality, corpus linguistics, inequality, media discourse, media text

УДК 808.51

С. У. Мейсурова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

meysurova.s2004@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ ТАКТИК НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ

В статье рассмотрено применение коммуникантами более одной речевой тактики с элементами манипуляции в публичных выступлениях британской королевской семьи. Особое внимание уделено выявлению фундаментальных тактик некоторых частей публичного выступления, которые реализуется благодаря «подтактикам» через парадигму лексико-семантического и морфологического аспекта. Осуществлено определение дискурса по интенсивности речевого воздействия, инструментами установления которого стал лексико-семантический и морфологический аспект речи.

Дискурс, британская королевская семья, речевые тактики, речевая стратегия, лексико-семантический, морфологический аспект речи, манипуляции

Речевое взаимодействие в лингвистике на протяжении длительного периода времени сохраняет неизменный интерес [Егошкина, 2018, с. 116]. Дискурс как речь, «погруженная в жизнь», может быть назван навигатором различных изменений, происходящих в социальной, духовной, экономической и политической сферах жизни. Такая речь в контексте живой жизни анализирует и интерпретирует языковые изменения в различных контекстах, что позволяет лингвистам понять, как язык отражает социокультурные аспекты общения.

Манипуляции, имеющие крайне высокую степень интеграции в науки (социология, философия, психология, политика) и типы дискурса (экономический, институционный, деловой, научный, публицистический), являются как эксплицитным, так и имплицитным мощным средством удержания власти и контроля себя и окружающих [Мкртычян, Дзундза, 2023, с. 38, 40]. Весьма часто речевые тактики, служащие вербальным средством реализации речевой стратегии, в основе которой лежит интенциональность, содержат в себе элементы манипуляции [Мкртычян, Дзундза, 2023, с. 41]. Они находят свое применение в политическом дискурсе, являющимся, по мнению Е. И. Шейгал [Шуляк, 2022, с. 384], инструментом политической власти, в частности, в публичных выступлениях членов британской королевской семьи (*British royal*

family), чья роль в конституционной парламентской монархии церемониальна и особенно важна в свете последних событий в мире.

Целью исследования явился анализ речи одного из представителей британской королевской семьи – принца Уильяма. В задачи исследования входило: 1) определение манипулятивных стратегий и тактик в выступлении; 2) обнаружение переплетений тактик как инструмента реализации основной в определенных частях выступления; 3) определение дискурса по интенсивности речевого воздействия, инструментами установления которого стал лексико-семантический и морфологический аспект речи; 4) анализ реализации манипулятивных тактик на лексико-семантическом и морфологическом уровне; 5) обнаружение подтекста в речи коммуникантов. Анализ текста осуществлен путем фрагментарного вычленения из него необходимых для исследования компонентов [Kindelan, 2024].

В свете последних событий Британской королевской семье достаточно тяжело удерживать свое равновесие и влияние не только на территории 14 союзных независимых государств, где на данный момент проходят референдумы о вопросе сохранения влияния политического института короны, но и в своей стране. Чрезмерно высокие налоги (около 42 % зарплаты британцев), высокая инфляция (до 11.1 %), смерть королевы Елизаветы II и неопределенность в связи с непопулярностью преемника, короля Карла III, скандалы принца Гарри и герцогини Меган, связанные с разоблачениями членов королевской семьи, а также значительное падение популярности королевской семьи особенно среди молодежи ставят под сомнение необходимость существования монархии. Согласно последнему вопросу, народная поддержка монархии среди молодого поколения упала с 59 % в 2011 г. до 33 % в 2024 г. [Agiesta et al., 2023]. Именно поэтому публичные выступления британской короны приобрели специфический характер: в них стали доминировать *стратегия улучшения имиджа коммуникантов посредством аргументации и самопрезентации с элементами манипуляции* [Шуляк, 2022, с. 384], а также близко граничащая с ней *стратегия примирения*, призванная со стороны аристократического молодого поколения проявить терпение и понимание к институту, чья неоспоримая роль в прошлом на данный момент ставится под сомнение. Так, политический дискурс в публичных выступлениях членов королевской семьи по интенсивности речевого воздействия приобретает черты *персуазивного*. Дискурс в таком случае считается неравноправным, поскольку речевое воздействие на говорящего однонаправленное [Иссерс, 1999, с. 22].

Рассмотрим публичное выступление принца Уэльского на мероприятии, посвященном торжеству в честь коронации Карла III [Kindelan, 2024]. В начале

выступления принца Уэльского имеет место **тактика приветствия**, которая осуществляет стратегию речи *посредством самопрезентации*. Примечательно, что Уильям адресует свое обращение в первую очередь не к народу, от признания и активного вовлечения которого зависит популярность монархии, а к королю Великобритании, не теряя одобрения перед почитателями семьи аристократов, используя словоформу «*Majesties*». Стоит отметить, в системе обращения к членам королевской семьи есть достаточно много вариантов приветствий, например, «*Your Excellency*», «*Your Highness*», «*Your Royal Highness*», однако ни один из них не подчеркивает статусное королевское превосходство, которым обладает «*Majesties*», образованное от латинского «*maiestatem*», что в переводе («*grandeur, nobility, mighty, dignity, honor*») означает величие, благородство, могущество, достоинство, честь [Online Etymology ..., 2024]. Так, Уильям искусно подчеркивает недавно приобретенный статус своего отца, акцентирует внимание на незыблемости института Короны и обращается к нации (*Good evening, Windsor!*).

Затем в речи следуют **тактики адресации, анонсирования и эмоционально настраивающая тактика**, которые, как «подтактики», играют равную роль в реализации задачи основной *контактоустанавливающей тактики* во многом через *морфологический аспект* (табл. 1). Данные тактики также характеризуют *самопрезентационные действия выступающего*.

Таблица 1
Тактика адресации, анонсирования и эмоционально настраивающая тактика в призме контактоустанавливающей тактики

Виды тактик		Иностранная (английская) речь с выступления	Детерминативы / определители
Контактоустанавливающая тактика	тактики адресации	1. A huge thank you to everyone for making this such a special evening!	<i>this such a special ...</i>
	тактика анонсирования	2. I would say a few words about my father and why I believe this weekend is so important.	<i>... say a few words ... this weekend ... so important</i>
	эмоционально настраивающая тактика	3. But don't worry, unlike Lionel, I won't go on all night long	<i>... all night long</i>

Успешная реализация **тактики адресации** к народу происходит посредством выражения большой благодарности за организацию такого особенного вечера [Егошкина, 2018, с. 119]. На морфологическом уровне особенность вечера подчеркивается с помощью определяющих слов или детерминативов

(determiners), в нашем случае указательного местоимения *this* (demonstratives) и преддетерминатора *such* (pre-determiners), что с английского дословно означает «этот такой особенный». Очевидно, за счет такой семантически и морфологически нагруженной для русского языка конструкции принц хочет подчеркнуть: 1) *совместные большие усилия, направленные на организацию коронации и вечера празднования мероприятия*; 2) *долгожданность осуществившегося события после выдержанного траура по Елизавете II*.

Затем происходит плавный переход к **тактике анонсирования**, посредством которой озвучиваются намерения говорящего – сказать пару слов об отце и вновь акцентировать внимание на важности происходящего [Егошкина, 2018, с. 120]. Начинает использоваться категория определяющих слов (determiners), в частности квантификатор *a few* (quantifier) – *пара, несколько (слов)*, снижающий «градус серьезности» и настраивающий аудиторию на дружелюбную волну. В завершение, подчеркнутая важность происходящего выражается **тактикой повтора**, а именно указательным местоимением *this* (demonstratives) – *этот (вечер)* и появлением усилительного наречия *so* (adverb intensifier) – *такой (важный)*.

Эмоционально настраивающая тактика, призванная транслировать позитивный настрой, позволяет Уильяму успешно установить контакт с народом, окончательно реализуя задачу **контактоустанавливающей тактики** [Егошкина, 2018, с. 120–121]. Используется отрицательная форма повелительного наклонения глагола – *don't worry* – *не беспокойся*, которая потенциально намекает на: *попытку призвать к легкому восприятию последующей информации и в то же время оправдать свои действия через шуточную форма сравнения себя с главным ведущим*. Гиперболизация фразы *all night long* через определительный детерминатив *all* – *вся (ночь напролет)* представляет комичность и иллюзорность ситуации, которая не будет иметь место.

На протяжении всего выступления Уильям использует слова (ambitions, message, risks, conservation, backgrounds, communities), которые при переводе на русский язык именуются, как заимствования, спустя определённое время адаптированные под язык-реципиент. Данный метод эксплуатируется, чтобы донести послание не только для «своих», но и для «чужих», учащих иностранный язык, представителей иных культур. Последующие описанные методы реализации гиперстратегии будут зависеть во многом *от лексико-семантического аспекта, а по интенциональному характеру являться попытками аргументации*. **Тактика единения с народом** будет реализована вновь через переплетение с «подтактиками», **тактикой повтора и тактикой манипулирования номинациями** [Сквиря, 2013, с. 99–100]. Тактика повтора слов

позволяет акцентировать внимание на ключевых словах воздействия, которые позволяют говорящему отождествлять себя с нацией; используются лексемы *all, us, our*. Демонстрация определённого рода институциональности со стороны адресанта проявляется в таких лексемах, как *serve, service, pledge*, которые подчеркивают осознанную и в некой мере вынужденную жертвенность монархии не существовать в согласии со своими интересами, а служить народу. Тактика манипулирования номинациями придает оценочность суждениям, выполняет коннотативную функцию воздействия на массы. Использование эмоциональной номинации «*Ra*» позволяет Уильяму продемонстрировать высокий уровень доверия с отцом, сплоченность королевской семьи, которая даже в кризисных ситуациях не теряет лица. Словосочетания, представляющие устойчивые коллокации в английском языке, акцентируют внимание на одних из ключевых идей выступления: *выражении благодарности обществу → стремлении посвятить себя служению людям разных социальных слоев через филантропию → акцент на превалирующей роли в обществе → намек на вынужденную закономерную важность сохранения монархии в 21 веке*. Так, с помощью лексико-семантического аспекта происходит окончательная реализация основной тактики единения с народом.

В довершение, представителем королевской семьи используется весьма прагматичный манипулятивный прием выражения надежд – *тактика указания на перспективу*. Она тесно пересекается с *тактикой иллюстрирования* (в отношении того, куда направлены устремления, надежды, мечты и кем они могут быть реализованы) и обнаруженной нами имплицитной *тактикой ссылки на авторитет*, крайне часто фигурирующий в речи представителей аристократии (табл. 2). Указанные тактики реализуют гиперстратегию, совмещающая в себе аргументацию и самопрезентацию, а также в равной степени лексико-семантический и морфологический аспекты речи.

Лексемы «*future*», «*hopes*», «*continue*» представляют арсенал мощных манипулятивных слов, позволяющих говорящему создать иллюзию наступающего благополучного этапа в Британской монархии с очередной коронацией. С грамматической точки зрения, в тактику иллюстрирования вплетен пассивный залог, а именно инфинитив глагола «*to be*» и причастие прошедшего времени «*past participle*», который означает предполагаемое действие в будущем «*deserve to be celebrated and supported*» – *заслуживают быть чествуемыми и поддержанными (морально/экономически и.т.д.)*. На конструкции «*continue to serve*», которая использована в тактике указания, – *продолжит служить* – также стоит акцентировать внимание. С морфологической точки зрения, после глагола *continue* допустимы два варианта использования следующего глагола

– либо в форме герундия, либо в форме инфинитива. Лексическое значение в данном случае будет меняться – с герундием подчеркнется продолжение процесса выполнения действий, а с инфинитивом появится «переключение» на новое занятие или, как в нашем случае, новый этап в жизни британцев. В дополнение, важность сказанного усиливают перечисление в **тактике иллюстрирования**, уточняющее в отношении того, кого улучшается качество жизни в географическом, социальном и историческом плане, и тактика ссылки на авторитет «как сказала моя бабушка во время коронации»; «первыми словами моего отца», имеющий такой подконтекст – как внук королевы, правящей более 70 лет, и сын нынешнего короля, а также человек, выросший в атмосфере незыблемости традиций, хочу убедить вас в важности продолжения существования монархии по сей день.

Таблица 2

Тактика указания на перспективу в переплетении с тактикой иллюстрирования и тактикой указания на влиятельный бэкграунд

Виды тактик		Иностранная (английская) речь с выступления	Манипулятивные слова-маркеры, указывающие на перспективу
Тактика указания на влиятельный бэкграунд	тактика иллюстрирования	Because for over 50 years, in every corner of the UK, across the Commonwealth and around the world, he has dedicated himself to serve others, both current and future generations, and those whose memory must not be neglected.	future generations
		... people of all faiths, all backgrounds, and all communities, deserve to be celebrated and supported.	to be celebrated / supported
	тактика указания на влиятельный бэкграунд	As my grandmother said when she was crowned, coronations are a declaration of our hopes for the future.	... our hopes for the future
		My father's first words on entering Westminster Abbey yesterday were a pledge of service. It was a pledge to continue to serve.	... to continue to serve

Лозунговость («God Save the King»), завуалированное превалирование аристократичной институциональностью, сравнение британской династии с незыблемыми законами природы («Take the natural world... Or the Prince's Trust (благотворительная организация, основанная Карлом III)») позволяют утверждать, что политический дискурс имеет черты тоталитаристского, достигающего высокой степени убедительности через персуазивный [Шуляк, 2022, с. 386–387].

Поскольку манипулятивная гиперстратегия улучшения имиджа коммуникантов, в частности представителей британской королевской семьи, во многом осуществляется посредством самопрезентации, то по интенсивности речевого воздействия дискурс приобретает черты тоталитаристского. Персуазивные черты речевого взаимодействия проявляется посредством аргументации. Стратегия примирения очень тесно граничит с основной гиперстратегией. Конклюзивность описываемого в статье дискурса достигается посредством лексико-семантического и морфологического аспекта, в частности использования заимствований, лексических повторов, эмоциональных номинаций, а также детерминативов, пассивного залога, инфинитивов с глаголами, которые намекают на безусловное наличие подтекста в речи коммуникантов [Егошкина, 2018, с. 123].

ЛИТЕРАТУРА

- Егошкина В. А. Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радионном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 115–126.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи // Ом. Гос. Ун-т. – Омск, 1999. – 284 с. Библиогр.: С. 22.
- Мкртычян С. В., Дзундза Н. В. Когнитивный параметр «импульсивность/рефлексивность» как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 4 (79). С. 37–47.
- Сквиря В. К. Понятие, виды и способы номинации политической лексики в английском языке // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2013. №4. С. 97–101.
- Шуляк Е. Н. Стратегии и речевые тактики в политическом дискурсе Джо Байдена // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2022. № 2 (21). С. 383–388.
- Agiesta J., Edwards-Levy A., Noor Haq S. Britons' support for the monarchy is in long-term decline, suggesting King Charles faces challenges // CNN. 2023. URL: <https://clck.ru/38k2AB> (дата обращения: 11.02.2024).
- Online Etymology Dictionary. Douglas Harper [2001–2024]. URL: <https://www.etymonline.com/word/majesty/> (дата обращения: 11.02.2024).
- Kindelan K. Prince William's moving coronation tribute to King Charles III // ABC News. 2023. URL: <https://clck.ru/38jzxV> (дата обращения: 11.02.2024).

Meysurova, S. U.

Tver State University

meysurova.s2004@mail.ru

REALIZATION OF FUNDAMENTAL SPEECH TACTICS IN THE PUBLIC SPEECH OF THE BRITISH ROYAL FAMILY'S REPRESENTATIVE

The article considers the use of speech tactics with the manipulative elements in the public speech of the royal family's representative. Special attention is paid to the identification of the fundamental tactics of some parts in their public speech, the potential of which is realized by means of "subtactics" through the paradigm of semantic and morphological aspect. The definition of discourse is identified by the intensity of speech impact that is closely interconnected with the semantic and morphological aspect of speech.

Discourse, British Royal Family, speech tactics, speech strategy, semantic, morphological aspect of speech, manipulation

УДК 81'42.502

М. Н. Орлянская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

mariyaorl@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается концепт экологической безопасности в медийном дискурсе. Рассматривается содержательная специфика контента разделов медиасайтов посвященных экологической безопасности. Прослеживается формирование концепта в языковом сознании современного социума и исследуется его место в системе ценностей человека.

Концепт, экологическая безопасность, медийный текст, ценность, дискурс

Современная лингвистика изучает язык в его неразрывной связи с сознанием человека, поскольку язык являет собой систему концептов – базовых единиц мышления. Благодаря данной концептуальной системе происходит восприятие, структурирование, классификация и интерпретация информации, поступающей из окружающего мира. Таким образом рассматривать язык отдельно

от когнитивной деятельности человека не представляется целесообразным на той стадии развития лингвистической науки, на которой она находится в наше время.

Значимым для современного общества является концепт «экологическая безопасность», который определяет перспективу развития человечества. Концепт экологической безопасности представляет собой систему ценностей и практик, направленных на сохранение природной среды и бережное использование её ресурсов. В таком ключе экологические явления рассматриваются вместе со спецификой их восприятия, что в свою очередь отражено в сознании людей, в их опыте и традициях, а также их экологических знаниях [Успаева, Гачаев, 2020].

Согласно информации различных источников исследований, само понятие «экологическая безопасность» стало появляться в медийном дискурсе с середины 1980-х годов в связи с возникновением таких аварий, которые повлекли за собой катастрофические последствия для человечества и планеты в целом. Одной из самых известных глобальных катастроф, повлиявшей на осознание важности экологической безопасности, было крупнейшее ядерное происшествие в истории – взрыв на Чернобыльской АЭС в 1986 году: эта катастрофа привела к серьезным последствиям для окружающей среды, здоровья людей и животных, а также вызвала широкий общественный резонанс и привлекла внимание к проблемам ядерной безопасности [Богатуров, 2019, с. 63].

Другое трагическое событие – нефтяной разлив у берегов штата Аляска Exxon Valdez в 1989 году, в результате которого пострадала как морская фауна, так и птицы, и растения в регионе, что в свою очередь привело к ужесточению законодательства о безопасности танкеров и нефтеналивных операций. Обе эти аварии стали катализаторами для изменений в отношении экологической безопасности и стимулировали развитие международных норм и стандартов в области охраны окружающей среды.

Теперь уделим внимание интерпретации понятий рассматриваемой темы, приводимых разными исследователями и источниками. Терминологический словарь по экологической безопасности приводит следующее определение: «Безопасность экологическая – состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [Сулименко, Грушева, 2014, с. 5]. В одном из исследований во французском журнале «Международные отношения» понятие экологическая безопасность трактуется как «сохранение природной среды, или экосистемы, как элемента поддержки всей деятельности человека» (наш перевод) [Giovanni Arcudi, 2006].

В исследованиях у доктора филологических наук Фрумкиной Р. М. мы находим, что концепт определяется как вербализованное понятие, которое включает в себе трактовку смысла, что в свою очередь существует в человеке и для человека, а его направление – означивание и коммуникация [Попова, Стернин, 2001]. Другой источник говорит следующее: концепт «является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [Аскольдов, 1997]. И наконец, важное замечание, которое оставляет Карасик В. И., – это то, что «концепт значительно шире, чем лексическое значение» [Карасик, 1996].

На основе представленных определений термина *концепт*, далее будут приведены данные исследования репрезентации концепта «экологическая безопасность» в медийных новостных текстах. Для работы был выбран именно такой источник, поскольку на данный момент тексты медиасферы являются ключевым инструментом для распространения информации о состоянии окружающей среды, экологических угрозах и методах их преодоления.

Для исследования были отобраны две российские онлайн-газеты – «Ведомости» и «Известия», и две британские онлайн-газеты – The Guardian и Daily Mail. Первое, на что следует обратить внимание – наличие разделов, посвящённых экологии на сайтах газет: на новостном сайте «Ведомости» обозначен раздел «Экология», в то время как на сайте «Известия» такой раздел отсутствует. В иностранном новостном ресурсе The Guardian есть раздел *Climate Crisis* (климатический кризис), а также *Environment* (окружающая среда); Daily Mail располагает разделами *Weather*, и также *Climate Change & Global Warming*. Уже на этом этапе можно приблизиться к выводу о большей обеспокоенности экологическими проблемами у британской прессы.

Второй момент – частота публикаций статей на тему экологической безопасности и катастроф. Для статистики были отобраны публикации за последние три месяца на момент написания доклада – январь, февраль и март 2024 года. У «Ведомостей» разрыв между днями выпуска новых публикаций максимальное число дней – 12, минимальное – 1 день; в среднем статьи выходили с частотой в 3–5 дней. Более того, в каждый из дней публикации статей было выпущено не более одной статьи в день. Анализ новостных статей в газете «Известия» осуществлялся по поисковому запросу «экологическая безопасность». Здесь картина уже значительно отличается, публикации появлялись на сайте с частотой в 1, 2 и 3 дня – в основном; максимальный разрыв был в 7 и 8 дней. Вдобавок к этому отличию от предыдущей онлайн-газеты, в конкретные даты выпускалось по 2–3 статьи в день, наибольшее количество за один день вышло 5 новостных статей.

В разделе *Environment* на сайте The Guardian было отмечено следующее: статьи по состоянию и проблемам окружающей среды выходили каждый день и в значительном количестве – максимальное выявленное количество статей в один день составило 24 публикации, но в основном цифры варьируются от 12–15 до 20 новостных статей в день; минимальное значение – 3. Британская газета Daily Mail так же не уступает частоте публикаций в исследованных российских газетах: публикации, так же как и в предыдущей упомянутой онлайн-газете, выпускались каждый день; самое большое количество – 13 новостей за день, наименьшее – 1 статья в день; в среднем число публикаций в день варьировалось между 2–3 и 7 единиц.

И наконец, третий момент, которому уделялось большее внимание – аспекты самого концепта «экологическая безопасность», то есть, главные проблемы, получившие освещение в отобранных газетах. В российских газетах среди них выявлены такие слова и словосочетания, как: экологический кризис; мусор, переработка мусора, электронные отходы; *глобальное потепление*, усиление тепла, парниковые газы – результат деятельности человека; экологическая модернизация; рост углеродного следа в связи с санкциями; экстремальные загрязнения рек; необходимость минимизации водного следа; химоружие; *техногенные катастрофы*; ядерная безопасность. Наряду с констатацией фактов ухудшения экологического состояния планеты, встречались тексты, повествовавшие о нововведениях в мониторинг окружающей среды для более быстрого реагирования в первую очередь ради сохранности жизни человека; а также упоминались «*общегородские субботники*», «санитарно-экологический двухмесячник», «экологическая и санитарно-эпидемиологическая безопасность человека», «уборка и благоустройство», как и «природоохранное законодательство».

В британских медиатекстах довольно часто встречается словосочетание *climate change* и *climate crisis*, а также *global warming*, *human-caused global heating*, *pollution*, *conservation* и *restoration*, *carbon emissions*, *consumerism*, *climate debate*. В публикациях этих газет приводились примеры известных личностей, участвовавших в благотворительных организациях по сохранению природы; предлагались альтернативы некоторым вещам, которые в больших количествах оказываются на мусорных полигонах – так, зубные щётки из пластика предполагалось заменить на щётки, изготовленные из переработанных материалов, и тех, которые быстрее разлагаются без вреда почве.

На основе полученных в ходе исследования данных, представляется логичным заключить, что британская пресса прикладывает больше стараний к тому, чтобы в прямом смысле «достучаться», обратив их внимание на проблему экологической безопасности – такое мнение складывается от

внушительного количества публикуемого материала ежедневно. В то время как российская пресса не «цепляет» объемом выпуска новостных статей, лишь напоминая время от времени о проблемах окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

- Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. - Москва: Academia, 1997. – С. 267–279.
- Богатуров А. Д. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018. – 3-е изд. – Москва: Юрайт, 2019.– 362 с.
- Калинина Н. В. Становление экологической прессы в системе российских СМИ на рубеже 1980–1990-х гг. // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – №86. – С. 26–30.
- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 1996. – С. 3–16.
- Полюянов В. П. Система социально-экологических ценностей человека // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право. – 2009. – №7. – С. 193–197.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
- Сулименко В. А., Грушева Т. Г. и др. Терминологический словарь по экологической безопасности. – Москва: Академия ГПС МЧС России, 2014. – 40 с.
- Успаева М. Г., Гачаев А. М. Научный концепт экологической безопасности в международных экономических отношениях // Международный журнал прикладных наук и технологий "Integral", 2020. – №3. – С. 477–482.
- Giovanni Arcudi, La sécurité entre permanence et changement // Relations internationales. – 2006. – №125. – С. 97–109.

Orlyanskaya, M. N.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF ENVIRONMENTAL SECURITY IN MEDIA DISCOURSE

The article examines the concept of environmental security in mediatexts. The substantive specificity of the content of sections of media sites dedicated to environmental security is considered. The formation of the concept in the linguistic consciousness of modern society is traced and its place in the human value system is explored.

Concept, environmental security, mediatext, value, discourse

УДК 070.1

Ю. В. Ровинская

Российской государственной гуманитарной университет

rovinskayajuliana@mail.ru

РУССКИЙ СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС: К УТОЧНЕНИЮ СПЕЦИФИКИ

Данное исследование отражает актуальные проблемы в сфере спортивного медийного дискурса, содержащего взгляд на события спортивной жизни общества. Объектом изучения является непосредственно русский спортивный дискурс и его составляющие в рамках медийной плоскости коммуникации. Новизна научного исследования определяется обозначением медийной специфики русского спортивного дискурса и объективации его национально-культурных особенностей с учетом структурно-компонентных составляющих. Результаты исследования связаны с уточнением функциональных возможностей русского спортивного дискурса по формированию общественного мнения в контексте современной медиасистемы.

Русский спортивный дискурс, когнитивные исследования, дискурсивный подход, институциональное дискурсивное поле, дискурсивные функции, типологизация дискурсивной практики, дискурсивная личность, спортивный подъязык, национальный характер дискурса

Несмотря на тот факт, что дискурсивные исследования ведутся с середины прошлого столетия, а отечественная разработка когнитивной лингвистики сопрягается с 1980-ми годами и работами Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 2019, с. 39], ряд исследователей относят данную сферу к «молодой» области знания и науки, которой свойственна «неупорядоченность и фрагментарность» [Кибрик, 2003, с. 16].

Изначально понятие дискурса было введено в исследовательское поле лингвистики в словосочетании «анализ дискурса» в 1952 г. З. Харрисом [Harris, 1952, с. 18]. Исследователь интерпретировал дискурс посредством фразы, превращая ее простой характер в сложный, состоящий из нескольких простых фраз. Далее развитие дискурса продолжалось в этом направлении и дискурс объяснялся через «трансфразовое измерение» языка [Coquet, 2021, с. 67]. При этом Ж. Коке [Coquet, 2021, с. 79] приближал понятия дискурса и стиля.

В свое время Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2019, с. 83] отмечала, что дискурсивный подход к языку основан на реализации двух его функций – когнитивной и коммуникативной в комплексе.

В данном контексте под дискурсом понимается выраженное Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2023, с. 19] значение, проявляющееся в коммуникативно-прагматической сущности социокультурного события. Более того, коммуникативная практика осуществляется посредством дискурсивных конструкторов, не предложений [Кибрик, 2003, с. 26].

Определяя дискурс, необходимо согласиться с А. А. Кибриком [Кибрик, 2023: 89], формулирующим одно из наиболее широких дефиниций данного понятия: симбиоз двух начал – процесса языковой трансляции и его результата в форме текста. Соответственно изучение дискурса возможно как в динамическом, так и синхроническом аспекте.

Наряду с таким восприятием дискурса Т. ван Дейк [Dijk, 2019, с. 63] представляет его как комплексное коммуникативное событие на фоне релевантных составных компонентов: коммуникативного действия вербального и невербального характера, развернутого во временной и пространственной плоскостях, адресата и адресанта.

Сформирована типологизация дискурсивной практики, отражающая социолингвистический и прагмалингвистический типы. К первому типу относятся институциональный и личностно-ориентированный подтипы, которые имеют дальнейшее подразделение. Так, институциональный подтип объединяет различные виды профессионального дискурса, политический, научный дискурс; личностно-ориентированный подтип охватывает бытовой (содержательно свернутый характер общения с использованием разговорного стиля речи) и бытийный (содержательно развернутый характер общения с использованием различных стилей литературного языка) виды.

Анализируя русский спортивный дискурс, необходимо отнести его к институциональному дискурсивному типу, построенному на тематическом поле и системе концептов, включающих национальное своеобразие. Как считает Б. А. Зильберт [Зильберт, 2023, с. 39], выделяя в спортивном дискурсе компоненты адресанта и адресата, содержания общения, ключевую роль играет последний. Только спортивная тематика, имеющая в национальной культуре определенный колорит отражения, является релевантной при идентификации спортивного дискурса. В частности, общение между тренером и спортсменом о погоде не соотносится со спортивным дискурсом. Автор [Зильберт, 2023, с. 43] уточняет, что единственным признаком принадлежности к спортивному дискурсу является подъязык спортивного характера, с одной стороны, при этом противоречиво указывая на единственную возможность существования спортивного дискурса в рамках массмедийного поля коммуникации. С этим сложно согласиться.

При этом русский спортивный дискурс выполняет ряд функций, включая нормативную, перформативную, презентационную, парольную.

Нормативная функция обеспечивает нормативы связи между институтом спорта и общества, его отдельными представителями.

Перформативная функция способствует определению действий, составляющих сущность института спорта.

Презентационная функция отражает способы построения имиджа института спорта и его агентов.

Парольная функция создает границы коммуникации между клиентами и агентами института спорта.

Реализация данных функций позволяет констатировать некоторые признаки русского спортивного дискурса, к которым необходимо отнести целостность, связность, структурированность, процессуальность как универсальные, открытость, динамизм как национально-специфичные, свойственные для анализируемого типа спортивного дискурса.

Изучение русского спортивного дискурса строится на уточнении системообразующих концептов и их когнитивных признаков на фоне описания дискурсивных личностей. Последние вписываются в институциональное дискурсивное поле посредством осуществления ментального выбора используемых языковых средств:

«Я знаю, он (о спортсмене) придет первым» [Матч ТВ: Лыжные гонки].

В данном высказывании телекомментатора истинность его суждения оказывается вне сомнения. При сравнении с гипотетическими высказываниями *«Я думаю, он (о спортсмене) придет первым»* и *«Мне кажется, он (о спортсмене) придет первым»*. В первом из гипотетических высказываний проявляется мнение на основе логических выводов, во втором – истинность высказывания как уникальная категория ставится под сомнение ввиду появления альтернативы.

В этом контексте появляется значимость дискурсивной личности, определяющей соответствие мыслей их русскоязычной вербальной объективации.

При выделении концептосферы важно идентифицировать базовый концепт «Спорт», который является универсальным по отношению к другим концептам. Именно базовый концепт актуализирует общую идеологическую траекторию с положительным аксиологическим модусом. Данный концепт обладает объединяющим началом, консолидирующим участников русского дискурса вне зависимости от гендерной, политической принадлежности. Концепт «Спорт» прирастает когнитивными признаками, консолидирующими отечественное движение профессионалов и любителей.

К специфическому русскому спортивному дискурсу можно отнести ряд когнитивных признаков на уровне их вербализации с модусом долженствования. Так, высказывание «*Русским спортсменам для победы необходимо быть наголову выше всех остальных*» [Матч ТВ: Биатлон] с использованием слова категории состояния «необходимо» из модальной группы, отражающей отношение говорящего к высказыванию в форме суждения, транслирует мысль о долженствовании выполнения всех действий, нацеленных на обозначенный результат.

Одними из операциональных способов, частотно реализуемых при формировании русского спортивного дискурсивного пространства, являются:

– метафорические модели, представляющие собой двухкомпонентную структуру, организованную на основе предикативного типа логического суждения на фоне создания отношений между означаемым и означающим по принципу сходства: «*Спорт – это искусство*» [Матч ТВ: Фигурное катание];

– метонимические модели, отражающие двухкомпонентную структуру, построенную на основе атрибутивного типа логического суждения на фоне создания отношений между означаемым и означающим по принципу смежности: «*Спорт – это национальная идея*» [Матч ТВ: Биатлон].

Таким образом, необходимо выделить национальный характер спортивного дискурса с особыми когнитивными характеристиками дискурсивных личностей как его участников, что проявляется в специфике общения. Русский спортивный дискурс обладает свойственными ему признаками, охватывающими как содержательные, так и формальные составляющие, и основан не только на построении исключительно спортивных смыслов, но и социальных, патриотических.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. Текст и дискурс. М.: Флинта, 2023. 268 с.
- Зильберт Б. А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории // Язык, сознание, коммуникация. 2023. № 6. С. 38-49.
- Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... доктора филологических наук. М., 2003. 126 с.
- Кибрик А. А. Исследовательские парадигмы: когнитивный аспект. М.: Флинта, 2023. 196 с.
- Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Языки славянской культуры, 2019. 207 с.
- Матч ТВ. Трансляция спортивных соревнований Олимпиады-2022. Биатлон от 5.02.2022 URL: <http://matchtv.ru/olympics-2022/competitions/biathlon/05022022/> (дата обращения: 16.10.2023).
- Матч ТВ. Трансляция спортивных соревнований Олимпиады-2022. Лыжные гонки от 6.02.2022. URL <http://matchtv.ru/olympics-2022/competitions/cross-countryskiing/06022022/> (дата обращения: 06.09.2023).

Матч ТВ. Трансляция спортивных соревнований Олимпиады-2022. Фигурное катание от 7.02.2022 URL: <http://matchtv.ru/olympics-2022/competitions/figureskating/07022022/> (дата обращения: 09.10.2023).

Coquet J. K. *Literary semiotics*. Cambridge: University Press, 2021. 386 p.

Dijk T. A. *The pragmatics of discourse*. New York: Appleton, 2019. 368 p.

Harris Z. S. *Discourse analysis // Language*. 1952. Vol. 28. N 4. P.18–45.

Rovinskaya, Yu. V.

Russian State University for the Humanities

RUSSIAN SPORTS DISCOURSE: TO CLARIFICATION OF THE SPECIFICITY

This study reflects the topical issues in the field of sports media discourse which contains a view on the events of the sporting life of the society. The object of study is the Russian sports discourse itself and its components within the media plane of communication. The novelty of scientific research is determined by the designation of the media specificity of Russian sports discourse and the objectification of its national and cultural characteristics, taking into account the structural and component constituents. The results of the study are related to the clarification of the functional capabilities of the Russian sports discourse through the process of public opinion formation in the context of the modern media system.

Russian sports discourse, cognitive research, discursive approach, institutional discursive field, discursive functions, typologization of discursive practice, discursive personality, sports sub-language, national character of discourse

УДК: 811.11

М. С. Сигаева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009–0006–4520–6055

mssigaeva@etu.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ О НАУКЕ

В докладе рассматривается актуализация различных типов интертекстуальности в интернет-мемах о науке. В задачи исследования входит определение наиболее распространенных средств реализации интертекстуальности в интернет-мемах. Анализ единицы, иллюстрирующей научную сферу как особый вид деятельности, показал, что текстовая аллюзия является наиболее распространенной фигурой, реализующей инотекстему.

Интертекстуальность, когнитивная лингвистика, интернет-мем, интернет-дискурс, аллюзия

В настоящее время объектом изучения многих исследователей является интернет-дискурс, одной из неотъемлемых характеристик которого является интертекстуальность. Особый интерес представляет межтекстовое взаимодействие в интернет дискурсе, а именно в Интернет-мемах. Термин «мем» впервые был предложен в 1976 году профессором Р. Докинзом в книге «Эгоистичный ген» и описан как «некая единица, способная передаваться от одного мозга к другому» по аналогии с геном [Докинз, 2013, с. 161]. Однако нужно отметить, что биологические аналогии лишь частично применимы к Интернет-мемам в связи с тем, что мем создается человеком как ответ на знаковое событие или явление, а долговечность мема зависит от ряда социокультурных факторов. Интертекстуальность в интернет-мемах освещает С. В. Канашина, отмечая, что «интертекстуальное взаимодействие воплощается в интернет-мемах разнообразно: как имитация «чужого» текста, точное воспроизведение «чужого текста» и отсылка к «чужому тексту». По утверждению С. В. Канашиной интертекстуальность мема обусловлена сферой его функционирования и репликативной природой» [Канашина, 2019, с.137].

Обращение к вопросу интертекстуальности восходит к работам М. М. Бахтина и Ю. Кристевой. М. М. Бахтин указывает, что язык, сознание и общество связаны в конкретный исторический период. В настоящее время эту связь рассматривает когнитивная наука, в частности, когнитивная лингвистика. М. М. Бахтин разработал концепцию порождения текста и связывает генерацию и процесс понимания текстов с общественным и историческим

фактором, утверждая, что любое высказывание укоренено в социальном контексте, накладывающем на него отпечаток, и в литературном тексте звучат не только предшествующие, но и соседствующие с ним дискурсы [Бахтин, 1975, с. 504]. Сам термин «интертекстуальность» был введен ученицей М. М. Бахтина Ю. Кристевой, которая, опираясь на открытие Бахтина о том, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это выпитывание и трансформация какого-нибудь другого текста», утверждает, что «на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению». Ю. Кристева также отмечает необходимость использования «транслингвистического подхода» для описания функционирования слов в текстах [Кристева, 1993, с. 429].

Литературный жанр представляется Ю. Кристевой в виде многосоставной семиологической системы и выдвигается гипотеза «всякая эволюция литературных жанров есть бессознательная объективация лингвистических структур, принадлежащих различным уровням языка» [Кристева, 1993, с. 429]. В момент публикации данной статьи коммуникация была еще далека от обмена мгновенными сообщениями и от момента, когда графическое изображение и короткое текстовое сообщение смогут заменить выражение мнения или отношение к абстрактной ситуации. Несмотря на первоначальную направленность на исследование художественного текста, можно предположить, что данная гипотеза будет актуальной и для поликодового текста, примером которого является интернет-мем.

Наиболее распространенными сферами для изучения функционирования мема являются политический и медийный дискурсы ввиду большого количества материала, который пополняется ежеминутно. Область исследования научного дискурса не столь распространена, поскольку научный язык менее подвержен изменениям и редко использует языковые приемы, которые могут представлять интерес для лингвистов, занимающихся проблемой интертекстуальности. Однако значительное число представителей научного сообщества оказывается вовлечено в коммуникативное взаимодействие, представленное в том числе и во внешнем, «ненаучном» мире, в реализацию популяризации науки. С распространением сети Интернет, ученые получили возможность делиться не только своими научными достижениями, но и эмоциональными переживаниями и трудностями, возникающими в процессе исследования. На настоящий момент существует несколько объединений в социальных сетях, где участники научного сообщества делятся интернет-мемами, отражающими проблематику данной сферы: “The Struggling Scientists”, “The Meming Phd”, “High impact PhD memes” и др.

Материалом для доклада послужили 30 мемов из указанных источников. В качестве метода используется метод интертекстуального анализа, разработанный В. П. Москвиным. Согласно методу необходимо: 1. Выявить «инотекстему» 2. Определить фигуру, вводящую инотекстему 3. Определить функции выявленных фигур 4. Определить тип прецедентного текста [Москвин, 2015, с. 117]. В рамках настоящей работы был проведен анализ, включающий первые три этапа.

Рассмотрим пример (см. рис. 1), в котором используется прием текстовой аллюзии, «ассоциативной отсылки к определённом произведению, нередко однословной» [Москвин, 2015, с. 117]. Фраза “*Brace yourselves my PhD defence is coming*” отсылает нас к культовому сериалу «Игра престолов» по книге Дж. Мартина, в которой фраза “*Winter is coming*” является девизом семьи Старков, ключевых персонажей романа. Визуальной составляющей мема является изображение одного из главных героев сериала Неда Старка. *Зима* в данном произведении в прямом и метафорическом смысле означает *беспокойные времена, беду*. К наступлению *Зимы* герои готовятся заблаговременно и тщательно, вот почему данное событие можно сравнить с подготовкой и защитой диссертации. Еще один пример использования аллюзии продемонстрирован на рис. 2, содержащем изображение И. Ньютона, сопровождаемое фразой «*I don't think you understand the gravity of this situation*». Маловероятно, что большое количество современных людей сможет воспроизвести в памяти портрет великого ученого или узнает его изображения, однако ключевой единицей данного мема является слово «*gravity*», которое вслед за буквальным переводом заставляет адресата вспомнить о силе тяготения. Аналогичные примеры включают в себя отсылки к А. Эйнштейну “*I believe I am relatively aware of that*” и Ч. Дарвину “*Guys! Don't let this evolve into argument*”, где слова *relatively* и *evolve* представляют собой однословные текстовые аллюзии к положениям теории относительности и теории эволюции. Пример на рис. 3 представляет текстовую аллюзию к речи магистра Йоды, героя киносаги «Звездные войны» “*To write you must, my young PhD student*”, “*Begun the dissertation has*”. Стилистической особенностью речи героя стало использование инверсии, глагол часто занимает место подлежащего в начале предложения. Таким образом сама схема построения фразы может являться отсылкой к речи киногероя, который является метафорической репрезентацией образа научного руководителя.

Однословные аллюзии в мемах отсылают к известным явлениям, фактам и выражением, формирующим научную действительность и коммуникацию. К таким примерам можно отнести следующие выражения: “*My research has*

become so complicated that I can't Wikipedia the answer”, “*Impact factor is not a good quality measure*”, “*When you spend years working on a study only to become et al.*”, где выражения *to wikipedia*, *impact factor*, *et al.* отсылают к реалиям исследовательской деятельности.

Такие фигуры как парафраз, «приём, состоящий в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» и текстовая аппликация, «цитирование без ссылки на источник» используются как игровые приемы [Москвин, 2015, с. 117]. Эти фигуры реализуются в интернет-мемах, содержащих визуальное изображение известных личностей или героев фильмов, которым часто принадлежат эти цитаты. Рассмотрим пример на рис. 4, воспроизводящий диалог между научным руководителем и аспирантом. Данный интернет-мем представляет интерес, поскольку содержит одновременно парафраз и текстовую аппликацию. Фраза аспиранта «*Research is a journey, not a race*» является искаженным вариантом выражений «*Life is a journey not a race*» или «*Life is a journey not a destination*», первоисточник которых установить проблематично, т. к. их приписывают многим известным людям. Однако данная фраза в свою очередь является дополненной концептуальной метафорой «*Life is a journey*», предложенной в монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон, 2004]. Вторым элементом интертекстуальности в рассматриваемом меме является цитата (без ссылки на источник) из книги «Гарри Поттер и принц-полукровка «*You dare use my own spells against me, Potter?*» [Rowling, 2005, p. 678]. Несмотря на то, что книга вышла в 2005 г., а фильм в 2009 г., данная фраза стала вирусной несколькими годами позже и стала ключевым вербальным компонентом в большинстве случаев иллюстрирующим взаимоотношения родителей и детей.

Прием цитирования реализуется в мемах о науке в форме, отличной от формы мемов, репрезентирующих иные сферы общественно-социальной жизни. Цитирование, которое М.П. Москвин определяет как «дословное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, сопровождаемое ссылкой на источник» в рассмотренных примерах было обнаружено лишь в 1 примере. [Москвин, 2015, с. 117]. Ряд мемов содержит вербальный компонент, оформленный согласно правилам выражения прямой речи одного из участников коммуникации с указанием говорящего (рис.5). Но, в отличие от классических примеров цитирования авторитетных источников, установить авторство в таких примерах не представляется возможным.

Таким образом, интернет-мем является не только отражением современной культуры в целом, но и маркером профессионального сообщества, что может накладывать отпечаток на смысловые оттенки мемов. Метод

интертекстуального анализа демонстрирует, что приемы, с помощью которых создается импликация в мемах на научную тему, в целом, не отличаются от используемых в иных видах дискурса. Анализ материала показал, что текстовая аллюзия является наиболее часто используемой фигурой выражения интертекстуальности. Аллюзия, парафраз и текстовая аппликация в мемах могут выполнять оценочно-характеризующую, эмоционально-эстетическую функции, репрезентируя образы членов научного сообщества, взаимоотношений между ними. Необходимо отметить, что большую роль в интерпретации вербальных и невербальных отсылок играют фоновые знания и способность адресата понять и адекватно оценить графическую и иконическую отсылки.

рис. 1

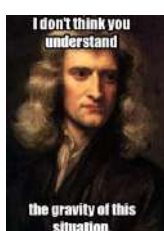

рис. 2.

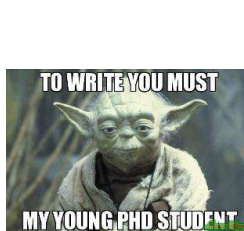

рис. 3

рис. 4

рис. 5

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1975.
- Докинз Р. Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. Фоминой. Москва: АСТ: CORPUS. 2013.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1993, № 4.
- Канашина С. В. Интертекстуальность как текстовая категория в интернет-мемах / С.В.Канашина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — №7 (140). — С. 133–138.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем/пер. с англ.; под ред. с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Москвин М. П. Методика интертекстуального анализа // Изв. волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. No 3(98). С. 116–121.
- Rowling J. K. Harry Potter and the Half-Blooded Prince. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2005 p. 678.
- High impact PhD memes URL://<https://www.facebook.com/MemingPhD?mibextid=LQQJ4d> (дата обращения: 20.03.2024). (проект Meta Platforms Inc., является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ).
- The Struggling Scientists Podcast URL: <https://twitter.com/TheStrugglingS4> (дата обращения: 27.03.2024). (проект Meta Platforms Inc., является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ).

Sigaeva, M. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

INTERTEXTUALITY IN INTERNET-MEMES

The paper considers the actualization of various types of intertextuality in Internet memes about science. The objectives of the study include determining the most common means of implementing intertextuality in Internet memes. An analysis of examples illustrating the scientific field as a special type of activity showed that textual allusion is the most common figure that implements a foreign text.

Intertextuality, cognitive linguistics, Internet meme, Internet discourse, allusion

УДК 81

К. С. Скидан

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
karinaxskidan@gmail.com

О. В. Анисимова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
anisimova_ov@spbstu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТРЕЙЛЕРОВ ФИЛЬМОВ В ЖАНРЕ ОККУЛЬТНОГО УЖАСА

Статья посвящена анализу стилистических приемов как способу создания атмосферы саспенса и кошмара в англоязычных трейлерах в жанре оккультного ужаса. В ходе исследования был проведен анализ англоязычных трейлеров на лексическом и синтаксическом уровнях и выявлены следующие средства: вопросительные конструкции, повторы, восклицательные конструкции, парцелляция, апозиопезис, параллельные конструкции, анафора, риторический вопрос, эпитета, эпитет, метафора.

Трейлер, ужасы, лингвистические особенности, стилистические приемы, лексические средства, синтаксические средства

Главным маркетинговым инструментом продвижения продуктов в киноиндустрии являются трейлеры. С их помощью зрители узнают о киноновинках, что напрямую влияет на увеличение кассовых сборов. Небольшие ролики хронометражем две-три минуты содержат несколько кадров рекламируемого фильма. Как правило, выбранные отрывки позволяют зрителю считать настроение всей атмосферы фильма, однако при этом находятся в хаотичном

порядке, оставляя часть сюжета загадкой. Именно благодаря трейлеру у зрителя складывается представление о сюжете, которое впоследствии может помочь в понимании происходящего во время просмотра самого фильма [Sfetsu, 2005, с. 298].

Жанр ужасов является одним из самых древних жанров кинематографа. Как и любой другой, он имеет несколько поджанров, которые обладают типовыми сюжетными схемами. Одним из самых популярных поджанров является оккультный ужас – тип ужаса, предполагающий собственные узнаваемые архетипы: ведьмы, призраки, вампиры, убийцы, лидеры культов. Оккультная тематика имеет широкое распространение в кинематографе. С помощью тайны ритуалов, мессианских наклонностей лидеров и непоколебимого поклонения их последователей, оккультизм способен сыграть на иррациональных страхах и опасениях зрителей [Freeland, 2004, с. 152].

С самого начала своего существования оккультизм являлся источником вдохновения для многих сценаристов и режиссеров. Такие фильмы как «Замок дьявола» Ж. Мельеса, «Пражский студент» С. Рюе, «Голем» П. Вегенер явились одними из первых, которые затронули данную тематику. Однако оккультизм в них был показан весьма поверхностно – сверхъестественные явления всего лишь ставились в противовес религиозным практикам. В последние пятьдесят лет информации об оккультных практиках стало значительно больше, а значит и больше материала доступного кинематографистам, что явилось причиной, по которой оккультизм до сих пор является одной из самых распространенных тем в фильмах ужасов [Carol, 2008, с. 12–13].

Атмосфера напряженности и ужаса может создаваться не только при помощи жуткого музыкального сопровождения, монтажа и спецэффектов, но и благодаря использованию определенных стилистических приемов. В рамках настоящего исследования изучение ряда таких приемов было предпринято на материале трейлеров следующих фильмов: “Apostle” (2018), “A Dark Song” (2016), “Doctor sleep” (2019), “Get out” (2017), “Hereditary” (2018), “Midsommar” (2019), “Ouija” (2014), “Suspiria” (2018), “The Invitation” (2015), “The Lodge” (2019), “The Other Side of the Door” (2016), “The Ritual” (2017), “Talk to me” (2022), “The Void” (2016).

Наиболее часто в трейлерах встречаются вопросительные предложения (54 случая). Главная задача таких конструкций в фильмах ужасов – создание напряженной атмосферы (саспенса). Вопросительные предложения заставляют зрителя понять, что что-то должно произойти еще до этого как это случится на самом деле. Одновременно зрителю чаще всего не показывается произошедшее в действительности событие. Данный прием используется

в трейлерах с целью заинтересовать зрителя, вызвав чувство неопределенности. Например,

1. *"Oh, my God, what was that?"* ("Hereditary", 2018);
2. *"Now, is it me or is it really quiet in here?"* ("Ritual", 2017);
3. *"Why is this happening?"* ("The Invitation", 2015);
4. *"Babe, what's happening?"* ("Midsommar", 2019);
5. *"Come on, you guys, who's doing that?"* ("Ouija", 2014).

Повторы также являются неотъемлемой частью трейлеров фильмов в жанре оккультных ужасов (32 случая). Данный прием является одним из действенных способов создания саспенса. С их помощью можно вызвать как эффект обреченности, поскольку повторение одних и тех же слов наводит на мысли о неизбежном исходе (*"Make it stop, make it stop! Make it stop!"* ("Hereditary", 2018), *"It isn't real. It's not real. It's not real"* ("The Void", 2016)), так и эффект напряжения, поскольку повторение одних и тех же слов провоцирует гнетущее ощущение: *"Do it! Do it! Do it!"* ("Talk to me", 2022), *"The one out there. The one in here. The one that's coming"* ("Suspiria", 2018).

В трейлерах фильмов ужасов также часто используются восклицательные предложения (23 случая). С их помощью создается ощущение страха и напряженности. Громкие звуки вызывают сильные эмоции у зрителя, погружая его в атмосферу ужаса, в которой находятся герои. Например:

1. *"Sara, cut it out!"* ("Ouija", 2014);
2. *"Get out! Get out of my house!"* ("The Other Side of the Door", 2016);
3. *"Make it stop!"* ("Hereditary", 2018);
4. *"Get it off him!"* ("Talk to me", 2022).

Отдельно стоит выделить парцелляцию (13 случаев). С помощью данного приема трейлеру придается динамичность, которая может создавать эффект панического состояния – к примеру, *"These people...they're blasphemers. A cult. A disease"* ("Apostle", 2018). Также воздействия на зрителя усиливается через выделение определенной части высказывания: *"Your eyes. They've seen things"* ("Apostle", 2018).

Среди синтаксических средств можно выделить и апозиопезис (12 случаев). Данный прием зачастую используется для создания паузы в середине высказывания, которая может обозначать колебания или сомнения, а также вызывать саспенс, заставляющий зрителя задаваться вопросом «Что же будет дальше?». Например:

1. *"There's nothing to be afraid of..."* ("The Invitation", 2015);
2. *"It is said that the door of the temple is the key...to the world of the dead"* ("The Other Side of the Door", 2016);

3. *“Life has lost...meaning”* (“The Other Side of the Door”, 2016).

В трейлерах также используются следующие синтаксические приемы:

1. Параллельные конструкции (10 случаев). Как правило, данный прием применяется для усиления эмоционального напряжения: *“The one out there. The one in here. The one that's coming”* (“Suspiria”, 2018), а также для создания контрастности: *“But this opens you up to the influence. And it breaks down your defenses”* (“Midsommar”, 2019).

2. Анафора (7 случаев). Повторение определенных слов создает атмосферу постепенно нарастающего напряжения:

2.1 *“You have no idea what you have done. You opened the door, you upset the balance between life and death”* (“The Other Side of the Door”, 2016);

2.2 *“We’re done! We’re not playing anymore!”* (“Ouija”, 2014).

3. Риторический вопрос (3 случая):

3.1 *“That's not her again, seriously?”* (“Midsommar”, 2019);

3.2 *“You know you were her favorite, right?”* (“Hereditary”, 2018).

4. Эпифора (2 случая). Повторения в конце высказываний помогают связать слова и идеи воедино, чтобы создать ключевую точку фокуса. В обоих случаях, приведенных ниже, эпифора используется для создания эффекта раздражения. Герои переспрашивают часть высказывания своего собеседника, которая вызвала у них наибольшее негодование:

4.1 *“Who's gonna take care of me?”*

“You don't think I'm gonna take care of you?” (“Hereditary”, 2018)

4.2 *“Still been seeing stuff?”*

“What do you mean seeing stuff?” (“Talk to me”, 2022)

Таким образом, в результате анализа трейлеров было выявлено 156 случаев использования различных синтаксических средств. Наиболее часто используемые приемы представлены вопросительными предложениями (54 примера), повторами (32 примера) и восклицательными предложениями (23 примера). Далее следуют случаи употребления парцелляции (13 примеров), апозиопезиса (12 примеров) и параллельных конструкций (10 примеров). В число синтаксических средств, наименее часто встречающихся в трейлерах, входят следующие: анафора (7 примеров), риторический вопрос (3 примера) и эпифора (2 примера).

Синтаксические средства являются ключевыми инструментами создания атмосферы саспенса в трейлерах фильмов, снятых в жанре оккультного ужаса. С их помощью усиливается эмоциональное давление на зрителя, что повышает зрелищность и правдоподобие происходящего в ролике.

Из лексических средств можно выделить использование эпитетов (32 случая) и метафор (6 случаев). В хоррор трейлерах эпитеты, так же, как и синтаксические средства, являются инструментами создания саспенса – к примеру, “*We don't see you for two years and then all the sudden we get invited to this **lavish** dinner*” (“The Invitation”, 2015). С помощью эпитета “*lavish*” подчеркивается контраст между тем, что герои давно друг друга не видели, однако им оказывается небывалое гостеприимство. Выделение эпитета “*lavish*” сразу же создает нервную атмосферу, заставляя зрителя задуматься: Что произойдет после этого ужина? В трейлерах также применяются сложные эпитеты: “*It's heartening to see so many **strange new** faces here today*” (“Hereditary”, 2018). В данном случае сложный эпитет создает атмосферу напряженности – несмотря на то, что героиня делает вид будто рада видеть много новых лиц на похоронах своей матери, зритель сразу же начинает что-то подозревать, услышав эпитет «странных» и задается очевидным вопросом: Кто эти люди и почему они пришли на похороны матери главной героини?

По сравнению с эпитетами метафоры используются гораздо реже. В четырнадцати трейлерах было выявлено всего 6 случаев. В частности, в фильме “*Suspiria*” (2018) используется следующая метафора: “*When you dance the dance of another, you make yourself in the image of its creator*”. В данном случае танец приравнивается к особому ритуалу, с помощью которого преподавательницы школы танцев могут перенести свой дух в тело молодых и здоровых учениц, забрав их жизненную силу.

В просмотренных трейлерах также часто встречается стилистически сниженная лексика, что обусловлено спецификой жанра. Герои нередко отказываются в стрессовых и напряженных ситуациях, и в таких случаях использование обценной лексики дает определенную эмоциональную разрядку. Например:

1. “**Fucking** hell, we don't know where we are” (“The Ritual”, 2017);
2. “I don't know, Dom, like I am a **fucking** bear expert” (“The Ritual”, 2017);
3. “No, we wouldn't be here if it wasn't for you. **Fucking** coward” (“The Ritual”, 2017).

Одновременно стоит отметить частое употребление неопределенных местоимений, таких как “something”, “they”, “it” (16 случаев). Использование данной части речи обусловлено тем, что, как правило, антагонист в трейлерах фильмов ужасов специально не показывается зрителю, чтобы оставить загадку. Также данный прием может быть использован в связи с тем, что в оккультных ужасах антагонисты часто остаются неизвестными, появляясь в кадре лишь в виде духов и иных существей. Например:

1. *“They are haunting us”* (“The Ritual”, 2017);
2. *“There’s something up there in the woods”* (“The Ritual”, 2017);
3. *“They followed us”* (“Talk to me”, 2022);
4. *“This thing, it’s haunting us”* (“Ouija”, 2014).

В результате проведенного анализа были выявлены следующие лингвистические особенности англоязычных трейлеров фильмов в жанре оккультного ужаса:

1. Использование вопросительных предложений с целью создания интриги;
2. Повтор как инструмент создания эффекта панического состояния и обреченности;
3. Частое использование восклицательных предложений;
4. Использование нецензурной лексики и неопределенных местоимений, обусловленное спецификой жанра;
5. Редкое применение метафор, анафоры, эпифоры и риторического вопроса.

Часто употребление синтаксических средств обусловлено спецификой трейлеров фильмов, снятых в жанре оккультного ужаса. Их главной целью является напугать зрителя, ввести его в состояние паники и напряжения. Как правило, такой эффект может быть создан лишь за счет использования синтаксических средств. Вопросительные предложения и апозиопезис создают атмосферу неопределенности, которая является ключевой, ведь именно тяга к неизвестному считается одним из главных факторов популярности поджанра оккультного ужаса. За ощущение страха и напряженности, которые является неотъемлемой частью любого трейлера, отвечают повторы, восклицательные предложения, параллельные конструкции и анафора. Данные эмоции являются фундаментом любого поджанра хоррора, ведь именно они составляют главную причину, по которой зрители смотрят фильмы ужасов. С помощью такого синтаксического средства, как парцелляция, создается динамика трейлера, как правило, хаотичная, позволяющая ввести зрителя в состояние паники.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что трейлеры фильмов, снятых в жанре оккультного ужаса не богаты на лексические средства. Данная особенность может быть оправдана тем, что эпитеты и метафоры используются для создания ярких образов, что не является обязательным для трейлеров фильмов в жанре оккультного ужаса, для которых важнее отсутствие ряда образов, поскольку именно неопределенность и связанное с ней напряжение являются ключевыми при создании атмосферы страха.

Таким образом, стилистические особенности трейлеров фильмов, снятых в жанре оккультного ужаса, проявляются в своеобразии использования синтаксических и лексических средств выразительности. Обилие синтаксических

средств обуславливается главной задачей поджанра – ввести зрителя в состояние страха. Именно с их помощью создается атмосфера нарастающего напряжения, паники и хаоса, так как синтаксические средства напрямую влияют на динамику повествования, создавая паузы для выражения сомнения или ускоряя действие для передачи тревоги. Лексические средства играют второстепенную роль. В первую очередь, это связано с тем, что трейлер передает зрителям информацию через визуальные и звуковые элементы. Несмотря на то, что эпитеты и метафоры помогают создавать яркие образы, способные усиливать производимое впечатление и эмоциональную нагрузку, они не соответствуют основной задаче трейлера: создав атмосферу ужаса, за короткое время напугать зрителя. Как правило, лексические средства притягивают к себе внимание, заставляя задумываться над происходящим, что противоречит общей динамике трейлера: чем хаотичнее и напряженнее повествование, тем лучше. Сюжет уходит на второй план, и достаточно передать лишь общее настроение фильма. Недостаток эпитетов и метафор компенсируется за счет использования обсценной лексики и неопределенных местоимений, которые придают трейлерам дополнительную эмоциональность и экспрессивность, в то время как желаемое состояние саспенса и кошмара достигается при помощи синтаксических средств.

ЛИТЕРАТУРА

- Carrol L. F. *Cinema of the Occult: New Age, Satanism, Wicca and Spiritualism in Film*, Bethlehem, PA: Lehigh University Press, 2008.
- Freeland C. A. "Horror and Art-Dread". *The Horror Film*, edited by Stephen Prince, Ithaca, NY: Rutgers University Press, 2004.
- Sfetcu N. *The Art of Movies*. Bucharest, Romania: Nicolae Sfetcu, 2006.

Skidan, K. S.; Anisimova, O. V.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

LINGUISTIC FEATURES OF OCCULT HORROR ENGLISH-LANGUAGE TRAILERS

This article is dedicated to the analysis of stylistic devices as an instrument of creating suspense and dread in occult horror English-language trailers. The following linguistic features were identified in the analysis of English-language trailers on the lexical and syntactic level: question constructions, repetitions, parcellation, aposiopesis, parallel constructions, anaphora, rhetorical questions, epiphora, epithets, and metaphor.

Trailer, horror, linguistic features, stylistic devices, lexical means, syntactic means

УДК 81'372

Е. С. Степанова

Самарский государственный медицинский университет

ORCID 0000–0002–2707–7222

authormail-pretty.step@bk.ru

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ДЕМИУРГ-ПРАРОДИТЕЛЬ» В МИФАХ

Статья посвящена описанию фреймовой структуры лингвокультурного концепта «демиург-прародитель» в мифах. Исследуются лингвистические классификаторы лингвокультурного концепта «демиург-прародитель», отражающие особенности ирреальной деятельности, внешности творца Вселенной и всего живого на земле. Делается вывод о том, что классификаторы лингвокультурного концепта «демиург-прародитель», с одной стороны, детерминированы ценностями представителей определенного лингвокультурного сообщества, с другой – определяют мировоззрение индивидов.

Фрейм, классификатор, демиург, ирреальный, мифологическая картина мира

Результатом мифологического осмысления окружающей действительности является мифологическая картина мира, репрезентированная с помощью мифологических концептов в памяти представителей определённого лингвокультурного сообщества. Лингвокультурный концепт имеет в своём составе образную, понятийную и ценностную составляющие, которые отражают его когнитивные признаки. *Образная* составляющая обусловлена способностью мышления оперировать мифологической информацией в виде образов. В *понятийный* компонент включены признаки, несущие основную фактическую информацию о мифологическом событии. *Оценочный* компонент лингвокультурного концепта репрезентирует «ценность эмоционально рефлексивной культуры для данной языковой общности» [Шаховский, 2009, с. 10–12].

В рамках когнитивной лингвистики предприняты попытки создания фреймовых моделей лингвокультурных концептов, наглядно представляющих целостную систему когнитивных признаков. В данных моделях лингвокультурные концепты имеют структуру фрейма и состоят, подобно классической модели, из узлов и связей между ними. Фреймы отражают когнитивные признаки сверхъестественных субъектов как существенные, так и второстепенные. Также фреймы репрезентируют перенос свойств ирреального субъекта из

другой категории (например, живого существа): *After Anu (the sky god) had created the heaven, And the heaven had created the earth* [Franz, 2021, p. 87].

Необходимость исследования фреймовой структуры лингвокультурного концепта «демиург-прародитель», его языковой репрезентации, отражающей устранение сущностных различий между категориями, а также перенос свойств, ассоциируемых с другой категорией, предопределила *цель* данного исследования.

Цель исследования обусловила выполнение следующих *задач*:

1. описать фреймовую структуру лингвокультурного концепта «демиург-прародитель» и его языковую репрезентацию;

2. описать лингвистические классификаторы лингвокультурного концепта «демиург-прародитель», отражающие особенности ирреальной деятельности, внешности творца Вселенной и всего живого на земле.

В нашем исследовании применялись следующие методы исследования: описательный метод и метод сплошной выборки. Описательный метод, направленный на описание фреймовой структуры мифологического концепта «демиург-прародитель»; метод сплошной выборки для детекции лингвистических классификаторов мифологического концепта «демиург-прародитель».

Исследование проводилось на *материале* научно-популярной работы Марии-Луизы фон Франц (Marie-Louise von Franz) «Мифы о сотворении мира» (“Creation Myths”), «в которой учёный анализирует повторяющиеся мотивы в мифах о творении, которые являются отражением действительности в архаическом сознании древнего человека [Franz, 2021].

В когнитивной лингвистике П. Бойер и К. Рэмбл моделируют структуру лингвокультурного концепта, обозначающего субъектов ирреальной действительности, на основании следующих признаков: 1) принадлежность к определенному уровню; 2) лингвистическая репрезентация нарушения неосознанных ожиданий, выражающаяся: а) в устранении сущностных различий в свойствах категорий, б) в переносе свойств, ассоциируемых с другой категорией; 3) связь с ненарушенными ожиданиями относительно свойств категории; 4) слот, содержащий дополнительную энциклопедическую информацию; 5) наличие лексемы-номинанта концепта [Boyer, Ramble, 2001, с. 537].

Методологической основой нашего исследования послужило утверждение П. Бойера и К. Рэмбла о том, что для лингвокультурных концептов, обозначающих субъектов ирреальной действительности – наличие качеств, противоречащих физическим законам объективного мира (например, способности проходить сквозь стену), обозначается *первым и вторым* признаками. Признак *третий* свидетельствует о сохранении концептом отдельных ожидаемых свойств категории (либо часть свойств категории лица, либо категории

предметности). Признак *четвёртый*, по мнению исследователей, содержит культурно специфическую информацию, благодаря которой лингвокультурные концепты отличаются друг от друга [Boyer, Ramble, 2001, с. 537].

В лингвокультурном концепте «демиург-прародитель» узлы фрейма образуют иерархическую структуру и состоят из узлов первого, второго и третьего уровней. Узлы первого уровня репрезентируют наиболее актуальные признаки концепта, большинство из которых либо входят в содержательный минимум концепта, либо обладают высокой частотой при вербализации в мифе. Во фрейме концепта «демиург-прародитель» первый уровень формируется следующими классификаторами:

1. Форма: *she assumed the form of a dove, the Golden Embryo;*
2. Внешний вид: *the Goddess of All Things, rose naked from Chaos; fair-haired Rhea;*
3. Время появления: *When the earth had been brought forth (and) the earth had been shaped; When the destinies of heaven and earth had been fixed, let us create mankind;*
4. Волшебные способности: *He gathered the waters of the sea as in a bottle; the goddess created the seven planetary powers, setting a Titaness and a Titan over each;*
5. Необходимые качества: *He overpowers the clever mind, and tames the spirit in the breasts of men and gods;*

отношение к людям и род занятий: *The Lord looks down from heaven, he sees all the sons of men, he who fashions the hearts of them all, and observers all their deeds.*

Узлы второго уровня сформированы из менее значимых для мифологического сознания признаков. Во фрейме концепта «демиург-прародитель» ими являются *среда обитания, характер, иерархия богов, статус в системе мифологических существ.*

1. Среда обитания: *The gods who live on snowy Olympus' peak, and misty Tartarus;*
2. Характер: *fair;*
3. Иерархия богов: *Who, among the gods, was the One God above?*
4. Статус в системе мифологических существ: *King of all that breathes and blinks the eye, who rules all creatures that have two feet or four.*

Интересным в плане содержательного наполнения видится узел *attributes*, который может относиться либо к первому, либо ко второму уровню. Он структурируется небольшим количеством признаков, которые в подавляющем большинстве специфичны для субъекта каждого концепта, обусловлены родом его занятий и выступают в качестве индивидуализирующего дополнения его образа. Так, верховный бог Мардук во время сражения с чудовищем Тиамат

в правой руке держит булаву войны, а в левой – скипетр мира (*in his right hand he held the mace of war; in his left grasped the sceptre of peace*) [Franz, 2021, p. 107].

Помимо обязательных узлов первого и второго уровней в модели лингвокультурного концепта «демиург-прародитель» отмечены факультативные узлы, условно относимые к третьему уровню, поскольку содержат специфическую информацию. К ним относятся:

1. Тип волшебства: *seven winds were created and released to savage the guts of Tiamat*;

2. Деятельность: *save the life of gods; the burden of creation man shall bear!*
Данный классификатор концепта обуславливает род занятий «творца мироздания» (*либо спасти жизни богов, устанавливая новый порядок мироздания, либо нести бремя творения человека*);

3. Одежда: *clean robes*. Верховный бог Мардук во время сражения с чудовищем Тиамат одет в белое одеяние: *He bathed and put on clean robes, for he was their king*;

4. Возраст: *immortal*.

Перечисленные классификаторы отражают актуальные признаки лингвокультурного концепта «демиург-прародитель» сквозь призму восприятия его человеком. Первое впечатление, получаемое о мифологическом субъекте, касается обобщённой оценки его наружности (человек – не-человек), формы и времени появления. Дальнейшее знакомство подводит к детализации первоначальных впечатлений относительно его характера, волшебных способностей, деятельности и среды обитания. Данные классификаторы отражают знания о мифологическом субъекте и являются частью наивной картины мира представителей определённого лингвокультурного сообщества.

Необходимо отметить, что когнитивная информация о лингвокультурном концепте «демиург-прародитель», которая передаётся концептуальными структурами, осуществляется с помощью дедукции, то есть от знания общих закономерностей к их частному проявлению – от формы к внешнему виду, от отношения к человеку до вида деятельности. Сущностные характеристики мифологического персонажа детерминированы взаимодействием ценностей, сформированных в определенном лингвокультурном сообществе и определяют мировоззрение индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

Шаховский, В. И. Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?)// Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2009. Т. 1. №16. С.7–14.

Boyer P., Ramble C. Cognitive Templates for Religious Concepts: Cross-Cultural Evidence for Recall of Counter-Intuitive Representations // Cognitive Science. 2001. Vol. 25. № 4. 25. P. 535–564.

Franz, Marie-Louise von. Creation myths. New York: Random House, 2021. 384 p.

Stepanova, E. S.

Samara State Medical University

FRAME STRUCTURE OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “DEMIURGE” IN MYTHS

The article focuses on the description of the frame structure of the linguocultural concept “demiurge” in myths. The linguistic classifiers of the linguocultural concept “demiurge” are studied, reflecting the features of unreal activity and the appearance of the creator of the universe and all life on earth. It is concluded that the classifiers of the linguocultural concept “demiurge”, on the one hand, are determined by the values of representatives of a particular linguocultural community, and on the other hand, they determine the worldview of individuals.

Frame, classifier, demiurge, unreal, mythological picture of the world

УДК 81’372

Е. С. Степанова

Самарский государственный медицинский университет

ORCID 0000–0002–2707–7222

authormail-pretty.step@bk.ru

МАНИФЕСТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЧУДЕСНОГО В МИФЕ: ВОЗВЫШЕННОЕ И УЖАСНОЕ

Статья посвящена описанию категории чудесного и её манифестации в виде категорий возвышенного и ужасного в мифе. Исследуются лингвистические средства реализации категорий возвышенного и ужасного в мифе. Делается вывод о том, что возвышенное и ужасное – биполярные оппозиции в мифе – манифестированы помощью квалификативов и процессивов, а также с помощью различных изобразительных средств, передающих эмоциональную оценку состояния мифических персонажей.

Чудесное, возвышенное, ужасное, миф, антропоморфный, архаичный

Категория чудесного в мифе подразумевает сверхъестественное, непостижимое событие, имеющее божественное происхождение и нарушающее

законы природы. Категория чудесного обладает сущностными параметрами, к которым относятся *ирреальность явления, противоречие известным законам природы, необъяснимость, необычность*. Данные параметры характеризуют структуру поля «чудесное» с онтологической, феноменологической и аффективной стороны. *Сущностные параметры категории* реализуются в узуальном значении репрезентирующих ее прилагательных (чудесный и сверхъестественный):

1. Чудесное – ирреальное явление. Так, в Большом энциклопедическом словаре чудо определяется как «сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной, потусторонней силы» [БЭС, 1991, II, с. 644].

2. Чудо противоречит законам природы. Оно зависит от уровня наших знаний и нашего незнания; человеческая способность объяснять суть явления выводит его за пределы необычного. Соответственно, область чудесного постоянно меняется в процессе приобретения человеком знаний об окружающем мире.

3. Чудо представляет собой необъяснимое явление; оно не поддается рациональному объяснению. Как только чудесное становится понятным, оно перестает быть таковым, превращаясь в естественное, обыденное.

4. В когнитивной лингвистике исследуется аффективно-оценочный компонент чуда, вызывающий чувство удивления и недоумения. С одной стороны, эмоциональность восприятия сверхъестественного связана с особенностями архаического мышления, которое было связано со сферой чувств. С другой стороны, чудесное, являясь частью эстетической категории, отражает то общее, что присуще *возвышенному и ужасному*.

Поскольку восприятие сверхъестественного может сопровождаться не только восхищением, но и чувством страха, то возникает необходимость исследования *возвышенного и ужасного* как форм манифестации категории чудесного, что определяет *цель* данного исследования.

Цель исследования предопределила решение следующих *задач*:

1. описать категорию возвышенного и языковые средства её реализации в мифе;

2. описать лингвистические средства, репрезентирующие категорию ужасного в мифе.

Приоритетными методами исследования выступили: метод контекстного анализа и метод сплошной выборки. Метод сплошной выборки, направленный на определение языковых средств, репрезентирующих биполярные категории *возвышенное и ужасное* в мифе; метод контекстного анализа, нацеленный на описание языковых репрезентантов данных категорий в контексте.

Исследование проводилось на *материале* научно-популярной работы Бернарда Эвслина (Bernard Evslin), Дороти Эвслин (Dorothy Evslin) и Неда Хупса (Ned Hoopes) “Heroes and Monsters of Greek Mythology” («Герои и монстры греческой мифологии»), в которой отмечается, что древнегреческие мифы изображают богов, порождающих как добро, так и зло, и что, мифы повествуют сцены вечной борьбы между «силами Света и силами Тьмы» [Evslin et al., 2018].

Методологической основой нашего исследования послужила работа учёного Л. А. Новикова [Новиков, 1973], в которой он проводит «разделение лексико-семантических оппозиций (в нашем случае в мифе) на антонимы, комплементативы» (взаимоисключающие друг друга противоположные признаки, например, *возвышенное-ужасное*), конверсивы (признаки, которые «описывают какое-либо действие с позиций двух обязательных участников ситуации»), кваликативы (речевые акты оценочной квалификации), процессивы (абстрактные сведения о процессе (глаголы обладания и бытия).

Прежде всего остановимся на категории *возвышенного*. Данная категория обнаруживает себя в образах культурных героев древних мифов. Культурные герои создают важнейшие предметы архаики (огонь, орудия труда), внедряют культурные знания о явлениях природы, устанавливают правила социума, соблюдают ритуалы и праздники [Мифология, 2003, с. 656]. В мировоззрении народа величие культурного героя преломляется в героическую человеческую личность, в которой в полной мере выражается возвышенное. Мифический герой является не индивидуальностью, но персонажем, в котором «в предельно обобщенной форме интегрированы возможности человеческого коллектива» [Гусев, 1967, с. 287].

Чертами мифического героя обладают персонажи, вступающие в противоборство с зоо- или антропоморфными сверхъестественными существами, насылающими Хаос. Противниками сказочных персонажей, с которыми они состоят в жёстком противостоянии, становятся великаны, монстры и драконы (змеи).

Важнейшими чертами мифического героя традиционно считаются огромный рост, богатырская сила, противопоставляющими его до определенной степени с противником – монстром. Так, в мифе “*The Spartan Twins*” главный герой Полакс (Pollux) обладает физической мощью и убийственными ударами: *His neck was long and very thick, as wide as his head—one length of muscle, giving that murderous whiplike power to his butting* («Шея у него была длинная и очень толстая, шириной с голову – мускулистая, придававшая его ударам убийственную силу, подобную кнуту») [Evslin et al., 2018, p. 38]. Описание внешнего

вида героя дополняется зооморфным и вегетативным кодами: *His shoulders were as wide as an ox yoke, his legs like tree trunks; his arms were almost as long as his legs* («Плечи его были широки, как бычье ярмо, ноги – как стволы деревьев; его руки были почти такой же длины, как и ноги») [Evslin et al., 2018, p. 38].

Бой монстра Амикуса (Amycus), убивавшего всех иноземцев, прибывавших в страну бибриков (*a giant who butts people to death*), и мифического героя Полакса (Pollux) в мифе представлен с помощью квалификативов и процессивов, обозначающих *натурфактный* (*enter our land*), *артефактный* (*a trumpeter raised his horn*) и *параметрический* (*fifteen strides long, fifteen strides wide*) коды:

“Have you chosen your ground?” “Here,” said Pollux. “This rock wall is one boundary. The dimensions are whatever you choose.” The king turned to his spear-men. “Pace it off. Fifteen strides long, fifteen strides wide. Stand your pickets”. A trumpeter raised his horn and blew a clear blast. Then he addressed the crowd. “People of Bebrycos, you are gathered here to watch your king, Amycus, protector of the realm and hammer of justice, punish one who dares enter our land without invitation” («Ты выбрал место?» «Вот», сказал Полак. «Эта каменная стена – одна граница. Размеры – любые, какие вы выберете». Король повернулся к своим копейщикам. «Не торопитесь. Пятнадцать шагов в длину и пятнадцать шагов в ширину. Ставьте свои колья». Трубач поднял рог и протрубил чистый звук. Затем он обратился к толпе. «Люди Бибрикоса, вы собрались здесь, чтобы посмотреть, как ваш король Амикус, защитник королевства и молот правосудия, наказывает того, кто осмелится вступить на нашу землю без приглашения» [Evslin et al., 2018, p. 39].

Выполнение мифологическим героем защитной функции, имеющей целью сохранение законов и ценностей своего социума, приводит к его возвышению и идеализации. Мифологические чудовища (монстры) воплощают в себе Хаос и обладают антиценностями. Борьба с Хаосом выражается в противостоянии мифологического героя с чудовищем, творящим зло, и репрезентируется равноуровневыми языковыми средствами.

Ужасное. Данная категория является биполярной категорией *возвышенного* в мифе. Ужасной становится действительность, когда человек неспособен противостоять чуждому запредельному миру (не физически, а метафизически). Отсутствие знаний о феноменах окружающей действительности приводит к формированию ирреального мира в мифологическом сознании древнего человека, а также устойчивой оппозиции «человек vs ирреальное существо».

Реализация данной оппозиции в мифе наблюдается в системе номинаций сверхъестественных персонажей с помощью лексем *thing, creature, form,*

указывающими на неопределенность, неизвестность природы существа: *dead things, evil things, dread creatures*. Внутреннее состояние мифологических героев при контакте с существами потустороннего мира сопровождается либо паникой, либо парализующим ужасом. Состояния переживаемого человеком ужаса представлено широкой палитрой изобразительных средств. Эмоциональное состояние мифологического героя как правило описывается с помощью *процессивов и квалификативов*:

1. Глаголами состояния: (*They mastered their fear, however, and marched against the weird invaders*), интеллектуальной деятельности (*he was dismayed at what he saw*), речи (*gape in horror*);

2. Причастиями и прилагательными (прямыми или косвенными обозначениями эмоционального состояния), часто образующими цепочки эпитетов: (*he was simmering with fury, the amazed eyes of the villagers, too furious to utter a word*);

3. Субстантивными номинациями эмоционального состояния: *fear; trance*.

Таким образом, ужасное, будучи одной из форм манифестации категории чудесного, противопоставлено возвышенному в мифе. Оно символизирует мир сверхъестественного, который не поддается объяснению архаичному человеку. Контакты с ирреальным миром порождают страх, поскольку человек не способен противостоять Хаосу, разрушительному первоначалу. Возвышенное, в свою очередь, олицетворяет борьбу архаичного человека с Хаосом. Возвышенное и ужасное – биполярные оппозиции в мифе – репрезентированы с помощью квалификативов и процессивов, а также с помощью широкой палитры изобразительных средств, обозначающих эмоциональное состояние мифических персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой энциклопедический словарь: в 2-х тт. Т. 2. М.: Сов. энцикл., 1991. 768 с.
- Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. 319 с.
- Мифология. Энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 672 с.
- Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. М.: Изд-во Московского университета, 1973. 289 с.
- Evslin B., Evslin D., & Hoopes N. Heroes and Monsters of Greek Mythology. New York: Dell Laurel-Leaf, 2018. 112 p.

Stepanova, E. S.

Samara State Medical University

MANIFESTATION OF THE CATEGORY OF THE MIRACULOUS IN MYTH: THE SUBLIME AND THE TERRIBLE

The article focuses on the description of the category of the miraculous and its manifestations in the form of categories of the sublime and terrible in myth. The linguistic means of realization of the categories of the sublime and the terrible in myth are analysed. It is concluded that the sublime and the terrible – bipolar oppositions in myth – are manifested with the help of qualifiers and processives, as well as with the help of various figurative means that convey an emotional assessment of the state of mythical characters.

Miraculous, sublime, terrible, myth, anthropomorphic, archaic

УДК 81`42

А. М. Тестов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0009–0000–1194–2173

mortonyt@gmail.com

Л. А. Ульяницкая

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

OSID 0000–0002–0163–3243

ulianitckaia_liubov@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ РОМАНА ДЖ. ФАУЛЗА «ВОЛХВ»

В докладе рассматривается понятие дискурса и роль аллюзии в дискурсивном анализе художественного текста. Проводится анализ экстралингвистических факторов, сопровождавших написание романа «Волхв» Дж. Фаулза, а также роль этих факторов в интерпретации текста. Отдельное внимание уделяется изменениям, произошедшим в психиатрии в период написания текста и тому, как эти изменения влияют на его восприятие.

Дискурс, аллюзия, интертекстуальность, психиатрия, Фаулз, Юнг

Нельзя понять смысл текста, рассматривая его как совокупность смыслов его составных частей – понятие текста стало динамическим, и текст стали

интерпретировать как составляющую дискурса [Селезнева, 2014, с. 69]. Операциональная продуктивность понятия «дискурс» утвердила необходимость выхода за пределы языковой системы: «Язык в самом себе и для себя – прошлая парадигма» [Синельникова, 2011, с. 454]. Дискурсивный подход к изучению текста предполагает его анализ с позиций того или иного дискурса, в котором текст представляется и воспринимается.

Однако само понятие дискурса неоднозначно: существуют, например, коммуникативный, структурно-синтаксический, структурно-стилистический и социально-прагматический подходы [Хурматуллин, 2009, с. 33]. Тем не менее, есть то, что объединяет эти подходы: помимо перечисления основных параметров текста во всех них учитываются условия, в которых данный текст актуализируется. Однако, так как эти условия постоянно меняются, их никогда нельзя определить однозначно. Интересно то, как дискурсивный подход меняет положение автора текста – автор перестает быть конечной инстанцией в интерпретации текста, потому что появление новых экстралингвистических факторов будет напрямую влиять на понимание текста читателем. В данной работе исследуется произведение английского писателя Джона Фаулза «Волхв», который сам дает комментарий вышеупомянутому тезису: ‘Its meaning is whatever reaction it provokes in the reader, and so far as I am concerned there is no given ‘right’ reaction’ – «Его (романа) идея – это отклик, который он будит в читателе, а заданных заранее «верных» реакций, насколько я знаю, не бывает».

Для успешного дискурсивного анализа романа необходимо учесть те условия, в которых он был написан. Первые наброски сюжета романа относятся к 1950-м годам, к периоду, очень значимому для мировой культуры. В это время появляется постмодернизм, течение, кардинально изменившее литературу. В культуре постмодернизма обязательной частью культурного дискурса и одним из основных художественных приемов стала интертекстуальность [Абдуллаева Гызы, 2019, с. 133]: аллюзии на другие тексты служат способом создания объема произведения. Аллюзия в произведении Дж. Фаулза стала одним из ключевых средств создания выразительности, расширив дискурс, частью которого стал роман.

Среди художественных средств романа отдельно можно выделить литературные аллюзии. Каждая часть книги открывается эпитафией из Маркиза Де Сада: ‘*Un débauché de profession est rarement un homme pitoyable*’ – «Подобное душевное безразличие, вне всякого сомнения, отличает только закоренелых развратников». В произведении также присутствует множество аллюзий на Шекспира и других английских авторов: ‘*It was a Mercutio death I was looking for*’, ‘*Alas, poor Yorick*’, ‘*Hypotheses pinned me down as Gulliver was pinned*

by the countless threads of the Lilliputians' (Дж. Свифт), 'No man is an island' (Э. Хемингуэй), '– Julie what? – Holmes, – she murmured. But I've never lived in Baker Street' (А. К. Дойл), 'My first feeling was one of resentment, a Crusoe-like resentment' (Д. Дэфо), 'Or Frazer... The Golden Bough?' (Дж. Фрейзер). Присутствуют также аллюзии на средневековый фольклор: 'My dreadful secret lay between us like the sword between Tristan and Isolde'.

Помимо литературы, автор отсылает и к другим видам искусства: в романе появляется картина Модильяни, упоминаются Роден, Джакометти, Караваджо, Боттичелли, Рафаэль и другие. Некоторые примеры из текста: '...lighting our faces strongly, Caravaggio fashion...'; 'she had... a Botticelli beauty'; 'But that makes her sound too pale, too pre-Raphaelite' и т.д.

Текст романа полон исторических иллюзий: 'It was... a Catullus without talent forced to inhabit a land that was Lesbia without mercy'; 'His hero in history was Casanova'; 'I thought black eunuchs went out with the Ottoman Empire'. Что примечательно, исторические аллюзии чаще всего отсылают читателя к античности, оставляя в стороне новейшую историю – это одновременно создает ощущение вневременности происходящего и незначительности обычного человека в масштабе истории: 'There was something pleasantly absurd about teaching in a boarding school only a look north from where Clytemnestra killed Agamemnon'. Аллюзии на современность, однако, также встречаются в романе, но служат скорее для того, чтобы ее обесценить: 'That is the truth. Not the hammer and sickle. Not the stars and stripes'.

В романе присутствуют мифологические аллюзии, чаще всего отсылающие к античной мифологии: 'I climbed through the trees like a new Orestes', 'If you question Hermes, Zeus will know', 'As Ulysses when he tied himself to the mast', '...even the black Minotaur...' и т.д.

Мифологические аллюзии достигают высшей точки в сцене суда над главным персонажем. Все входящие в зал суда переодеты в то или иное древнее божество или мифическое существо: Херн-охотник, герой английского фольклора; ведьма; Себек, древнеегипетский бог с головой крокодила; ацтекское божество (предположительно, Миктлантекутли); вампир; африканское божество; суккуб; скелет; Манайя (божество Маори); Анубис; маг; Бафомет. Однако пугают главного героя не сами мифические персонажи, а то, что они олицетворяют: 'It was not the mask I was afraid of, but what lay behind the mask'. Они олицетворяют основные архетипы, которых тоже 12: ребёнок, мыслитель, искатель, бунтарь, маг, герой, любовник, шут, славный малый, заботливый, правитель, творец [Балашова, Грибанов, Мальцова, 2019, с. 321].

Не менее важным для романа экстралингвистическим аспектом являются изменения, произошедшие в психологии и психиатрии в XX веке. Автор в предисловии указывает на очевидное влияние Карла Густава Юнга, основателя аналитической психологии: *'Besides the obvious influence of Jung, whose theories deeply inspired me at the time...'*. Карл Гюстав Юнг в студенческие годы интенсивно изучал философию, религию и мифологию, пытаясь связать их с психологией, формулируя тем самым концепт коллективного бессознательного. Работая в области психиатрии, изучая клинические проявления своих пациентов, он обнаружил сходство их сновидений и галлюцинаций с сюжетами и символами, распространенными в культуре (мифологии, религии, магии, алхимии, традициях, обычаях, культах) различных народов и исторических эпох [Жуков, 2022, с. 312]. Таким образом он вывел понятие архетипов – первичных схем образов, которые воспроизводились людьми бессознательно и формировали новые образы, подспудно существующие в мифах и верованиях [Мухина, 2014, с. 165]. Язык искусства, по Юнгу, также пронизан мифологией, что подтверждает анализ романа «Волхв».

Джон Фаулз, как и Карл Юнг, в своем произведении стремится связать психологический и мифологический дискурсы, ведь все эксперименты, которые над Николасом, главным героем романа, проводит Кончис, несмотря на то что они пронизаны всевозможными мистическими и мифологическими знаками, по сути являются психологическими экспериментами. Работая с архетипами коллективного бессознательного, используя их как инструмент, Кончис стремится провести терапию Николаса.

В годы написания книги методы психиатрии серьёзно меняются. Частично это явление было названо психофармакологической революцией: как пишет известный английский психиатр Эндрю Кроукрофт в книге "The psychotic" [Crowcroft, 1977], впервые целью психиатрической диспансеризации стало лечение пациента, а не изолирование его от общества. Это связано с появлением новых способов лечения: до 50-х годов врачи в основном не использовали лекарственные препараты для работы с пациентами. В пятидесятые годы появляются лекарственные средства, которые купировали состояния психоза или истерии. Также становится распространено лечение психических заболеваний электричеством, лоботомией и другими способами. Хотя эффективность некоторых из указанных выше методов сейчас подвергается сомнению и критике, важно изменение в отношении к психически больному: теперь это не просто опасный для общества и нежелательный элемент, а пациент, которого нужно вылечить.

Это изменение в восприятии психически больных людей привело к ещё одной важной перемене в лечении: раньше психоневрологические диспансеры, где жили больные, находились на большом расстоянии от крупных городов, из-за чего, например, родственникам было неудобно навещать пациентов. Процент повторного поступления в больницы одних и тех же пациентов достигал 85, а в 70-е годы XX века снизился до 10. Ранее количество проживающих в диспансерах постоянно было очень значительным. До 1930 года было практически невозможно стать пациентом диспансера на добровольной основе: условия в больнице напоминали скорее тюремное заключение. Больные были лишены социальной жизни. В 50-е годы всё изменилось: помимо фармакологических средств лечения, всё чаще и чаще стали использоваться методы социальной психиатрии и терапии – лечение пациента в коллективе, при участии врачей-профессионалов, родственников и друзей пациента, других пациентов и просто желающих помочь. Очевидным становится важный источник вдохновения Фаулза, так как то, что происходило с Николасом, можно с уверенностью назвать социальной терапией. Таким образом, Волхв попадает еще в один дискурс, обретая новый слой художественной глубины. Духовность срастается в книге с наукой, а религия и мифология – с психиатрией.

В ходе дискурсивного анализа романа «Волхв» была выявлена роль аллюзии, расширяющей тот дискурс, в который входит роман: литературный, мифологический, исторический. Было проведено исследование влияния развивающейся психиатрии, в частности – К. Г. Юнга на работу Дж. Фаулза. Было выяснено, что широта дискурса, частью которого является роман, определяет возможности его интерпретации и увеличивает его художественную глубину.

При подобном исследовании важно учитывать не только текстовые источники, но и реальные условия, окружающие человека, которые, безусловно, могут быть описаны в текстовой форме, но также без неё являются продолжением дискурса. Джон Фаулз не ссылается напрямую на изменения в психиатрии и психологии или на определенные текстовые источники, как в случае с литературными аллюзиями, поэтому при проведении дискурсивного анализа художественного произведения важно осуществлять всеобъемлющий анализ текста и исторического контекста, в котором он был написан.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаева Гызы Е. А. Универсальные и специфические особенности постмодернистского романа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 12 (828). С. 132–149.

- Балашова Е. С., Грибанов С. В., Мальцева С. М. Современные аспекты теории архетипов К. Г. Юнга // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 3(28). С. 320–322.
- Жуков Н. В. К.Г. Юнг: коллективное бессознательное, архетипы, культура // Образование и право. 2022. № 3. С. 311–325.
- Мухина В. С. Уникальный диапазон понятия «Архетип» // Развитие личности. 2014. № 4. С. 163–201.
- Селезнева Л. В. К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. № 5 (11). С. 67–75.
- Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия «Дискурсивная личность» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2011. № 2. С. 454–463.
- Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. № 6. С. 31–37.
- Crowcroft A. *The Psychotic*. London: Pelican books, 1977.
- Fowles J. *The Magus*. London: Vintage books, 2004.

Testov, A. M.; Ulianitckaia, L. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

DISCOURSE ANALYSIS OF J. FOWLES’ NOVEL ‘THE MAGUS’

The report studies the concept of discourse and the role of allusions in discourse analysis of a literary text. Extralinguistic factors accompanying the creation of John Fowles’ novel ‘The Magus’ and the role of these factors in the novel interpretation are determined. Much attention is paid to the changes that occurred in psychiatry in the course of novel creation and the influence of these changes on the perception of the novel.

Discourse, allusion, intertextuality, psychiatry, Fowles, Jung

УДК: 81'42

О. А. Царькова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ORCID 0000–0002–7335–3240

tyurina@sgspu.ru

ТАКТИКА ОБЕЩАНИЯ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

В докладе рассматриваются механизмы вербализации коммуникативной тактики обещания в публичных речах Дональда Трампа. Методом лингвистического анализа выявлены дейктические, синтаксические, лексические средства, направленные на выражение целевой установки высказывания. Также предпринята попытка раскрыть метасемиотический пласт содержания обещания.

Публичная речь, политический дискурс, тактика обещания, речь президента

Введение

В исследовании политической коммуникации одним из наиболее распространённых и значимых направлений можно считать тактико-стратегический подход, что объясняется особенностями языка политики, и, в первую очередь, манипулятивным характером данного вида коммуникации [Бутахина, Филипова, 2016], [Зазаева, 2007], [Чудинов, 2006], [Кучеренко, 2013]. Поскольку назначение любого общения в политике — это воздействие на массовую аудиторию, то очевидным становится тот факт, что средства, используемые для осуществления этого воздействия, тщательно продумываются и выбираются политиком или командой спичрайтеров заранее, в соответствии с целевыми установками политика, партии или государства, направленными на формирование общественного мнения или оказание определённого эффекта [Dijk, 2013], реализуясь в различных коммуникативных стратегиях и тактиках.

На сегодняшний день тактико-стратегическая организация речи представляет значительный интерес для исследователей. В фокусе внимания находятся проблемы описания тактико-стратегического плана национальных вариантов политического дискурса [Акопова, 2013], [Иссерс, 2008], исследование прагматического аспекта тактико-стратегической организации политического дискурса [Шейгал, 2004], [Иванова, 2003], а также изучение реализации отдельных тактик и стратегий политической речи [Назарова, Золотарёв, 2018].

Актуальность, материалы и методы

Актуальность данного исследования заключается в растущем интересе к изучению тактико-стратегического содержания политических текстов, который объясняется тем фактом, что подобные исследования позволяют выявить основные интенции говорящего, а также механизмы воздействия на массового реципиента, которые используют политические деятели для манипуляции массовым сознанием.

Несмотря на существующие разночтения в определениях тактики и стратегии в лингвистике, большинство исследователей сходится во мнении, что тактика представляет собой набор более «конкретных» коммуникативных действий, направленных на реализацию цели говорящего. Согласно Т. А. ван Дейку тактика представляет собой речевой прием, «позволяющий достичь поставленных целей в конкретной ситуации» [Dijk, 1989, с. 270]. О. С. Иссерс определяет речевую тактику как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс, 2008, с. 110].

В настоящем исследовании мы ставим цель исследовать средства реализации тактики обещания в публичных выступлениях 45го президента США Дональда Трампа. В качестве материала исследования нами были выбраны еженедельные публичные обращения Дональда Трампа, в которых политик отчитывается о действиях своей администрации и рассказывает, какие шаги были предприняты по решению текущих проблем (например, в речах, произнесённых 15 и 29 сентября 2017 года в Вашингтоне, Дональд Трамп отчитывается мерах помощи пострадавшим от урагана, а в речи, произнесённой 28 октября 2018 года Дональд Трамп отчитывается перед полицейскими о том, какие реформы предприняты для усиления местного самоуправления и охраны правопорядка).

Результаты анализа

В ходе исследования было проанализировано порядка 25 публичных выступлений, в которых можно выделить около 120 тематических блоков, которые могут быть рассмотрены как отдельные высказывания. Тактика обещания была зарегистрирована в порядка 20% высказываний. Следует отметить, что все высказывания, выстроенные с помощью тактики обещания имеют схожую целевую установку, которую можно сформулировать как «обещание светлого будущего для американцев, к которому президент ведет страну». В эту целевую установку включены обещания по решению текущих проблем. Например:

*From Texas to Louisiana to Florida, Alabama, South Carolina, the Virgin Islands, and Puerto Rico, we are coordinating closely with **local authorities** to help everyone impacted by these catastrophic storms.* («От Техаса до Луизианы, до Флориды, Алабамы, Южной Каролины, Виргинских островов и Пуэрто-Рико, мы вместе с местными властями координируем помощь всем тем, кто пострадал от этих ужасных штормов...»).

или

*We are working night and day and cooperation with territorial and **local authorities** to assist those in need, to help save and sustain lives, and to begin the long recovery and rebuilding effort.* («Мы работаем день и ночь и сотрудничаем с властями на местах, чтобы оказать помощь нуждающимся, чтобы помогать спасать и поддерживать их жизни, и чтобы начать долгий процесс восстановления»).

А также идея единения правительства и народа во имя процветания американского государства:

*Our **commitment** to those affected is this: **we are with you, we will stay with you and we will come back stronger than ever.*** («Наше обещание тем, кто пострадал от этого урагана: мы с вами, мы будем с вами, и мы вернёмся, став сильнее чем раньше»).

*When Americans are in need, **America pulls together.*** («Когда американцы испытывают нужду, Америка объединяется»).

*My administration has been in constant communication with the state and local authorities all over the various states. **When we're in trouble, we pull together, we pull together like nobody.*** («Моя администрация находится в постоянном контакте с властями штата и местными властями во всех штатах. Когда мы в беде, мы объединяемся, объединяемся как никто другой»).

Идея единства выражается, в первую очередь средствами ролевого дейксиса – через использование личного местоимения 1го лица множественного числа *we* «мы» и притяжательного местоимением 1го лица множественного числа *our* «наш»: *we are coordinating* «мы находимся в контакте», *we will not rest* «мы не перестанем трудиться», *we will be there tomorrow* «мы будем там завтра», *we are working* «мы работаем», *our commitment* «наше обещание», *we are sending* «мы посылаем» и т.д. Следует отметить, что референтами указанных местоимений являются как американское правительство во главе с президентом, так и американский народ, который объединяется для решения текущих проблем. Единственный контекст, в котором политик использует местоимение первого лица единственного числа, *my* «мой» – в контекстах, где он

говорит о своей администрации, как о сотрудниках, выполняющих свои обязанности: *My administration has been in constant communication with the state and local authorities all over the various states.* («Моя администрация находится в постоянном контакте с властями штата и местными властями во всех штатах».)

На синтаксическом уровне средствами создания тактики обещания являются синтаксические конструкции с глаголом *will*, имеющим оттенок модальности волеизъявления и обещания:

And we will not rest... «И мы не опустим руки...»;

We will be there tomorrow... «Мы будем там завтра...»;

... we will come back stronger than ever «...мы вернёмся сильнее чем раньше».

Кроме того, чтобы выделить наиболее важные идеи в своей речи и придать обещанию более торжественный и весомый характер, Дональд Трамп использует приём синтаксического параллелизма:

And we will not rest until everyone is safe, sound, and secure. We will be there tomorrow and the day after, as we work to respond, recover, and rebuild. («И мы будем трудиться не покладая рук, пока все пострадавшие окажутся в безопасности. Мы будем там завтра, и послезавтра, так как мы работаем, чтобы откликаться, восстанавливать и отстраивать заново»).

We are working night and day and cooperation with territorial and local authorities to assist those in need, to help save and sustain lives, and to begin the long recovery and rebuilding effort. («Мы работаем день и ночь и сотрудничаем с властями на местах, чтобы оказать помощь нуждающимся, чтобы помогать спасать и поддерживать их жизни, и чтобы начать долгий процесс восстановления»).

We are sending tremendous amounts of supplies, tremendous amounts of food and water, and we are sending great people to help. («Мы посылаем огромное количество запасов, огромное количество еды и воды, мы посылаем замечательных людей на помощь»).

Зарегистрированы случаи, когда политик использует инверсию, чтобы подчеркнуть особо важную для него идею взаимодействия с местными властями, которые, по мнению Дональда Трампа, гораздо лучше осведомлены о местных проблемах граждан:

No longer will federal bureaucrats micromanage your local police. («Никогда больше федеральные бюрократы не будут вмешиваться в деятельность местной полиции»).

Также в высказываниях встречаются случаи синтаксической антитезы, которые служат целью за счёт контраста подчеркнуть благие намерения американского правительства:

And we will work with, upon request, local police to help them, not to hinder them. («И мы будем работать по требованию, с местной полицией, чтобы помочь им, а не чтобы вставлять палки в колёса»).

На лексическом уровне средствами создания тактики обещания являются, во-первых, лексические единицы с мелиоративной эмоциональной окраской, который политик использует для описания характера действий, правительства США, направленных на решение проблем и помощь своим гражданам, а также семантически связанных с идеей любви, заботы и похвалы, которые описывают обычных американцев, работающих на благо страны: *we love our farmers* «мы любим наших фермеров», *we take care of them* «мы заботимся о них»; *to protect our great farmers* «чтобы защитить наших замечательных фермеров», *great people* «замечательные люди», *tremendous help* «огромная помощь».

В анализируемых отрывках присутствует большое количество лексических единиц, семантически связанных с идеей помощи (*help* «помощь», *assistance* «содействие», *support* «поддержка», *stay with you* «останемся с вами»), которые служат средством трансляции важной идеи кооперации между федеральным и местным правительством и гражданами: *we are with you* «мы с вами», *we will stay with you and we will come back stronger than ever* «мы останемся в вами и мы вернёмся, став сильнее чем раньше». Касаясь вопросов внутривластной жизни, Дональд Трамп транслирует идею о том, что реформы – это общее дело на благо народа, главную роль в котором играет не администрация президента, а местные власти.

Большое количество лексем, связанных с идеей единства также служит целью транслировать идею единства и сотрудничество во имя общих целей.

На фонетическом уровне политик использует аллитерацию - повтор щелевого глухого согласного [s] (*until everyone is safe, sound and secure*), щелевого сонанта [r] (*as we work to respond, recover, and rebuild; long recovery; re-building effort*), чтобы придать своей речи определённый пафос и торжественность.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тактика обещания в речи Дональда Трампа связана, в первую очередь, с реализацией целевой установки обещания светлого будущего для американцев. Важным аспектом данной идеи

является идея единства, которая выражается средствами ролевого дейксиса и с помощью лексических средств, таких как использование лексических единиц семантического поля «единство, сотрудничество», а также слов с мелиоративной окраской. Кроме того, тактика обещания строится за счёт синтаксических средств – конструкций с модальным глаголом волеизъявления *will*, синтаксического параллелизма, инверсии и синтаксической антитезы. На фонетическом уровне речь президента характеризуется использованием фонологического повтора. Данные средства помогают политику придать своей речи более торжественный характер и расставить акценты на наиболее важных идеях своих высказываний – бывший президент обещает конкретные шаги по стабилизации США и сохранению могущества страны. В этом смысле его речь является продолжением идеи, которая активно форсировалась как предвыборный слоган Дональда Трампа – “*make America great again*” – «сделаем Америку великой снова». Метасодержание высказываний раскрывает понятие величия Америки через идеи единства, взаимопомощи, поддержки и заботы о народе.

ЛИТЕРАТУРА

- Акопова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). с. 403–409.
- Бутахина Л. А., Филиппова А. В. Манипулятивный аспект политической коммуникации // Вестник ВУиТ. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnyy-aspekt-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 20.03.2024).
- Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть [пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин]. – М.: Изд-во URSS, 2013.
- Зазаева Н. Б. Политическая коммуникация: лекция // Философия и общество. 2007. №4 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kommunikatsiya-lektsiya> (дата обращения: 20.03.2024).
- Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дис. канд. филол. наук / Ю. М. Иванова – Волгоград, 2003.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Кучеренко К. В. Речевое манипулятивное воздействие в политической коммуникации: на материале выступлений испанских политиков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Кучеренко Ксения Владимировна – Москва, 2013.
- Назарова Р. З., Золотарёв М. В., Речевые тактики убеждения в современном российском предвыборном дискурсе (на примере президентской кампании 2017 – 2018 годов) // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-taktiki-ubezhdeniya-v-sovremennom-rossiyskom-predvybornom-diskurse-na-primere-prezidentskoy-kampanii-2017-2018-godov> (дата обращения: 20.03.2024).

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учеб. Пособие. М.: Изд-ва «Флинта», «Наука». 2006.
Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Изд-во ИТДК «Гнозис», 2004.

Tsarkova, O. A.

Samara State University of Social Science and Education

THE SPEECH TACTICS OF PROMISE IN THE PUBLIC SPEECH OF DONALD TRUMP

The ways of verbalization of the speech tactics of promise are considered. The author focuses attention on linguistic mechanisms of realization of the communicative goals in public speeches of Donald Trump. The units under analysis belong to syntactic, lexical and phonetic levels of the language. The article represents an attempt to reveal meta-message of promise in the discourse of Donald Trump.

Public speech, political discourse, communicative tactics, promise, communicative goal

УДК 811.111:811

О. Н. Чалова

Минский государственный лингвистический университет

oksana-chalova@mail.ru

ПЕРВОЛИЧНЫЕ ССЫЛКИ НА НЕЗНАНИЕ КАК КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Статья посвящена выявлению особенностей функционирования в англо- и русскоязычном научном диалоге таких речевых действий, как ссылки на незнание. Уточняются причины их использования в диалогической научной коммуникации, определяется их место в классификации речевых актов, выявляются более и менее востребованные в научном диалоге речеактовые разновидности ссылок на незнание (репрезентативные vs. комиссивные ссылки), устанавливаются их функциональные сходства и различия в англо- и русскоязычном научном диалоге.

Научный диалог, ссылка на незнание, речевой акт, репрезентатив, директив, интеррогатив

В рамках настоящей работы под *ссылками на незнание / апелляциями к незнанию* подразумеваются признания в собственном неведении по соответствующему вопросу: *Я не знаю / Мы не знаем ... , I don't know / We don't know ...* (конечно, прагматика я-незнания несколько отличается от прагматики мы-незнания: в первом случае говорящий готов нести самостоятельную

ответственность за свое неведение, в то время как во втором – стремится разделить ее с третьими лицами, однако в данной статье оба вида незнания рассматриваются в качестве одного типа высказываний – ссылок на собственное неведение, поскольку в ситуации мы-незнания говорящий относит к субъекту неведения не только других, но и самого себя).

Если для обыденно-разговорного дискурса признание в отсутствии сведений является стандартным речевым актом, то с научным дискурсом перволичные ссылки на незнание, едва ли ассоциируются.

Тем не менее в таком жанре научного дискурса, как устная научная дискуссия, перволичная констатация незнания встречается регулярно. Практически в каждой русскоязычной научной дискуссии и почти каждой второй англоязычной дискуссии обнаруживаются случаи эксплицитного выражения собственного незнания (*He знаю, как здесь выходит из ситуации. I don't know if Dolly was a disaster* «Не знаю, была ли Долли провалом»), что обусловлено коммуникативной спецификой научного диалога, его спонтанным и полемическим характером (стоит сразу отметить, что корпус нашего исследовательского материала составляют относительно свободные научные дискуссии, возникающие после представления доклада на научной конференции или научном семинаре, а не образцы строго регламентированного научного диалога, разворачивающегося в рамках такого коммуникативного события, как защита диссертации).

В отличие от знания [Василенко, 2021; Кубрякова, 2004; Тарасенко, 2009 и др.], феномен незнания в лингвистике практически не исследуется, в то время как более внимательное отношение лингвистов к аспектам его репрезентации (в том числе, и в научном дискурсе) могло бы расширить наши представления об эпистемических состояниях участников научного общения. В связи с этим в фокусе настоящей статьи находятся аспекты актуализации незнания как ментального состояния участников научного диалога, а именно такой способ его репрезентации, как прямая констатация.

С помощью метода контекстуального и лингвопрагматического анализа, было установлено, что несмотря на свой малоинформативный характер, ссылки на собственное незнание в научном диалоге представляют собой вполне оправданный коммуникативный феномен, обычно не противоречащий основным принципам кооперативного и вежливого поведения и не дискредитирующий профессиональную репутацию говорящего. Это объясняется тем, что в устной научной дискуссии ссылки на незнание претерпевают определенные прагматические трансформации и в контексте научного диалога развивают дополнительные значения, превращаясь, таким образом, в косвенные

речевые акты, отличающиеся не только игноративной семантикой, но и способностью реализовывать другие коммуникативные (речеактовые) задачи.

По нашим данным, в зависимости от своей истинной коммуникативной цели высказывания с эксплицитным модусом незнания в научном диалоге могут быть отнесены к самым разным типам речевых актов: **директивам, экспрессивам, декларативам, комиссивам, разновидностям репрезентативов** и **интеррогативам** (несмотря на то, что в классификации Дж. Серля интеррогативы представляют собой вариант директива, в рамках данной работы директивы и интеррогативы целесообразно рассматривать в качестве разных типов речевых актов, чтобы подчеркнуть направленность первых на побуждение адресата к невербальному действию, а вторых – к речевому).

Рассмотрим их подробнее.

Разновидности репрезентативных ссылок на незнание

Наибольший удельный вес в англо- и русскоязычном научном диалоге имеют ссылки на незнание, функционирующие в качестве репрезентативов и используемые в роли:

а) **предупреждения / предостережения / опасения** (*What we actually are doing is...instigating perhaps a very dangerous behavior ... we don't know where it's going to go* «То, что мы на самом деле делаем, это... провоцируем, возможно, очень опасное поведение... мы не знаем, к чему это приведет»);

б) **возражения / несогласия / сомнения / корректирующей реплики** (*Нет, не вклад. Я не знаю, что такое вклад, и что куда вкладывается. Я говорю о достижениях*);

в) **номинативного / экземплифицирующего действия** (*We can always think scary thoughts. I don't know if you read the book, the book "Prey". It's Michael Crichton's book that's got this self-assembling, autonomous, replicating nanoswarms <...>* «Нас могут посещать страшные мысли. Я не знаю, читали ли вы книгу, книгу «Добыча». Это книга Майкла Крайтона, в которой рассказывается о самоупорядоченных, автономных, воспроизводящихся наносолнцах»);

г) **согласия / похвалы / одобрения** (*Я не знаю более мощной коллективной организованности вокруг проблем истории, чем французская школа «Анналов»*);

д) **действия, выражающего удивление и / или недовольство** (*Well, I don't know how we got back to here* «Я не знаю, как мы вернулись к этому»);

е) **ссылок на трудности** (*Не знаю, как здесь выходить из ситуации*) и некоторых других действий, что характеризует сообщения о собственном незнании как достаточно вариативное и важное для развития научной дискуссии явление, призванное решать в изучаемом типе коммуникации самые разные задачи.

Наиболее востребованными в русскоязычном научном диалоге оказываются ссылки на незнание, выражающие сомнение / несогласие со сказанным. Что же касается англоязычных ссылок на незнание, то в количественном отношении их репрезентативные разновидности представлены в научном диалоге примерно одинаково.

Ссылка на незнание как косвенный директив

Использование высказываний с эксплицитным модусом незнания в императивных контекстах позволяет приписать ссылкам на незнание наличие директивной иллокуции: *Я не знаю, будете ли вы следовать этой записке. Будете следовать – следуйте. So, there's a place for an empirical and fact-finding and investigative role. Whether it should sit with national, presidential, or congressional commissions, I don't know, but it needs to sit some place* «Таким образом, мы имеем дело с эмпирической функцией и поиском фактом и исследованиями. Должно ли все это рассматриваться национальными, президентскими комиссиями или комиссиями Конгресса, я не знаю, но этому должно быть отведено какое-то место». Если в первом примере ссылку на незнание можно интерпретировать как призыв собеседника определиться с решением самостоятельно, то во втором – призыв провести соответствующее исследование и проверить факты опытным путем.

Ссылка на незнание как косвенный интеррогатив

Как отмечалось выше, к интеррогативным следует относить ссылки на незнание, ориентированные на побуждение собеседника к речевому действию: *Я не знаю, в каком смысле ты употребляешь понятие досок; может быть, в каком-то другом. So, I don't know if you want to add to it, Alex, but that's a quick answer for you, Alfonso* «Итак, я не знаю, хочешь ли ты что-то добавить к этому, Алекс, но это краткий ответ для тебя, Альфонсо». Очевидно, что в первом случае посредством ссылки на собственное незнание осуществляется запрос сведений по поводу языкового кода, которым пользуется оппонент, в то время как во втором случае ссылка на собственное незнание функционирует с целью мониторинга степени удовлетворенности собеседника ответом аргументатора. В обоих случаях высказывания с эксплицитным модусом незнания носят метакоммуникативный характер и активно участвуют в процессах перераспределения коммуникативной инициативы.

Ссылка на незнание в роли экспрессива

Использование признаний в незнании в эмоционально-оценочных контекстах, в комбинации со стилистически маркированной лексикой позволяет квалифицировать изучаемые речевые действия в качестве экспрессивных: *We don't know what the heck is going on, and so I'm concerned about that and I'm*

delighted that people are working on this and the more they work in on it, the better it is «Мы не знаем, что, черт возьми, происходит, и поэтому меня это беспокоит, и я рад, что люди работают над этим, и чем больше они работают над этим, тем лучше». *Только не грузи меня своей эрудицией. Считай, что я никого из них не читал. Ничего этого я не знаю. Но я хочу понять, как устроено пространство, в котором мы собираемся вместе что-то обсуждать.* Сочетание приведенных ссылок на незнание со стилистически сниженными языковыми элементами *what the heck* «черт побери», *не грузи*, а также эмоциональной оценкой (*I am delighted* «я рад», *I am concerned* «меня беспокоит») усиливает прагматический потенциал этих ссылок, трансформирует их в высокоэффективное средство речевого воздействия, повышает эмоциональный фон научной коммуникации.

Ссылка на незнание в роли комиссива

На наш взгляд, ссылки на незнание наподобие *I don't know exactly the answer to that, but I can find that out* «Я не знаю точного ответа на этот вопрос, но я могу узнать» можно трактовать не просто в качестве репрезентативных речевых актов, а обещаний выполнить определенное действие (в данном случае – обещания узнать соответствующую информацию), а их сочетание с подлинно комиссивным высказыванием (*I can find that out* «Я могу узнать») лишь уточняет истинный коммуникативный смысл реплики, который сводится к констатации необходимости совершить определенные действия для удовлетворения коммуникативных потребностей адресата.

Строго говоря, в научном диалоге был обнаружен только один такой случай комиссивного речевого акта, в связи с чем считать его характеристикой англо- или русскоязычной дискуссии не приходится.

Ссылка на незнание как косвенный декларатив

Понимание декларативного речевого акта как дескриптивного описания ситуации (см., например, подробнее [Голиков, 2008]) обуславливает возможность причисления отдельных ссылок на незнание к декларативам:

Есть еще более радикальные варианты: вообще ликвидировать буржуев и капиталистов. И т. п. Но вот как это сделать, каким образом реализовать предложения, изменив к лучшему жизнь всего «народонаселения», не знает никто.

We don't know how much of what is happening related to health interventions is being done within the confines of a closely monitored and well-designed experiment «Мы не знаем, какие медицинские вмешательства проводятся в рамках тщательно контролируемого и хорошо спланированного эксперимента».

Как видно из примеров, такие декларативы представляют собой описание проблемы, которая остро стоит перед представителями научного сообщества,

но которую сложно решить в силу ряда объективных и субъективных причин. Основными признаками ссылок на незнание, выполняющих роль декларатива, являются следующие: коллективный адресат, одновременное наличие информативного и императивного начала (постановка проблемы в комбинации с косвенными призывами ее решить), отсутствие временных ограничений, а также направленность на привлечение внимания общественности к поднимаемому вопросу.

Таким образом, ссылки на незнание являются средством реализации самых разных коммуникативных целей (помимо простой констатации незнания). Истинная коммуникативная цель ссылок на незнание является контекстно зависимой.

С точки зрения функционирования ссылок на незнание существенных различий между англо- и русскоязычным научным диалогом обнаружено не было: в обоих национальных вариантах диалогического научного общения представлены самые разные речеактовые разновидности изучаемых высказываний (итеррогативные, репрезентативные, директивные и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- Василенко Д. В. Репрезентация профессионального знания в текстах сферы нанотехнологии. Пермь: Пермс. гос. нац. исследовательский ун-т, 2021.
- Голиков Л. М. Декларативный речевой акт как форма регламентации в российском пенитенциарном законе начала XIX столетия // Научный диалог. 2018. С. 43–53.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Тарасенко Е. В. Роль предикатов знания в конструировании детской языковой картины мира // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 77–82.

Chalova, O. N.

Minsk State Linguistic University

1ST-PERSON REFERENCES TO IGNORANCE AS INDIRECT SPEECH ACTS IN SCIENTIFIC DIALOGUE

The article is devoted to identifying functional features of such speech acts as references to ignorance in English and Russian scientific dialogue. The reasons for their use in a dialogical scientific communication are clarified, the place of references to ignorance in the classification of speech acts is determined, speech-act variants of references to ignorance that are more and less popular in scientific dialogue are revealed (representative vs. commissive references), similarities and differences in their functioning in English and Russian scientific dialogue are established.

Scientific dialogue, reference to ignorance, speech act, representative, directive, interrogative

УДК 81'43

Н. Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID 0000-0001-8725-9717

n.sherbak@spbu.ru

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ВЛАДИМИРА НАБОКОВА И ЯЗЫК НОВОЙ МУЗЫКИ

В статье рассматривается явление литературного языка и анти-нарративных практик Владимира Набокова, схожесть такого языка с музыкальным языком. Музыкальный язык является наиболее абстрактным языком, художественный язык сходен с музыкальным, если принимать во внимание, например, феномен мышления. Человек, с одной стороны, мыслит посредством языка, с другой стороны, существуют теории о «внутренней речи», сведения о том, что человек мыслит «образами». Рассмотрение анти-нарративных практик Набокова позволяет проследить схожесть между литературным языком и музыкальным. В статье рассматриваются концепты Новой музыки и литературоведческой практики, включающие концепты мультипликации, формы с окнами, аккумуляции, других, менее конвенциональных концептов, формирующих современное литературное и музыкальное произведение.

Новая музыка, Владимир Набоков анти-нарративные практики, мультипликация, маленький взрыв

Музыка как аналог универсального языка – абстрактный язык символов, который – неоднозначен. Язык музыки – наиболее абстрактный язык. В известном труде музыковеда Мориса Бонфельда утверждается целостная и идеальная сущность музыкального произведения, в котором заложено соединение означающего и означаемого [Бонфельд, 2000]. Абстрактный звуковой мир не предполагает абсолютную идентификацию музыкальных знаков. С точки зрения Леви-Стросса музыкальная структура, хоть и повторяет языковые формы, но не имеет как такового языкового смысла [Levi-Strauss, 1971, с. 579].

Музыка — это красивая абстракция, в которой важен синтаксический аспект, несмотря на отсутствие однозначных трактовок структур со стороны языка, он является абсолютно фундаментальным. Шум и речь в концепции современного австрийского композитора Петера Аблингера функционируют упорядоченном качестве. Речь не сводится к неразборчивому, чисто музыкальному, звучанию. Центральные корреляты системы создают из нее почти традиционную музыкальную композицию, в которой изменение восприятия речи

отчасти происходит через применение специальных композиторских стратегий. Подобные исследования и музыкальные практики [Лаврова, 2019] помогают проследить неоднозначную форму существования музыкального языка в его соотнесенности с речью.

Итак, а) изучение языка музыки как литературного языка, б) попытка разъяснить, чем похож литературный язык на музыкальный, в) сосуществование музыкального языка и речи в рамках одного музыкального или литературного произведения – приводят еще к одному важному вопросу и сфере исследования. Проблематика рецепции музыки – нестандартные стратегии композиторского искусства – те направления, которые отличают современную музыку и процесс ее изучения, делают ее схожей с литературными практиками и процесс производства и потребления литературного творчества.

В современной лингвистике существует ряд вопросов, которые не имеют строго определенного ответа. Например, большинство лингвистов полагают, что мы мыслим посредством языка. Несмотря на то, что существуют определенные разногласия, и в некоторых случаях говорится и о «языке мысли», современные лингвистические положения выделяют язык как основу когнитивного процесса. Тем не менее есть и обратное мнение, достаточно распространенное. В частности, Альберт Эйнштейн писал о том, что мы мыслим все же благодаря образам, а не словам [Стернин, 2004, с. 17]. Эта идея согласуется с философской основой Серебряного века, а именно с идеями символизма, для которого символ «темен в своей последней глубине» [Иванов, 1909, с. 39].

Символ или образ масштабнее слова. Для поэтов или писателей, которые «вслушиваются в речь», таким образом, мысль складывается из зрительных, слуховых составляющих, отличных от исключительно вербальных. С этими идеями соотносятся и взгляды на иконичную природу языковых знаков [Hiraga, 1994].

В этой связи становится значимым упоминание Набокова о том, что он мыслит посредством образов: «Я думаю образами. Я не верю, что люди думают на языках. они не шевелят губами, когда думают. Только неграмотный человек определенной разновидности шевелит губами, когда читает или пережевывает свои мысли» [Набоков, 1997, с. 138].

Новая музыка порывает с прежними стереотипами восприятия, образуя в каждом новом случае специфический музыкальный язык, который может быть эквивалентом вербального. Анти-конвенционная сущность создает сложности восприятия; с другой стороны, именно к этому и стремится современное искусство: отказу от прямых форм выражения и повествования. Современные

композиторы значительно меняют логику повествования, часто используя принцип «анаморфоз», который предполагает незапрограммированную или запрограммированную множественность исполнения и интерпретации.

Взгляд Набокова на язык был во многом продолжением взгляда символистов, то есть музыкальные характеристики языка были основополагающим принципом организации его текстового пространства, несмотря на то что Набоков не много писал о музыке, а, напротив, противопоставлял музыке решение шахматных задач [Набоков, 1997, с. 156].

Слова и речь в прозе Набокова подчиняются принципу «перевертня», по которому текст можно читать слева направо и справа налево [Рягузова, 2002, с. 480–481]. В тексте сосуществует множество одновременно проигрываемых сценариев и мотивов. Основа романа – история Ады и Вана, в некотором смысле это история жизни Адама и Евы [Курганов, 2001] или счастливая история Анны Карениной и Вронского:

“All happy families are more or less dissimilar; all unhappy ones are more or less alike,” says a great Russian writer in the beginning of a famous novel (Anna Arkadievitch Karenina, transfigured into English by R. G. Stonelower, Mount Tabor Ltd., 1880) [Nabokov, 1969, с. 9]. «Все счастливые семьи довольно-таки непохожи, все несчастливые довольно-таки одинаковы» – так говорит великий русский писатель в начале своего прославленного романа («Anna Arkadievitch Karenina») [Набоков, 1996а, с. 3].

Рассмотрение романов Набокова, в частности, романа «Ада» (*Ada or Ardour: A Family Chronicle*) и концептов Новой Музыки позволяет проследить, какие нетрадиционные и менее привычные концепты определяют состав набокковского нарратива. Если рассматривать такие концепты как «мультипликацию», «аккумуляцию», «зарождение звука из тишины», «маленький взрыв», «форму с окнами», которые больше характерны для анализа музыкального языка и являются инструментами музыковедческого анализа, мы, тем не менее, можем объяснить особенности анти-нарративных практик Набокова, которые ранее не изучались, или которым ранее не было уделено столько внимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бонфельд М. Музыка: язык или речь? // Открытый текст, 2000, 1 января. URL: <http://www.opentextnn.ru/music/Perception/?id=1416> (дата обращения: 20.03.2024).
- Иванов В. По звездам. СПб: Оры, 1909.
- Курганов Е. Лолита и Ада. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001.

- Лаврова С. В. Сальваторе Шаррино и другие. Очерк об итальянской музыке конца XX – начала XXI века. Санкт-Петербург, 2019.
- Набоков В. Два интервью из сборника «Strong Opinions» // В.В. Набоков: Pro et contra / Под ред. Б. В. Аверина: В 2 т. Т. 1 СПб.: РХГи, 1997.
- Стернин И. А. Язык и мышление / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2004.
- Ablinger P. No Transgression // URL: https://ablinger.mur.at/docs/no_transgression.pdf (дата обращения: 20.03.2024).
- Hiraga M. K. Diagrams and Metaphors: Iconic Aspects in Language // Journal of Pragmatics. 1994 № 22 P. 5–21.

Shcherbak, N. F.

Saint Petersburg State University

NEW MUSIC AND VLADIMIR NABOKOV

The article examines the phenomenon of literary language and Vladimir Nabokov's anti-narrative practices and the similarity of such a language with a musical language. Musical language is the most abstract language, but artistic language is similar to musical, if we take into account, for example, the phenomenon of thinking. A person thinks in language, but there are theories about "inner speech" and information that a person thinks in "images". Consideration of Nabokov's anti-narrative practices makes it possible to trace the similarity between literary and musical language. The article examines the concepts of new music and literary practice, including animation, form with windows, accumulation, and other non-standard concepts that form a modern literary and musical work.

New Music, Nabokov, anti-narrative practices, multiplication, Little Bang

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 81–23

И. М. Гореленко

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000–0002–4121–9514

kiselinho@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В исследовании рассматривается процесс появления в языке новых лексических единиц, а также более детально обозревается вопрос пополнения лексического состава английского языка в новейшее время: анализируются источники новых лексем, а также социальные факторы, влияющие на развитие языка.

Лексикография, неологизм, английский язык, словообразование

Механизм обогащения лексического состава языка

Язык являет собой открытую и постоянно изменяющуюся систему, изменяющуюся как в своей форме, так и в предметном наполнении, чем можно назвать его лексический состав; и если процесс трансформации грамматики языка протекает постепенно и минимальные его сдвиги трудновыделяемы, то изменения в области лексики можно детально отследить с помощью корпуса языка – вплоть до количества употреблений той или иной лексемы в языке в определенный период времени. Более того, практически у всех лексических трансформаций языка возможно определить источник и их причину.

Лексема, являющаяся новой для языка единицей, называется неологизмом. В лингвистике не существует единственно верного определения данному термину, тем не менее наиболее полное описание термина можно встретить у Н. М. Шанского, советского и российского лингвиста, согласно которому, неологизмы – «новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления,

сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление» [Шанский, 1964, с. 158]. Именно в ощущении новизны для большинства носителей языка заключена лингвистическая ценность неологизмов. Невозможно точно определить, когда эта новизна в массовом сознании пропадает и лексема становится (или не становится) общепринятой частью языка. В данном исследовании за основу взята точка зрения французского лингвиста Жана-Филиппа Саблеролля, который считает, что лексема может оставаться неологизмом сроком до пяти лет [Pruvost; Sablayrolles, 2003].

Из другого определения термина «неологизм» – за авторством советской и российской лингвистки И. В. Арнольд – можно вынести основные признаки этого явления. Ученая определяет неологизм как «лексическую единицу, созданную по существующим в языке словообразовательным моделям или заимствованную для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или нового значения у уже существующего слова, вновь появившегося в языке на определённом этапе его развития» [Арнольд, 1986, с. 217]. Так, появление в языке новых лексических единиц может иметь разную природу. К основным источникам новой лексики в языке И. В. Арнольд относит 2 пути: образование новых единиц и заимствование их из другого языка. Кроме того, выделяется также приобретение какой-либо лексемой нового значения. Ученые различают продуктивные и непродуктивные способы словообразования. Исходя из темы данного исследования, анализу подлежали лишь продуктивные способы, из которых традиционно выделяют наиболее эффективные: аффиксация, конверсия, словосложение. К менее продуктивным способам относят аббревиацию, усечение, обратное словообразование и блендинг [Кудрина, Перминов, Юдина, 2023]. Именно по методам образования новых слов, а также по их источнику проводился анализ в данной работе.

Анализ новейших лексем в английском языке

Для данного исследования анализировались новейшие вхождения в Оксфордский словарь как в самый престижный академический словарь английского языка [Oxford English Dictionary]. Как отмечается на официальном сайте словаря, чтобы лексема была добавлена в новое издание, необходимо подтверждение ее попадания в корпус языка из различных источников, что подтверждает ее значимость и частотность употребления.

Самым продуктивным методом словообразования в английском языке является аффиксация, что подтверждается десятками новых лексем в каждом обновлении. К примеру, лексемы *blindism* (декабрь, 2023), *wokery* (декабрь, 2023), *villagize* (июнь, 2022), *hoboing* (март, 2023), *deleter* (март, 2020)

образованы суффиксальным способом, а единицы *unequalizing* (декабрь, 2023), *unvaxxed* (июнь, 2022), *detransition* (декабрь, 2021) – префиксальным.

К примерам конверсии можно отнести следующие недавно вошедшие в словарь лексемы: глаголы *chore* (декабрь, 2023), *attorney* (сентябрь, 2022), *hermaphrodite* (март, 2023), а также существительное *yarning* (март, 2023) и прилагательное *divorcing* (декабрь, 2023).

Примерами словосложения можно считать следующие лексемы: существительные *frontierswoman* (от *frontie* и *oman*, сентябрь, 2023), *wrongthink* (от *wrong* и *think*, июнь, 2023) и глаголы *sportswash* (от *sports* и *wash*, июнь, 2022), *birdwatch* (от *bird* и *watch*, декабрь, 2021).

К примерам наименее продуктивных способов словообразования можно отнести следующие лексемы: существительные *insurtech* (от *insurance technology*, декабрь, 2023), *flirtationship* (от *flirt* и *relationship*, сентябрь, 2023) образованы с помощью блендинга, *sabb* (от *sabbatical officer*, сентябрь, 2023), *stras* (от *Strasbourg sausage*, декабрь, 2022), *crypto* (от *cryptocurrency*, декабрь, 2022) – с помощью усечения, *CODA* (от *Children Of Deaf Adults*, декабрь, 2022), *AQI* (от *Air Quality Index*, июнь, 2023), *ADA* (от *Americans with Disabilities Act*, март, 2023), – методом аббревиации, а глаголы *gentrify* (от *gentrification*, март, 2021), *bulldoze* (от *bulldozer*, июнь, 2022) – с помощью обратного словообразования.

Важно отметить, что значительную часть неологизмов, зарегистрированных Оксфордским словарем, составляют заимствованные слова. Наиболее часто встречаются индийские лексемы (*anatman*, *anitya*, *bhikshuni*, *metta*, все – декабрь, 2021), заимствования из языка новозеландского племени маори (*whenua*, *wairua*, *kaumatua*, *korero*, все – март, 2023), лексемы из ирландского английского (*plámás*, *irio*, *ciotóg*, *fáinne*, *ráiméis*, все – март, 2022), лексемы из языков народов Уганды (*gombolola*, *kalo*, *buveera*, *kyeyo*, *katogo*, все – июнь, 2022), а также заимствования из лексики народов Кении и японского языка.

Для анализа особенностей пополнения лексического состава современного английского языка необходимо также обращать внимание на события и реалии, провоцирующие вхождение новых лексических единиц в корпус языка.

За последние пять лет, которые являются условным порогом для сохранения словом своей «новизны», самым масштабным событием, внесшим свой вклад в английский язык, стал коронавирус. Пик лексической продуктивности пришелся, очевидно, на самый разгар пандемии. В апреле-июле 2020 года в Оксфордский словарь были добавлены десятки лексических единиц, связанных с заболеванием и реалиями жизни в период локдауна. К примерам

таковых можно отнести лексемы *anti-vaccine* (март, 2022), *vax* (март, 2022), *vaxxed* (март, 2022), *unjabbed* (июнь, 2022), *corona* (в значении «коронавирус», июль, 2020), *MERS* (июль, 2020), *infodemic* (апрель, 2020), *self-isolate* (апрель, 2020), *self-quarantine* (апрель, 2020), *social distancing* (апрель, 2020).

Кроме того, стабильным источником неологизмов для английского языка остаются языки тех стран и народов, которые в прошлом находились под влиянием Великобритании. Примеры заимствованных лексем, приведенные выше, демонстрируют связь английского языка с языками Индии, стран Африки и Карибского бассейна.

Третьим важным источником неологизмов остается устная речь, на которую большое влияние оказывает общение в социальных сетях. Специфика общения в социальных сетях провоцирует компрессию языка, и английский в данном случае не является исключением. Примерами лексем, вошедших в Оксфордский словарь и представляющих разговорный регистр, являются: *obvs* (от *obviously*, декабрь, 2022), *b-day* (от *birthday*, март 2020), *finna* (от *fixing to*, март, 2020), *jeeze louise* (разговорное восклицание, март, 2020), *cap* (в значении «лгать, преувеличивать», июнь, 2023), *mandem* (разговорный вариант для описания дружеской группы мужчин, сентябрь, 2022), *galdem* (разговорный вариант для описания дружеской группы женщин, сентябрь, 2022), *damn* (в значении ругательства, сентябрь, 2022), *damnfino* (сокращение от *damned if I know*, сентябрь, 2022), *dine and dash* (в значении *покинуть ресторан, не заплатив*, декабрь, 2021), *shitpost* (в значении *выкладывать в социальные сети низкокачественный контент*, октябрь, 2021).

Стоит заметить, что политику формирования обновлений для Оксфордского словаря можно охарактеризовать либо общей направленностью каждого обновления, либо содержанием в выпуске большого количества неологизмов, объединенных общим источником или тематикой. Это касается большей части выпусков с новыми лексемами. Так, в обновлении от октября 2022 года фигурировало сразу 7 неологизмов, связанных с футболом (*Panenka*, *gegenpress*, *gegenpressing*, *tiki-taka*, *rabona*, *total football*, *trequartista*), в последующих и предыдущих обновлениях такой лексики найдено не было. Данный факт можно объяснить проведением осенью-зимой 2022 года чемпионата мира по футболу. Также практически все заимствования из индийского (декабрь, 2021), кенийского (июнь, 2022), угандийского (июнь, 2022), ирландского (март, 2022) языков и языка маори (март, 2023) содержались каждый в единственном обновлении.

Проведенный анализ новейших вхождений в Оксфордский словарь английского языка показал, что редакция словаря отслеживает все актуальные

тенденции, происходящие в языке, а также в языках, которые имеют влияние на англофонное население, и своевременно отражает их в регулярных обновлениях к корпусу словаря.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И. В. Лексикология Современного Английского Языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е издание. Москва: Высшая школа, 1986.

Кудрина С.А., Перминов В.О., Юдина Е.В. Основные источники и способы образования неологизмов в современном английском языке // Современное педагогическое образование. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-istochniki-i-sposoby-obrazovaniya-neologizmov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 19.03.2024).

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. 423 с.

OED (Oxford English Dictionary). URL: <https://www.oed.com/information/updates> (дата обращения: 19.03.2024).

Pruvost, J., Sablayrolles, J. Les néologismes. Presses Universitaires de France, 2003.

Gorelenko, I.M.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

FEATURES OF ACTUAL REPLENISHMENT OF THE LEXICAL COMPOSITION OF THE ENGLISH LANGUAGE

The article considers the process of appearance of new lexical units in the language, as well as a more detailed review of the issue of replenishment of the lexical composition of the English language in modern times: the sources of new lexemes are analysed, as well as social factors influencing the development of the language.

Lexicography, neologism, English language, word-formation

УДК 811.11–112:778.5

Г. А. Дёмин

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000–0002–4680–2557

dga97@mail.ru

ЯЗЫКИ БЕЛЬГИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА

В докладе рассматривается использование языков в бельгийском кинематографе с целью выявления языковых тенденции в одной из сфер культурной жизни Бельгии. Анализируются киноленты, произведённые Бельгией единолично или в сотрудничестве с другими странами, которые были номинированы на главный приз Каннского кинофестиваля. Установлены языковые тенденции бельгийского кинематографа как для официальных языков страны, так и для иностранных, преимущественно английского языка.

Бельгия, кинематограф, коммуникация, культура, английский язык, французский язык

Сказать, что кинематограф является одной из главных, крупных и влиятельных форм современного искусства можно с уверенностью. Более того, представляется уместным упомянуть то, что на эмпирическом уровне кино можно считать формой коммуникации между людьми, у которой нет барьеров. Тем не менее, если говорить о языке, то фильмы по-прежнему создаются на том множестве языков, на котором осуществляет коммуникацию человечество и для того, чтобы осуществить полноценное понимание той или иной картины необходимо понимать и сами эти языки.

Анализ кинематографа определённой страны с точки зрения используемых в нём языков может помочь, по крайней мере, частично понять языковую ситуацию в одной из ветвей культурной сферы жизни общества этой страны.

По вышеуказанной причине объектом данного исследования выступает кинематограф, конкретно – в Бельгии. Подобный выбор продиктован необычной языковой ситуацией в стране, где идёт многолетнее противостояние между французским и нидерландским языками, в том числе на законодательном уровне. Помимо прочего, Бельгия также подвержена глобалистскому распространению английского языка, вследствие чего данный язык занимает крепкие позиции в стране, а уровень владения им среди населения очень высок.

Рассмотрение бельгийского кинематографа можно произвести на примере Каннского кинофестиваля по причине того, что этот фестиваль является одной

из главных площадок европейского кино, где фильмы не только участвуют в конкурсном соревновании, но и продаются для различных кинорынков.

При изучении истории номинаций на главный приз кинофестиваля – Пальмовую ветвь – за половину всего срока существования Каннского кинофестиваля, а именно в период с 1985 по 2023 гг., можно установить, что было номинировано тридцать пять фильмов, в производстве которых принимала участие Бельгия.

Среди указанных фильмов – восемь фильмов были совместно созданы Бельгией и Францией на французском языке. Два фильма из этого списка созданы только Бельгией, язык данных киноработ – французский. Англоязычные работы представлены в количестве восьми картин, из них четыре фильма исключительно на английском языке. Остальные пятнадцать фильмов созданы совместно с рядом различных стран и представлены на нескольких языках. Для того чтобы иметь определённое понимание о положении языков в бельгийском кинематографе логично начать анализ с иностранного для Бельгии английского языка.

В хронологическом порядке первый подобный фильм – «Между дьяволом и глубоким синим морем», выпущенный в 1995 году. Фильм совместного производства Бельгии, Франции и Великобритании, снят на нидерландском и английском языках.

Следующие два фильма относятся к фестивалю 2009 года: первый фильм – «В поисках Эрика» – создан усилиями Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Испании на английском и французском языках. Второй фильм – «Оставшееся время» – продукт совместной деятельности Франции, Бельгии, Италии и Великобритании, созданный на иврите, арабском и английском.

В 2010 году на Каннском фестивале также была два фильма, производство которых связано с Бельгией. Один из них – «Копия верна», совместно созданный Францией, Италией и Бельгией с диалогами на английском, французском и итальянских языках. Данная работа удостоилась награды в номинации фестиваля «Лучшая актриса 2010». В производстве второго фильма, помимо Бельгии, принимали четыре страны – Великобритания, Франция, Италия и Испания. Речь идёт о фильме «Ирландский маршрут», который был снят полностью на английском языке.

Следующий фильм, который также был выпущен в 2012 году полностью на английском языке, носит название «Доля ангелов». Картина – плод сотрудничества Великобритании, Франции, Бельгии и Италии.

В самый плодоносный со стороны Бельгийского кинематографа к Каннскому кинофестивалю 2021 год, среди пяти кинокартин, в производстве

которых принимала участие Бельгия, одна из них была снята исключительно на английском языке. Это фильм «Аннетт», для создания которого объединились представители Франции, Германии, Бельгии, Японии и Мексики. Картина, в частности, получила награду фестиваля в номинации «Лучший режиссёр 2021».

Заключительный пример относится к 76 Каннскому кинофестивалю, прошедшему в 2023 году: фильм «Старый дуб», который был совместно создан Великобританией, Францией и Бельгией. Сам фильм представлен полностью на английском языке.

Как было упомянуто выше, два фильма из списка номинантов были произведены исключительно Бельгией. Однако большее количество фильмов созданы совместными усилиями Бельгии и Франции, при этом, как также было упомянуто ранее, язык всех этих фильмов французский. Речь идёт о картинах «Философский камень», «Розетта», «Ржавчина и кость», «Неизвестная», «Роден», «Молодой Ахмед», «Титан» и «Тори и Локита», номинированных в 1988, 1999, 2012, 2016, 2017, 2019, 2021 и 2022 годах соответственно.

Оставшиеся семнадцать фильмов принадлежат к числу тех фильмов, в производстве которых Бельгия была одной из нескольких участвовавших стран, а языки самих фильмов были различными. Вновь обращаясь к хронологии, первым подобным фильмом в списке является «Скрипач», номинированный в 1994 году, созданный совместно Францией, Бельгией и Германией на французском языке.

Следующий фильм из списка – «День восьмой» – также снят на французском языке и является продуктом совместной деятельности Бельгии, Франции и Великобритании. Фильм вышел в 1996 году.

В 2001 году в список номинантов попал фильм «Ничья земля». В создании фильма, помимо Бельгии, приняли участие четыре страны – Франция, Италия, Великобритания и Словения, а звуковая дорожка картины составлена английским, французским, немецким и боснийским языками.

Фильм-номинант 2006 года «Патриоты» произведен Францией, Алжиром, Бельгией и Марокко. Данная картина была снята на французском языке.

Следующая картина – «Молчание Лорны», относящийся к 2008 году. Снятый на французском, албанском и итальянских языках, данный фильм выступает итогом сотрудничества кинопроизводств Бельгии, Франции и Италии.

Два года спустя в списке номинантов на Каннском кинофестивале был отмечен фильм «Вне закона», который был совместно снят Францией, Бельгией и Алжиром. В фильме можно услышать два языка – французский и арабский.

Фильм «Источник» 2011 года – результат коллективной работы Франции, Марокко, Бельгии и Италии – также был одним из номинантов на главный приз Каннского кинофестиваля. Арабский и французский языки являются языками данного фильма.

В 2012 году принимал участие фильм под названием «За холмами», созданный Румынией, Францией и Бельгией. При этом, в картине присутствует только румынский язык.

Ещё через год в списке номинантов кинофестиваля оказывается фильм «Жизнь Адель». Произведённый объединёнными усилиями Франции, Бельгии и Испании фильм является одноязычным, а именно – франкоязычным.

Бельгийские, французские и итальянские кинопроизводители совместно представили на Каннском кинофестивале 2014 года картину «Два дня, одна ночь». Вновь речь идёт о картине, которая была создана исключительно на французском языке.

Киноработа «Она», являющаяся результатом сотрудничества Франции, Германии и Бельгии, была одним из номинантов в 2016 году. Язык у картины один – французский.

В 2019 году одним из фильмов-номинантов, представлявших Бельгию на Каннском кинофестивале, был «Атлантика», звуковая дорожка которого представлена языком волоф, а также французским языком. В создании киноленты принимали участие Франция, Сенегал и Бельгия.

Согласно информации, приведённой выше, для Бельгии особо щедрым был 74 Каннский кинофестиваль, проходивший в 2021 году. В частности, две картины, снятые только на французском языке, были созданы Бельгией при содействии других государств. Речь идёт о киноработах «Франс или Суперзвезда» и «Беспокойный», воплощённых в жизнь при помощи Франции, Италии, Германии, Бельгии и Бельгии, Франции и Люксембурга соответственно. Также стоит упомянуть фильм «Языки», который был представлен на французском языке и чадском диалекте арабского языка Германией, Францией, Чадом и Бельгией.

В заключительном рассматриваемом 2022 году на Каннском кинофестивале были номинированы два фильма, снятые Бельгией совместно с партнёрами из других стран: это киноленты «Восемь гор» и «Близко». Первая лента снята на итальянском языке Италией, Бельгией и Францией, а вторая – на французском языке и фламандских диалектах Бельгией, Нидерландами и Францией.

Анализ фильмов-номинантов от Бельгии на Каннском кинофестивале показывает, что в примерно четверти кинолент, в производстве которых Бельгия

в той или иной степени принимала участие, есть английский язык. Однако доминирующим языком бельгийских фильмов из этого списка является французский язык. Примечательно, что второй официальный язык Бельгии – нидерландский – можно обнаружить только в одной из всех тридцати пяти картин, которые представлены в данном списке.

Несмотря на то, что представляется неправильным делать полноценные выводы о языковой иерархии в Бельгийском кинематографе исключительно на основе изучения номинантов на пальмовую ветвь фестиваля в Каннах, эта информация, всё же, позволяет составить частичное понимание ситуации.

Английский язык имеет своё относительно небольшое влияние, при том, что в то же время, можно отметить растущее количество англоязычных лент бельгийского производства в XXI веке. Ещё одним интересном выводом данного исследования является факт того, что в Бельгийском кинематографе, между двумя официальными языками страны, предпочтение в большинстве случаев отдаётся французскому языку, что, в свою очередь, позволяет сформулировать аргумент о доминирующем в этой сфере культуры языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Annette // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/annette/> (дата обращения: 06.03.2024).
- Atlantique (atlantics) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/atlantique/> (дата обращения: 19.03.2024).
- Between the devil and the deep blue sea // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/between-the-devil-and-the-deep-blue-sea/> (дата обращения: 06.03.2024).
- Copie conforme (certified copy) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/copie-conforme/> (дата обращения: 06.03.2024).
- Deux jours, une nuit (two days, one night) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/deux-jours-une-nuit/> (дата обращения: 19.03.2024).
- După dealuri (beyond the hills) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/dupa-dealuri/> (дата обращения: 19.03.2024).
- Elle // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/elle/> (дата обращения: 19.03.2024).
- Hors la loi (outside of the law) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/hors-la-loi/> (дата обращения: 19.03.2024).
- Indigènes (days of glory) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/indigenes/> (дата обращения: 19.03.2024).
- La source des femmes (the source) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/la-source-des-femmes/> (дата обращения: 19.03.2024).
- La vie d'adèle – chapitre 1 & 2 (adele: chapters 1 & 2 (blue is the warmest colour)) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/la-vie-d-adele-chapitre-1-2/> (дата обращения: 19.03.2024).

- Le joueur de violon // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/le-joueur-de-violon/> (дата обращения: 18.03.2024).
- Le huitième jour // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/le-huitieme-jour/> (дата обращения: 18.03.2024).
- Le silence de lorna (lorna's silence) // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/le-silence-de-lorna/> (дата обращения: 19.03.2024).
- Looking for eric // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/looking-for-eric/> (дата обращения: 06.03.2024).
- No man's land // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/no-man-s-land/> (дата обращения: 18.03.2024).
- Retrospective // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/retrospective/#competition> (дата обращения: 07.02.2024).
- Retrospective 2021 // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/retrospective/2021/> (дата обращения: 19.03.2024)
- Retrospective 2022 // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/retrospective/2022/> (дата обращения: 19.03.2024)
- Route irish // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/route-irish/> (дата обращения: 06.03.2024)
- The angel's share // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/the-angels-share/> (дата обращения: 06.03.2024)
- The old oak // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/the-old-oak/> (дата обращения: 06.03.2024)
- The time that remains // festival de cannes. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/f/the-time-that-remains/> (дата обращения: 06.03.2024)

Demin, G.A.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

LANGUAGES OF BELGIAN CINEMA

The report given examines the use of languages in Belgian cinema in order to identify linguistic trends in one of the spheres of cultural life in Belgium. Films produced by Belgium alone or in collaboration with other countries that were nominated for the main prize at the Cannes Film Festival are analyzed. The linguistic trends of Belgian cinema are established both for the official languages of the country and for foreign languages, mainly English.

Belgium, cinema, communication, culture, English, French

УДК 81'373.2

О. М. Журавлева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000–0003–1421–8783

omzhuravleva@etu.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОПОНИМОВ В ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ КАК ЭЛЕМЕНТА КУЛЬТУРНОГО КОДА

Топонимы выполняют различные функции в художественных текстах, они не только ориентируют читателя и слушателя в пространстве и времени, но и выступают в качестве многозначного и объемного концепта, имеющего определенное коннотативное значение, скрывающего за собой культурный подтекст, подчас понятный только носителям определенной культуры или субкультуры. Текстологический и семиотический анализ использованных авторами топонимов является необходимым при переводе текстов, их содержащих, чтобы представители иной культуры смогли получить полноценное и правильное впечатление от оригинального произведения.

Межкультурная коммуникация, топонимы, культурный код, концепт, тексты песен, локализация

Содержание культуры передается как вертикально – от поколения к поколению, так и горизонтально – внутри культурного сообщества или же от одного сообщества к другому. Информативную систему знаков культуры принято называть «культурным кодом», языком культуры, используемым в определенном лингвокультурном (этническом) контексте [Пашкова, 2012, с. 168]. При этом именно контекст несет на себе важную функцию передачи значения и содержания этих особенных единиц, знаков языка культуры.

Анализируя современное состояние научной мысли относительно понятия «культурный код», В. Н. Страусов и З. А. Заврумов делают вывод о том, что под культурным кодом следует понимать знак или систему знаков вторичной семиотизации на стыке языка и культуры, которые несут «устойчивые символические смыслы культуры и выполняют функцию их языковой реализации» [Страусов, 2023, с. 78]. Элементы культурного кода чаще всего очевидны носителям одной и той же культуры, узнаваемы, хотя порой они и содержат несколько уровней различных смыслов. Распознавание значения использованного кода может оказаться непростой задачей при попытке

локализовать художественные тексты для представителей иных культурных сообществ, требующей специальных знаний и детального анализа.

В качестве элементов языка культуры выступают любые вербальные и невербальные знаки, информативность и интерпретация которых зависит от лингвокультурного контекста. Такие знаки, например, могут быть представлены концептами, «базовыми единицами мыслительного кода» [Попова, 2010, с. 34], как результата когнитивной деятельности общества или индивида, типичными для представителя определенной культуры или субкультуры, а иногда и индивидуально-специфичными. Во всех случаях их интерпретация и локализация неизбежно требуют понимания образа мысли либо всего сообщества, либо отдельной личности.

В силу того, что концепт содержит несколько обязательных компонентов таких как ценностный, образный и понятийный, он многомерен, и его содержание не очевидно носителям иной культуры даже при кажущемся понимании значения вербализующей его лексической единицы. В нем концентрируется видение языковой картины мира определенной лингвокультуры, и для понимания требуется правильная интерпретация его эмоциональной, экспрессивной и оценочной составляющих [Крюкова, 2008, с. 133 – 134]. Непростое содержание концептов всегда требует особого подхода и глубоких знаний при его локализации для носителей иной культуры.

Концептами могут выступать любые значимые для культуры лексические единицы со сложным многоплановым информативным содержанием, в том числе и топонимы. Лингвист О. Н. Буцкая называет топонимы, несущие когнитивный смысл, «логоэпистемами», признавая за ними статус знаковых имен [Буцкая, 2017, с. 33]. Это понятие близко к значению концепта. Использование логоэпистем в речи носителей языка позволяет выразить мысль и чувство компрессивно и экспрессивно, ярко и образно, что, в этом случае, может оказаться за пределами восприятия тех, кто не является носителем языка и, следовательно, данной лингвокультуры.

Не каждый топоним и не всегда обладает таким дополнительным значением, но может его приобрести вследствие особого историко-культурного опыта сообщества или индивида, его использующего. Причем, система топонимов-концептов (или логоэпистем) динамична: накапливаются знания, происходят события, возникают суждения, в результате которых тот или иной топоним становится знаком, символом, прецедентным феноменом.

Являясь частью повседневной жизни представителей лингвокультуры, топонимы становятся и элементом художественной культуры этого сообщества. На особое значение используемых в художественных произведениях

топонимов обращали внимание многие отечественные и зарубежные авторы, указывая на необходимость использования социолингвистических и, в частности, контекстных знаний для правильного понимания содержания текстов. Географические названия не только позволяют поместить персонажей на определенную территорию, но и нередко передают значительно более глубокий смысл. Так, Е. А. Войлокова, анализируя английские романы, отмечает, что «социолингвистический характер английских топонимов явно превалирует над их собственно географическим содержанием» [Войлокова, 2021, с. 13]. Подтверждает данное наблюдение и В. М. Беренкова. Она пишет, что встречаются онимы, которые при переводе сохраняют лингвистическое значение и, следовательно, не всегда допустимо переводить их при помощи транслитерации или же транскрибирования [Беренкова, 2017, с. 50]. Именно символическое, экстралингвистическое значение топонимов не позволяет их воспринимать буквально, требует использования лингвокультурных знаний и особого внимания при локализации.

Символическое значение топонимов в текстах неразрывно связано с контекстом, жанром произведения и дискурсом, в котором они используются. Так, например, в политическом дискурсе столицы государств могут обозначать государственную власть, президента или правительство. В подтверждение данного утверждения, анализируя семантику прецедентного онима «Красная площадь», исследователь И. В. Бугаева находит 16 различных видов значений, придаваемых ему в источниках [Бугаева, 2018, с. 126 – 130]. Обращаясь к значительному объему топонимов, используемых авторами художественных произведений, отметим, что среди них есть как реальные, так и вымышленные, которые также, если не в большей степени, несут на себе дополнительное значение. В зависимости от содержания и жанра текста географическое значение вымышленного топонима может быть определяющим или вспомогательным, что нельзя не учитывать при его локализации для иноязычной культуры.

Способы включения топонимов, имеющих признаки знаковых имен собственных, в текст подробно описаны в статье О. Н. Буцкой [Буцкая, 2017, с. 36 – 38], а сочетание разных способов, например, использование определяющих лексических единиц и/или кавычек с перифразом, приводит к увеличению образности текста и усилению символической функции самих топонимов.

При использовании в текстах топонимов, функция которых не ограничивается номинативной, а сочетает несколько уровней разнообразных значений, авторы создают сложную систему прецедентных имен, как части

многоуровневого культурного кода, а также могут намеренно их использовать в качестве особого стилистического решения. В такой системе часть топонимов становятся прецедентными феноменами, которые, к тому же, обладают вполне конкретной географической координатой.

В поэзии и песенных текстах, для создания особого духа, атмосферы и образности еще в большей степени, чем в прозе, встречаются топонимы с расширенным значением прецедентного феномена и концепта. За счет компрессивного свойства создаются условия для емкой и краткой передачи закодированной информации, значимой для лингвокультуры.

Для сопоставительного анализа использования топонимов в песенных текстах в разных культурах были отобраны тексты песен нескольких современных популярных исполнителей, которые являются авторами собственных композиций с целью проанализировать роль включенных в них топонимов.

В англоязычной культуре значительное количество современных исполнителей поют песни на свои стихи. Одними из самых популярных в настоящее время в США можно считать Тейлор Свифт (*Taylor Alison Swift*), представляющую основное направление в американской музыке, и Лану Дель Рей (*Lana Del Rey*, настоящее имя исполнительницы – Элизабет Грант, *Elizabeth Woolridge Grant*), представительницу альтернативного течения. Обе певицы часто используют в своих композициях разнообразные топонимы, причем, их подавляющее большинство относится к географическим наименованиям в США. Таким образом характерной чертой их песен становится обращение к родным и хорошо знакомым им местам.

Сравнивая количество наименований различных местностей (городов, штатов, иных географических объектов) в их творчестве, с завидным преимуществом лидирует Лана Дель Рей. Каждая третья ее песня содержит отсылку к конкретному географическому объекту. Однако распределение упоминающихся топонимов на карте страны неравномерно, из 50 штатов так или иначе затронуты ее вниманием 15, из которых подавляющее большинство упоминаний приходится на Калифорнию и Нью-Йорк, и, в меньшей степени, Флориду и Неваду. Упоминание зарубежных топонимов единичны. В основе текстов песен исполнительницы – личные переживания, опыт, меланхоличные рассуждения о жизни и отношениях, не последнее место занимает характеристика образа жизни сверстников, клубной романтики, шумных вечеринок. Упоминаются конкретные адреса, гостиницы, улицы, дороги, которые в тот или иной момент жизни певицы имели для нее определенное значение.

Из общего количества (более 100 песен, в которых упомянуты те или иные топонимы) встречающихся в музыкальных композициях Ланы Дель Рей

наименований географических объектов на территории США есть и те, которые имеют символическое значение. Так, например, клуб *The Diamond Horseshoe* упоминается как место, где собиралась творческая и политическая элита середины XX в., что оправдано содержанием. В песне *Looking for America* героиня ищет «свою» Америку, отправляясь в города, где гарантировано можно весело провести время, такие как Сан-Франциско и Фрезно, имеющие соответствующие ассоциации в сознании американцев, в результате скучает по родному Лейк-Плэсиду, куда и возвращается. Этот город действительно является родным для артистки. Частые переезды и биографические события нашли отражение в творчестве Ланы, где главным персонажем всегда является она сама, песни передают не только ее индивидуальное восприятие действительности, но и мировоззрение всего поколения, а порой и американского сообщества в целом. Образ встречающихся на жизненном пути певицы городов не ограничивается их географической принадлежностью, а обладает вполне определенной оценочной характеристикой и эмоциональным наполнением, что, вследствие ее популярности, дополняет существующие в обществе ассоциации, создавая новые прецедентные феномены.

В творчестве Тейлор Свифт также часто упоминаются конкретные географические объекты в таком же, как и у Ланы, подавляющем большинстве относящиеся к территории США. И хотя количественно их использование значительно уступает, по сути, они также отражают биографию исполнительницы и ее жизненный опыт наравне с типичными для американцев представлениями об упоминаемых местностях. Так, Нью-Йорк предстает городом с безграничными возможностями, а район Вест-Вилладж недвусмысленно указывает на богемный образ жизни. И хотя творчество исполнительницы не настолько напоминает дневниковые записи, по которым можно проследить жизнь автора, как в песнях Ланы, общий принцип и подход у певиц схожий.

В рамках анализа англоязычной культуры, отобразившейся в текстах песен, из числа британских исполнителей была выбрана группа *Arctic Monkeys*, популярная в Великобритании, и содержащая схожие лирические композиции, наполненные переживаниями и размышлениями, личным опытом и субъективным восприятием действительности. Количественно упоминание разнообразных топонимов в текстах песен группы в целом сопоставимо с творчеством Тейлор Свифт. Однако содержательно, в первую очередь, обращают на себя внимание различия. Практически все упоминания топонимов несут оценочную и эмоциональную окраску, являются отсылками к художественным произведениям. Так, например, в песне *Fake tales of San Francisco* развенчивается миф о том, что в этом городе захватывающе прекрасно, как принято думать,

Лос-Анджелес указывается намеком с использованием «прозвища» Tinsel City. Используются отсылки к особняку, где обитает Бэтмен (Wayne Manor) и острову, известному по марионеточному сериалу (Trace island), что в контексте песен вполне логично, но требует значительно более широких лингвокультурных знаний при необходимости передать значение текста для иноязычной культуры. Таких особенностей в творчестве американских исполнительниц не было выявлено. Данная особенность подчеркивает принадлежность британской культуры, в отличие от американской, к высококонтекстным культурам, что сказывается на том, какие именно топонимы используются в песнях, усложняет содержание текстов и затрудняет их понимание для представителей иной культуры из-за того, что буквальный перевод оказывается в этой ситуации непродуктивным.

По сравнению с англоязычной музыкальной культурой использование топонимов отечественными популярными авторами-исполнителями незначительно, композиции более абстрактны, не настолько сильно связаны с личностью автора. В творчестве музыкантов, которые сами пишут тексты песен, тем не менее, удалось выявить наименования географических объектов. Так, в текстах исполнительницы своих песен Ёлки встречаются в равной степени и отечественные, и зарубежные топонимы, иногда имеющие оценочную или эмоциональную окраску, как, например, использование названия популярного курорта Куршавель в контексте с «рублевскими дачами» является несомненным образом богатой и беззаботной жизни. Значение столицы и политического центра для России подчеркивается в песне «Ёлка новогодняя» использованием топонима «Кремлевские ворота». Наименование этих объектов для правильного восприятия представителями иноязычной культуры потребуют дополнительной информации и лингвокультурных знаний.

Сопоставимым по количеству топонимов в текстах песен и их содержанию с отобранными примерами из англоязычной музыкальной культуры оказалось творчество исполнителя авторской песни Олега Митяева. В песнях четко прослеживается биография автора, совершенно очевидно, что родным для него является город Челябинск, в одной из песен он упоминает старое название одной из улиц – Уфимская, что соответствует контексту и содержанию текста, а в другой – прочно связывает наименование национального парка Таганай с походной романтикой. Теплые дружеские отношения автора с Б. Ш. Окуджавой, нашли отклик в песне «Переделкино», а эмоционально-оценочная характеристика Санкт-Петербурга подчеркивается строками: «Я надена свитер <...> и поеду в Питер <...> рассеет в воздухе меня туман».

Указанные особенности песенных текстов несут на себе не только индивидуальные черты, но и культурную память целых поколений, подчас – всего общества, что позволяет сделать вывод о схожих особенностях в использовании прецедентных имен, в частности, топонимов, как в русскоязычной, так и в англоязычной музыкальной культуре. Тем не менее характерные черты культуры влияют на то, как и какие географические наименования используются авторами и на основании присутствия в текстах песен прецедентных географических наименований можно сформулировать гипотезу о культурных различиях. Интерес исключительно к личному опыту и переживаниям, необходимость конкретизации и детализации места действия для американцев, а также их значительная открытость находят свое отражение в популярной культуре, тогда как более высококонтекстная культура Великобритании позволяет обращаться в песнях не только к реально существующим географическим объектам, а отсылка к явным биографическим событиям присутствует в меньшей степени и, следовательно, не требует конкретизации. Схожие элементы в творчестве отечественных исполнителей проявляются не столько в современной популярной музыкальной культуре, сколько в авторской песне, и глубоко личные переживания не выставляются напоказ. И хотя на материале незначительного количества выявленных примеров нельзя сделать аргументированный вывод, совершенно очевидно, что существует тесная взаимосвязь между особенностями использования топонимов-концептов и характеристиками лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Беренкова В. М. Топонимы в трилогии «Властелин колец» как объекты художественного перевода // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 134. С. 47–58. DOI 10.21515/1990–4665–134–005. EDN YNWYHY.
- Бугаева И. В. Прецедентный топоним как политический символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 124–135. DOI 10.22363/2313–2299–2018–9–1–124–135. EDN YVXKQW.
- Буцкая О. Н. Топонимы-логоэпистемы в современном русском речепотреблении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 8(780). С. 31–40. EDN OVGUKA.
- Войлокова Е. А. К проблеме понимания топонимов как элементов вертикального контекста художественных произведений английской литературы // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сб. науч. ст. по итогам III Всероссийской (национальной) науч. конф., Санкт-Петербург, 11–12 марта 2021 г. СПб: СПбГЭУ, 2021. С. 11–14. EDN MTDPMX.

- Крюкова Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №59. С. 128–135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-opredelenie-obema-soderzhaniya-ponyatiya> (дата обращения: 16.03.2024).
- Пашкова Н. И. Культурный код – символический язык культуры // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 3. С. 167–171. EDN REFGCP.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.
- Страусов В. Н., Заврумов З.А. Культурный код / концептуальный код: формальные и содержательные признаки // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2023. № 4–1. С. 73–80. EDN VUKSMT.

Zhuravleva, O.M.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

TOPONYMS IN SONGS’ LYRICS AS A PART OF CULTURAL CODE

Toponyms have different functions in fiction in general and in lyrics in particular. They define the specificity of time and place characters to certain loctions as well as serve as multy-valued polysemantic concepts with some particular connotaion and cultural context clear only for representatives of that culture or subculture. It is necessary to analyze the text itself and the toponyms with much attention to semantics to properly translate the placenames used by authors and enable recipients of other cultures correctly understand the meaning of the text.

Intercultural communication, toponyms, cultural code, concept, songs’ lyrics, localization

УДК 811.531

М. А. Казарян

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)*

milena.kazaryan99@gmail.com

А. Ю. Соколова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)*

sockolova.schasha2014@yandex.ru

Е. С. Тихонова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000–0001–8301–1028

middjungards@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯВЛЕНИЯ «КОНГЛИШ» В СОВРЕМЕННОМ КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье приведены результаты семантического анализа явления «конглиш» в современном корейском языке. В ходе исследования выявлены некоторые семантические особенности заимствований из английского языка. Кроме того, описываются основные подходы к пониманию этого термина и предпринимается попытка привести его обобщённое определение.

Конглиш, корейзированные слова, семантический анализ, корейский язык, английский язык

У каждого народа найдется целый ряд слов, фразеологических выражений и терминов, который был заимствован из других языков. Нередко с языковыми единицами народы перенимают и предметы быта, элементы фольклора и различные культурные особенности. Такие контакты могут возникать в результате войн, миграций, освоения новых территорий или торговли и соседству.

Последствия этих контактов могут быть самыми разнообразными – от незначительного количества заимствований до исчезновения некоторых языков и возникновения новых. Одним из последствий контакта английской и корейской культур является конглиш.

Конглиш – само по себе явление весьма уникальное. До сих пор исследователями точно не достигнуто полное его понимание, равно как и не существует одного точного определения. Более того, разнятся даже подходы к пониманию вплоть до существования полностью противоположных друг другу.

Термин «конглиш» (кор. 콩글리쉬, англ. *Konglish*) – сочетание двух названий языков **Korean + English**. Этот термин впервые был введён в 1975 г., и с тех пор в научной литературе можно встретить разные его варианты: *Korlish* (появившиеся в 1988 г.), *Korenglish* (1992 г.), *Korglish* (2000 г.) и *Kinglish* (2000 г.). Однако самым распространённым вариантом является *Konglish*.

Говоря о понимании термина, многие учёные подчёркивают тот факт, что в научных кругах отсутствует единое его представление. З. Хорн и Дж. Хадикин прибегают к сильному упрощению, определяя конглиш как ряд лексических заимствований, другие сильно обобщают, называя это явление «английским языком в корейском стиле», а третьи предлагают разделять конглиш и кореизированные английские слова.

Стоит отметить некоторые обобщённые определения этого понятия. Одним из таких является подход, который определяет конглиш как «любую форму смешения кодов или их переключения, осуществляемую лицом, хорошо владеющим или имеющим представление как о корейском, так и об английском языках», либо «английский, на котором разговаривают и пишут носители корейского языка» [Horne, 2015; Hadikin, 2014]. Однако такие определения весьма размыты и не дают достаточного представления касательно данного явления.

Более определённую дефиницию предлагает Б. Лоуренс. Выступая на конференции, он говорил о таких явлениях как “*Konglish*”, “*Chinglish*” “*Japonish*” и предложил под этими терминами понимать «потенциальные контактные жаргоны, развивающиеся как творческое сочетание английского и местного языков, которые обычно включают морфологию и семантику, но могут также включать произношение, прагматику и дискурс» [Lawrence, 2010, с. 44].

К тому же, исследователями были предприняты попытки дать точное определение и провести параллель с уже существующими явлениями. Так была выдвинута теория о том, что конглиш может быть этапом зарождения нового пиджина или креольского языка, т.к. он имеет схожие с этим процессы. Например, тенденция к упрощению, другими словами, к сокращению. Слово 에어컨 [eəokeon] является сокращением от английского слова *air conditioner* [Lawrence, 2012, с. 72 – 73]. Кроме того, была предпринята попытка отнести конглиш к «Новому английскому» (от англ. *New English*) или к «интерязыку» [Platt, 1984; Selinker, 1972]. Наконец, существует ещё один подход, при котором предлагается разделять конглиш и кореизированные слова и изучать эти явления в сопоставлении. Под последними понимаются «заимствования

из американского или британского вариантов английского языка, которые претерпели некоторые изменения под влиянием корейского языка ... либо так называемые псевдо-английские слова (или неологизмы), которые понятны только самим корейцам». Непосредственно конглиш в данном случае рассматривается как «комплексное явление», которое характеризуется изменениями не только на лексическом, но и на фонетическом, грамматическом и синтаксическом уровнях [Файзрахманова, 2017, с. 173 – 174].

Таким образом, опираясь на все вышеупомянутые подходы к пониманию этого явления, конглиш в рамках данного исследования определяется как комплексное языковое явление, при котором англицизмы подвергаются определённым изменениям на фонетическом, морфологическом, семантическом и дискурсивном уровнях под влиянием корейского языка, а также включающее в себя английские неологизмы, которые используются только корейцами.

Данное исследование направлено на изучение семантических особенностей этого явления. Для проведения семантического анализа методом сплошной выборки из корейского кино, сериалов и интернет-постов было отобрано 150 единиц. Удалось выявить следующие семантические особенности:

1) Отсутствие разницы в значении между заимствованным словом в английском языке и конглише.

В большинстве случаев английские слова заимствуются с сохранением значения. К таким словам, как правило, относятся односложные или двусложные англицизмы, которые составляют основной словарный фонд языка, а именно обозначают еду, предметы быта, одежду, косметику и др. Например:

햄버거 [haembeogeo] – гамбургер (англ. *hamburger*);

티셔츠 [tisyeocheu] – футболка (англ. *T-shirt*);

컵 [keop] – чашка (англ. *cup*);

포크 [pokeu] – вилка (англ. *fork*);

샴푸 [syampu] – шампунь (англ. *shampoo*);

컴퓨터 [keompyuteo] – компьютер (англ. *computer*).

К тому же стоит отметить, что во многих случаях английские слова заимствуются вместе с самими предметами, которые они обозначают (особенно это касается одежды, еды и косметики).

2) Изменение значения посредством влияния корейского языка.

Особый интерес представляют слова, которые поменяли своё значение в ходе их использования корейцами. Во всех случаях значение

конкретизируется, и выбирается какое-либо одно значение заимствованного слова. К примеру:

핸들 [haendeul] – от английского слова *handle*, однако, в конглише используется только как «руль»;

미팅 [miting] – используется только в значении «свидание вслепую», а не «встреча» или «собрание»;

원피스 [wonpiseu] – от английского *one piece*, хотя обозначает только «один оставшиеся размер какой-либо одежды». Существует также 투피스 [tupiseu] – *two piece*, которое уже означает «костюм, состоящий из двух частей».

나이트 [naiteu] – «ночной клуб», а не просто ночь;

헬스 [helseu] – по аналогии с предыдущим, означает конкретное заведение, в данном случае «оздоровительный клуб/спортивный зал»;

3) Приобретение нового значения англицизмом, которое отсутствует в английском языке.

Очень часто англицизм приобретает своё особое значение, которое будет понятно только носителю корейской культуры. О некоторых значениях можно догадаться либо по контексту, либо по отдалённой связи со значением слова в английском языке.

화이팅/파이팅 [hwaitting/paitting] – «Вперёд! / У тебя всё получится!», данная лексема не имеет никакого отношения к борьбе. Стоит отметить, что оно очень часто употребляется в разговорной речи (от англ. *fighting*);

스킨 [seukin] – от английского слова *skin*, однако, означает конкретное косметическое средство, а именно «тонер»;

맨투맨 [maentumaen] – свитер/толстовка (от англ. *man-to-man*), а точнее особый вид толстовки. *Man-to-man* – спортивный термин, который часто используется в баскетболе и хоккее на траве. Многие спортсмены носили такие толстовки во время занятий, и со временем такая одежда стала более популярной. Тем самым с распространением модных тенденций в конглиш вошло новое английское слово;

오바이트 [ohbaiteu] – не просто переедание (от англ. *overeat*), а уже тошнота;

스탠드 [seutaendeu] – с глаголом *stand* не имеет ничего общего и обозначает «настольную лампу»;

서비스 [seobiseu] – означает то, что прилагается к покупке/приобретении услуги бесплатно (от англ. *service*).

4) Существование псевдо-английских слов или неологизмов.

Крайне любопытным аспектом в конглише является существование так называемых псевдо-англицизмов. Этот термин обозначает слова, которые лишь выглядят как заимствованные из английского языка, однако его носителям они не будут знакомы. Например:

스킨십 [seukinsip] – “*skin relationship*”, что означает «физический контакт при взаимоотношении с другом или любимым человеком»;

아이쇼핑 [aisyoping] – “*eye-shopping*”, аналог английского словосочетания “*window-shopping*”, т.е. разглядывание витрин (без совершения каких-либо покупок);

선팅 [seonting] – “*sunting*”, что означает тонированное окно.

Таким образом, семантический анализ показал, что помимо заимствований, которые не претерпели каких-либо изменений, существуют и те, что сузили своё значение, или вовсе его поменяли, а также неологизмы, которые незнакомы носителям английского языка. Такое разнообразие свидетельствует о сильном влиянии английского языка на корейский в ходе глобализации, мировых модных тенденций и социо-политических событий.

ЛИТЕРАТУРА

- Файзрахманова Ю.С. Кореизированные английские слова в корейском варианте английского языка, автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.02.20/Файзрахманова Ю. С.; Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т, 2017.
- Nadikin, G. Korean English: A Corpus-driven Study of a New English. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014.
- Lawrence B. C. The Verbal Art of Borrowing: Analysis of English Borrowing in Korean Pop Songs. Asian Englishes, Publisher: Routledge, 2010.
- Lawrence B. C. The Korean English linguistic landscape. Blackwell Publishing Ltd, 2012.
- Platt J. T. The new Englishes. London: Routledge & Kegan Paul, 1984.
- Selinker, L. Interlanguage. International review of applied linguistics. Publisher: De Gruyter Mouton, 1972.
- Horne Z., Konglish: A Korean-American Phenomenon, 2015. URL:<https://anthropology.nd.edu/assets/435480/hornezachary> (дата обращения: 15.03.2024).
- Korean-English Dictionary URL: <https://korean.dict.naver.com> (дата обращения: 16.03.2024).
- Korean-English Dictionary URL <https://krdict.korean.go.kr/kor> (дата обращения: 16.03.2024).

Kazaryan, M. A.; Sokolova, A. Y.; Tikhonova, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

SEMANTIC FEATURES OF THE PHENOMENON "KONGLISH" IN MODERN KOREAN

The article contains the results of semantic analysis of the phenomenon "Konglish" in modern Korean language. The study reveals some semantic peculiarities of English loanwords. In addition, the main approaches to understanding the term are described and a generalised definition is provided.

Konglish, Koreanised words, semantic analysis, Korean, English

УДК 303.446.23

Н. М. Коршунова

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

ORCID0000–0003–3812–321X

nadya4ka7@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В статье рассматривается межкультурная коммуникация студентов факультета иностранных языков в период обучения в вузе, представлены трудности, возникающие при межкультурной коммуникации, исследуется интерес студентов к изучению разных народов и культур, описываются коммуникативные умения, необходимые для успешной межкультурной коммуникации.

Коммуникация, межкультурная коммуникация, иностранные языки, обучение в вузе

В современном вузовском сообществе наблюдается тенденция к росту численности обучающихся разных национальностей, что создает условия для увеличения межкультурных связей. На факультете иностранных языков студенты имеют возможность не только теоретически изучить особенности межкультурной коммуникации с представителями разных национальностей, но и применить изученные навыки на практике. Национальный состав студентов факультета иностранных языков Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова представлен русскими, чувашами, татарами, марийцами,

башкирами, народами, которые привыкли жить в соседстве на территории Российской Федерации, а также выходцами из таких стран как Таджикистан, Грузия, Египет, Турция, Сирия, Иран, Южная Корея, Эквадор. Разнообразный национальный состав факультета иностранных языков дает возможности для реализации межкультурной коммуникации на факультете, поэтому изучение проблемы межкультурной коммуникации студентов на факультете иностранных языков является актуальной. Актуальность исследования обуславливается потребностью адекватного межкультурного взаимодействия между представителями различных национальностей, обучающихся на факультете.

Термин «коммуникация», по Л. С. Выготскому, А. А. Леонтьеву, В. Н. Курбатову, можно отождествлять с термином «общение», понимая под ними обмен мыслями и информацией с помощью различных сигналов. Т. Г. Грушевицкая, А. П. Садохин, Э. Холл исследовали вопросы межкультурной коммуникации. При межкультурной коммуникации человек использует умение включаться в иную культуру, сохраняя свою этническую идентичность. Проблемам обучения иностранных граждан в российских вузах посвящены труды А. Л. Арефьева, Н. М. Дмитриева, Ф. Э. Шереги.

Объектом нашего исследования является процесс межкультурной коммуникации студентов факультета иностранных языков в период обучения в вузе.

Цель исследования совершенствование межкультурной коммуникации студентов факультета иностранных языков в период обучения в вузе.

Задачи исследования

- 1) изучить трудности, возникающие при межкультурной коммуникации в период обучения в вузе, у студентов факультета иностранных языков;
- 2) выявить интерес студентов факультета иностранных языков к изучению различных народов и культур;
- 3) описать коммуникативные умения, необходимые для успешной межкультурной коммуникации.

Научная новизна результатов исследования заключается в следующем:

- изучены трудности, возникающие при межкультурной коммуникации в период обучения в вузе, у студентов факультета иностранных языков;
- изучена степень заинтересованности студентов факультета иностранных языков различными народами и их культурами;
- описаны коммуникативные умения, необходимые для успешной межкультурной коммуникации, на факультете иностранных языков.

Методами исследования явились анализ литературы по проблеме исследования, опрос, наблюдение и беседа.

Важными задачами при обучении иностранным языкам в вузе являются не только развитие языковых знаний и умений, но и личностных способностей, направленных на знание норм, ценностей, необходимых для успешной межкультурной коммуникации.

Взаимодействие с представителями различных национальностей на факультете иностранных языков способствует разграничению сходств и различий между языковыми особенностями и культурными различиями разных народов, а также позволяет обогатить культуру одного народа культурой другого народа путем передачи определенных традиций и ценностей.

Обучаясь посредством диалога культур, студенты учатся взаимодействовать с представителями других культур, накапливают индивидуальный социокультурный опыт, избавляются от коммуникативного дискомфорта, обогащают языковые и культурные навыки и компетенции.

А. Г. Самохвалова выделяет такие трудности, возникающие при межкультурном общении, как:

1) базовые, возникающие в результате неуверенности в себе, боязни сделать ошибку или отрицательного восприятия языкового партнера;

2) содержательные, характеризующиеся недостатком коммуникативных знаний;

3) инструментальные, обусловленные как недостатком лексических, грамматических знаний, так и незнанием особенностей культуры, менталитета собеседников;

4) рефлексивные трудности, связанные с пониманием намерений и ожиданий от собеседника [Самохвалова, 2018].

Вышеупомянутые трудности связаны как с индивидуальными, психологическими характеристиками личности, так и с когнитивными навыками и умениями.

Преодоление данных трудностей, по мнению Е. Н. Ореховой, возможно «в условиях межличностной коммуникации, при условии осознания культурных различий участников общения, при готовности к взаимодействию, к взаимопроникновению нескольких культур, при условии совместного поиска преодоления этих трудностей средствами общения» [Орехова, 2021, с. 172].

Т. Г. Колосовой были разработаны принципы, определяющие формирование коммуникативных умений. Например, принципы исключения прямых оснований для межэтнических конфликтов, наличия языка-посредника, учета религиозной принадлежности студентов, учет свойств личности, присущих разным этносам, схожести педагогических традиций, учета образовательного уровня [Колосова, 2004].

Соглашаясь с принципами, выдвинутыми Т. Г. Колосовой, можно сказать, что при формировании групп студентов, необходимо учитывать возможности возникновения межэтнических конфликтов из-за происходящих в мире событий, определяя уровень языка межэтнического общения, то есть студенты с высоким уровнем английского языка в одной группе, со средним в другой, с низким уровнем в третьей.

В период обучения в вузе студенты факультета иностранных языков Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова получают не только опыт межкультурной коммуникации с представителями стран-носителей изучаемых языков, но и происходит межкультурная коммуникация между сокурсниками, приехавшими из разных регионов России и разных стран, таких как Иран, Турция, Таджикистан, Северная Корея, Сирия и др. В процессе обучения иностранным языкам возникает необходимость обсудить не только русские особенности культуры или особенности культур изучаемых языков, но и особенности культур студентов, приехавших учиться в нашу страну. Кроме того, Чувашская Республика является национальной республикой, поэтому среди студентов много представителей чувашской национальности, а также студентов из соседних регионов, таких как Нижегородская область (русские), Татарстан (татары), Марий Эл (марийцы), Башкортостан (башкиры) и др.

Опрос 41 студента факультета иностранных языков, направленный на изучение мнения учащихся об их интересах, связанных с определенной культурой показал, что наибольший интерес для студентов представляют азиатские страны (42,8 %), особенно были отмечены Япония (56 %), Китай (33 %), Корея (11 %). С культурой стран Европы и Латинской Америки было бы интересно познакомиться 38 % студентов, были особо отмечены французская, немецкая, мексиканская культуры. Культура Соединенных Штатов Америки представляет интерес для 4,8 % обучающихся. Для 14,3 % студентов была бы интересна культура народов, населяющих Россию, особо были отмечены чувашская и татарская культуры.

Следует отметить повышенный интерес студентов к изучению азиатских культур, что скорее связано с выбором китайского языка как второго иностранного, популярностью азиатской культуры в среде современной молодежи. Для студентов, изучающих европейские языки, французский, немецкий, испанский, интерес представляют страны Европы и Латинской Америки. Присутствует интерес и к культурам народов, населяющих Россию

На занятиях по иностранным языкам рассматриваются такие темы как «Здоровье», «Еда», «Окружающая среда», «Семья», «Средства массовой

информации», «Образование» и др., что позволяет обсудить вопросы организации здравоохранения, питания, семейных отношений, систему организации образования, средства массовой информации и их особенности в разных культурах. Для успешного овладения навыками межкультурной коммуникации необходимо ознакомление студентов с культурой, обычаями, традициями, религией стран изучаемых языков, регионов народов соседей, стран студентов других национальностей, освоение ценностей и ценностных ориентаций представителей разных национальностей, что возможно смоделировать путем применения разных ситуаций в культуре межличностного общения, путем проведения тренингов, направленных на выработку культуры межкультурной коммуникации, путем решения кейсов на тренировку навыков межкультурного общения, что представляется реализуемым во время изучения таких дисциплин как «Введение в межкультурную коммуникацию», «Психология», «Методика обучения иностранным языкам» и др. Это будет способствовать приобретению знаний о других культурах, развенчиванию стереотипов и позитивному межкультурному общению.

Таким образом, говоря о коммуникативных умениях, необходимых для успешной межкультурной коммуникации, нужно сказать, что студентам факультета иностранных языков надо совершенствовать свои навыки разговора на иностранном языке, изучать психологические и культурные особенности других этносов, позитивно воспринимать представителей других национальностей, а также совершенствовать свои личностные коммуникативные способности.

ЛИТЕРАТУРА

- Колосова Т. Г. Формирование коммуникативных умений иностранных студентов в процессе профессионально направленной довузовской подготовки: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Моск. гос. агроинженер. ун-т им. В.П. Горячкина. Москва, 2004. 19 с.
- Орехова Е.Н. Межкультурная коммуникация как основа эффективного обучения иностранным языкам // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 2. С. 168–174. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-168-174>.
- Самохвалова А.Г. Коммуникативные трудности детей и подростков в процессе межкультурного общения: обзор европейских исследований // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 2. С. 217–224.
- Самохвалова А.Г. Развитие межкультурной коммуникативной компетентности детей и подростков: учеб. пособие. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2018. 172 с.

Korshunova, N. M.

Chuvash State University named after I. N. Ulianov

INTERCULTURAL COMMUNICATION OF STUDENTS OF THE FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES DURING THEIR STUDIES AT THE UNIVERSITY

The article examines the intercultural communication of students of the Faculty of Foreign Languages during their studies at the university, presents the difficulties encountered in intercultural communication, explores the interest of students in studying different peoples and cultures, describes the communicative skills necessary for successful intercultural communication.

Communication, intercultural communication, foreign languages, university education

УДК 81`1

И. А. Косыгина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

Irinakosygina2019@gmail.com

О. А. Преображенская

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

mminsh@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК НОСИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются фразеологические единицы как носители национально-культурной информации, их ценность в роли одного из важнейших источников исторической и культурологической информации о жизни народа, носителя языка, эмоциональной информации об окружающей действительности.

Фразеологические единицы, фразеологическая картина мира, фразеология, национальные особенности, языковая картина мира

Фразеологическая картина мира является частью национальной (культурной) картины мира и сохраняет многие традиционные мировоззренческие компоненты, которые консолидировано представлены в менталитете того или

иною народа. Также она отражает дух народа, его менталитет, историю, культуру в образной форме, которая оценивает состояния, предметы, а также действия или явления, поэтому картина мира носит еще и эмоциональную информацию об окружающем мире. Наиболее важными отличительными признаками, свойственными для фразеологической картины мира являются: универсальность, антропоцентризм, экспрессивность [Ючковская, 2015].

Учитывая динамику современного развития обществ и культур, быструю смену мировоззрения и изменения в менталитете наций, важной составляющей характеристикой культуры является определение сохраняющихся в национальном языке фразеологизмов, влияющих на сознание и восприятие представителей лингвокультуры. Сопоставление мировоззрения и содержания фразеологической картины мира разных народов позволяет выявить явные и скрытые общие черты, и отличия, которые могут способствовать укреплению взаимопонимания или, наоборот, обострить противоречия.

Исторический опыт народа сохраняет фразеология, отражает взгляд на быт и культуру людей. Именно фразеологические единицы (ФЕ) отражают национальную специфику языка, которая в дальнейшем влияет на результат взаимодействий. Использование в речи ФЕ делает ее более образной, экспрессивной и выразительной, но только при уместном грамотном использовании.

Фразеологизмы существуют на протяжении всей истории языка. В разное время их размещали в сборниках и словарях под различными названиями, такими как, крылатые выражения, афоризмы, идиомы, пословицы и поговорки еще в XVIII в. [Ломоносов, 1952], в настоящее время они носят общее наименование — фразеологические единицы.

По своему происхождению ФЕ связана с речевой ситуацией, воспроизводящей субъектно-образное отражение факта действительности. Фразеологические сочетания являются достоянием языка и используются в речи как готовые единицы языка, т.е. не организуются вновь, а воспроизводятся в речи как в свободных сочетаниях [Мокиенко, 1989].

Термин «фразеологическая единица» используется преимущественно отечественными учеными-лингвистами, такими как А. В. Кунин [Кунин, 1972], В. В. Виноградов [Виноградов, 1986], А. И. Смирницкий [Смирницкий, 1956]. В зарубежной литературе более употребителен термин «идиома», который пришел из французского языка как и большинство лексических единиц английского языка, означающих сочетания слов смысл которых происходит не из грамматической конструкции или входящих в нее элементов.

Особую роль в формировании языковой картины мира играет фразеология, в которой отображено культурно–национальное мировидение. ФЕ закреплены в словарях, по своему содержанию они очень точно и ярко передают информацию. В. Н. Телия считает, что роль культурных стереотипов берут на себя фразеологические единицы. Именно культура стоит за системой устойчивых оборотов [Телия, 1999].

Фразеологизмы как носители национально-культурной информации отражают отношение к труду, быт людей различных профессий, жизнь специалистов. При сравнении ФЕ трех языков: русского, английского и французского, которые связаны с социальными или трудовыми отношениями становится заметен национально–культурный компонент фразеологизмов.

Так, например, идея о коллективных усилиях, не приводящих к желаемому результату, выражается через ФЕ «*too many cooks spoil the broth*» и «у семи нянек дитя без глазу». В английской ФЕ акцент смещается к обозначению того, что каждый привносит что–то свое, что не способствует общему делу. В русской ФЕ «у семи нянек дитя без глазу» акцентируется внимание на недобросовестности исполнителей. Этому фразеологизму по своему значению полностью соответствует французская ФЕ: «*la barque qui a plusieurs pilotes court droit au naufrage*». Фразеологическая единица «*Gilded youth*» можно перевести как «золотая молодежь» со значением хорошего материального положения молодых людей. «*Pampered young lady*» имеет аналог в русском языке — «кисейная барышня» — изнеженные девушки, которые не приспособлены к жизни, например, дочери богатых родителей, которые не учили своих детей заниматься хозяйством и ждали чтобы выгодно отдать их замуж.

Исследователь С. А. Моисеева, сравнивая французские и русские ФЕ, отмечает, что названия животных являются распространённым образом для фразеологизмов, что объясняется стремлением человека описать характер, поведение и внешность чем-то близким для него – животным миром [цит. по Моисеева, 2009, с. 23].

Так, во французской языковой картине мира *mouton* – баран означает глупое, безвольное животное, передающее смыслы «бездумный», «слабовольный», например, *un mouton de Panurge* – «бездумный, слепой подражатель», *doux et crédule comme un mouton* – «смирный и доверчивый как овца». В русской языковой картине мира он обозначает упрямого и глупого человека: словно бараны, все в кучу сбились; куда один баран, туда и все стадо [Моисеева, 2009].

С. А. Моисеева подмечает, что с неодобрением французы относятся к невеждам и лжецам: *dégourdi comme un manche* – «неловкий, глупый»; *manquer de parole* – «не сдержать слова». В русской фразеологии высмеивается

глупость и хитрость «бревно неотесанное»; «въехать на чужой спине в рай», и соответственно ценят трудолюбие и смелость «бог труды любит»; «стоять горой» [Моисеева, 2009].

Универсальные черты фразеологической системы обнаруживаются, за счет единства человеческих эмоций. Заметный межкультурный феномен – это эмотивная фразеология потому как базовые эмоции универсальны и не поддаются контролю. Лексические и фразеологические единицы воспроизводятся в эмоциональном смысловом поле.

И. В. Сопова в работе «Фразеологические единицы: связи языка, культуры и мышления» приводит примеры устойчивых сочетаний, которые совпадают в плане выражения и содержания в нескольких европейских языках: «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» (рус.); *wer zwei Hasen hetzt, fängt keinen* – «кто травит двух зайцев, не поймаёт ни одного» (нем.); *if you run after two hares, you will catch neither* – «если ты побежишь за двумя зайцами, ты никого не поймаешь» (англ.); *qui court deux lièvres n'en prend point* – «кто гонится за двумя зайцами, не поймаёт ни одного» (франц.); *duos qui sequitur lepores neutrum capit* – «погонишься за двумя зайцами, не поймаешь ни одного» (лат.) [Сопова, 2011].

Универсальное и специфическое во фразеологии связано с происхождением самой ФЕ. Если происхождение устойчивого сочетания связано с одним источником, например, Библия, легенды и предания, или же данные ФЕ являются кальками из других языков, то такие единицы отличаются своей универсальностью [Сопова, 2011].

Под библеизмом традиционно понимают «устойчивые языковые единицы со структурой слова, словосочетания и предложения, связанные с текстом Священного Писания и вошедшие в общий национальный язык из Библии, например, *the apple of one's eye* – «что-то очень важное, дорогое». Следующая группа ФЕ таких как: *a tree of knowledge of good and evil* – «дерево познания добра и зла», *a tree of life* – «дерево жизни», *a thorn in the flesh* – «источник постоянного раздражения», возникла в результате переосмысления свободных словосочетаний Священного Писания [Каминская, 2014].

Встречаются случаи несовпадения семантики при полном совпадении структуры ФЕ, его буквального перевода: «обвести вокруг пальца» – перехитрить, обмануть (рус.); *um den Finger wickeln* – «подчинять своей воле кого-либо» (нем.) [Сопова, 2011].

Подобные сходства можно назвать «ложными друзьями переводчика»: *auf dem Teppig sein* – «знать, как использовать удобный случай» (нем.); «быть на ковре у кого-либо» – получать выговор от начальства [Lewkowskaja, 1968].

Известно, что чай является самым популярным традиционным напитком в Англии, вследствие чего в языке существует несколько идиоматических выражений со словосочетанием *cup of tea*: *an old cup of tea* – «старушка», *an unpleasant cup of tea* – «неприятный человек», *to be one's cup of tea* – «нравиться», *a storm in a teacup* – «буря в стакане воды» [Данцева, 2014].

В обоих языках положительные характеристики молодых людей отражены в устойчивых выражениях, выражающих энергичность *young blood, in the pink, in the bloom of youth, in your prime* в английском языке и синонимичных выражениях «цветущий», «во цвете лет», «во цвете сил» в русском языке.

Нации обладают набором поведенческих и психологических стереотипов, присущих индивидам одного социума. Поведение обусловлено большим количеством факторов, важнейшим из которых является культурогенный, который связан с национальными особенностями возникновения и развития культуры этноса. Неясность в отношении плана содержания и выражения, определяющая идиоматичность, является причиной специфичности ФЕ. Степень специфичности разнообразных устойчивых сочетаний неодинакова. Фразеологизмы играют важную роль в выявлении национально-культурных особенностей так как отражают историко-культурологический процесс развития народа, которые передаются от поколения к поколению в качестве культурных установок, стереотипов.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В. Русский язык: 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. – 639 с.
- Данцева А.В., Цариненко Т.А. Происхождение фразеологизмов современного английского языка. Лесосибирский педагогический институт филиал Сибирского федерального университета. Лесосибирск, 2014. – С. 105–108.
- Каминская Е.В. Фразеология Библейского происхождения: дисс. канд. филолог. наук. СПб., 2004. – 218 с.
- Кунин А.В. «Фразеология современного английского языка» // М., 1972. – 289 с.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии. М. Издательство Академии наук СССР, 1952. – С. 124–132
- Моисеева С.А., Волошкина И. А. Французский национальный характер в зеркале фразеологии. Вестник Томского государственного университета, 2009. с. 22 – 28.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. – 298с.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. Подгот. к печати и отред. канд. филол. наук В. В. Пассек. М. Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 260 с.
- Сопова И. В. «Фразеологические единицы: связи языка, культуры и мышления». Белгородский государственный университет, 2011, с.173–178.
- Телия Н. В. Русская фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. – 336 с.

- Ючковская Л. Т. К вопросу о фразеологической картине мира. Вестник Югорского государственного университета. 2015, выпуск 1 (36). – С. 161–164.
- Lewkowskaja, X.A. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache [Текст] / А.Х. Lewkowskaja. – М.: Высш. шк., 1968. – 247 с.

Kosygina, I. A.; Preobrazhenskaya, O. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

PHRASEOLOGICAL UNITS AS SOURCES OF NATIONAL-CULTURAL INFORMATION

The article considers phraseological units as sources of national-cultural information, their value as one of the most important sources of historical and cultural information about the life of the people, the carrier of the language, emotional information about the surrounding reality.

Phraseological units, phraseological world picture, phraseology, national features, natural language metaphysics

УДК 316.722

Yu. S. Kostetskaya

Saint Peterburg Electrotechnical University “LETI”

ORCID 0009–0008–4320–3832

ulia_kostetskaia@mail.ru

INDIAN-RUSSIAN CULTURAL COOPERATION IN THE LIGHT OF INDIAN CINEMA

This paper examines the ongoing cultural connection between Russia and India, with particular emphasis on the important role Indian films have played in this relationship. It examines how Indian films have appealed to Russian audiences over time, promoting mutual recognition between the two countries. The study also delves into the influence of Indian cinema on Russian society and the role of film festivals in deepening this cultural exchange. The article highlights the enduring friendship and cultural cooperation between Russia and India.

Indian cinema, cultural exchange, film festivals, Raj Kapoor, Bollywood, cinematograph

Russia and India share a deep cultural connection. Indian cinema has emerged as a significant link between the cultures of these two countries, representing a unique cultural phenomenon celebrated globally. In 2012, the Indian film industry marked its

place in the Guinness World Records for releasing over 1,600 films in a single year [Forbes].

The birth of Indian cinema is traced back to 1913. It has consistently mirrored the mood of its audience, the social transformations occurring within the country, and portrayed the protagonist as a symbol of idealism, embodying the spirit of the nation. Indian writer A. Chopra notes: "Indians suffer from a particularly virulent case of movie madness" [Chopra, 2007, p. 16]. It's noteworthy that Indian cinema has always aimed to deliver a broad spectrum of emotions to its audience. This is why Indian films focus not on what will happen next, but on how it will unfold. Thus, a tense moment leading up to the revelation of a murder can be suddenly paused, offering viewers a chance to unwind with a beautiful fantasy sequence where the main characters see themselves in their dreams.

For over a century, Indian cinema has delved into social issues, with its characters often reflecting the sentiments of the population. The 1950s, a pivotal era marked by India's independence, is celebrated as the golden age of Indian cinema. During this time, film heroes began to embody the dreams and aspirations of a nation embarking on the path of freedom. This period saw the emergence of iconic films such as "Awaara" by Raj Kapoor, "Thirst", "Paper Flowers" by Guru Dutt, and "Mother India" by Mehboob Khan. Raj Kapoor created the iconic image of a charismatic wanderer who, despite facing adversity, never loses his optimism. For him, love serves as an unwavering beacon. For numerous international audiences, Raj Kapoor's films have become synonymous with Indian cinema.

Indian cinema gained immense popularity in the Soviet Union, with significant cultural exchange between the countries occurring during the leadership of Nikita Khrushchev and Jawaharlal Nehru. Over the next 30 years, 250 Indian films reached Soviet cinemas. Among the most beloved and renowned were "Awaara", "Zita and Gita", "Revenge and the Law", "Disco Dancer". Actors Raj Kapoor and Mithun Chakraborty became household names.

I. A. Zvegintseva argued that the essence of Indian cinema lies in its profound understanding of human psychology, respect for audience preferences, and close attention to audience demands. It is within Indian films that the intense expression of natural human yearnings for justice and virtue finds its most vivid embodiment [Zvegintseva, 1991]. These characteristics, combined with an exciting plot and novelty to the Soviet viewer, largely contributed to the success of Indian cinema in our country [Nefedova, 2016].

In 1954, an Indian film festival was held in Moscow, where Raj Kapoor's film "Awaara" was shown. The film was received with widespread adoration, and Raj Kapoor became so synonymous with his character that Yuri Gagarin once greeted him

with the words “Comrade Awaara”. Raj Kapoor himself came to Moscow several times, where he performed and interacted with fans of Indian cinema.

Indian cinema's impact on the Soviet box office is underscored by the performance of four Indian films within the top ten foreign box office hits. “The Avenger” (1976), starring Rishi Kapoor, attracted 60 million viewers [Kinozal 70–80-h, “Mstitel”]. Following closely, “Disco Dancer”, released in the USSR a year after its initial premiere in 1984, garnered equal popularity, with 60 million viewers [Kinozal 70–80-h, “Tancor disko”]. Raj Kapoor's 1973 film “Bobby” attracted 62.6 million viewers [Kino-teatr.ru]. His “Awaara” re-released in 1959, 1965, 1977, and 1985, became the highest-grossing Indian film at the Soviet box office, watched by 63.7 million viewers during its various runs, marking it the third most watched of any foreign films in the Soviet Union.

In the 1960s, Indian cinema embraced entertainment and introduced color films. Characters appeared in colorful outfits that reflected their emotions, which is a hallmark of Indian films. The careful selection of costumes contributed significantly to the atmosphere of the film. The color schemes and tones of the characters' clothing were often coordinated with each other and with the setting, enhancing the visual cohesion of the scenes. This attention to costume and color became a hallmark of Indian cinema, adding depth and texture to its storytelling.

In 1958, the joint film “Journey Beyond Three Seas” (Pardesi), directed by V. Pronin and K. A. Abbas, depicted the voyage of the merchant Afanasy Nikitin to India. Outstanding Soviet and Indian actors took part in this unique project. It was realized by teams consisting of two directors and two cameramen, one from each country. “Journey Beyond Three Seas” represents a fusion of talents and perspectives from two distinct film industries, blending their creative forces to produce a cinematic work that bridges cultures and storytelling traditions.

The 1970s saw a surge in romantic films in Indian cinema, with Rajesh Khanna becoming Bollywood's first superstar. In just three years, he played the main romantic roles in 15 melodramas, marking a significant period in his career and the genre's popularity.

The initial optimism following the independence era gradually gave way to widespread discontent and disillusionment with the ruling classes, casting a shadow of despair and hopelessness across the country. This changing sentiment was vividly captured in the 1973 film “Zanjeer”. Amitabh Bachchan, starring in the lead role, introduced audiences to a new kind of film hero who resonated with the people's mood. His image of the “angry young man”, a daring fighter for justice, embodied the era's spirit and defined the character archetype for the next two decades.

During that period, Soviet actors began participating in Indian film productions. Notably, Ksenia Ryabinkina, an actress and ballet dancer, was cast in one of the leading roles in Raj Kapoor's "My Name is Clown" in 1970. It was a semi-autobiographical film, ambitious in scope and scale, portraying the life of a clown who must make his audience laugh, regardless of his personal sorrows. The film explores themes of love, loss, and the dichotomy of the performer's on-stage persona versus their off-stage realities. It was one of the most expensive projects of its time and featured three segments, each detailing a different phase of the protagonist's life.

Ksenia Ryabinkina played a trapeze artist and was one of Raj Kapoor's character's love interests in the film. Despite the film's initial box office challenges, it has since been celebrated for its artistry and Raj Kapoor's vision. Ryabinkina's role, though not extensive, was pivotal and highlighted the emotional depth of Kapoor's character. Her casting is a testament to the global outlook of Indian cinema at the time, as well as the deep cultural and artistic ties between India and the Soviet Union.

The 1979 Soviet-Indian joint venture "The Adventures of Ali Baba and the Forty Thieves" stands as a notable example of cinematic collaboration between India and the Soviet Union. This film brought together Bollywood luminaries Hema Malini and Dharmendra with prominent Soviet actors Frunzik Mkrtchyan and Rolan Bykov. Such a blend of talent from both countries showcased the cultural exchange and mutual appreciation that characterized the era's film industry relationships.

The film itself, inspired by the classic tale from "One Thousand and One Nights", was adapted for audiences in both countries, featuring elements familiar to and beloved by both Soviet and Indian viewers. The cross-cultural project not only highlighted the universal appeal of the story but also demonstrated the unique artistic visions and styles contributed by the actors and production teams from both countries. This collaboration is fondly remembered as a milestone in the history of international film partnerships.

The 1990s marked a transitional era for Bollywood, as India found itself at a crossroads between tradition and modernity, influenced by Western culture. In 1995, Aditya Chopra's debut film "Dilwale Dulhania Le Jayenge" introduced Shah Rukh Khan's character, embodying a new generation of Indians who embrace both the material advancements of the West and the spiritual values of the East. This film resonated with the contemporary dilemma of choosing between old and new, reflecting the essence of the times.

In the 2000s, the Indian film industry gained international acclaim, with numerous films finding audiences abroad. In Russia, films like "Kabhi Khushi Kabhie Gham", "Kal Ho Naa Ho", "Veer-Zaara", and "My Name is Khan" enjoyed widespread popularity. "My Name is Khan", in particular, stood out as a significant departure from the conventional Indian film format of melodramas filled with songs and dances. This film

challenged stereotypes, presenting a more serious narrative that resonated with viewers globally.

In recent years, Russian interest in Indian cinema has notably increased. 2006 marked the launch of India TV, the first Russian television channel dedicated to Indian films and TV programs. Additionally, DVDs of Indian films became widely available.

2008 was declared “The Year of Russia in India”, and 2009 – “The Year of India in Russia”. These celebrations facilitated various exchange events between the two countries, including Indian cinema festivals in Russia.

In 2010, Dmitry Medvedev, then Russian President, visited Yash Raj Films, a leading Bollywood studio. During his visit, he spent time with director Yash Chopra and prominent Indian actors Shah Rukh Khan and Kareena Kapoor, who is Raj Kapoor's granddaughter.

In April 2012, the All-Russian Festival of Contemporary Indian Cinema and Indian Culture OPENINDIA was held, dedicated to the 65th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and India. Five years later, in honor of the 70th anniversary of these diplomatic ties, the "Namaste, Russia" festival was organized across 10 Russian cities.

Since 2016, major Russian cities have hosted the Bollywood Film Festival, which was renamed the Indian Films Festival in 2022. This annual event features screenings of contemporary Indian films in cinemas, and Indian actors often visit Russia to participate in the festival's opening days. The festival organizers curate a mix of classic Indian films, such as “Kal Ho Naa Ho” and “Dilwale Dulhania Le Jayenge”, alongside the latest hits, including “RRR” and “Pathaan”, offering a wide range of Indian cinematic achievements to Russian audiences.

In recent years, the Russian film industry has increasingly turned to Indian cinema for box office premieres. During 2021, amid ongoing pandemic-related restrictions, only three Indian films were showcased in Russia. However, in 2022, as efforts to find alternatives to Hollywood intensified, the number of Indian films screened jumped to 19. This trend continued to grow, with a total of 23 Indian films reaching Russian cinemas in 2023 [RBK Trendy].

Indian cinema delivers a wide range of emotions and is rich in symbolism. The main character often takes on a heroic role, with plots commonly centered around love and the triumph of good. These films often teach moral lessons, showcasing captivating love stories. Viewers frequently show their appreciation through applause, singing and dancing along with the songs, and even throwing coins at the screen as a sign of enjoyment. Over the years, Indian films have played a significant role in strengthening the cultural connection between our countries, a bond that is expected to grow even stronger in the future.

BIBLIOGRAPHY

- Chopra A. King of Bollywood: Shah Rukh Khan and the Seductive World of Indian Cinema, New York City, United States: Grand Central Publishing, 2007.
- Forbes: Bollywood: India's Film Industry By The Numbers [Infographic] URL: <https://www.forbes.com/sites/niallmccarthy/2014/09/03/bollywood-indias-film-industry-by-the-numbers-infographic/> (дата обращения: 05.03.2024).
- Kino-Teatr.Ru: Bobbi (1973) URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/asia/34256/annot/> (дата обращения: 05.03.2024).
- Kinozal 70-80-h: Mstitel' (1976) (Indiya) URL: <https://kino-70.tv-80.ru/melodrama/mstitel/> (дата обращения: 05.03.2024).
- Kinozal 70-80-h: Tancor disko (1983) (Indiya) URL: <https://kino-70.tv-80.ru/melodrama/tancor-disko/> (дата обращения: 05.03.2024).
- Nefedova D. N. Sud'ba indijskogo kinematografa v Rossii // Vestnik VGIK. 2016. № 4(30). p. 66–74.
- RBK Trendy: Udastya li indijskomu kino zanyat' mesto zapadnyh blokbusterov v Rossii URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/656e50829a79475d4130bb4f/> (дата обращения: 04.03.2024).
- Zveginceva I. A. Fenomen indijskogo kino // Sem'ya i shkola. 1991, № 2.

Ю. С. Костецкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ИНДИЙСКОЕ КИНО КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИНДИЕЙ

В статье рассматриваются культурные связи между Россией и Индией, и особое внимание уделяется влиянию индийских фильмов на развитие этих отношений. Анализируется, как индийские фильмы с течением времени находили отклик у отечественных зрителей, что способствовало формированию единого культурного пространства между двумя странами. Кратко приведены и описаны ключевые этапы развития индийского кино. Исследование также посвящено влиянию индийского кино на российское общество и роли кинофестивалей в углублении этого культурного обмена. Подчеркивается прочная дружба и культурное сотрудничество между Россией и Индией.

Индийское кино, культурный обмен, кинофестивали, Радж Капур, Болливуд, кинематограф

УДК 811.511.113

Д. А. Лембер

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина)

lemberdakota@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ЭСТОНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В данной работе рассматривается история взаимодействия эстонского языка с другими языкам, исследуются заимствования, а также дается небольшая историческая справка о развитии Эстонии в период древности, дохристианский период, периоды нахождения Эстонии в составе других государств и в Новейшее время. Отдельное внимание уделяется современному состоянию эстонского языка и его влиянию на язык русской диаспоры Эстонской Республики на примере форумов, групп и чатов в сети «Интернет».

Уральская языковая семья, эстонский язык, заимствования, взаимодействия языков, языковая ситуация, англицизмы в эстонском языке

Эстонский язык является представителем финно-угорских языков, прибалтийско-финской группы наравне с финским, уступая ему в количестве носителей и говорящих (на 2017 год общее количество говорящих на эстонском языке было равно примерно 1.1 миллиону человек), но не в богатстве истории.

Целью данной работы является рассмотрение и анализ заимствований в эстонском языке, его влияния на язык русскоязычной диаспоры современной Эстонии через призму истории (однако в одном небольшом исследовании отразить все исторические события не представляется возможным, поэтому в настоящей работе будут рассмотрены только те исторические события и периоды, которые оказали наибольшее влияние на эстонский язык). На протяжении всей истории эстонский народ и его язык сталкивались с экзистенциальной проблемой малого народа: погибнуть или приспособиться. Эстонцы и эстонский язык всегда решали данную проблему, приспособляясь к различным условиям и в XX веке смогли добиться полной независимости. Материалом для анализа послужили исторические данные, словари эстонского языка, форумы, группы и беседы в социальных сетях, где происходит коммуникация между эстонцами и представителями русскоязычной диаспоры. Объектом исследования являются заимствования в эстонском языке, предмет исследования – принятие и/или адаптация заимствований в эстонском языке через призму истории эстонского народа.

Древнейшие данные о заселении территории Эстонии относятся к VIII — IV тыс. до н. э. По мнению археологов ямочно-гребенчатая керамика второй половины III тыс. до н. э. характеризует уже ранние прибалтийско-финские племена. В начале II тыс. до н. э. сюда с юга проникли ранние балтийские племена, в конце II — начале I тыс. до н.э. возникли контакты с германскими племенами, а в последнем тысячелетии до н. э. начались соприкосновения и со славянскими племенами [Елисеев, 1975]. Также древние эсты, живущие в прибрежных регионах Эстонии, находились в тесной связи с народами Скандинавии еще в бронзовый век, о чем свидетельствуют каменные могильники. Каменные могильники с бронзового века и до начала нашей эры представляли едва ли не единственную форму погребения.

Следует отметить, что каменные могильники являются красноречивым примером международного характера явлений культуры древних времен. Можно предположить, что эта форма погребения, пришедшая на побережье Эстонии через Центральную Европу и Скандинавию, отсылает к склепам с каменными куполами, распространенным в Средиземноморье в гомеровскую эпоху. Не только каменные могильники являются доказательством тесных контактов эстов со Скандинавией, Северной Европой, но и культовые камни плодородия, смерти и рождения, число которых достигает 1400 [Лаар, 1992].

В период позднего железного века эстонские племена стали активно контактировать с римлянами. Об этом свидетельствует нахождение при раскопках римских монет (в могилах эстиев монеты служили деталью погребального инвентаря), а также исторические документы, например, эстии упоминались у Тацита в его труде «О происхождении и местоположении германцев» [Кулаков, 2019].

В начале II тысячелетия (X—XIII вв.) в Эстонии появились первые признаки феодализма: развивалось земледелие, возникли торговые центры (Таллин, Тарту), образовались территориальные объединения. Эсты отражали и совершали набеги на Новгород. В 1030 г. русские дружины заняли эстонское укрепление на месте современного Тарту и построили русскую крепость Юрьев. Но конец этой власти пришел через 30 лет — после восстания сосолов, поддержанного в земле Уганди.

Эсты активно взаимодействовали и имели тесные контакты с балтийскими народами, римлянами, славянами и особенно с древними германцами. Эти контакты повлияли на эстонский язык, которые привнесли в его лексику новые слова. Таким образом, в дохристианский период можно выделить следующие группы заимствований:

Индоевропейские и индоиранские: *jumal* «бог» (др.-инд. *dyumān*), *puhas* «чистый» (др.-инд. *pūtáḥ*), *sarv* «рог» (ав. *sr̥vā-*).

Балтийские: *vanik* «венок» (латыш. *vainags*), *kauss* «миска» (латыш. *kauss*), *magun* «мак» (латыш. *magone*), *lupard* «тряпица» (латыш. *lupata*), *hernes* «горох» (лит. *žirnis*), *sõber* «друг» (лит. *sėbras*), *puder* «каша» (лит. *putra*), *ratas* «колесо» (лит. *ratas*).

Германские: *taigen* «тесто» (гот. *daigs*), *katel* «котел» (гот. *katils*), *kuld* «золото» (гот. *gulþ*), *luna* «выкуп», (гот. *lun*), *taud* «повальная болезнь» (др.-скан. *dauði*), *raud* «железо» (др.-скан. *rauði*).

Древнерусские: *sahk* «плуг» (др.-рус. *соха*), *papp* «поп» (др.-рус. *popŭ*), *sirp* «серп» (др.-рус. *sŭrpŭ*).

Более значимым событием, определившим судьбу эстонского народа на многие века вперед, была христианизация. Под предлогом христианизации в первой четверти XIII в. в Эстонию вторглись немецкие и датские крестоносцы-феодалы.

Кратко и ярко состояние и положение эстонского народа в период господства христианской веры и немецкого феодализма можно описать цитатой из исторической повести «Мститель» (1880) Эдуарда Бронхёя: «В начале тринадцатого столетия эстонец оказался окруженным весьма своеобразными соседями. Говорят, будто с соседями вообще трудно жить в мире и дружбе. Но у эстонцев в те времена соседи были совсем свирепые, один хуже другого. Они его, бедного грешного язычника, обирали догола, чтобы солнце Рима могло беспрепятственно освещать его темную душу, они избивали его до полу-смерти, чтобы он мог как следует вкусить благодати Христовой, превращали его в рабочий скот, чтобы сделать его способным нести на своем горбу блага средневековой культуры».

В XVIII веке при переходе части Эстляндии и Лифляндии России по Ништадтскому мирному договору 1721 года города, магистраты и цехи сохраняли свои права, а школы и кирхи продолжали свою работу. И даже в период правления Екатерины Великой остзейский порядок не был ликвидирован, а лишь преобразован в духе идей Просвещения [Карьяхярм, 2008, с. 83; Laur, 2000, с. 207 – 208]. Поэтому влияние остзейских немцев почти не ослабло в период существования Российской империи.

Тем самым тысячелетнее интенсивное влияние немецких феодалов, баронов и бюргеров отразилось на эстонском языке. А количество нижненемецких и верхненемецких заимствований в десятки раз больше заимствований из русского или шведского языков:

Нижненемецкие: *kruus* «гравий» (*grūs*), *torm* «буря», *hunt* «волк» (*hunt*), *loor* «фата» (*flōr*), *müts* «шапка» (*mutze*), *muda* «грязь» (*mudde*), *korsten* «труба» (*schorstēn*), *trepp* «лестница» (*treppe*), *kört* «юбка» (*gorte*), *ruum* «комната»

(*rūm*). В круглых скобках в данном блоке заимствований приведены примеры из нижненемецкого языка.

Верхненемецкие: *leen* «спинка стула» (*Lehne*), *vürts* «пряность» (*Würze*), *kirss* «вишня» (*Kirsche*), *kleit* «платье» (*Kleid*), *lips* «галстук» (*Schlips*), *kärner* «садовник» (*Gärtner*). В круглых скобках в данном блоке заимствований приведены примеры из верхненемецких диалектов.

Шведские: *kroonu* «казна» (швед. *kroon*), *näkk* «русалка» (швед. *näck*), *plika* «девчонка» (швед. *flicka*), *tont* «призрак» (швед. *tomte*).

Русские: *kamorka* (каморка), *samagon* (самогон), *munder* (мундир), *pintsak* (пиджак).

Нельзя оставить без внимания период нахождения Эстонии в составе СССР. Это время было крайне тяжелым не только для эстонского народа, но и для эстонского языка (стоит отметить, что большое количество русских, проживающих в тот период в Эстонии, было подвержено репрессиям). Все силы правительства СССР были направлены на советизацию Эстонии и ликвидацию прежнего правительства, а также всех несогласных с идеологией СССР. Эстонский язык отошел на второй план, так как для ведущих должностей знание эстонского было необязательным, новые учебники по обязательным предметам переводились на русский, усиливалось влияние русского на терминологию и научную сферу в целом [Карьяхярм, 2008].

Поэтому **русские заимствования в советский период** в настоящей работе представлены отдельно: *kompott* «компот», *kastrul* «кастрюля», *vot* «вот», *tavai* «давай», *ladno* «ладно», *kolhoos* «колхоз», *truba* «труба», *privet* «привет», *pooslamasla* «подсолнечное масло», *taburet* «табуретка», *haltuura* «халтура».

Последним ключевым событием, оказавшим значительное влияние на эстонский язык, было обретение независимости в 1991 году. Эстонский язык получил ведущее положение в государстве и обществе. Появилась языковая инспекция, начался процесс планомерного перехода эстонской системы образования полностью на эстонский язык (данный процесс продолжается и сейчас). Эстонский язык стал очень сильно влиять на различные уровни языка русской диаспоры в Эстонии. В данной работе приводятся некоторые примеры влияния на следующих уровнях языка:

Орфографический уровень: *Spasibo za otvet! To est esli mõ hotim naprimer garderob zakazat, to oni prijedut na mesto, plan vmeste obsudim, zamerõ snimut i potom prishljut tsenovoje predlozjenije?*

Takije voprosõ tochno ne na FB zadavajte.

Лексемный уровень: *Добрый день, не подскажете какие ластехойды есть в Ласна на мясяцок?! (ластехойды происходит от эстонского существительного *lastehoidja* «няня»).*

*Наш перепарст давно на больничном. Что делать? (перепарст происходит от эстонского существительного *perearst* «семейный врач»).*

*Можете обратиться в тервисекассу. (тервисекасса происходит от эстонского существительного *tervisekassa* «больничная касса»).*

*Прав будет тот, кто больше отмаксует (отмаксует — от эстонского глагола *maksta* «платить»).*

Сегодня, в век глобализации и стремительного развития информационных технологий, каждый язык взаимодействует с английским языком, что дает новые лексические единицы. Однако эстонский язык (как и финский язык) тщательно перерабатывает англицизмы. Например, в объявлениях и деловой коммуникации почти не встречается *cleaning* «клининговые услуги», а *puhastusteenused* и *koristusteenused* «услуги по уборке», вместо *developer* «девелопер» используется *arendaja*, а вместо *sales manager* «менеджер по продажам» — *müügijuht*.

Английские заимствования образуют в современном эстонском языке три основных группы:

1) Прямые заимствования (слова, написание и произношение которых полностью совпадает с английским языком): *make-up, highlighter, freelancer*.

2) Слова, которые произносятся согласно правилам эстонского языка (с учетом написания этих слов на английском языке): *teller, poster, shopping* (отсутствует аспирация у [p], а последние согласные произносятся не как [ŋ], а как [ng]).

3) Слова, адаптированные с учетом произнесения на языке оригинала, написание которых на эстонском языке производится согласно произнесению на английском: *dealer > diiler, like > laik, make-up > meik, primer > praimer, freak > friik*. К этой группе относится также большое количество глаголов, образованных при помощи словообразовательных суффиксов -i-, -a-: например, *to click > klikkima, to like > laikima, to shop > šoppama, to do make-up > meikima*.

При склонении существительных, сохраняющих написание и произношение оригинала, желательным является употребление апострофа для отделения начальной формы слова от показателя падежа:

*Ülikooli aegadest saadik on Taavi tegutsenud **freelancer'ina**. «Со студенческой скамьи Таави работает фрилансером».*

*Palett sisaldab matti **highlighter'it** ja sädelusega põsepuna. «Палетка включает в себя матовый хайлайтер и мерцающие румяна».*

Ekskursioon kujutas endast puhtalt shopping'ut. «Экскурсия представляла собой просто **шоппинг**».

Результаты настоящего демонстрируют большое количество заимствований в эстонском языке из разных языков, что обусловлено спецификой истории Эстонии. Самыми большими языками-донорами для эстонского языка выступает нижненемецкий и верхненемецкий, так как около 700 лет правящие и иные важные государственные должности занимали немцы. В современном же мире наблюдается появление англицизмов в эстонском языке, который адаптирует их под свои грамматические и/или фонетические законы. Также сам эстонский язык выступает языком-донором для языка русской общины в Эстонии, что обусловлено статусом эстонского языка в государстве и его использовании в государственных структурах, системе образования, здравоохранения и иных важнейших сферах.

Вывод данной работы заключается в том, что заимствования действительно имеют значительное влияние на эстонский язык. Особенно важным является влияние нижненемецкого и верхненемецкого языков на эстонский язык. Государство также играет важную роль в процессе заимствования, так как активно содействует сохранению и развитию эстонского языка, контролируя частоту использования в СМИ и рекламе других языков (используя языковую инспекцию) и уделяя внимание обучению и изучению родного языка. В результате чего современный эстонский язык остается самобытным и богатым, сочетая в себе заимствования из различных языков и сохраняя свой лексический запас и структуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Елисеев Ю.С., Каск А., Лаанест А.Х. Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975. – 347 с.
- Карьяхярм Т., Адамсон А. Поворотные моменты истории Эстонии. Сборник документов и материалов для гимназий. Таллинн, 2008. – 408 с.
- Кулаков В.И. Римские монеты в древностях эстиев (историографический экскурс)// Исторический формат. 2019. №№ 3 – 4 (19– 20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskie-monety-v-drevnostyah-estiev-istoriograficheskiy-ekskurs> (дата обращения: 16.03.2024).
- Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллинн, 1992. – 234 с.
- M. Laur. Eesti ala valitsemine 18. sajandil (1710–1783). Tartu, 2000. – 239 с.

Lember, D.A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

LANGUAGE CONTACTS IN ESTONIA: HISTORY AND MODERNITY

The work examines the history of the interaction of the Estonian language with other languages, and also provides a small historical background on the development of Estonia, starting from the Stone Age and ending with modern times. Borrowings and their influence on different levels of the language are investigated. Special attention is paid to the current state of the Estonian language and its influence on the language of the Russian Diaspora of the Republic of Estonia on the example of forums, groups and chats on the Internet.

Uralic language family, Estonian language, loanwords, language interactions, language situation, Anglicisms in the Estonian language

УДК 81

А. М. Муллина

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»

ORCID 0000–0002–2213–2683

alsumullina@gmail.com

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ СОГЛАСИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ В СФЕРЕ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

Современный период развития нашей страны отмечен интенсивным развитием отношений с Китайской Народной Республикой во всех сферах деятельности. Данный факт обуславливает необходимость изучения и оптимизации процессов межкультурной коммуникации между представителями двух данных стран. В связи с этим целью данного исследования является рассмотрение и сравнение стратегий вежливости, используемых в русском и китайском языках в сфере бизнес-коммуникации и, в частности, этикетных формул согласия. В результате исследования автором были определены предпочтительные стратегии вежливости и тактики выражения согласия для носителей этих двух языков. Исследование будет представлять интерес для специалистов в области лингвистики, деловой коммуникации и межкультурной коммуникации.

Вежливость, стратегия вежливости сближения, стратегия вежливости отдаления, согласие, этикетные формулы, русский язык, китайский язык

Современный этап развития общества отличается существенным интересом людей к предпринимательству, под которым в науке понимают «самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке» [Рыбкин, 2020]. Появляется все большее количество предпринимателей, которые, в целях увеличения прибыли, расширяют производство, укрепляют экономические связи с партнерами из других стран мира, открывают производства в иностранных государствах. Таким образом, граждане, занятые в сфере предпринимательства, развивают экономические отношения как между организациями в одной стране, так и международные экономические отношения.

Для достижения успеха в управлении любой организацией, в том числе международной, ее руководству нужно уметь создавать и поддерживать благоприятный климат не только внутри организации, но и с окружающим ее внешним миром, который включает в себя потребителей, инвесторов, представителей других организаций, поставщиков и т.д. В основе перечисленных межличностных контактов лежит коммуникация, сбой в которой, как правило, ведет к конфликтам и, в худшем случае, к разрыву деловых отношений.

В настоящий период развития нашей страны наиболее активные экономические отношения россияне развивают с представителями Китайской Народной Республики. Данная особенность определяет необходимость детального изучения основных черт российско-китайского делового общения и факторов, которые оказывают влияние на его эффективность.

Одним из важнейших аспектов вербального межкультурного диалога, который непосредственно влияет на результат любого коммуникативного акта, являются этикетные формулы вежливости. Они являются отражением этических норм, принятых в обществе, и «воплощают систему защиты нравственных ценностей в каждой культуре и регулируют формы их проявления в речи» [Гойхман, Гончарова, 2010, с. 120]. Данные нормы лежат в основе культуры поведения и затрагивают все сферы деятельности и взаимодействия людей. Все общепринятые правила культурного поведения в обществе в своей совокупности называют этикетом. Использование этикетных формул в процессе коммуникации с представителями других стран определяет успешность выстраивания гармоничных неконфликтных отношений.

Среди вербальных этикетных правил поведения следует выделить правила вежливости. Т.В. Ларина дает следующее определение вежливости: «универсальная коммуникативная категория, представляющая собой сложную

систему национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера» [Ларина, 2009, с. 8]. В каждой отдельной сфере жизнедеятельности человека присутствует свой стиль вежливости, так в сфере бизнес-коммуникации преобладают нейтральный и формальный типы вежливости. От них зависит специфика используемых в речи языковых средств. Однако, несмотря на преобладание нейтрального и формального типов вежливости в рамках делового общения, в каждой стране они различаются и имеют свои специфические черты.

Материалы и методы

Одна из известнейших концепций вежливости была предложена американскими исследователями П. Брауном и С. Левинсоном в 1987 году и получила название «позитивной и негативной вежливости» [Brown, Levinson, 1987]. Данная концепция заключается в том, что участники общения всегда стремятся сохранить свое лицо и лицо партнера по коммуникации. Однако, стратегии, используемые для этого в разных культурах, различаются. Ученые выделяют два основных типа стратегий вежливости, а именно стратегии позитивной и негативной вежливости. В трудах других исследователей они также называются вежливостью сближения и вежливостью отдаления или дистанцирования.

Первая стратегия, то есть стратегия вежливости сближения, отражает желание человека сократить дистанцию, существующую между общающимися. С этой целью коммуникант использует средства, передающие отношение говорящего к собеседнику и происходящему. Среди наиболее популярных тактик стратегии данного типа выделяют следующие:

- внимание, оказываемое личности собеседника, его интересам, нуждам и желаниям;
- гиперболизация интереса, а также симпатии к партнеру по коммуникации;
- одобрение действий собеседника;
- особый интерес к слушающему,
- открытое проявление общности взглядов, мнений и знаний;
- использование в речи маркеров внутригрупповой принадлежности; демонстрация знания родного языка партнера по коммуникации [У, 2014, с. 31–32].

Стратегии дистанцирования, в отличие от рассмотренной выше стратегии сближения, отражает желание либо сохранить существующую между общающимися дистанцию, либо увеличить ее. Таким образом говорящий стремится показать уважение к независимости собеседника. В число тактик стратегии дистанцирования входят:

- использование косвенного стиля речи;
- вербальное предоставление возможности собеседнику не совершать то или иное действие;
- ограничение вмешательства в личную сферу слушающего;
- пессимистичность, которая передается через вербально выраженное сомнение в возможности совершения необходимого действия собеседником;
- использование извинений;
- акцент на правильном обращении, титулах, фамилиях и так далее.

[У, 2014, с. 32–33].

Рассмотренные выше стратегии вежливости имеют определенный арсенал языковых средств. Среди них, например, модальные глаголы, пассивный залог, вопросительные конструкции, сослагательное наклонение и т.д. [Ларина, 2009].

Для лучшего понимания причин использования тех или иных этикетных формул в российской и китайской культурах необходимо рассмотреть, что именно понимают под термином «вежливость» в данных странах. В русском языке термин «вежливость» существовал еще в древнерусском периоде. Образовано данное слово от слова «вежа», означавшее знатока, знающего человека. С течением времени понятие «вежливость» расширилось и, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, имело два значения:

1. «знающий, сведущий; ученый, образованный;
2. образование внешнее, знание обычаев и приличий» [Даль, 1880 – 1882].

Второе из рассмотренных значение осталось в современном русском языке и было закреплено в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: вежливый человек – это человек, «соблюдающий правила приличия; учтивый» [Ожегов, 1987]. Иными словами, в сознании носителя русского языка вежливость ассоциируется с конкретным стилем поведения, соответствующем установленным в данной культуре правилам и нормам.

В китайской культуре термин (вежливость) обозначается словом 礼貌. Согласно «Словарю современного международного коммерческого (делового) китайского языка» 礼貌 имеет несколько значений:

1. обряды и ритуалы, сформированные обычаями и традициями в жизни общества для совместного выполнения;
2. речь или действия, выражающие уважение;
3. подарок;
4. согласно этикету [郑怀德, 2013].

Перечисленные выше определения являются внешним проявлением укоренившихся в китайской культуре традиций, которые реализуются в повседневной жизни через язык и поступки. Еще один аспект китайского термина вежливость был раскрыт в Новом русско-китайском словаре, который трактует вежливость следующим образом: «скромный, учтивый, соблюдающий приличия» [Новый русско-китайский словарь, 2006]. Иными словами, в китайской культуре вежливость подразумевает не только внешние проявления, такие как поведение и речь, но и внутреннюю скромность человека. Перечисленные особенности понимания вежливости народом Китая влияют на способы ее проявления в поступках и речи.

Специфичность проявления китайской вежливости была изучена известным китайским профессором Ю. Гу, который в своем труде «Вежливость, прагматика и культура» предоставил свод правил или принципов китайского вежливого поведения [Гу, 1992]. Среди данных правил ученый выделил:

1. Правило уничижения себя и уважения к другим, которое обязывает говорящего проявлять скромность и учтивость в процессе коммуникации.
2. Правило обращения, определяющее способ обращения к собеседнику с учетом его возраста и социального статуса.
3. Правило благовоспитанности, предписывающее использование в речи эвфемизмов и запрет на грубые слова.
4. Правило гармонии, целью которого является минимизация конфликтов в обществе и поддержание гармонии.
5. Правило нравственности в речи, мыслях и поступках, которое отражает принцип максимизации выгоды для других людей в поведении и преувеличение их заслуг в речи.

Первый два правила указывают на то, что для китайской культуры в большей степени свойственно использование стратегий дистанцирования.

В рамках данной работы мы остановимся на рассмотрении стратегий вежливости, используемых в китайской и русской культурах для выражения согласия в рамках бизнес-коммуникации. Для достижения данной цели нами было проанализировано 120 деловых писем на русском языке, 80 деловых писем на китайском языке, а также 45 сценариев деловых переговоров. Используемых в рамках исследования методы включали в себя метод сплошной выборки, сопоставительный метод и метод контент-анализа.

Результаты

В результате исследования мы пришли к выводу, что носители русского языка предпочитают прямой способ выражения согласия в процессе бизнес-

коммуникации. Использование данного способа можно проиллюстрировать следующими примерами:

Сообщаем, что согласны закупить у Вас товар на следующих условиях: ... [Фалина, 2017, с. 34].

Настоящим письмом подтверждаю наше согласие на закупку у Вас сахара-песка [Готлиб, 2006].

Я весьма рада возобновлению нашего сотрудничества и с большим удовлетворением сообщаю о готовности нашего предприятия подписать с Вашей стороной договор на поставку [Готлиб, 2006].

В китайском же языке согласие может быть выражено несколькими способами. Первым из них является косвенный способ. Данный способ заключается в том, что, носитель китайского языка вместо прямого положительного ответа предоставит причину согласия.

A: 你们销售得了这么多吗?

B: 在美国, 祁门红茶很畅销. 滇红, 川红的销售也不错 [Хуан, 2002].

Так, в примере в ответ на вопрос партнера «Вы правда сможете продать так много (чая)?», говорящий отвечает «В Америке цимэньский черный чай продается очень хорошо. Дяньский и чуаньский черные чаи тоже продаются неплохо». Таким образом китаец дает собеседнику основание полагать, что ответ на заданный вопрос положительный. Среди примеров косвенного способа выражения согласия через причину также следующие предложения:

我认为你是对的 [Корец, 2010], то есть «Я считаю, что Вы правы».

这恰恰是我们希望的 [Корец, 2010], то есть «Это как раз то, что мы хотели».

Кроме косвенного способа в китайской культуре используется также и прямой способ выражения согласия. При прямом способе выражения согласия в китайском языке используется формула «похвала + согласие».

好主意! 我们完全同意你们的建议 [Ли, Халяпина], то есть «Хорошая идея! Мы полностью согласны с Вашим предложением».

你们的建议非常有创意, 我是百分之百的同意你们! [Ли, Халяпина]
«Ваше предложение очень креативно, я на сто процентов согласен с Вами!».

Словосочетание *百分之百的* (на сто процентов) в примере является гиперболой, цель которой заключается в усилении выраженного согласия. Использование данного стилистического средства популярно для китайской культуры. Среди других выражений указанного типа встречаются:

对于您的提议我举双手赞成 [Ли, Халяпина] «Я обеими руками за Ваше предложение».

对... 十二万分的满意 «Чрезвычайно доволен/довольна ...».

完全同意... «Полностью согласен/согласна с ...».

Заключение

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что для российской культуры свойственно использование только прямого способа выражения согласия, что указывает на предпочтение стратегии сближения при выражении согласия в русском языке. В китайской же культуре используется как прямой, так и косвенный способы, то есть носители китайского языка пользуются обеими стратегиями вежливости при выражении согласия. Причем прямой способ выражения просьбы в китайском языке отличается от русского языка тем, что он сопровождается либо похвалой принимаемого предложения, либо должно быть усилено с помощью стилистических средств, таких, например, как гипербола.

ЛИТЕРАТУРА

- Готлиб О. М. Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия: учебное пособие по переводу. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006.
- Гу Ю. Вежливость, прагматика и культура // Преподавание иностранных языков. – 1992.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб: Тип. М. О. Вольфа, 1880 – 1882.
- Корец Г. Б. Китайский язык. Деловая переписка. М.: Живой язык, 2010.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукопис. памятники Древней Руси, 2009.
- Ли Я., Халяпина Л. П. Анализ лингвистических особенностей в бизнес-коммуникации на китайском и русском языках // Современное педагогическое образование. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-lingvisticheskikh-osobennostey-v-biznes-kommunikatsii-na-kitayskom-i-russkom-yazykah/viewer> (дата обращения: 06.01.2024).
- Новый русско-китайский словарь. Пекин: Иностр. языки, 2006.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1987.
- Русский язык и культура речи: учебник / О. Я. Гойхман, Л. М. Гончарова и др. М.: ИНФРА-М, 2010.
- Рыбкин А. Г. Стратегия сложных переговоров: учебное пособие. М.: ИНФА-М, 2020.
- У Б. Речевой жанр благодарности в русском языке: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 2014. URL: https://www.philol.msu.ru/~ref/2015/2015_U-Bo_diss_10.02.01_19.pdf (дата обращения: 14.12.2023).

Фалина В. А. Деловой русский язык в сфере профессиональной коммуникации: учеб. пособие. Иваново, 2017.

Хуан В. Практический курс делового китайского языка. Пекин: Sinolingua, 2002.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1978, 1987.

郑怀德. 商务国际现代汉语词典 /郑怀德. 北京: 商务印馆国际有限公司, 2013.

Mullina, A. M.

The National University of Science and Technology MISIS

ETIQUETTE FORMULAS OF CONSENT IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES IN THE FIELD OF BUSINESS COMMUNICATION

The modern period of our country's development is marked by the intensive development of relations with the People's Republic of China in all spheres of activity. This fact makes it necessary to study and optimize the processes of intercultural communication between representatives of these two countries. In this regard, the purpose of this study is to consider and compare the politeness strategies used in Russian and Chinese languages in the field of business communication and, in particular, etiquette formulas of consent. As a result of the study, the author identifies preferred politeness strategies and consent tactics for native speakers of these two languages. The research will be of interest to specialists in the field of linguistics, business communication and intercultural communication.

Politeness, positive politeness, negative politeness, agreement, etiquette formulas, Russian, Chinese

УДК 811.26:531

Ж. В. Ни

Владивостокский государственный университет

Zhanna.Ni2021@vvsu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ОТЦА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КОРЕЙЦЕВ И РУССКИХ

*Актуальность современного языкового образования в Дальневосточном федеральном округе обусловлена географическим и геополитическим положением России. Дальний Восток России связывают исторические, культурные и экономические связи с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). Статус и роль специалиста в области межкультурной коммуникации, как профессионала, определяются его лингвокультурологической подготовкой, изучением языковой картины мира партнёров по коммуникации. В статье исследуется репрезентация образа отца в языковой картине мира корейцев и русских. Анализируются представления, воплощённые в дефинициях лексемы «отец- *Отец*», в русской и корейской лингвокультуре.*

Лингвокультура, лингвистическая контактология, репрезентация, образ отца, языковая картина мира

Введение

В современном научном языкознании практическую значимость в категории репрезентаций, представляют исследования феномена образа отца, который обусловлен аксиологичностью категории ментальных репрезентаций.

Объект исследования – репрезентативный образ отца в языковой картине мира корейцев и русских.

Предмет исследования – способы репрезентации образа отца в языковой картине мира корейцев и русских.

Цель исследования – анализ языковой картины мира на примере образа отца в русской и корейской лингвокультуре.

Задачи исследования – описание репрезентата «образ отца» с точки зрения аксиологического элемента, сопоставительный анализ языковых единиц, репрезентирующих «образ отца».

Объект и задачи исследования определили выбор методов лингвистического анализа. В работе используется сравнительно-сопоставительный метод, который предполагает исследование языкового материала с последующим фактическим анализом.

Результат исследования – выделение ядра и периферии лексемы «образ отца – 아버지» в языковой картине мира корейцев и русских.

Методология

Основой нашего исследования стали положения, разработанные отечественными учеными в области лингвокультурологии (Васягина Н. Н., Гимашева Г. М., Горобец Л. Н., Ельцова И. В., Смирнов Е. С.), лексической семантики (Добрынина А. В., Желнина Е. В., Плотникова А. В., Цыденова Д. С.), психолингвистики (Караулов Ю. Н., Лопсан А. П., Лунина А. Д., Максимюк Е. В., Покоякова К. А.) и др.

Материалом исследования послужили лексические репрезентанты, полученные методом сплошной и дифференциальной выборки из иноязычных литературных источников.

Основные результаты

Языковая картина мира – это отражённый средствами языка образ реальности и этнокультурных особенностей. Этнокультурные особенности репрезентации образа отца актуальны для исследования в педагогическом, психологическом и в лингвистическом аспекте. В логике нашего исследования, рассмотрим репрезентативный «образ отца — 아버지» в корейской лингвокультуре. Так четырёхсложные идиомы, созданные много веков назад, закреплённые в конфуцианских трактатах, по сей день не утратили свою актуальность. Сегодня почтительное отношение к родителям и проявление уважения к старшим, являются очень важной частью корейской культуры. Например: 부모님을 반포지효로 모시는 것은 자식의 마땅한 도리이다. Ухаживать за престарелыми родителями – это долг, которому должны следовать дети. Идиома 혼정신성–昏定晨省, которая переводится, как вечером и утром справляться о самочувствии родителей; постоянно заботиться о них, взята из конфуцианского трактата, тексты которого регламентируют общественные отношения [Цыденова, Плотникова, 2016]. Эта идиома тоже состоит из четырех иероглифов: 昏 (혼) – 1) вечер, закат; 2) ночная пора, ночь; 3) 定 (정) – утверждаться в благоденствии (порядке); укладывать родителей [в постель на ночь]; желать спокойной ночи; 4) 晨省 (신성) – приветствовать с добрым утром, справляться по утрам о самочувствии.

В XXI веке корейское общество претерпевает значительные изменения. На государственном уровне поступает социальный заказ о создании актуализированного «образа отца – 아버지 – 父», и специалисты по цифровому маркетингу создают контент, который значительно модернизирует и популяризирует

«образ отца – 아버지». Пользователи контента находят увлекательную информацию о роли отцов в корейских семьях, культурных ожиданиях, возлагаемых на них, а также способах выражения семейных отношений языке. Транслируемые популярные телешоу на тему отношений отцов и детей, в котором рассказывается о знаменитых отцах, которые в течение 48 часов заботятся о своих детях без помощи своих жён. Шоу показывает взлёты и падения семейной жизни, а также важность любви и поддержки в преодолении жизненных проблем. Отцов поощряют проводить больше времени со своими детьми, обучать их важным жизненным навыкам. В качестве примера представлены «Знаменитые корейские отцы», оказавшие влияние на социум в Корее. Одним из них является Ли Гон Хи, бывший председатель Samsung Group, известен своим новаторским стилем руководства и приверженностью корпоративной ответственности. Цифровой контент предлагает отцам стать лучшими родителями и лучшими людьми, строя более крепкие и значимые отношения с детьми и друг с другом. И тогда, богатое мировое культурное наследие предоставит отцам уникальные перспективы. Для нашей дальнейшей работы, мы обратились к поиску лексемы «отец – 아버지». Мы проанализировали эссе трёх авторов: Ким Ён Тэка «Сердце сына, сердце отца. 아들 마음, 아버지 마음», Пак Сок Хёна «Время сына и отца. 아들과 아버지의 시간», У Иль Муна «Тривиальная история. Отец. 시시한 역사, 아버지».

1. Ким Ён Тэк 김용택

«Сердце сына, сердце отца» – это сборник, в котором собрано 50 писем, отправленных отцом своему сыну-школьнику с 2002 по 2005 год. Откуда берутся заботы, тревоги, беспокойства и боль всех родителей на земле? Автор даёт чёткий ответ. Все родители надеются, что их дети пойдут в лучший университет. Они должны быть первыми. Однако не все дети могут быть первыми, и не все из них могут поступить в лучший университет [김용택, 2021]. Проблема в том, что каждый стремится быть «первым» и «первоклассным». Один из персонажей книги, профессор, раскритиковал первокурсность в своей лекции первокурсникам и сказал: «Надейтесь быть единственными, а не лучшими». Автор в своём эссе спрашивает об истинном значении образования и духовного роста у родителей и детей. Он задает вопросы: Что такое истинное обучение? Какова ценность жизни?

2. Пак Сок Хён 박석현

«Время сына и отца» – книга, в которой отец хотел поделиться с читателями своими впечатлениями и мыслями, полученными во время путешествия вместе с сыном. Я надеюсь, что смогу испытать новый опыт через различные

путешествия, представленные в этой книге, и верю, что эта книга – «комфортный друг», который поможет мне по-новому планировать свою оставшуюся жизнь [박석현, 2020]. Отец и сын – друзья, родители и дети, которые живут долго. Автор старается представить сына иногда отцом, иногда хорошим другом, раскрывает воспоминания отца во время путешествия, которое они никогда не забудут в далёком будущем. Время путешествия, которое дети и отцы могут проводить вместе, короче, чем они думали. Автор приглашает отцов в поездку с детьми, чтобы они осознали мудрость жизни, которую узнают в особенное время – время путешествия, которое содержит особый момент, оставляет «духовное наследие», а не «материальное». Это путешествие, которое находит смысл жизни в течении времени, проведённого с родными людьми.

3. У Иль Мун 우일문

«Тривиальная история. Отец» – как следует из названия книги, это история сына о своём отце, который не шёл в ногу со временем, и о сыне, который не ладил со своим отцом, но и не знал всей правды о нём. Автор считал жизнь своего отца скучной. За месяц до смерти отца, сын наконец, узнал об истории своей семьи. Трагедия отца началась во время Корейской войны (1950 – 1953гг.). Есть бесчисленное множество отцов, переживших тот же трагический опыт, что и мой отец. Однако все молчали и ничего не показывали [우일문, 2019]. Мой отец, жизнь которого в глазах мира является тривиальной историей, заслуживает уважения. Автор может задать массовому читателю вопрос через рассказ. Каким человеком был ваш отец?

Для дальнейшего исследования переходим к рассмотрению образа отца в языковой картине мира русских. Слово «отец» в словаре В. И. Даля имеет 15 значений, что говорит об особой значимости репрезентата для русской ментальности. Во-первых, отец – это тот, у кого есть дети, по-другому, родитель, тятя, тятенька, батюшка, батя, батька, папа, папаша, папенька, папочка, батя. Следующим значением стоит – Бог, Создатель, Творец, Отец небесный. Третье значение сходно со вторым: «Первое лицо или первая ипостась св. Троицы, Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух святой». Кроме того, слово могло пониматься широко, как «родоначальник, предок, прародитель. Далее значение переносится по основной функции, свойственной отцу – заботе о детях – «благодетель, кормилец, покровитель, заступник». Значения, указанные В.И. Далем, связаны с патриотическим пониманием: «отчий, сын отчизны своей, патриот» и «родная земля, отчизна, где, кто, родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле». Интересно устаревшее значение,

совершенно утраченное современным русским языком, «отец у пчеловодов: улей, пень, колода с пчёлами, в которой отроился молодой рой». В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова представлена следующая дефиниция слова «отец»: 1. Мужчина по отношению к своим детям. 2. Люди предшествующих поколений. 3. Люди, облечённые властью. 4. Тот, кто является родоначальником, основоположником чего-нибудь. 5. Человек, по-отечески заботящийся о подчинённых, младших. 6. Обращение к пожилому мужчине или к мужу как к отцу своих детей. 7. Служитель церкви или монах, а также обращение к нему [Ожегов, Шведова, 1997, с. 470].

Экспликация образа отца в языковой картине мира находит своё отражение в эмотивно-оценочном компоненте, синонимических и антонимических отношениях, участии таких образных механизмов как метафора и метонимия [Лопсан, 2018]. Результаты исследования отечественных лингвистов [Васягина, Ельцова, 2020; Гимашева, 2018; Дмитриева, Малахова, Пороль, 2018] позволяют утверждать, что система традиционного воспитания демонстрирует высокий статус отца в семье, подчеркивая его особую роль в деле воспитания детей. Отец задает форму семейному бытию, вписывает его в общественный миропорядок. Семантический компонент концепта «глава семьи» обретает следующие смыслы: «учитель», «воспитатель», «ответственный за других» [Горобец, 2019]. Особенности понимания россиянами дефиниции слова «отец» – это её переход в концепт «отец», в отличие от корейских лингвистов понимания лексемы «отец-아버지». Лексема «отец – 아버지» в корейской языковой картине мира выходит за рамки семейного выражения отношения к отцу, отражает ценности и традиции, сформированные корейским обществом на протяжении столетий, подчеркивает иерархию и уважение к старшим, важность дисциплины, упорного труда и эмоциональной поддержки в воспитании детей.

Несмотря на разные по типологии языки – агглютинативный корейский и флективный русский, мы выбрали репрезентаты образа отца, провели сравнительно-сопоставительный анализ, выделили ядро и периферию лексемы «отец», и поместили в таблицу 1.

Вывод: Ядро лексемы «отец – 아버지» указывает на сходные репрезентаты образа в языковых картинах мира. Но социальная идеология Кореи культивирует и репрезентирует патриархальный образ, ориентированной на мужчину (цифровой контент, эссе), и считает, что роль мужчины и отца – нести ответственность за жизнь и безопасность семьи.

Образ отца в языковой картине мира корейцев и русских

Таблица 1

№	Языковая картина мира корейцев	Языковая картина мира русских
п е р и ф е р и я	아버지	Отец
	<p>세상의 모든 부모와 아들딸들에게 전하는 김용택 시인의 메시지. Ким Ён Тэк «Сердце сына, сердце отца».</p> <p>세상 모든 아버지들의 마음은 같다. 세상 모든 아들의 마음은 다르다.</p> <p>Сердца всех отцов в мире одинаковы, но сердца всех сыновей в мире разные.</p>	<p>Мужчина по отношению к своим детям, обращение к пожилому мужчине, отцу своих детей.</p> <p>Предки, основоположник, родоначальник, предшествующее поколение, покровитель.</p>
Я Д Р О	<p>이 책은 그렇게 아들과 아버지가 함께 써내려간 여행의 기록이다. 아들과 아버지는 여행을 통해 서로의 가치관을 공유하고, 삶의 지혜를 나누는 관계가 되어간다.</p> <p>Пак Сок Хён «Время сына и отца».</p> <p>Организируйте поездку с детьми, чтобы они осознали мудрость жизни, которую узнают в особенное время – время путешествия, которое содержит особый момент, оставляет духовное наследие, а не «материальное». Это путешествие, которое находит смысл жизни в течении времени, проведённого с родными людьми.</p>	<p>Благодетель, кормилец, покровитель, заступник.</p> <p>Глава семьи – учитель, воспитатель, ответственный за других.</p> <p>Отец это – надёжность, ответственность, строгость, поддержка, помощь, уважение. Заботливый, ответственный помощник и наставник, который способен не только материально обеспечивать, но и разделить деятельность по уходу за ребенком (равноправие).</p>
	<p style="text-align: center;">문학과 역사 사이</p> <p>이 책은 문학이면서 동시에 한국 현대사로 읽힌다. 전체적으로는 산문이지만 소설 형식을 빌려 아버지의 «시시한 역사»를 썼다.</p> <p>Между литературой и историей</p> <p>У Иль Мун «Тривиальная история. Отец». Семейная история, либо как современная политическая история. Я позаимствовал форму романа и написал «Типичную историю отца».</p>	<p>Руководитель, кто-то стоящий во главе. Тот, кто заботится о ком-то, находящемся в его подчинении, в зависимости от него.</p>
п е р и ф е р и я		

Заключение

В работе предпринята попытка решения аксиологической репрезентации в парадигме межкультурного подхода на примере систематизации и сравнения образа «отца» в русской и корейской языковой картине мира. Проведённый анализ языкового материала, составляющего структуру «образ отца – 아버지», позволяет утверждать о понятии культурного кода. Содержание культурного кода, отражает этнолингвистическую информацию, представленную на материале носителя языка в обеих лингвокультурах. Цель исследования достигнута, задачи решены. Выполненная работа не претендует на исчерпывающее решение проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Васягина Н. Н., Ельцова И. В. Особенности отражения образа отца в современной российской ментальности. Педагогическое образование в России, 2020. № 5. – С. 137–145. DOI: 10.26170/ro20–05–16.

Гимашева Г. М. Лингвокультурный анализ концептов «отец» и «сын» в современном башкирском языкознании. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2018. № 4 (32). – С. 62–67. DOI: 10.29025/2079–6021–2018–4 (32).

Горобец Л. Н. Реализация аксиологического подхода при изучении лексики на основе концептов «мать» и «отец» // Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные аспекты в школьном и вузовском преподавании русского языка. М.: МПГУ, 2019. – С. 109–114.

Дмитриева Н. М., Малахова О. М., Пороль О. А. Работа с ментально значимыми концептами при обучении русскому языку как иностранному. Вестник Оренбургского государственного университета, 2018. № 4 (216). – С. 37–45. DOI: 10.25198/1814–6457–216–37.

Желнина Е. В., Добрынина А. В. Социальный портрет современного отца. Карельский научный журнал, 2020. Т. 9. № 3(32). – С. 74 – 78. DOI: 10.26140/knz4–2020–0903–0018.

Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира, 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html (дата обращения: 18.03.2024).

Лопсан А. П. Репрезентация образа отца в языковом сознании тувинцев, русских и американцев. Мир Науки, Культуры, Образования, 2018. № 6 (73). – С. 480 – 481.

Лунина А.Д. Социально-психологические особенности образа отца и типы отцовства в культурном и историческом контекстах XX-XXI веков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2021. Т. 10. № 6А. – С. 85 – 94. DOI: 10.34670/AR.2021/14.14.009.

Максимюк Е. В. Особенности референции внутри смежных ассоциативных полей. Языкознание. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2022, № 2 (35). – С. 105–112. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-35-105-112.

Покоякова К.А. Образ родителей в русском и хакасском языковом сознании. Казанская наука, №10, 2019. – С.136–138.

Смирнов Е. С. Субконцепты «отец» и «мать» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья. Филология и человек, 2022. № 1. –С. 7–20. DOI 10.14258/filichel (2022)1–01.

Цыденова Д. С. Плотникова А. В. Тема сыновней почтительности в четырехсложных идиомах корейского языка. Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура, 2016. Вып. 3. – С.22–26.

Источники примеров

1. 김용택. 아들 마음, 아버지 마음. Ким Йонг Тхэк. Сердце сына, сердце отца. Сеул: Изд-во Маымсанчэк, 2021. URL: <https://www.jjan.kr/article/20050314147188> (дата обращения: 28.03.2024).
2. 박석현. 아들과 아버지의 시간. Пак Сок Хён. Время сына и отца. Сеул: Изд-во Байбукс, 2020. URL: <https://search.shopping.naver.com/book/catalog/32488236634?cat> (дата обращения: 28.03.2024).
3. 우일문. 시시한 역사, 아버지. У Иль Мун. Тривиальная история. Отец. Пхачжу: Изд-во Юричхан, 2019. URL: https://www.aladin.co.kr/shop/wproduct.aspx?ISBN=8997918273&start=rnaver_02 (дата обращения: 28.03.2024).

Nee, Zh. V.

Vladivostok State University

REPRESENTATION OF THE FATHER'S IMAGE IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW OF KOREANS AND RUSSIANS

The geographical and geopolitical position of Russia determines the relevance of modern language education in the Far Eastern Federal Region. The Russian Far East has strong historical, culture and economic ties with the Pacific Rim countries (APR). The status and role of a specialist of Intercultural communication, as a professional, are determined by the linguistic and cultural training, studying the linguistic worldview of business communication partners. The article re-searches the representation of image of a Father in the Korean and Russian linguistic worldview. The ideas embodied in the definitions of the lexeme “Father- 아버지” in Russian and Korean linguistic cultures are analyzed.

Linguistic culture, linguistic contactology, representation, image of a Father, linguistic worldview

УДК 81-119

С. К. Осипов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ORCID 0009-0009-4218-004X

osipov_s_k@yahoo.com

ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ПЕРЕДАЧА ЭЛЕМЕНТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается интерлингвокультурология – учение, рассматривающее лексические единицы как концепты земной цивилизации и выделяющие ксенонимы – лексемы, которые передают наименования элементов иноязычной культуры. В работе анализируется передача лексических единиц, связанных с русской культурой, в работах англоязычных авторов научной литературы: Николаса Ржевского, Орландо Файджеса и других. Основными способами образования выявленной культурно-маркированной лексики являются транскрипция/транслитерация и калькирование, которые используются для перевода антропонимов, топонимов и названий произведений искусства.

Интерлингвокультурология, ксеноним, культуроним, культурные заимствования, англоязычное описание русской культуры

Интерлингвокультурология – это лингвистическое направление, разработанное отечественным исследователем В. В. Кабакчи (род. 1937). Согласно этому учению, лексемы воспринимаются как культуронимы, передающие концепты земной цивилизации. Их можно разделить на полионимы (которые отображают элементы окружающего мира, присущие повсеместно) и идиокультуронимы (свойственные определённой культуре). Ко второй категории относятся идионимы и ксенонимы. Они противопоставлены друг другу: «идионимы – исходные, «свои», наименования специфических элементов внутренних культур <...> ксенонимы – иноязычные, «чужие» идиокультуронимы, переводные варианты идионимов» [Кабакчи, Прошина, 2021].

Основополагающей работой интерлингвокультурологии можно считать диссертацию В. В. Кабакчи «Внешнекультурная коммуникация (проблема номинации на материале англоязычного описания советской культуры)», в которой отображены многие ключевые аспекты направления. Так, например, в ней указаны основные способы передачи культурных концептов: «Чаще всего, в особенности в прошлом, применялась и применяется и сейчас практическая транскрипция, приблизительный способ латинизации русизмов, в основе которого лежит «здравый смысл» и который порождает множество вариантов:

ЩИ – SHCHI/SHCHEE/SHTSCHI/SCHTSCHI...» [Кабакчи, 1987]. На данный момент, транскрипция остаётся одним из наиболее распространённых способов передачи культурных концептов, наряду с транслитерацией. В то же время, нельзя с уверенностью говорить о том, что эти два метода являются универсальными и единственно верными. Так, М. С. Дорофеева отмечает следующий недостаток: «Типичной проблемой буквенного написания ксенонимов-русизмов является вопрос о транслитерации таких букв, как «ч», «ц», «щ», «ш», «ж», «ы» <...> [Ассимиляция подобных ксенонимов] приводит к сохранению примерно схожей звукоформы, но изменению формы его написания...» [Дорофеева, 2020]. Среди возможных альтернатив предлагаются калька, описательный перевод, а также уподобляющий перевод или поиск аналога в иностранном языке.

Однако, в определенных ситуациях лингвисты выделяют гибридный метод, в котором сочетаются элементы калькирования и транскрипции/транслитерации. Такой способ можно применять при переводе урбанонимов – элементов городской среды (т.е. улиц, проспектов, площадей и т.д.). Однако и подобные гибридные ксенонимы не являются всеобщее принятыми. Н. К. Генидзе отмечает, что «на одной и той же станции [петербургского метро] на соседних указателях встречаются *Zagorodny avenue* и *Zagorodny prospekt...*» [Генидзе, 2018].

Рассмотрим передачу культурных концептов на примере книги *An Anthology of Russian Literature: Introduction to a Culture*, составленной под редакцией Николаса Ржевского. В статьях антологии, автор описывает ключевые события и памятники литературы различных эпох: с Древней Руси до советского периода. В них упоминается большое количество ксенонимов, которые можно разделить на такие категории, как: «Правители», «Деятели искусства», «Названия произведений», «Географические названия» и многие другие. В главе I (“Cultural Beginnings”), посвящённой древнерусской литературе, автор описывает события вокруг «Слова о полку Игореве» и оперы «Князь Игорь»: “In 1185, the armed forces of *Igor, prince of Novgorod-Seversk* and son of *Prince Sviatoslav of Chernigov*, were defeated by Polovstian (Kuman) nomads... <...> Work began in 1869 but was completed after *Borodin’s* death in 1887, when a member of the “*Mighty Group*”, *Nikolai Rimsky-Korsakov*, and the young composer *Alexander Glazunov* finished the necessary orchestrations...” [Rhevsky, 1996, с. 3]. При анализе выделенных лексических единиц можно выявить следующие особенности (таб. 1):

Таблица 1 — Классификация ксенонимов в книге Н. Ржевского

Ксеноним	Категория	Метод передачи
Igor	Правители	Транскрипция/транслитерация
prince	Правители	Аналог в английском языке
Novgorod-Seversk	Географическое название	Транскрипция/транслитерация
Prince Sviatoslav of Chernigov	Правители	Калька
Borodin	Деятели искусства	Транскрипция/транслитерация
Mighty Group	Деятели искусства	Калька
Nikolai Rimsky-Korsakov	Деятели искусства	Транскрипция/транслитерация
Alexander Glazunov	Деятели искусства	Транскрипция/транслитерация

Отметим, что при передаче антропонимов, или имён собственных, Н. Ржевский использует транскрипцию/транслитерацию. Это решение можно связать с решением наиболее точно передать произношение этих лексем. В то же время, названия автор калькирует — опера «Князь Игорь» переведена как Prince Igor, «Могучую кучку» — Mighty Group. Стоит отметить, что «Слово о полку Игореве» передано как Tale of Igor, что можно отнести к описательному переводу, который не соотносится с более частотным вариантом The Tale of Igor's Campaign.

Примечательно, что «Задонщина» — памятник древнерусской литературы, написанный в конце XIV – начале XV веков, передается особенным образом. Автор использует транскрипцию/транслитерацию и дает калькированный перевод в скобках, после чего также приводится оригинальное заглавие (Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича), также переданное калькой: “The text was followed in the fifteenth century by the better-known *Zadonshchina* (Beyond the Don), or *The Tale of the Great Prince Dmitry, Son of Ivan, and His Brother Vladimir, Son of Andrei...*” [Rzhevsky, 1996, с. 6].

Под редакцией Николаса Ржевского также вышла монография “The Cambridge companion to modern Russian culture”. В каждой из глав приглашенные ученые рассматривают различные аспекты русской культуры (на момент 2001 года, когда книга была издана). В разделе, посвященном литературе, Давид Бетеа, профессор кафедры славянских языков и литературы Университета Висконсин-Мэдисон (США), использует культуронимы, обозначающие писателей, названия произведений и персонажей. Иногда встречаются и

другие ключевые ксенонимы для русской истории, для которых даются пояснения: “Likewise, the reason the *iurodivyi* (holy fool, fool-in-Christ) is such a potent figure in Russian literature, from Aleksandr Pushkin’s character who says to the tsar what no one else dares (*Boris Godunov*) to Yuri Olesha’s Ivan Babichev who tells campy versions of Gospel parables to the drunks and outcasts of Soviet society (*Envy*), is because he captures in one person, with great economy and expressive force, this principle of iconic liminality...” [Rzhevsky, 2001, с. 165]. Стоит отметить, что в вышеописанных трудах намеренно применяется транслитерация, а не транскрипция, о чём указывается в отдельном пункте [Rzhevsky, 2001].

Экспертом по русской культуре и истории также можно назвать британского ученого Орландо Файджеса. В его книге “*Natasha’s Dance: A Cultural History of Russia*” можно выделить большое количество ксенонимов. Рассмотрим следующий отрывок, в котором О. Файджес описывает, как Петербург отображался в литературе: “It was home to the lonely haunted figures who inhabit Gogol’s *Tales of Petersburg* (1835); to fantasists and murderers like Raskolnikov in Dostoevsky’s novel *Crime and Punishment* (1866). The vision of an all-destroying flood became a constant theme in the city’s tales of doom, from Pushkin’s *Bronze Horseman* to Bely’s *Petersburg* (1913–14) ...” [Figs 2003, с. 6]. Британский специалист по русской истории использует транскрипцию/транслитерацию для передачи антропонимов (Gogol, Raskolnikov, Dostoevsky, Pushkin, Bely) и кальку – для названия литературных произведений (*Tales of Petersburg, Crime and Punishment, Bronze Horseman, Petersburg*). Отдельно отметим выбор курсива для указания названий произведений искусства — приём, который используется многими англоязычными авторами.

Другой труд О. Файджеса, “*A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*”, начинается с глоссария, в котором указаны лексемы, связанные с историей России указанного периода (таб. 2):

Таблица 2 — ФрAGMENT из глоссария О. Файджеса

Ксеноним	Определение
ataman	Cossack cheftain
Kadets	Constitutional Democratic Party
NEP	New Economic Policy (1921–9)
<i>sovkhos</i>	Soviet farm
<i>volia</i>	freedom; autonomy

Как можно отметить, автор продолжает тенденцию использования калькирования и транскрипции/транслитерации для передачи культурно-маркированной лексики. Некоторые определения являются более подробными, чем

вышеуказанные. Например, термин *Cheka* описывается следующим образом: “Soviet secret police 1917–22 (later transformed into the OGPU, the NKVD, and the KGB); the Cheka’s full title was the All-Russian Extraordinary Commission for Struggle against Counter-Revolution and Sabotage” [Figs 1997, с. хxi]. Примечательно, что аббревиатуры зачастую передаются точно несмотря на то, что в переводе происходит несоответствие между сокращением и полной формой (случай с *NEP* и *New Economic Policy* можно считать одним из немногих исключений).

Иными словами, интерлингвокультурология является актуальным лингвистическим направлением, которое позволяет рассмотреть передачу культурно-маркированных лексических единиц как в родном, так и в иностранном языках. На примере произведений, описывающих русскую культуру на английском языке, можно утверждать, что чаще всего авторы применяют транскрипцию/транслитерацию и калькирование для образования ксенонимов.

ЛИТЕРАТУРА

- Генидзе Н. К. Где выход на Ленинский авеню: переводить или не переводить указатели в метро? / Н. К. Генидзе // Лингвистика в эпоху глобанглизации: сборник статей к юбилею Виктора Владимировича Кабакчи / под редакцией Е.В. Белоглазовой. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 27–39.
- Дорофеева М. С. Русизмы-ксенонимы в английском языке // Современные научные исследования: сб. науч. тр. по материалам XX Междунар. науч.-практ. конф. (г.-к. Анапа, 15 мая 2020 г.): электрон. сб. Анапа, 2020. – С. 64–67.
- Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*, 2021. Т. 25. № 1. – С. 165–193.
- Кабакчи В. В. Внешнекультурная коммуникация (проблема номинации на материале англоязычного описания советской культуры) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кабакчи Виктор Владимирович ; Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени А. А. Жданова. Ленинград, 1987. – 31 с.
- An Anthology of Russian Literature: Introduction to a Culture / edited by Nicholas Rzhevsky. Amonk, New York, London: M.E. Sharpe. 1996. – 587p.
- Figs O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924 – London: Pimlico, 1997.
- Figs O. Natasha’s Dance: A Cultural History of Russia. London: Penguin Books, 2003.
- The Cambridge Companion to Modern Russian Culture / edited by Nicholas Rzhevsky. Cambridge University Press. 2001. – 372 p.

Osipov, S. K.

Saint Petersburg State University of Economics (UNECON)

**THE INTERLINGUOCULTUROLOGY AND THE INTERPRETATION
OF ELEMENTS OF THE RUSSIAN CULTURE
IN ENGLISH-LANGUAGE TEXTS**

The article examines interlinguoculturology, a branch of linguistics that considers lexical units as concepts of earthly civilization and identifies xenonyms – lexemes that convey the names of elements of foreign culture. The paper analyzes the transfer of lexical units related to Russian culture in the works of English-speaking authors of scientific literature: Nicholas Rzhevsky, Orlando Figes and others. The main ways of forming the identified culturally marked vocabulary are transcription/transliteration and calcification, which are used to translate anthroponyms, toponyms and names of works of art.

Interlinguoculturology, xenonym, culturonym, cultural borrowings, English-language description of Russian culture

УДК 811.511.132

К. В. Попова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

popovakarina071@gmail.com

**РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СССР
НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ КОМИ ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются трансформации в национально-языковой политике в СССР по отношению к национальной культуре и языкам коренных народов на основе истории Коми АССР. Изучается влияние политики «коренизации» в регионе, анализируются изменения в количестве носителей языка, развитии литературного языка и национальных школ.

Коми язык, национальная политика, языковая ситуация, СССР, Коми АССР, зырянизация

В условиях трансформации современного российского общества язык приобретает значение важнейшего социально-политического компонента. Научная общественность серьезно обеспокоена тем, что нарастают тенденции постепенного исчезновения отдельных языков. Сегодня во многих субъектах Российской Федерации ставится вопрос об эффективности реализуемой

государственной языковой политики. В данных условиях большую актуальность приобретает анализ опыта прошлого, который позволяет с учетом ошибок, наметить новые подходы и перспективы.

На протяжении истории России положение и статус языков коренных народов всегда имели разные общественно-правовые основания. Исторически сложилось, что государственную поддержку получал русский язык, а отношение к языкам других этносов многонациональной страны складывалось совершенно разным образом [Цыпанов, 2017]. Усиление русификаторских тенденций особенно отмечалось на рубеже XIX – XX столетий.

Территория Коми края в кон. XIX – нач. XX вв. (с 1921 г. – Автономная область Коми (Зырян), с 1936 г. – Коми АССР, с 1993 г. – Республика Коми) являлась одной из малонаселенных на Европейском Севере страны. В 1917 – 1918 гг. численность населения составляла примерно 214 тыс. жителей, из них около 21 тыс. – русские, остальные – коми. В предреволюционные годы в Коми крае наблюдался культурный подъем. Выходцы из Коми края К.Ф. Жаков, П.А. Сорокин, В.П. Налимов и др. занимались изучением истории и культуры коми народа. В своей политической деятельности многие представители национальной коми интеллигенции (поэты, переводчики, писатели) присоединялись к Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), поддерживающих право наций на самоопределение [История Коми с древнейших времен..., 2004, с. 148 – 157].

Один из первых декретов советской власти «Декларация прав народов России» в 1917 г. провозгласил принцип национальной политики – равноправие всех наций. Ряд законодательных актов 1918–1919 гг. утверждал возможность употребления местных языков в суде и в школе. В 1920-е гг. вопросы обучения двуязычию рассматривались как условие всеобщего образования детей всех национальностей и ликвидации неграмотности населения и далее – как фактор формирования «единого советского народа».

В первые годы советской власти было положено начало созданию коми национальной школы. До 1917 г. народ коми даже не имел единого постоянного алфавита, так как районы области были территориально разобщены, отдельные районы употребляли разные диалекты. Национальная школа была также развита слабо ввиду отсутствия квалифицированных кадров и учебной литературы на коми языке. В августе 1918 г. на Всезырянском педагогическом съезде в с. Усть-Вымь, организованном Яренским УОНО, было принято решение о преподавании в национальных школах первой ступени на родном языке, в школах второй ступени – на русском, а коми язык было предложено изучать в качестве предмета. Одновременно с этим шло формирование литературного

коми языка. Созданный в 1918 г. В. А. Молодцовым коми алфавит и активная деятельность Комиссии по подготовке учебников и учебных пособий на национальном языке способствовали становлению коми национальной школы [Молодцов, 1921].

Создание в 1921 г. Автономной области Коми (Зырян) ускорило процесс развития коми языка и образовательной сферы в регионе. Задачи государственного строительства по развитию Автономии оказались неразрывно связаны с решением национального вопроса. Одним из ключевых направлений национальной политики в РСФСР в 1920-е гг. являлась провозглашенная политика «коренизации», которая подразумевала выдвижение местных квалифицированных кадров, внедрение языка национальных меньшинств в делопроизводство и образование. В рамках данного направления основной задачей национальной политики в Автономной области Коми стало широкое применение коми языка в общественной жизни [Инструкция по введению коми языка..., 1924]. Реализуемая политика, применительно к Коми АО, получила название «зырянизация». В 1924 г. IV съездом Советов Коми АО коми язык был объявлен государственным, наравне с русским. Уже в 1925 г. в Коми имелось 203 коми, 54 русско-коми и 14 русских школ [Отчет Коми облисполкома..., 1925, с. 174–176].

В течение 1920-х–нач. 1930-х гг. в Коми АО–Коми АССР была создана база подготовки квалифицированных педагогических кадров для национальной школы. Открыто три педучилища, Учительский двухгодичный институт и Коми государственный педагогический институт (1931 г.). В учебных заведениях работали известные деятели культуры – В. А. Молодцов, В.И. Лыткин, А.С. Сидоров, А.А. Чеусов и др. Более чем в 90 % начальных школ обучение шло на коми языке. Особое внимание уделялось на знание коми языка студентами. Например, доля поступающих в педтехникум повышенного типа без знания коми языка не могла превышать 4 % [Бараксанов, 1989]. Так, за этот период была создана коми национальная школа, национальная литература, появились переводы классики русской литературы на коми язык. В этот период был открыт первый национальный театр (в 1921 г. основан «Сыкомтевчук» – театральное объединение, руководителем и режиссером которого стал В. А. Савин). Начали издаваться газеты и другие печатные издания («Коми му», «Зырянская жизнь», «Югид туй»), официальная документация на коми языке.

Положительные тенденции развития коми языка в этот период сопровождались и нарастанием негативных процессов. Мероприятия по «зырянизации» постепенно сворачивались, начался откат коми языка на прежние позиции. Еще

в 1929 г. на лингвистической конференции Автономной области Коми была признана необходимость перехода коми языка на латинский алфавит, обусловленного всесоюзной идеей о переходе на общенародный язык в связи со скорой победой мировой революции. Бюро Коми ОК ВКП (б) признало «молодцовский» алфавит узконационалистическим и отменило его использование. Принятая в 1937 г. чрезвычайным XI съездом Советов Коми АССР Конституция не упоминала о государственных языках. Таким образом, официальный государственный статус коми языка закреплен не был [Твои конституции, республика, 2004, с. 5 – 32].

Кроме этого, 1930-е гг. стали периодом индустриализации в СССР. Территория Коми АССР являлась объектом крупного индустриального строительства. Данное время характеризовалось массовыми миграционными потоками: представители коми уезжали на строительство новых предприятий в другие регионы, в республику приезжали представители других народов возводить объекты промышленной инфраструктуры. В результате начала меняться демографическая ситуация в Коми АССР – коренное население постепенно уменьшалось (если в 1926 г. – численность коми составляли 92,2 % населения, то к концу советского периода в 1989 г. – 23 %). Развитие промышленной деятельности и освоение природных ресурсов Коми вызвало появление новых городов. Урбанизация привела к увеличению доли городского населения (с 1939 по 1959 гг. доля горожан возросла с 9 % до 59 %), большую часть которого составляли носители русского языка [История Коми с древнейших времен..., 2004, с. 529 – 531].

В послевоенные годы перед Министерством просвещения Коми АССР остро стояла задача укрепления кадрами действующих школ. Обучения более половины школ оставались коми язычными, хотя доля смешанных школ постепенно шла на увеличение. В таких школах обучение проводилось на русском языке, а коми язык и литература оставались отдельными предметами. В 1950-е годы проводилось восстановление довоенного уровня начального обучения, введение восьмилетнего обучения и среднего образования. Тем не менее, в этот период стали заметны проблемы с использованием родного языка в коми национальных школах. С принятием в 1958 г. закона Верховного Совета СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» на всей территории государства были введены школы с образованием на русском языке. Постановление Верховного Совета Коми АССР в 1959 г. имело губительное влияние на распространение национального языка, оно фактически провозгласило отказ от коми как от языка обучения и предмета изучения. Число обучающихся на Коми

постепенно сокращалось, так как в русских школах дети не обучались на родном языке и не изучали его как отдельный предмет. В республике начало расти целое поколение коми, отчужденного от своего языка и культуры.

После принятия постановления Совета Министров СССР 1961 г. «Об улучшении изучения иностранных языков» и аналогичного постановления Верховного Совета Коми АССР в 1960-х гг. сократилась сеть коми национальных школ и число обучающихся в них. Если в 1958–1959 гг. в республике в 370 коми школах обучались 22707 учащихся (27 %), то в 1956–1966 годах количество школ уменьшилось до 144, а в них обучались лишь 13387 учащихся (8 %). В некоторых сельских школах сохранилось преподавание на родном языке, впоследствии именно такие учреждения стали называть «национальными» школами.

Только в конце 1980-х годов с началом перестройки и гласности вопрос о положении национальных языков стал предметом обсуждения и внимания общественности. 29 августа 1990 г. была принята «Декларация о государственном суверенитете Коми Советской Социалистической Республики», в которой официально наряду с русским был закреплен статус коми языка как государственного. Первый съезд народа коми, состоявшийся в 1991 г. в Сыктывкаре, выработал решение о необходимости признания языка коми государственным языком наряду с русским и положил начало национальному движению в регионе [Канева, 2014].

Подводя итог, подчеркнем, что в настоящее время языковая ситуация в Республике Коми характеризуется низким уровнем функционирования коми языка практически во всех жизненно важных социальных сферах, что не может не вызывать тревогу за его будущее. Данные исторический экскурс дает понимание, что прогресс и успехи, достигнутые в 1920–1930-х гг. в развитии коми языка были упущены в последующие периоды истории, что заложило современные тенденции и проблемы его развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Бараксанов Г.Г. Строительство коми литературного языка (20–30-е годы) // Из истории национального государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989.
- Инструкция по введению коми языка в государственные учреждения, предприятия и организации автономной области Коми. Усть-Сысольск, 1924.
- История Коми с древнейших времен до конца XX век. Т. 2. Сыктывкар, Коми книжное издательство, 2004.

Канева А.М. Опыт суверенизации в Республике коми в первой половине 90-х годов: экономический, политический, правовой и культурные аспекты // Человек. Культура. Образование. 2014. № 3. С. 66–81.

Лудыкова В.М. Литературный коми язык: история и современное состояние (социолингвистический аспект). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.

Молодцов В.А. Грамматика языка Коми. Усть – Сысольск: Коми книга, 1921.

Отчет Коми облисполкома Совета за 1924–1925 гг. Усть-Сысольск, 1925.

Твои конституции, республика. Сборник текстов Конституций Коми АССР и Республики Коми (1997–2003). Сыктывкар: Государственный Совет Республики Коми, 2004.

Цыпанов Е.А. Опыт периодизации национально-языковой политики в Республике Коми // *Finno-Ugric World*. 2017. № 1 С. 17 – 23.

Popova, K.V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

NATIONAL LANGUAGE POLICY IMPLEMENTATION IN USSR ON THE EXAMPLE OF THE DEVELOPMENT OF KOMI LANGUAGE

This article looks through the transformations in national language policy of the Soviet Union considering the national culture and the languages of indigenous people based on the history of Komi ASSR. The ‘indigenization’ policy is being studied, shifts in the number of native speakers, the development of the standard language and the expansion of national schools are being analyzed.

Komi language, national policy, language situation, USSR, Komi ASSR, zyranization

УДК 800.92

О. А. Преображенская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

mminsh@yandex.ru

О СОЗДАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕРМИНА ORDINATEUR

Излагается история возникновения основополагающего термина информатики путем метафоризации. Рассматриваются причины имплицитного и эксплицитного обозначения денотата в французском и английском языках.

Терминология информатики, языковая политика, возможности конструирования профессиональной лексики, прогностический характер термина

В силу ряда общеизвестных экстралингвистических факторов влияние английского языка на национальную терминологию информатики несомненно. Обычно проблема решается с помощью материальных заимствований. Так, национальный термин «электронно-вычислительная машина (ЭВМ)» в настоящее время представляет собой архаизм, его полностью вытеснил английский вариант. Особое место в этой ситуации занимает Франция, где создание терминов ряда областей науки техники и других социально значимых сфер деятельности регулируется и жестко регламентируется государственной программой языкового планирования. Франция традиционно придерживалась традиций пуризма уже на ранних этапах становления национального языка и ее «борьба» с главным «врагом» – англицизмами – продолжается.

В терминоведении в настоящее время сложились определенные требования к профессиональной лексике внутри терминологического поля: системность, наличие дефиниции, моносемия, отсутствие коннотаций (стилистических, эмоциональных). При «франсизации» иностранного термина первоочередной задачей является адекватная передача концептуального значения соответствующего денотата, иначе утрачивается коммуникативная функция в профессиональной среде.

В американском варианте на раннем этапе создания ЭВМ (середина XX в.) конкурируют два термина: 1) *computer* (1933) – первоначально лицо, производящее вычисления в обсерватории (затем метонимический перенос номинации на устройство); 2) аббревиатура *EPDM* (*Electronic Data Processing Machine*). Первый вариант стал интернациональным, вытеснив второй термин (несмотря на его акронимический характер, оптимальный с точки зрения коммуникации).

Традиционно принято считать французский язык абстрактным. Существует два мнения по поводу данного понятия. Первое заключается в отражении так называемого французского духа, склонного к обобщению, то есть обозначению имплицитно тех денотатов, которые в других языках получают эксплицитную интерпретацию. Другой подход трактует абстрактность французского языка как следствие недостаточности средств словообразования, вследствие чего возникает стремление употреблять слова общего значения там, где можно было бы воспользоваться более узким конкретным значением [Гак, 1966, с.81].

При создании идентичного французского термина существовало три пути.

1. Сохранение в виде материального заимствования номинации *computer* или калькирование многокомпонентного английского термина. И французский, и английский глаголы восходят к латинской основе *compt-*. Последняя в

сочетании с агентивным суффиксом дает ряд технических терминов, например, для номинации электромеханических и механических счетно-решающих устройств (арифмометров), которые предшествовали современным компьютерам.

2. К середине XX в. (времени появления компьютера) во французском языке существовали термины *calculateur* (-trice). Их появление датируется 1546 г. и относится исключительно к личности, «которая умеет считать, и способна предвидеть результаты различных комбинаций (планов и проектов)». Последнее замечание перекликается с семантикой «итогового» термина, имплицитно включающего в себя возможности созданного через несколько веков компьютера. Вторая пара лексем, имеющих идентичный экспонент, датируется 1859 г. и относится к техническим терминам, возникшим в результате метафорического переноса. Возможно, путем расширения семантики рассмотренные номинации могли бы стать терминами, но дочерняя фирма IBM France отказалась от уже существующего второго варианта как обладающего лишь семей «счет». В этом проявился элемент научного предвидения, поскольку на первых этапах создания компьютеру отводилась лишь роль «сверхбыстрой алгоритмической линейки».

3. Третья возможность – создание нового термина на национальной основе [Marcellesi, 1973]. Представители фирмы обратились к профессору Парижского университета Жаку Перре с просьбой оказать помощь в создании национального термина. Он предложил заимствовать название вычислительной машины из весьма далекой области – лексического поля теологии. Новый термин был взят из текста молитвы “Dieu, Grand Ordinateur du Monde”. Весьма оригинальное решение оценили положительно, и номинация была зарегистрирована 12 августа 1976 г. в *Journal officiel* N 262. Термин полностью вытеснил английский коррелят во всех государственных изданиях, а уже в 1986 г. последний считался архаизмом не в силу утраты социальной значимости денотата, а вследствие возникновения национального термина [Koechin, 1988].

Исключительно важным качеством нового термина оказалась его прогностическая специфика. В 60-х годах XX в. представление об «интеллектуальных» возможностях компьютера только зарождалось. Оказалось, что эти машины могут быть использованы для решения разнообразных логических задач. Во многих случаях им можно передать некоторые функции умственного труда человека. [Соболев, 1959, с. 268]. Метафора оказалась удачным приемом создания нового термина, поскольку современный мир невозможно представить без компьютера.

При создании нового термина выбраны отличные от английского прототипа признаки номинации. Если английский термин несет в своей внутренней форме представление только о счете и деятеле, то французская лексема заключает в себе понятие об организации, порядке в самом широком значении этого слова, о «носителе высшего разума» [Гак, 1966, с. 81]. Фоновые знания носителя французского языка на ранних этапах существования термина, по-видимому, идентифицировали ныне стертую мотивировку слова, его эмоциональную окраску.

Следует добавить, что франсизация ряда английских терминов информатики реализовывалась успешно, учитывая характер заимствующего языка как абстрактного. К подобным терминам относятся *software – logiciel, hardware – materiel*. Создание данных идиоэтнических терминов расценивается как удачное решение проблемы «невозможных адаптаций» [Cellard, 1985, с. 64].

ЛИТЕРАТУРА

- Гак В. Г. Беседы о французском слове. М, 1966.
Соболев С. Л. и др. Кибернетика и естествознание. М, 1959.
Cellard J. Histoire de mots. Paris, 1985.
Journal officiel N 262.
Koechin. J. R. Le francais', l'anglais, l'ordinateur.et les gents. Paris, 1988.
Marcellesi Ch. Les vocabulaires techniques et scientifiques In, Langue francaise 1973, N 17.

Preobrazhenskaya, O. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

ABOUT THE CREATION OF THE FRENCH TERM “ORDINATEUR”

The history of the emergence of the fundamental term of computer science through metaphorization is presented. The reasons for the implicit and explicit denotation of the denotation in French and English are considered.

Terminology of computer science, language policy, the possibilities of constructing professional vocabulary, the prognostic nature of the term

УДК 81`42

Е. С. Скребнев

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009–0006–8915–8796

esskrebnev@stud.etu.ru

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В докладе рассматривается явление языка вражды. Анализируется его реализация в современной интернет-коммуникации на основе материала с русскоязычного имиджборда «Двач». Рассматриваются комментарии к обсуждениям, связанными с представителями феминистического движения и женщинами. Примеры приводятся в соответствии с классификацией «мягкого», «среднего» и «жесткого» языков вражды.

Язык вражды, интернет-коммуникация, имиджборды, феминизм

Пословица “*Homo homini lupus est*” гласит, что человек человеку волк. Суть пословицы можно трактовать по-разному, в том числе закладывая в ее значение ненависть одного человека к другому. В какой-то степени переживание ненависти свойственно почти каждому человеку. В связи с этим на протяжении долгого времени ненависть является объектом изучения исследователей разных областей. Особенно животрепещущей темой в контексте рассмотрения феномена ненависти является так называемый “*Hate speech*”, который переводят как «язык вражды» или «язык ненависти». В настоящее время проблема языка вражды стоит особенно остро, потому что, с одной стороны, он может нарушать не только моральные законы, но и законодательство разных стран, а с другой, этому понятию не хватает четкости и прозрачности. В связи с этим продолжаются дебаты о том, что делать с проявлением языка вражды: уголовно преследовать или считать это проявлением свободы слова.

Актуальность данного исследования связана с фактом того, что феномен языка вражды широко изучается такими дисциплинами как социальная психология, социология, политика и право, но в контексте лингвистики часто обходится стороной, хотя именно лингвистический понятийный аппарат может дать более четкое понимание лексических, прагматических, дискурсивных и даже грамматических особенностей выражения языка вражды. Можно задать вопросом, почему лингвистика стоит не в авангарде изучения языка вражды, если главным и очевидным его проявлением является высказывание

(*speech*). Это может быть связано с тем, что многие известные лингвистические теории рассматривают язык и коммуникацию как кооперативное действие, участники которого следуют максимам и кодексам. Это привело к тому, что негативные проявления языка, такие как клевета, харассмент и оскорбление находились в стороне от исследовательского фокуса из-за их «аномальности» [Guillén-Nieto, 2023, с. XI].

Что из себя представляет язык вражды? Кембриджский словарь предлагает следующее определение: *public speech that expresses hate or encourages violence towards a person or group based on something such as race, religion, sex, or sexual orientation* «публичные высказывания, выражающие ненависть или поощряющие насилие по отношению к человеку или группе на основании таких факторов, как раса, религия, пол или сексуальная ориентация» (Cambridge Dictionary). В свою очередь ООН определяет данное явление как *any kind of communication in speech, writing or behaviour, that attacks or uses pejorative or discriminatory language with reference to a person or a group on the basis of who they are, in other words, based on their religion, ethnicity, nationality, race, colour, descent, gender or other identity factor* – «любой вид устной, письменной коммуникации и поведения, в рамках которых происходят нападки или используются уничижительные или дискриминационные выражения в отношении человека или группы на основании того, кем они являются, другими словами, на основе их религии, этнической принадлежности, национальности, расы, цвета, происхождения, пола или другого фактора идентичности» (United Nations). Сопоставление этих определений позволяет выделить такие аспекты языка вражды, как вербальный и невербальный канал коммуникации; нацеленность на индивида или на группу людей на основании факторов, с помощью которых происходит идентификация, например, раса, религия, пол, гендер, сексуальная ориентация и т.п.; выражение ненависти или призыв к насилию. Несмотря на схожие моменты, данные определения, с одной стороны, имеют расхождения, а с другой стороны, появляется ряд вопросов. Как определить, является высказывание выражением ненависти? Кто определяет степень оскорбительности тех или иных слов и действий? Является ли выражение дискриминации по отношению к практикующей девиантное поведение группе ненавистью или попытками оградить общество от вреда. На эти и другие вопросы трудно ответить в рамках подобных определений. В связи с этим ученые из разных областей предлагают свои подходы к концептуализации языка вражды.

В исследовании, основанном на анализе юридической практики использования данного термина, Алис Маврик и Росс Миллер выделяют три основных элемента, используемых для определения языка вражды: содержание,

интенция и причиненный ущерб [Marwick, 2014, с. 16–17]. Элемент содержания предполагает использование слов, выражений, изображений, символов или действий, которые могут быть оскорбительными для отдельных лиц, определенных групп или общества в целом. Определение языка ненависти через элемент интенции означает, что говорящий имеет намерение выразить ненависть или нанести вред меньшинству, и его сообщение не несет других значений. Элемент причиненного ущерба может проявляться в субъективном чувстве утраты самоуважения, физическом или психологическом напряжении, унижении и изоляции.

Рассмотрение подходов к дефиниции языка вражды, основанных на каждом из вышеописанных элементов, показывает, что это понятие не может быть определено однозначно. Оно скорее представляет собой многоуровневый концепт с множеством значений, требующих различных подходов для концептуализации [Guillén-Nieto, 2023, с. 564]. Этому мнению придерживается и исследователь Александр Браун, отмечая, что язык ненависти — это термин, который «систематически двусмысленный», то есть несет в себе множественно различных значений [Brown, 2017, с. 564].

В попытках определить границы реализации языка ненависти исследователями были применены и лингвистические теории. Одними из самых продуктивных можно назвать критический дискурс анализ, теорию речевых актов, теорию вежливости. Несмотря на то, что эти подходы позволяют определить выражение языка ненависти на макроуровне, попытаться определить прагматические и иллокутивные аспекты, они не позволяют в полной мере проанализировать высказывание на микроуровне для его последующей классификации. К тому же эти и другие некоторые лингвистические теории рассматривают язык вражды, обращенный к группе или используемый для коммуникации внутри одной группы.

В нашей работе мы решили опробовать российские концепции для анализа языка вражды в современной интернет-коммуникации.

В качестве материала мы использовали комментарии с российского имиджборда под названием Двач. Имиджборд (англ. *imageboard*) представляет собой форум, на котором пользователи общаются текстом с возможностью отправки сообщений. Главной особенностью подобных форумов является анонимность [Ахмадулин, 2018, с. 85]. Эта анонимность в сочетании с отсутствием модерации ресурса привела к тому, что языковые личности на имиджбордах обладают «наиболее сильным конфликтным потенциалом» [Степанова, 2021, с. 51]. Таким образом имиджборды становятся одним из наиболее

репрезентативным источником языкового материала для анализа языка вражды.

Нами были проанализированы комментарии к двум обсуждениям, касающихся тематики феминизма: «Для чего нужен феминизм в России?» и «Аноны, чем плох феминизм?». В качестве обсуждаемых групп были представлены феминистического движения и женщины в общем. В сумме нами были рассмотрены 274 комментария. В качестве инструмента для категоризации мы обратились к классификации языка вражды А. М. Верховского, который подразделяет его на «мягкий», «средний» и «жесткий» [Верховский, 2002, с. 42–43].

Всего под классификацию языка вражды подошел 31 комментарий. К «мягкому» языку вражды можно отнести 27 комментариев:

1) Создание негативного образа группы: *<...> современное фем-сообщество занимается только мужененавистничеством, винит мужиков во всех своих бедах <...>;*

2) Утверждение о моральных недостатках группы: *Феминистка это *** (здесь и далее знаком *** обозначается обценная лексика, прим. автора), понимаешь меня?; Феминизм – это лицемерие <...>;*

3) Упоминание названий группы в уничижительном контексте: *«перестанут считать себя инкубаторами для личинок». И в этом проблема. Ведь они ими являются;*

4) Утверждение о неполноценности группы: *тем, что он женицину — это тупое, безнравственное животное, недостойное жизни, эту макаку, мимикрирующую под человека – ставит наравне с мужчиной <...>.*

К «среднему» языку вражды относятся 5 комментариев:

1) Обвинение в негативном влиянии на общество: *Феминизм нужен, чтобы загнать всех *** низкорослых *** и белых *** в бессрочное рабство или армию <...> ; эти *** пытаются вбрасывать свою феминистическую культуру <...>;*

2) Оправдание случаев дискриминации и насилия: *<...> Сексуализация? Нет никакой сексуализации. Бабы сами выкладывают свои фоточки в нижнем белье и ведут себя как ***, так что претензий к мужскому полу не должно быть вообще. Насилие? Тоже не вина мужиков по большей части, а вина баб.*

Комментариев с «жестким» языком вражды выявлено не было.

Также среди комментариев встречается сравнение с фашизмом и нацизмом. Это выражалось в использовании лексемы «фемофашизм»,

сравнительного оборота «*Потому что феминизм, как и нацизм и прочая <...>*» и замене лексемы «*феминизм*» на «*фашизм*»: «*Аноны, чем плох фашизм? <...>*»

Среди комментариев можно выделить стилистические приемы утрирования «*Тикток и твиттер видел? Их насилуют, каждую вторую, с 8 лет, по 28 часов в сутки. <...>*» и иронии «*новые адепты придут не из реальности из манястатистики "28 изнасилований за сутки. Патриархат действует наверняка"*», который может использоваться для доведения до абсурда проблем, обсуждаемых представителями группы, для их обесценивания.

Для оскорбления представителей феминистического движения и женщин, не упоминая большого количества обценной лексики, использовались такие лексемы, как «*фемка*», «*дуры*», «*животное*», «*сжв-феменистки*», «*бабищи*», «*тпишки*», «*аттенин вхора*», «*феможируха*». Можно отметить, что часть оскорблений является морфологическими новообразованиями с суффиксом «-к-», которые добавляют грамматическую категорию женского рода и семантическое отношение пренебрежительности. Другие изначально несут в себе семантику оскорбления.

В ходе исследования было выявлено, что, несмотря на анонимность и отсутствие модерации на имиджборде, большая часть комментариев склоняется к «мягкому» языку вражды, а не «жесткому», в который входят прямые, непосредственные или завуалированные призывы к насилию или дискриминации. Это может свидетельствовать об агрессивных, но не радикальных взглядах по отношению к представителям феминистического сообщества. Также отметим высокий уровень стереотипизации группы и подчеркивания, что движение направлено не на достижение равноправия, а получение материальных благ и легитимизации девиантного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмадулин В. Р. Имиджборды как средство массовой коммуникации // *Мировая журналистика: единство многообразия*, 2018.
- Верховский А. М. Общий анализ результатов мониторинга // *Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ/Сост. А. М. Верховский. М.: РОО «Центр "Панорама"», 2002.*
- Двач: Аноны, чем плох феминизм? URL: <https://2ch.hk/b/arch/2020-09-27/res/229804268.html> (дата обращения 18.03.2024).
- Двач: Для чего нужен феминизм в России? URL: <https://2ch.hk/b/arch/2021-03-09/res/241892100.html> (дата обращения 18.03.2024).
- Степанова, А. И. Конфликтная языковая личность и ее проявления на разных интернет-ресурсах // *Филология, иностранные языки и медиакommunikации : Материалы симпозиума в рамках XVI (XLVIII) Международной научной конференции студентов,*

аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 01–30 апреля 2021 года / Науч. редактор Ю.В. Подковырин. Том Выпуск 22. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021.

Brown A. What is hate speech? Part 2: Family resemblances //Law and Philosophy, 2017, Т. 36. Cambridge Dictionary: Hate Speech URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hate-speech> (дата обращения 18.03.2024).

Guillén-Nieto V. Hate speech: Linguistic perspectives. De Gruyter, 2023.

Marwick A. E., Miller R. Online harassment, defamation, and hateful speech: A primer of the legal landscape //Fordham Center on Law and Information Policy Report, 2014, №. 2.

United Nations: What is hate speech URL: <https://www.un.org/en/hate-speech/understanding-hate-speech/what-is-hate-speech> (дата обращения 18.03.2024).

Skrebnev, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

HATE SPEECH IN MODERN INTERNET COMMUNICATION

The paper deals with the phenomenon of hate speech. Its implementation in modern Internet communication is analysed on the basis of material from the Russian-language imageboard "Dvach". Comments on discussions related to representatives of the feminist movement and women are examined. Examples are given in accordance with the classification of "soft", "medium" and "hard" hate speech.

Hate speech, internet communication, imageboards, feminism

УДК 81'255.4

А. О. Чутова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0000-6170-2549

nastya.chutova@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА LE CALMANT СЭМЮЭЛЯ БЕККЕТА НА ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследование посвящено средствам художественной выразительности в рассказе Le Calmant ирландского писателя Сэмюэля Беккета. Являясь одним из основателей литературы абсурда, автор обращается к эпанафоре, парцелляции, антитезе для создания образа многослойности повествования, зацикленности, безысходности, смирения, пустоты окружающего мира. Параллельный анализ текста на французском (оригинальный текст) и английском (автоперевод С. Беккета) языках показал практически полное совпадение в использовании стилистических приёмов в двух версиях рассказа.

С. Беккет, литература, стилистические приёмы, абсурд

Использование экспрессивных средств и стилистических приемов языка является необходимым условием для придания эмоциональной окраски высказыванию и для более точной передачи мысли автора. Особое внимание средствам художественной выразительности уделяется при изучении произведений литературы абсурда, так как не только образы, но и сам язык, являясь важным элементом восприятия текста, может служить ограничивающим фактором или же наоборот предоставлять слишком широкий простор для интерпретации. Стилистические приемы играют важную роль в литературе абсурда, поскольку помогают передать чувства и ощущения, невыразимые с помощью нейтрального языка. В литературе абсурда применяется особый стиль написания текста, для которого характерны подчеркнутое отсутствие причинно-следственных связей, гротескная демонстрация нелепости и бессмысленности человеческого бытия, обличение недопонимания между отдельной личностью и обществом. Так, например, ирландский писатель С. Беккет, один из основоположников литературы абсурда, с помощью художественных средств выразительности отчуждает читателя от знакомого и привычного, что помогает создать некоторое ощущение дискомфорта при прочтении текста. Его стилистические эксперименты нередко приводят к созданию новых и неожиданных

смыслов, что позволяет читателю по-новому взглянуть на мир и поставить под сомнение традиционные представления о литературе.

И. Р. Гальперин считает, что стилистический прием — это намеренное усиление определенных характеристик языковых единиц, которые могут быть как нейтральными, так и экспрессивными. Целью такого приема является создание типизации, обобщения. К этим приемам относятся как стилистические фигуры и тропы, так и синтаксические конструкции, которые повышают эмоциональность и экспрессивность текста в результате использования необычных синтаксических приемов [Гальперин, 1958]. Именно синтаксические конструкции, по нашему мнению, влияют на восприятие художественного текста наибольшим образом в литературе абсурда.

О. В. Кравченко, рассматривает порождение лингвистического абсурда, к которому принадлежат работы многих авторов, в том числе и С. Беккета, также с помощью разнообразных синтаксических конструкций, которые представляют собой особый вид языковых аномалий. Лингвистический абсурд рассматривается как часть общекультурного явления абсурда, которое заключается в противоборстве с установившимся способом мышления и расширении человеческого познания [Кравченко, 2009]. Более того, в основе лингвистического абсурда, по мнению ученого, лежит сложный процесс взаимодействия языковых структур и смысла, который возникает в результате семантических и преобразований [Кравченко, 2008]. Помимо семантических преобразований не менее важную роль играют и синтаксические преобразования.

С. Беккет создавал свои произведения на английском и французском языках, и нередко самостоятельно занимался переводом своих произведений, чтобы обеспечить их доступность более широкой аудитории, например, романы *Murphy*, *Malone Dies*, *How it is*, пьесы *En attendant Godot*, *Fin de partie* и сборник рассказов *Nouvelles et textes pour rien* автор пишет сразу на двух языках. Рассказ *Le Calmant* также является примером переводческой деятельности автора, а проведенный нами анализ примеров стилистических приемов, используемых в этом произведении, показывает, что автору удается использовать их и на английском, и на французском языках, сохраняя единую атмосферу художественного повествования.

Нередко в литературе абсурда нестандартные стилистические приёмы и/или нарушение грамматических правил приводят к дезориентации в тексте, что позволяет автору выразить отчужденность и чувство бессмысленности, а иногда высмеять устоявшиеся языковые нормы, чтобы в свою очередь подвергнуть критике существующий порядок вещей и позволить воспринимать текст на совершенно ином уровне. В рассказе *Le Calmant* синтаксические

стилистические средства создают особый ритм текста, задают умиротворяющий тон повествования и в то же время порождают чувство беспомощности, поскольку читатель, как и главный герой, вынужден медленно и вдумчиво «пробираться» через текст из-за обилия комплексных конструкций и повторов, чтобы дойти до конца. В данном произведении язык как форма играет ключевую роль в создании настроения и характера главного героя. Автор редко использует лексические тропы, вместо этого он прибегает к нестандартным синтаксическим конструкциям, которые усиливают эффект изобразительных средств языка, раскрывая главные идеи рассказа и еще сильнее погружают читателя в произведение.

Одной из самых распространенных стилистических фигур речи в рассказе *Le Calmant* является эпаналога. Этот языковой прием выражает образность и многослойность произведения, синхронизируя фрагменты повествования, подчеркивая тесную связь между ними и придавая тексту более выразительный характер. Кроме того, эпаналога создает определенный ритм, который в произведении оказывает успокаивающее воздействие на читателя. Этот прием выражается в виде довольно длинных комплексных предложений, и встречается в рассказе 14 раз (на 35 страницах рассказа, прим. автора). Например: 1. *Je vais donc me raconter une histoire, je vais donc essayer de me raconter encore une histoire, pour essayer de me calmer, et c'est là-dedans que je sens que je serai vieux, vieux, plus vieux encore que le jour où je tombai, appelant au secours, et que le secours vint* – ‘So I’ll tell myself a story, I’ll try and tell myself another story, to try and calm myself, and it’s there I feel I’ll be old, old, even older than the day I fell, calling for help, and it came’. Создается впечатление, что главный герой из последних сил начинает это повествование, чтобы не только успокоить себя, но и подготовиться к встрече с неизбежным – со смертью. 2. *Mais c’est à moi ce soir que doit arriver quelque chose, à mon corps, à ce vieux corps auquel rien n’est jamais arrivé, ou si peu, qui n’a jamais rien rencontré, rien aimé, rien voulu, dans son univers étamé, mal étamé, rien voulu...* – ‘But it’s to me this evening something has to happen, to my body as in myth and metamorphosis, this old body to which nothing loved anything, wished for anything...’. Посредством повторного описания своего тела главный герой размышляет о нем как о части себя и вместе с тем, как о чем-то совершенно отдельном. Его отчуждение и боль отражают экзистенциальные проблемы, связанные с жизнью, смертью и смыслом существования. 3. *C’est peut-être de simples ruines, c’est peut-être les ruines d’une folie, dans un champs, car les champs venaient jusque sous nos murs, leurs murs...* – ‘Perhaps it’s just ruins, a ruined folly, in a field, for the fields come right up to our walls, their walls...’. Можно предположить, что дом – это сам главный герой,

который чувствует себя «разрушенным» и бессмысленным, как руины в поле. А ‘folly’ намекает на то, что главный герой, не только разбит, но и изначально был бессмысленным и ненужным. Поля, простирающиеся до самых стен дома, могут символизировать неизбежность смерти и тщетность попыток укрыться от нее.

На протяжении всего романа можно заметить частые повторы одних и тех же синтаксических конструкций. Наиболее сильный стилистический эффект производит их повторение в разных абзацах, когда читатель мысленно уже далеко уходит от описываемых событий, при которых первоначально встречалась та или иная конструкция. Предположительно, таким способом автор создает некую заикленность происходящего, что отсылает к общей теме безысходности, но вместе с тем полного покоя и принятия героем своей участи. При прочтении создается впечатление, что читатель вместе с главным героем медленно маленькими шагами движется к концу рассказа, чтобы начать его снова. Фразы *petit à petit, soir après soir, peu à peu* встречаются 11 раз в оригинальном тексте, однако ‘little by little’, ‘evening after evening’ появляются только 8 раз в тексте на английском языке. Тем не менее, количественное несоответствие фраз оригинала и перевода совершенно не искажает восприятие текста на английском языке.

С. Беккет использует не только повторяющиеся синтаксические конструкции, но и повторяет целые фразы. Например: *Il ne subsistait de mon dernier passage aucune trace* [Beckett, 1958, с. 44, с. 47] – ‘Of my last passage no trace remained’; *Chacun de mes petits pas eût été volontiers le dernier* [Beckett, 1958, с. 59, разные абзацы]; – ‘Every little step would gladly have been the last’; *Je levai sans espoir les yeux au ciel, pour y chercher les chariots* [Beckett, 1958, с. 59, с. 75] – ‘I raised without hope my eyes to the sky to look for the Bears’. Идею цикличности пути подтверждает и сам герой в самом начале рассказа, дважды проговаривая фразу *remonter sur terre, après ma mort* – ‘come back to life, after my death’.

С. Беккет использует парцелляцию для описания фрагментарности реальности, находящейся за пределами норм и ожиданий. Этот метод позволяет автору расширить возможности своего повествования, создается ощущение, будто герой делает паузы на своем пути, чтобы передохнуть и продолжить его снова. Парцелляция позволяет писателю вызывать у читателя ощущение раздробленности и пустоты мира, в которой существует главный герой. В тексте встречаются следующие примеры предложений, состоящие из одного слова или словосочетания: *Je me rassis.* – ‘I sat down again.’; *Cependant il restait.* –

‘And yet he stayed.’; *Personne.* – ‘No one.’; *Assez.* – ‘Enough.’; *Rien.* – ‘Nothing.’; *La faiblesse.* – ‘Weakness.’; *Long silence.* – ‘Long silence.’.

Для подчеркивания двойственности реальности и противоречивости мира автор неоднократно использует антитезу, которая успешно передается в переводе на английский язык, например: *mon petit poing, dans son gros ventre* – ‘my little fist, in his big belly’, *si doux et si féroce* – ‘so soft and fierce’, *des grands navires...et celui plus dansant des petits* – ‘the big craft...and of the small more jauntily’, *non, mais je dis oui* – ‘no, but I said yes’. Противопоставление контрастных понятий может служить как для усиления эмоционального воздействия, так и для создания некоторого напряжения и даже драматизма. Особенно это можно заметить в последнем примере, поскольку читателю наглядно демонстрируется несогласованность между тем, о чем главный герой думает на самом деле, и тем, что он произносит.

Проанализировав особенности стилистических фигур речи в оригинале произведения на французском языке и его автопереводе на английский язык, можно прийти к выводу, что ключевая роль языка как формы в настоящем произведении позволяет автору создать особенное настроение и характер главного героя, а нестандартные синтаксические конструкции усиливают эффект изобразительных средств языка, сглаживая языковые барьеры и погружая читателя в произведение С. Беккета. Автоперевод на английский язык успешно отражает большинство выразительных стилистических конструкций французского языка. Автор довольно редко добавляет или убирает элементы фраз, но даже такие изменения не искажают восприятие текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1958.
- Кравченко О. В. Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестник ВолГУ. Серия 2. 2008. № 1 (7). С. 58–63.
- Кравченко О. В. Синтаксические механизмы порождения лингвистического абсурда. Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 141–146.
- Матфеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
- Beckett S. *First love and other novellas*. London: Penguin Modern Classics, 2000.
- Beckett S. *Nouvelles et textes pour rien*. Paris: Edition de Minuit, 1958.

Chutova, A. O.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

**SOME STYLISTIC FEATURES OF THE NOVELLA "LE CALMANT"
BY SAMUEL BECKETT IN FRENCH AND ENGLISH**

The research is devoted to the means of artistic expression in the short story "Le Calmant" by the Irish writer Samuel Beckett. Being one of the founders of the literature of the absurd, the author turns to epanaphora, parcel, antithesis to create an image of the multilayered narrative, obsession, hopelessness, humility, emptiness of the surrounding world. A parallel analysis of the text in French (the original text) and English (S. Beckett's self-translation) showed a practical complete coincidence in the use of stylistic techniques in the two versions of the story.

S. Beckett, literature, stylistic techniques, the absurdity

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК. 8.82:3.1

Л. К. Базанов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

lev_bazanov@mail.ru

Е. С. Тихонова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000–0001–8301–1028

middjungards@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРЫ ЖАНРА УЖАСОВ, НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. Ф. ЛАВКРАФТА

Статья посвящена исследованию способов перевода и переводческих средств на примере произведений Г.Ф. Лавкрафта. Проводится анализ средств перевода и фрагментов художественного текста. Материалом исследования послужили несколько произведений Г. Ф. Лавкрафта.

Художественная литература, перевод, ужас, средство выражения, Лавкрафт

Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937) – один из самых знаменитых американских писателей начала XX века, и один из немногих, чья популярность не только не исчезла с течением времени, но только усилилась. Его творчество повлияло на множество культурных аспектов жизни массового человека, в первую очередь на литературу, а позднее и на культуру конца XX – начала XXI веков в США, а затем и по всему миру.

Актуальность темы заключается в росте популярности жанра ужасов в культуре (литература и медиапространство). Мрачная атмосфера произведений данного жанра позволяет потребителю (читателю, зрителю...) на какое-то время погрузиться в совершенно другой мир и испытать новые эмоции и опыт. Если посмотреть на историю развития жанра, начиная с XX века, то нельзя не заметить тенденцию к популяризации и резкого развития данного направления в литературе (а затем и произведений в медиапространстве).

Целью исследования является определение особенностей перевода произведений Г. Ф. Лавкрафта, а также анализ средств выражения, позволяющих произведениям писателя сохранять уникальность жанра и стиля.

В задачи исследования входит: определение стилистических и грамматических особенностей языка произведений Лавкрафта, сравнение оригинального текста и перевода, с целью определения техники переводческой деятельности, классификация средств выражения, обнаруженных в произведениях.

В качестве исследуемого материала были взяты тексты таких рассказов Г. Ф. Лавкрафта как: «Зов Ктулху», «Заброшенный дом», «Тень над Иннсмутом», «Хребты безумия», а также их оригиналы на английском языке.

Научная новизна исследования заключается в исследовании способа передачи как обычных, так и более специфичных средств выражения ужаса (авторские термины, имена, названия и нарицательные слова).

Популярность творчества Г. Ф. Лавкрафта основывается на пессимистичной атмосфере его мира и на обесценивании человеческой жизни и личности [Ерохина, Желтов, с. 373, 2018]. Одной из основных причин популярности стал мотив тайны и запретных знаний, который порождает чувство любопытства у читателя. Второй причиной можно назвать специфику и законы жанра, в котором писал Лавкрафт, ведь до него не существовало такого направления в литературе, а после него было создано относительно небольшое количество произведений в данном жанре, авторами которых были не столь известные авторы. К тому же, уже в XXI веке, медиапространство приложило свою руку к трансляции творчества Лавкрафта, начиная от подражания его стилю, вплоть до заимствования конкретных образов из произведений писателя, что привлекло новую, более молодую, аудиторию к его рассказам и повестям. Постепенно зародилась целая культурная франшиза (Лавкрафтиана), которая объединена произведениями Лавкрафта и личностью самого автора [Пупышева, с. 386, 2019]. В связи с ростом заинтересованности как массового читателя, так и исследователей в области литературы ужасов, возник спрос на произведения Лавкрафта, что в свою очередь заставило переводчиков погрузиться в мир лавкрафтовского ужаса.

Первая проблема, с которой столкнулись переводчики – язык и стиль самого автора. Длинные предложения, жуткие описания, избыточные мрачными, иногда гиперболизированными эпитетами или гротескными сравнениями, которые одновременно представляют пейзаж или образ чудовища и одновременно не позволяют опознать его. Например: *And yet that house, to the two persons in possession of certain information, equals or outranks in horror the wildest fantasy of the genius who so often passed it unknowingly, and stands starkly*

leering as a symbol of all that is unutterably hideous. И перевод фразы на русский язык: *Тем не менее, именно этот дом в глазах двоих людей, обладающих некоторой информацией, по ужасам своим не только равен, но даже превосходит самые изощренные и жуткие из вымыслов гения, столь часто проходившего мимо него в неведении; превосходит и поныне стоит и взирает на мир тусклым взглядом своих оконниц, как пугающий символ всего, что неопишимо чудовищно и ужасно.*

Сразу же можно отметить визуальные размеры предложения в английском и русском вариантах. Безусловно, для обычного или массового читателя предложения такого объема могут вызвать отторжение произведения и как следствие автора в целом, что создает проблему, связанную с формой перевода: в частности, с длиной предложения.

Описания у Лавкрафта, вызывающие страх, чаще всего основаны на расплывчатости образа или информации [Г. Харман, с. 181, 2019]. Это отражается как на повествовании и презентации новой для читателя информации, так и на образах богов и чудовищ.

Например: *She was one of the Innsmouth Waites, and dark legends have clustered for generations about crumbling, half-deserted Innsmouth and its people. There are tales of horrible bargains about the year 1850, and of a strange element “not quite human” in the ancient families of the run-down fishing port – tales such as only old-time Yankees can devise and repeat with proper awesomeness.* И русский перевод: *Она была из иннсмутских Уэйтов, а о древнем полузаброшенном Иннсмуте и его людях уже десятки лет ходили мрачные предания: в них рассказывалось о каких-то ужасных торговых сделках 1850 года и о диковинных «не вполне человеческих» членах семей в старинных родах этого пришедшего в упадок портового городка – такие легенды которые могли сочинять лишь старожилы-янки, рассказывая их с должными, внушающими страх интонациями.*

Здесь рассказывается об одном из персонажей произведения, однако мотив недосказанности или неизвестности создается при помощи как грамматических и стилистических средств, так и с помощью особенностей, связанных с культурой человека, в частности: легендами и слухами, которые по определению не могут быть точными. Например, прием гиперболы в отрывке “...*dark legends have clustered for generations about crumbling...*”.

Отдельно стоит выделить своеобразную авторскую лексику, которую Лавкрафт использует в своих произведениях. Например: *They were the great “Old Ones” that had filtered down from the stars when earth was young....* Перевод: *Они назывались Старцами и прилетели на Землю в ту пору, когда планета*

была еще молода. [Лавкрафт, с. 42, 2021] Или: *These viscous masses were without doubt what Abdul Alhazred whispered about as the “Shoggoths” in his frightful Necronomicon...* Перевод: В своем, наводящем ужас «Некрономиконе» Абдула Альхазред, говоря о **шогготах**, намекает именно на эту вязкую массу...

Или: *...the word-divisions being guessed at from traditional breaks in the phrase as chanted aloud: “Ph’nglui mglw’nafh Cthulhu R’lyeh wgah’nagl fhtagn.”* Legrasse had one point in advance of Professor Webb, for several among his mongrel prisoners had repeated to him what older celebrants had told them the words meant. This text, as given, ran something like this: “In his house at R’lyeh dead Cthulhu waits dreaming. Перевод: ... (разделение на слова предположительное, на основании пауз в пении): «**Пх’нглуи мглв’нафх Ктулху Р’лайх вгах’нагл фхтагн**». У Леграсса было преимущество перед профессором Уэббом: некоторые из захваченных полицией людей разъяснили смысл этих непонятных слов. Означало это вроде бы примерно следующее: «В своей обители Р’лайхе мертвый Ктулху спит в ожидании своего часа». [Лавкрафт, с. 581, 2021]

Это, возможно, самый яркий пример транскрипции в переводе творчества Лавкрафта. Данная фраза произносится на неизвестном обществу языке, и чтобы передать атмосферу неизвестности, недоумения и шока персонажей повести, необходимо прибегнуть к данному приему перевода.

Чаще всего такой прием находит отражение в именах древних богов или в заклинаниях на неизвестном языке. Некоторые названия перевести возможно, другие же передаются при помощи транскрипции.

Помимо уже перечисленных особенностей непосредственно авторского стиля можно упомянуть и обычные средства выражения, среди которых первое место занимает эпитет.

Some of ’em have queer narrow heads with flat noses and bulgy, stary eyes that never seem to shut, and their skin ain’t quite right. Rough and scabby, and the sides of their necks are all shrivelled or creased up. Get bald, too, very young. Перевод: **Головы у них обычно вытянутые, носы сплюснутые, а глаза так выпучены, что непонятно, как они умудряются их закрывать. Да и кожа странная – шершавая какая-то и словно паршой покрыта. На шее лежит складками. Рано лысеют.** [Лавкрафт, с. 749, 2021]

В данном случае ряд эпитетов используется для создания образа жителей старого и почти заброшенного портового городка Иннсмут. Вытянутые головы, выпученные глаза – все это позволяет создавать жуткие, или по крайней мере неприятные ощущения от вида жителей города.

It was a town of wide extent and dense construction, yet one with a portentous dearth of visible life. From the tangle of chimney-pots scarcely a wisp of smoke came, and the three tall steeples loomed stark and unpainted against the seaward horizon. One of them was crumbling down at the top, and in that and another there were only black gaping holes where clock-dials should have been. The vast huddle of sagging gambrel roofs and peaked gables conveyed with offensive clearness the idea of wormy decay, and as we approached along the now descending road I could see that many roofs had wholly caved in. Перевод: Город выглядел довольно крупным и плотно застроенным, но сразу бросалось в глаза, что жизнь в нем еле теплится. Редко из какой трубы вился дымок, а три возвышавшихся над крышами собора, шпили которых были хорошо видны на фоне голубых далей, поражали своей неухоженностью. С венца одного полностью осыпалась штукатурка, а у двух других на том месте, где полагалось быть городским часам, зияли дыры. У большинства домов кровли провисли, фронтоны были, по всей видимости, источены червями, а когда мы спустились пониже, я обратил внимание, что многие крыши просто обвалились [Лавкрафт, с. 754, 2021].

Похожая ситуация происходит и с панорамой города. Пустые улицы, ветхие и неухоженные соборы, провисшие крыши у домов. Все эти детали общей картины города, придающие ему столь мрачный и депрессивный вид, переданы с помощью простых стилистических приемов, в частности при помощи эпитетов.

Основными переводчиками произведений Лавкрафта являются В. И. Бернацкая, Ю. С. Соколов, О. Э. Колесников. Одни из первых переводов Лавкрафта в России были опубликованы в 1991 году, под авторством В. И. Бернацкой. Остальные переводы датируются уже XXI веком (2001–12 и 2016 годами). Главными особенностями данных переводов в случае с творчеством Лавкрафта, являются переводы авторской лексики, которые в одном и том же виде встречаются в разных произведениях, переведенных разными людьми в разное время. Это позволило сохранить единообразие перевода и особенностей атмосферы произведений американского мэтра ужасов начала XX века.

В заключение необходимо отметить, что переводческая деятельность имеет много подводных камней. Чаще всего трудности перевода возникают при работе с художественными текстами, ведь необходимо сохранить как смысл текста, так и его настроение, а также индивидуальный стиль автора. Творчество Лавкрафта требует к себе особого внимания переводчика, так как текст содержит в себе множество стилистических приемов, авторских терминов, слов и выражений, которые требуют особого подхода при переводе на другой язык. Основные приемы, используемые при переводе произведений

данного автора – транскрипция, а также добавление или даже синтаксическая перестройка предложений для облегчения восприятия. Основными стилистическими, а в единичных случаях даже фонетическими, средствами выражения выступили эпитеты и авторская лексика. Грамматическими особенностями языка Лавкрафта можно назвать длинные конструкции, из которых состоит большая часть всех предложений в произведениях, что усложняет восприятие как текста, так и микротем внутри абзацев. Таким образом можно сказать, что Г. Ф. Лавкрафт один из немногих писателей, кто использовал различные методы создания мрачной и практически безвыходной атмосферы гнета и ужаса, которая обрушивается на разум обычного человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Ерохина Т.И., Желтов Е.С. Репрезентация мифотворчества Г. Ф. Лавкрафта в современной массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. 2018, №6 С. 372–380.
- Лавкрафт Г. Ф. Зов Ктулху / пер.: Олег Колесников // Ктулху: [сборник: перевод с английского]. М.: Издательство АСТ, 2021. – С. 574–596.
- Лавкрафт Г. Ф. Тень над Иннсмутом / пер.: Валерия Бернацкая // Ктулху: [сборник: перевод с английского]. М.: Издательство АСТ, 2021. – С. 746–787.
- Лавкрафт Г. Ф. Хребты Безумия / пер.: Валерия Бернацкая // Ктулху: [сборник: перевод с английского]. М.: Издательство АСТ, 2021. – С. 5–72.
- Пупышева И. Н. Г.Ф. Лавкрафт в культурных индустриях: писатель и бренд / И. Н. Пупышева // Новый филологический вестник. 2019. №4 (51) – С. 384–397.
- Харман Г. Ужас феноменологии: Лавкрафт и Гуссерль // Логос. 2019, Том 29, №5 С. 177–202.
- Lovecraft H. P. The Shunned House // H.P. Lovecraft. The rats in the walls and other tales. Richmond: Alma Classics, 2015. – Pp. 297–344.

Bazanov, L. K., Tikhonova, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

FEATURES OF THE TRANSLATION OF HORROR GENRE LITERATURE, ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF H. P. LOVECRAFT

The article is devoted to the study of translation methods and translation tools using the example of the works of H.P. Lovecraft. The analysis of translation tools and fragments of literary text is carried out. Several works by H.P. Lovecraft served as the research material.

Fiction, translation, horror, medium of expression, Lovecraft

УДК 81`651.926

Н. Б. Бомова

Санкт-Петербургская Торгово-промышленная палата,
nbomova@mail.ru

В. В. Гарин

Первый Московский государственный медицинский университет имени
И.М. Сеченова (Сеченовский университет),

ORCID 0000–0003–4153–4976

vadim11@list.ru

СТРАТЕГИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА И ФАЗЫ ЕГО ВЫПОЛНЕНИЯ

Анализируются стратегии перевода, стратегии проб и ошибок, ожидания и столкновения, линейности, лингвистического и экстралингвистического вероятностного прогнозирования в применении к синхронному переводу.

Синхронный перевод, стратегии перевода, фазы выполнения синхронного перевода

Характеристику данному виду перевода дает А.Д. Швейцер, который указывает на необходимость для синхронного переводчика «...мгновенно, с задержкой в какую-то долю секунды находить равнозначные соответствия поступающему и воспринимаемому на слух тексту» [Швейцер 1969, с. 87]. Нами были проанализированы тексты 32 презентаций для синхронного перевода с английского языка на русский на международных конференциях, форумах, тренингах, включая мероприятия в онлайн-формате, которые проходили в Санкт-Петербурге, Москве и Екатеринбурге в 2019–2023 годах на таких мероприятиях, как Банковский конгресс, Международный экономический форум, Сибирский экономический форум, Культурный форум, Арктический форум, Конференция по цифровой электронной подписи, Морской форум и другие. Общий объем анализируемого текста – 163 учетных страницы. При исследовании текстов мы использовали статистический и количественно-качественный анализ. Нами был сделан вывод о том, что синхронный перевод на реальных мероприятиях существует в следующих формах:

- Перевод на слух, через наушники. Он составляет в анализируемых докладах 28 % (единица подсчета – слово);
- Синхронный перевод «с листа», с предварительной подготовкой или без нее. Он составляет в анализируемых докладах 62 %;

– Синхронное чтение заранее подготовленного текста составляет до 10 % общего объема в анализируемых докладах.

В ситуации реального мероприятия все эти разновидности существуют одновременно. Встречаются докладчики, часто это публичные фигуры, которые читают один и тот же доклад во многих местах, практически не отступая от печатного текста. Организаторы крупных мероприятий обычно предоставляют переводчикам тексты имеющихся докладов для подготовки. Однако практически на всех крупных мероприятиях возникают необъявленные в программе докладчики или происходит замена докладчиков, что подразумевает перевод на слух.

Под стратегией синхронного перевода мы понимаем, согласно определению В. М. Илюхина «...метод выполнения переводческой задачи, заключающейся в адекватной передаче с ИЯ (исходный язык) на ПЯ (переводящий язык) коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологической и личностной особенностей оратора, базового уровня, языковой надкатегории и подкатегории» [Илюхин 2000, с. 14]. Этот же автор выделяет следующие стратегии синхронного перевода:

- стратегия проб и ошибок;
- стратегия ожидания (паузации);
- стратегия стерлинга;
- стратегия линейности;
- стратегия вероятностного прогнозирования с вариантами лингвистического и экстралингвистического прогнозирования;
- стратегия знакового перевода;
- стратегия компрессии;
- стратегия декомпрессии с частной стратегией компенсации.

Рассмотрим использование стратегий синхронного перевода в реальных презентациях.

Стратегия знакового перевода используется в случае недостаточного знания переводчиком переводимой тематики, плохо сформулированной докладчиком мысли, незнание термина или понятия, неожиданно и непредсказуемо возникшего в речи.

В презентации компании Gemalto (Конференция по электронной цифровой подписи, Санкт-Петербург, 2020) указаны такие виды мошенничества с банковскими картами, как:

- *ID theft* «кража личности»;
- *man-in-the-middle* «человек посередине»;
- *whaling* «китобойный промысел».

Именно такие варианты переводов, несмотря на некоторую экзотичность, предлагаются вначале. Далее возникает возможность проконсультироваться со словарем (с партнером) или разъяснение возникает из дальнейшего контекста. Появляется следующий вариант, который заменяет первый, а именно:

– *ID theft* «кража личности» – хищение информации, содержащейся в удостоверяющих личность документах, для совершения мошенничества;

– *man-in-the-middle* «человек посередине» – тип интернет-атак, при котором злоумышленник перехватывает канал связи, получая полный доступ к передаваемой информации;

– *whaling* «китобойный промысел» – мошенничество, направленное на получение банковских данных высокопоставленных чиновников.

Несмотря на то, что такая стратегия может привести к буквализмам, тем не менее, она применяется, если указанный термин является ключевым, неоднократно повторяется и вокруг него строится дискурс. Она также применяется в том случае, если переводчик, несмотря на широкий контекст, не в состоянии найти эквивалент на ПЯ и, соответственно использовать метод проб и ошибок. Как правило, замена знакового варианта перевода на более корректный происходит безболезненно.

Стратегия проб и ошибок используется тогда, когда докладчик перечисляет ряд понятий, переводить которые без широкого контекста затруднительно. В такой ситуации по мере развертывания презентации переводчик преобразует неправильный вариант в правильный с минимальными потерями смысла. В докладе Лизбет Лик на коллоквиуме компании “Jones Lang La Salle” в Санкт-Петербурге в 2020 г. представлен график Prime Rents. Базовые значения прилагательного *prime* («первоначальный», «первичный», «исходный», «главный» и др.) не подходят в данной ситуации. Следующая фраза – *CBD (central business district) prime rents are quite defensive – outside CBD rental levels starting to flatten out* («Арендные ставки в центральном деловом районе имеют защитительный характер – за его пределами они начинают сглаживаться») разъясняет, что речь идет об арендных ставках помещений с наилучшей локацией.

Целью стратегии ожидания (паузации) является получение более широкого контекста для принятия правильного решения. Синхронный переводчик делает паузу (2–4 секунды), дожидаясь дополнительных компонентов текста, которые могли бы прояснить смысл высказывания, если из имеющегося контекста он не совсем ясен.

На конференции экономического и монетарного союза 2019 году в Москве отмечалось: “*The second more serious objection is that, as far as the poorer nations are concerned, ‘all things are not equal’.* In particular, any advantage they may have as a result of lower wage cost are offset by higher overheads as a result of deficient

*transport and telecommunications systems, lack of investment in training and education and so on. The response to this second problem is what is known as **cohesion**. More colloquially, this means money: transfers of funds through the Community Budget, or the European Investment Bank, to the poorer regions*”: «Вторая серьезная проблема в том, что новые кандидаты в члены ЕЭС неодинаково развиты экономически. Так, любые преимущества, связанные с низкой стоимостью труда, сводятся на нет из-за высоких накладных расходов, являющихся результатом недостаточно развитой транспортной и коммуникационной систем, а также отсутствием инвестиций в образование и подготовку кадров. Проблема решается посредством **финансовой поддержки регионов**. Более понятным языком – посредством перевода денежных средств через бюджет Сообщества или Европейский инвестиционный банк в бедные регионы». Последнее предложение разъясняет смысл термина *cohesion* («слияние», «экономическая интеграция», «финансовая поддержка»), что является разъясняющей конструкцией.

Справедливости ради нужно заметить, что такая разъясняющая конструкция в тексте – скорее исключение, чем правило.

Стратегия столлинга (от англ. *stol* «короткий взлет и посадка») – попытка выиграть время путем замедления подачи переводного материала или повторения тематической информации.

Представитель компании “Price Waterhouse” на конференции этой компании в 2022 году указывал: “*Let me just explain what is meant by the word (1) “context” (2) which sometimes you might hear a banker using. The sort of project (3) we are talking today is principally a single project. And the alternative to this is a corporate debt (4), i.e. where the borrowing is not for a specific project but in the context of the company as a whole (5)*”: «Позвольте мне остановиться на еще одном (1) понятии (2), которое в ряде случаев используется в банковских кругах. Проектное финансирование (3), о котором мы говорим сегодня – это финансирование единичного проекта. Альтернатива проектному финансированию – корпоративный заем (4), при этом кредит берется не под конкретный проект, а для всей компании в целом. Итак, корпоративный заем (5)».

Стратегия столлинга в данном случае состоит в следующем:

- (1) *by the word* – идентификация проблемы переводчиком;
- (2) *context* – гиперонимическая трансформация, замена более узкого понятия более широким. Это 1 этап столлинга;
- (3) *The sort of project* – гипонимическая замена, замена более широкого понятия более узким. Она обусловлена предыдущим контекстом;
- (4) *a corporate debt* – осуществление столлинга. Синхронный переводчик получает расшифровку понятия *context* от докладчика;

(5) переводческое резюмирование.

Стратегия линейности состоит в преобразовании сложных предложений в ряд простых. Она эффективна при лексических вкраплениях.

Как указывает Томас Уолш на конференции «Социальные эпидемии: Политика и практика эффективного ответа» в Санкт-Петербурге 22 ноября 2023 года, “*From a policy with a heavy emphasis on supply reduction and criminalization of production, transport and distribution the United Office of Drugs and Crime is now pursuing a more balanced approach in favour of treatment and harm reduction*” Это предложение может быть преобразовано в два простых: “*In the past UNODC conducted a policy on supply reduction and criminalization of drugs production, transport and distribution u Now it pursues an approach of treatment and harm reduction*”: «Ранее Управление ООН по борьбе с наркоманией и преступностью проводило политику, направленную на уменьшение поставок, криминализацию производства, транспортировки и продажи наркотиков. В настоящее время Управление осуществляет политику, нацеленную на лечение (наркоманов) и уменьшение вреда их здоровью»).

Стратегия вероятностного прогнозирования состоит в раннем определении переводчиком лингвистических составляющих текста, которые появятся на выходе в ИЯ. Особенно эффективна эта стратегия при работе переводчика с одним и тем же докладчиком. Она включает в себя лингвистическое экстралингвистическое прогнозирование.

Лингвистическое прогнозирование – это прогнозирование источника продолжения дискурса, связанное непосредственно с вопросами сочетаемости слов. Самым простым примером лингвистического прогнозирования является обращение докладчика к слушателям: *Ladies*, за которым всегда последуют слова *and gentlemen*.

Экстралингвистическое прогнозирование основано на внешних знаниях переводчика или на отдельных когнитивных компонентах и тесно связано с предметно-тематической ориентацией синхронного переводчика. Пример экстралингвистического прогнозирования представлен ниже.

Джон Стинен в докладе на 8 ежегодной международной практической конференции «Инфраструктура открытых ключей России» (Санкт-Петербург, 2019 г), ссылаясь на программу *Interoperability Solutions for European Public Administrations* («Решения по интероперабельности для европейских государственных органов»), указывает на семь приоритетных областей, среди которых создание единого цифрового рынка, рост доверия и безопасности в Интернете и другие. Последней сферой он указывает *enhancing digital literacy skills and inclusion* («развитие навыков работы с компьютером» и «общая доступность

Интернета»). Интероперабельность – это способность продукта или системы, интерфейсы которых полностью открыты, взаимодействовать и функционировать с другими продуктами или системами без каких-либо ограничений доступа или реализации. Речь на данной конференции шла о взаимном признании электронной подписи. Таким образом, знакомство с указанной выше программой дает возможность перевести *inclusion* как «общая доступность Интернета».

Стратегия компрессии предполагает преобразование данного текста с целью придать ему более сжатую форму, иными словами, предполагает снижение уровня объективной избыточности текста. Требуется в тех случаях, когда на ИЯ есть повторы, десемантизированная лексика, докладчик говорит слишком быстро, предметная ситуация позволяет выразить ту же мысль меньшим количеством слов, например, на конференции экономического и монетарного союза в 2019 году в Москве указывалось: “*In the twelve countries of the European Community we have eleven separate currencies. A Frenchman visiting England, or an Englishman visiting France, will find his national paper money and coins unacceptable in the shops. He is obliged to change one currency into the other, leaving 5–8 % of it in the hands of the bank*”: «Француз в Англии не может расплатиться франками. При обмене теряется 5–8 %».

Стратегия декомпрессии противоположна стратегии компрессии. Причины использования этой стратегии – неспособность переводчика найти необходимый вариант на ПЯ или, в случае понимания исходного понятия, невозможность нахождения необходимого варианта на ПЯ. В рекламном тексте компании Antica Sambuca (представлен в Санкт-Петербурге в 2022 году) есть следующий отрывок: “*In 2013 a new era begins. The new Antica **Easy Grip embossed bottle** is launched. Authentic luxury icon that puts the brand among the premium spirits. Perfection now has new colors and new flavors*”, где *Easy Grip* буквально означает «легкий захват», а *embossed bottle* «рифленая бутылка». Используя экстралингвистические знания и стратегию декомпенсации, мы можем перевести этот фрагмент как «рифленая бутылка, которая не выскальзывает из рук».

Возвращаясь к отмеченным выше разновидностям синхронного перевода, следует отметить, что при синхронном чтении с листа переводчики используют в основном стратегию ожидания и столлинга с целью адаптации к темпу докладчика.

При синхронном переводе «с листа» с подготовкой используются выше-названные стратегии и стратегия линейности.

При синхронном переводе «с листа» без подготовки требуется более широкий выбор переводческих стратегий – уже названные выше стратегии, а также стратегии лингвистического и экстралингвистического вероятностного прогнозирования и, окказионально, стратегия проб и ошибок.

При синхронном переводе на слух, в зависимости от уровня предметно-тематической ориентации синхронного переводчика, может в большем или меньшем объеме использоваться стратегия проб и ошибок, а также все перечисленные выше стратегии синхронного перевода в их уникальном сочетании при принятии каждого отдельного переводческого решения.

ЛИТЕРАТУРА

- Балаганов Д. В. Динамика ситуации синхронного перевода // Современное педагогическое образование, 2020. № 5.
- Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе на материале англо-русских и русско-английских комбинаций перевода: дис. канд. филол. наук. М., Моск. линг. ун-т, 2000.
- Швейцер А. Д. К вопросу о преподавании синхронного перевода в специализированных группах переводческого факультета. Методический сборник, М., 1-ый МГПИИЯ, 1969.
- Luck L. Finnish Property Market. Материалы доклада, представленного на коллоквиуме компании Jones Lang La Salle в Санкт-Петербурге в сентябре 2020 г.
- Stienen J. New Trends. Материалы доклада, прочитанного на 8 ежегодной международной практической конференции «Инфраструктура открытых ключей России» в Санкт-Петербурге, в январе 2019 г.
- Walsh T. Building a Stable Civil Society: The Significance of Mediating Institutions. Материалы доклада, прочитанного на конференции «Социальные эпидемии: Политика и практика эффективного ответа» в Санкт-Петербурге 22 ноября 2023 г.

Bomova, N. B.

Saint-Petersburg Chamber of Commerce and Industry

Garin, V. V.

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)

SOURCES TO PREPARE FOR SYNCHRONIZED TRANSLATION AND STRATEGIES FOR ITS PERFORMANCE

Synchronized translator's strategies, namely, strategy of trials and errors, of pausation, of stalling, of linearity, of probabilistic forecasting, as applied in synchronized translation are analysed.

Synchronized translation, translator's strategies, phases in synchronized translation

УДК 81'255.2

Veselova, M. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

ORCID 0000-0003-1330-1526

mvoroshnina@gmail.com

Besedina, E.I.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

ORCID 0000-0001-9373-9004

elivbesedina@mail.ru

Shamina, E.A.

St. Petersburg State University

ORCID 0000-0001-5274-1001

e.shamina@spbu.ru

ICONICITY IN TRANSLATION PROCESS: AN EXPERIMENTAL STUDY

The study aims at presenting the finding of the psycholinguistic experiment carried out in order to assess the translation equivalence and adequacy implying not only accurate conveyance of the meaning but also the expressive stylistic features of the original accomplished by implementing the special algorithms of translating iconicity lexis designed by the authors.

Literary translation, iconic lexis, phonosemantics, expressivity, psycholinguistic experiment, translation transformations

The contemporary translation theory claims that to ensure the same impact of the translation on the reader as that of the original its translation (L2 version) should preserve the communicative effect of the original text along with all its expressive and stylistic means [Бреус, 2001; Федоров, 1983]. This also includes such devices as those of phonetic nature, i.e., alliterations and assonances, sound imitations and sound symbolisms [Беседина, 2019; Якобсон, 1975].

Anyone who at least once faced the task of translating a literary text has no illusions of the complexity of the mission, but translating the text saturated with iconic lexis seems to be challenging even for experienced professional translators. This can be accounted for by the observation that its fundamental properties, i.e. authentic expressiveness and sound-based imagery, greatly complicate the process of finding a proper (direct) lexical correspondence of the original iconic word in the recipient language, which may easily result in iconicity loss in (L2). The comparison of parallel English original literary texts and their Russian translations points to the unfortunate fact that only about 40 % of the original expressive iconic lexis are

represented in the translation by similar means [Voroshnina, 2021], while 13 % of its occurrences are actually missing together with their context, as it happens with the passages below that are found in the translation of Brain Jacques's novel 'Red-wall' by A. Alexandrov,

(1) *He flounced off, swishing his tail, muttering about going outside to take the air.* [Jacques, 2006]

(2) *Flip flop, flip flop; he tripped and fell flat on his tail.* [Jacques, 2006]

(3) *Finally, after much kicking and rumpling of sheets, sleep started to take over* [Jacques, 2006] – *Наконец, он начал засыпать* [Александров, 2006].

To tackle this professional problem of rendering phonosemantic features into L2 without partial or total iconicity and expressivity loss in literary translation, the authors developed a set of actions, or an algorithm to be applied along with traditional translation techniques [Шамина, Беседина, Ворошнина, 2022]. This includes such steps as finding a phonosemantically consistent equivalent of (1) the same or (2) some other class, by (3) phonosemantic compensation and (4) phonosemantic simulation [Шамина, 2021]. To verify the validity of the suggested algorithm, a psycholinguistic perceptual experiment has been prepared and conducted.

The material of the experiment is limited to the ways of translating iconic verbs of motion from the corpus of 600 samples gathered from books by modern British and American writers of various genres (more than 2,500 pages), ranging from science fiction, humor, history and adventure to fantasy, romantic novels and short stories, books for children, etc. 'Verbs of motion' as understood here, embrace not only those defined as such in dictionaries (e. g., *walk* – 'to move along by putting one foot in front of the other', as in Online Cambridge Dictionary [Cambridge, 2024]), but also those with rare and individual metaphorical usages found in the corpus.

The experimental material includes 20 short original passages containing English iconic motion verbs. They are accompanied by 20 samples of translations of the fore mentioned original sentences into Russian extracted from publications by recognized publishing houses or in open media sources [Ворошнина, 2020], as well as by 20 translations of these same sentences accomplished by the authors of the present study that are carried out according to the translation algorithms designed (see above). To illustrate, method 2 of the algorithm (finding a phonosemantically consistent equivalent of some other class) is used to convey the iconic nature of verbs *to kick* and *to rumple* from example 3 above. Accordingly, the original passage is transformed into: *Мышонок Матиас долго брыкался, елозил и буробил простыни, пока в конце концов сон не начал одолевать его.* In the survey questions translations by professional translators (T1) and by the authors of the research (T2) were presented in a random order.

210 native Russian speakers, both men (48.6 %) and women (51.4 %) aged to took part in the experiment. The main requirement for the respondents was their level of the English language acquisition starting at B2 (upper intermediate) and up to C2 (proficient user).

The respondents were instructed to read each of the original English passages carefully and choose the Russian translation they find the most adequate and best preserving the expressiveness of the original. Thus, 4,200 responses were elicited: each respondent providing only one answer to each of the 20 questions.

To assess the results statistically, the data obtained in the experiment were analysed by usual statistical methods of data processing that offer reliable estimates of distribution of a discrete random variable, with a relatively large final sample size ($n \geq 30$). These important parameters include: \bar{x} – sample mean value of a random variable and its confidence interval, S_x – (sample) standard deviation, $Up^{95\%} S_x / \sqrt{n}$ – Root Mean Square Error (RMSE), where n is the sample size and $Up^{95\%} = 1,96$.

The statistical analysis of the respondents' answers shows that the frequency of their preference of the sentences translated by implementing phonosemantic techniques discussed (T2) exceeds the expectation by 1.6 with the extremely low value of RMSE, i. e. μ/μ_0 $1,6 \leq 1,62 \leq 1,65$, where μ is the expected value of a discrete random variable \bar{x} and $\mu_0 = 0,500$ (its value in the case of equiprobable distribution). In some cases, the survey participants chose T2 with great confidence. For instance, in case of sentence (3), respondents chose T2 1.87 times more often than T1, with the value of RMSE $1,80 \leq 1,87 \leq 1,93$.

It should be noted that there is no statistically significant gender difference, μ/μ_0 for men and women being $1,63 \leq 1,66 \leq 1,69$ and $1,55 \leq 1,59 \leq 1,62$, respectively. However, in 18 out of 20 cases, women more often preferred the translations with maintaining the iconic status of verbs of motion (T2). The original text in the following example:

(4) *Even Neville scraped through, his good Herbology mark making up for his abysmal Potions one* [Rowling, 1997],

was translated by a professional translator with the loss of the iconic character of the verb *to scrape*: *Даже Невилль прошел, его хорошая отметка по Гербологии компенсировала ужасную по Снадобьям.* [Оранский, 2002]. The authors of the study translated the original text using method 3 (phonosemantic compensation) of the algorithm: *Даже Невилл со скрипом перешел в следующий класс: его хорошая оценка по Гербологии компенсировала полный провал на экзамене по Снадобьям (T2).* Respondents chose T2 with great confidence $1,54 \leq 1,65 \leq 1,75$. Data for men and women were $1,48 \leq 1,63 \leq 1,78$ and $1,53 \leq 1,67 \leq 1,81$, respectively.

In a number of cases, T2 translations were chosen by some groups of respondents 2 times more often than T1. Thus, a group of respondents with a C2 level of English chose this (and several other examples) in 100 % of cases, that is, with a twofold excess of the equiprobable distribution:

(5) *"I'm just popping next door," I say, getting to my feet.* [Kinsella Sophie, 2001] – *Мама, я ненадолго к соседям загляну* [Корчагина, 2010]. – *Мам, я ненадолго заскочу к соседям, – сказала я, вставая (T2).*

The experimental study carried out on a representative corpus of empirical material by employing statistical methods seems to provide evidence of the apparent effectiveness of iconicity lexis translation methods suggested by the authors.

To draw more general conclusions about the issue in question, the authors intend to conduct further experiments to find out whether their results will agree with the current ones. The authors also hope that empowered by the discussed methods translators of the literary works will be able to preserve the expressive iconic character of the original composition to the fullest.

BIBLIOGRAPHY

- Александров А. (перевод) Воин Редволла. СПб: Азбука, 2006.
- Беседина Е. И. К вопросу о функционировании звукоизобразительных глаголов движения // Актуальные проблемы языкознания. Материалы 8 Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб: ЛЭТИ, 2019, с. 239–243.
- Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во УРАО, 2001.
- Ворошнина М. В. Иконические глаголы движения в оригинальной и переводной литературе: к постановке проблемы // Иностранные языки в современном мире: Материалы 1 Казанского международного лингвистического форума. Казань, 2020, с. 165–171.
- Корчагина А. (перевод) Тайный мир Шопоголика. М.: Изд-во Эксмо, 2010.
- Оранский И. В. (перевод) Гарри Поттер и философский камень, М.: Росмэн, 2002.
- Шамина Е. А. О типах переводческих трансформаций при переводе английских иконических глаголов движения на русский язык // Актуальные проблемы языкознания. Материалы 10 Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб.: ЛЭТИ, 2021. С. 385–390.
- Шамина Е.А., Беседина Е.И. Ворошнина М.В. «Предложения к разработке алгоритма переводческих процедур при переводе иконической лексики.» Материалы 50-й Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой, 15–23 марта 2022. СПб.: СПбГУ, 2022.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высш.школа, 1983.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193 – 230.
- Jacques B. Redwall. UK: Red Fox, 2006.
- Kinsella, S. Confessions of a Shopaholic. New York: Dell Publishing, 2001.

Online Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 18.01.2024).

Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury Publishing Plc, 1997.

Shamina, E., Voroshnina, M., Iconicity Lost and Found: Verbs of Motion in Literary Translation, Iconicity in Language and Literature (ILL13), 13e colloque international sur l'iconicité dans les langues et en littérature (ILL13), Sorbonne University, Faculty of Arts and Humanities, Paris, 2022. URL: https://vk.com/doc3222_640019801 (дата обращения: 18.01.2024).

М. В. Веселова, Е. И. Беседина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

Е. А. Шамина

Санкт-Петербургский государственный университет

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье приводятся результаты психолингвистического эксперимента по оценке качества перевода художественного текста с точки зрения ЕГО эквивалентности и адекватности, что подразумевает не только точную передачу значений, но сохранение экспрессивных стилистических элементов текста оригинала. По мнению авторов такой перевод может быть осуществлён путём применения разработанных ими специальных алгоритмов перевода звукоизобразительной лексики.

Литературный перевод, звукоизобразительная лексика, экспрессивность, психолингвистический эксперимент, переводческие трансформации

УДК 81.322.4

С.О. Косолапов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

staskos@bk.ru

Ю. В. Филиппова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ivfilippova@mail.ru

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА АВТОМАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ВИДЕО НА ПЛАТФОРМЕ ЯНДЕКС

В статье рассматривается функция машинного перевода видеороликов при помощи нейросетей на базе Яндекс браузера. Оценка происходит по уровням языковой системы – фонетическому, морфологическому, лексическому и синтаксическому. Отмечаются как примеры хорошего перевода, так и примеры неудачного перевода. Для некоторых случаев некорректного перевода также предлагается альтернативный вариант. Делается вывод относительно качества машинного перевода и предлагаются сферы его использования.

Перевод, искусственный интеллект, машинный перевод, оценка качества перевода

Летом 2021 года компания Яндекс запустила функцию закадрового перевода видео при помощи машинного перевода. Функция перевода доступна для сайтов YouTube, Vimeo и ещё на нескольких платформах. Переведённый текст озвучивается поверх оригинальной аудио дорожки при помощи синтеза речи. Мужские голоса переводятся мужским голосом, а женские — женским, в связи с чем появляется необходимость распознавания пола спикера для того, чтобы корректно использовать изменение глаголов прошедшего времени, единственного числа по родам, а также для корректного использования определительного местоимения [Блог Яндекса].

В связи с этим было принято решение провести исследование качества машинного перевода. Потенциально области применения этой технологии достаточно широки. Основная функция – это, конечно, предоставление возможности потребления контента на языке, которого не знает человек, пользующийся этой технологией. В этом случае одним вариантов применения машинного перевода может стать перевод лекций и учебного материала на другие

языки. Именно поэтому возникает вопрос о качестве получающегося текста. В связи с этим целью исследования является попытка ответить на вопрос: «Можно ли пользоваться машинным переводом видео “Яндекс” в образовательных или иных целях, или подобный перевод слишком некачественный и не способен передать информацию корректно с сохранением смысла?»

Для оценки качества перевода необходимо сформулировать ряд критериев. Ю. В. Ванников выделяет следующие характеристики качественного перевода: семантическая полнота, точность и стилистическая эквивалентность [Ванников, 1982, с. 13]. Далее необходимо определить материал, на основе будет проведено исследование. Для данной статьи были использованы 3 видеоролика, общей длиной около 30 минут, а именно «How language shapes the way we think | Lera Boroditsky | TED», «Favorite Films | In Conversation with Nicolas Winding Refn | MUBI», «What SCOTTISH People Think of SCOTTISH People» [Youtube]. Критерии для отбора именно этих видеороликов были следующие:

1. Мини-лекция в формате «тед-толк» имеет образовательную направленность, содержит ряд терминов, которые могут представлять трудности для перевода. Также в ролике представлена женщина-спикер, что позволит оценить корректность перевода гендерно-специфичных слов.

2. Интервью с режиссёром фильмов характеризуется специальной лексикой и терминами. Николас Виндинг Рефн – датчанин, который давно живёт в США, что влияет на акцент и соответственно усложняет процесс распознавания слов нейросетью. Также в интервью присутствует много названий. Этот факт тесно связан с таким разделом лингвистики как ономастика. В ходе исследования проверялось, насколько успешно будет произведен перевод имен собственных.

Интервью с прохожими на улицах Эдинбурга было выбрано в первую очередь из-за шотландского акцента спикеров, который сильно сказывается на распознавании речи, что порой представляет определенные трудности даже для профессионального переводчика. Также в ролике присутствовали фразеологические единицы и диалектная лексика.

Для более системного анализа было принято решение распределить примеры по уровням языковой системы – фонетическому, морфологическому, лексическому и синтаксическому.

Фонетический уровень.

Это наиболее трудный для описания уровень. В первую очередь необходимо обратить внимание на интонацию и уровень громкости. Для этого была использована программа Speech Analyzer.

Ниже представлен фрагмент из видео «How language shapes the way we think | Lera Boroditsky | TED» длиной в 13 секунд. На рисунке 1 представлена естественная речь на английском языке, на 2-м рисунке представлена синтезированная речь после перевода на русский язык. Содержание фрагментов совпадает.

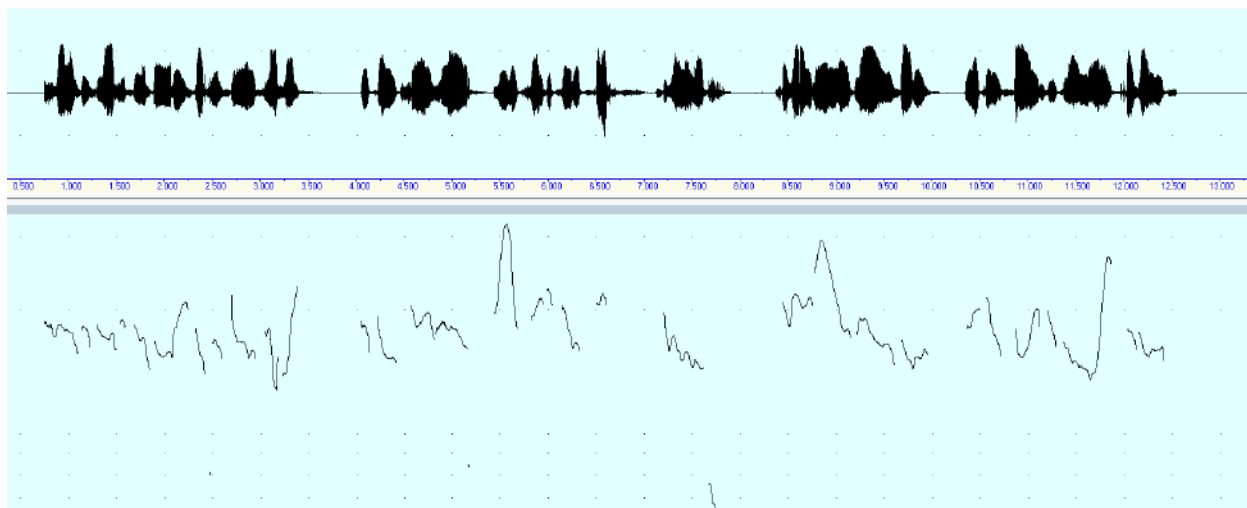

Рис. 1 (Естественная разговорная речь)

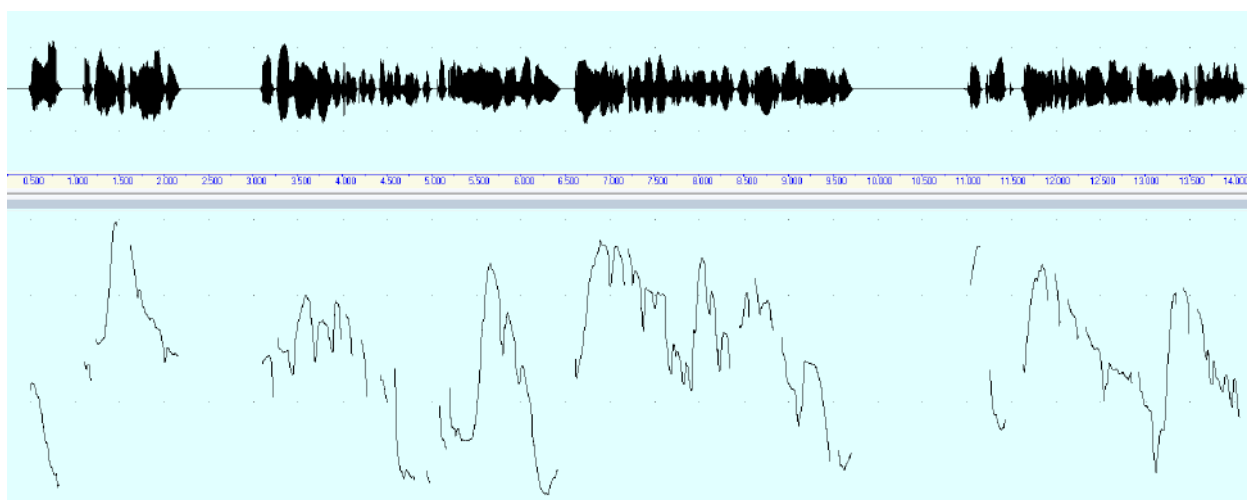

Рис. 2 (синтезированная речь)

Тонкие линии представляют собой интонацию. Проанализировав рисунки, можно определить, что в реальной записи (рис.1) интонация более хаотична, скачки вверх и вниз достаточно резкие и прерывающиеся. Также очень чётко видны паузы в речи, в то время как на записи синтезированной речи выделяются только 2 паузы, переходы интонации нерезкие и непрерывные. Диапазон скачков в синтезированной речи гораздо шире.

В связи с этим можно сделать вывод, что синтезированная речь звучит более корректно с точки зрения интонации (каждая фраза заканчивается

заметным снижением тона), но достаточно неестественно. Также синтезированная речь звучит однотипно и строится по одинаковым правилам и поэтому иногда кажется монотонной (хотя это не так).

Основная проблема машинного перевода на фонетическом уровне – неверные паузы в речи. Вот несколько примеров, где будет указано присутствие или отсутствие пауз:

And transforms then into <пауза> thoughts

«И преобразует их в мысли»

В данном случае в оригинале спикер специально делает паузу для того, чтобы выделить эту мысль. В переводе эта пауза отсутствует.

This is one these magical abilities that we humans have.

Это одна из магических способностей, которыми мы <паузы нет> люди обладаем

Словосочетание “we humans” является эмфатической конструкцией и в русском слово «люди» должно было быть выделено интонационно, но в синтезированной речи интонационное выделение отсутствует [Голикова Ж. А., 2008, с. 105–106].

Важной особенностью также является то, что синтезированная речь достаточно чётко воспроизводит на русском языке иностранные названия, которые могли бы вызвать трудности у реального спикера.

These are the Kuuk Thaayorre people.

«Это народ Куук Тайоре.»

Также при машинном переводе были отмечены случаи, когда русский текст проговаривается быстрее, чем английский, и пользователь слышит оригинальную дорожку и ждёт начала следующей фразы. Также встретился ряд примеров, когда перевод на русский язык занимает так много времени, что в видео речь уже идёт о следующей теме, а на русском проговаривается предыдущее предложение.

Так, например, в видео «What SCOTTISH People Think of SCOTTISH People» на 3 минуте 41 секунде на видео уже другой спикер, а в русском переводе продолжается речь предыдущего человека до отметки в 3 минуты 43 секунды.

Однако в подобных случаях последующие предложения начинают проговариваться чуть быстрее, чтобы нагнать и синхронизировать дорожки звука.

Стоит отметить, что за исключением проблем с паузами – с фонетической точки зрения перевод выполнен вполне качественно и синтезированной речи удаётся имитировать интонации большинства спикеров в роликах.

Морфологический уровень.

В основном на этом уровне отсутствуют ошибки и неточности перевода, за исключением случаев, когда род глагола не соответствует полу говорящего:

And finally, I gave you an example of how language can shape things.

*И наконец, я **привёл** вам пример, того, как язык может влиять на вещи...*

Здесь важно отметить, что спикер — женщина, но было использовано окончание глагола мужского рода. Это не является корректным переводом.

Однако в других случаях нейросеть сопоставляет тип голоса говорящего с окончаниями глаголов и использует род корректно.

I've told you about how speakers of different languages think differently.

*«Я уже **рассказывала** тебе о том, что носители разных языков мыслят по-разному.»*

В данном примере спикер — женщина, и окончание глагола женского рода использовано корректно.

Лексический уровень.

На этом уровне нейросеть может продемонстрировать хорошие решения, которые не являются дословным переводом слов.

Epecially «the dolce vita» which is you know... probably the greatest film ever made.

«Особенно, «сладкая жизнь», которая, как вы знаете, вероятно, является величайшим фильмом когда-либо снятым.»

В этом примере нейросеть узнала, как был переведён этот фильм в русском прокате и вместо того, чтобы оставить название на итальянском языке, как в оригинале, она выбрала более понятное русскоязычному слушателю название.

I think that we're quite um ... non-confrontational.

«Я думаю, что мы совершенно не склонны к конфронтации.»

В этом примере и «Google Переводчик», и даже «Яндекс Переводчик» предлагают вариант «Я думаю, что мы вполне... неконфронтационны.», хотя в данном контексте перевод при помощи лексемы «склонны» является более корректным.

At the same time I understood the commerciality of it and the potentials and how cinema is also a business that needs to turn around to

«В то же время я понимал коммерческую направленность этого процесса и потенциальные возможности, а также то, что кинематограф... это ещё и бизнес.»

В данном примере хорошо продемонстрирована переводческая трансформация — лексическое добавление. Многие элементы смысла, остающиеся

в оригинале невыраженными, подразумеваемыми, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц. [Комиссаров, 1990. с.201–203]. В этом примере заметно, что простого перевода «*коммерциализация*» будет недостаточно, так как не до конца понятно, о чём идёт речь. Аналогичная ситуация складывается со словом «*потенциал*».

Однако также встречаются и некорректные переводы на лексическом уровне.

Oh, there's an ant on your southwest leg.

«О, у тебя на **левой** ноге муравей.»

В данном контексте необходимо было использовать странную для слушателя форму «северо-западная нога», потому что в этом фрагменте спикер рассказывает об особенностях языка коренного австралийского народа, в котором слова «лево» и «право» не используются. Вместо них используются названия сторон света. Поэтому в переводе нужно сохранить эту особенность.

And so the protagonists are my alter egos.

«Так что **главные герои** – это мои альтер эго.»

В данном случае было бы уместнее оперировать термином «*протагонисты*» из сферы кинопроизводства, так как основная аудитория видеоролика – фанаты кино.

Синтаксический уровень.

На этом уровне так же, как и на лексическом, ситуация неоднозначна. Нейросеть иногда грамотно меняет структуру предложений и делает их более логичными с точки зрения русского языка.

I broke my arm.

«Я сломала руку.»

Здесь было опущено притяжательное местоимение, что корректно для русского языка.

Everyone agreeing to like something usually means that it didn't penetrate very deep.

«Если все соглашаются с тем, что им что-то нравится – это обычно означает, что это не проникло слишком глубоко.»

В данном случае была изменена структура предложения. В переводе конструкция «*everyone agreeing ... means*» превратилась в сложноподчинённое предложение со словом «*если*». Однако, в предложении всё ещё остается неуместная формулировка «проникло слишком глубоко».

Несмотря на корректные примеры изменения структуры, нейросеть всё же часто ошибается в стилистике.

Стилистика.

Если до сих пор в твоей жизни всё шло относительно хорошо, то вероятно раньше у тебя не возникало такой мысли.

Now, if everything has gone relatively well in your life so far, you probably haven't had that thought before.

В данном примере спикер общается с большой аудиторией и очевидно, что в этом случае корректнее было бы использовать форму «вашей», «у вас».

– *sarcastic*

– *okay...?*

– *down to the point, don't cut about. They don't pretend to be something. Do you know what I mean?*

– *okay, yeah.*

«– *Это звучит саркастично.*

– *Все в порядке?*

– *Давайте ближе к делу, не надо ходить вокруг да около. Они не претендуют на то, чтобы быть кем-то. Вы понимаете, что я имею в виду?*

– *Всё в порядке – да.»*

В данном случае начало диалога – это ответ на вопрос: «*Что вы думаете о шотландцах?*». В этом примере много ошибок, но синтаксически выделяются: неверный перевод «*okay...?*», который можно было бы перевести как «*что ещё...?*». Далее было употреблено грубое «*давайте ближе к делу*», вместо корректного «*они (шотландцы) говорят по делу и не ходят вокруг да около*». В конце диалога «*okay, yeah*» было переведено как «*всё в порядке*», хотя в данном случае правильнее было бы перевести как «*хорошо, спасибо*» или просто «*угу, понятно*».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что функция автоперевода видео на платформе «Яндекс» ещё не идеальна, но уже способна применять сложные переводческие трансформации. В целом, для образовательных целей подобный инструмент ещё не до конца разработан, однако для использования в личных целях, если пользователь готов время от времени игнорировать некорректные переводы, это практичный инструмент для потребления контента, если вышеназванный пользователь не владеет языком оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

Блог Яндекса: «Смотрите по-русски: Яндекс запустил закадровый перевод видео»

URL: <https://yandex.ru/blog/company/smotrite-po-ruski-yandeks-zapustil-zakadrovyy-perevod-video> (дата обращения 16.03.2024).

- Ванников Ю.В. Виды адекватности типология перевода. кн.: Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов: Тез. докл. всесоюзн. конф., 1982, С. 12–15.
- Голикова Ж.А. Перевод с английского на русский. Learn to translate by translating from English into Russian: учеб. пособие., 2008, 299 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990, 253 с.
- Youtube. Ted. «How language shapes the way we think | Lera Boroditsky | TED» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RKK7wGAYP6k> (дата обращения 16.03.2024).
- Youtube. MUBI. «Favorite Films | In Conversation with Nicolas Winding Refn | MUBI» (дата обращения 16.03.2024).
- Youtube. GoodThinkingTV «What SCOTTISH People Think of SCOTTISH People» (дата обращения 16.03.2024).

Kosolapov, S.O.; Filippova, I.V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

ASSESSING THE QUALITY OF AUTOMATIC VIDEO TRANSLATION ON THE YANDEX PLATFORM

The paper uses on the function of machine translation of video clips using neural networks on the basis of Yandex browser. The evaluation is performed by the levels of the language system – phonetic, morphological, lexical and syntactic. Both examples of good translation and examples of unsuccessful translation are marked. Also, for each case of incorrect translation, an alternative is suggested. A conclusion is drawn regarding the quality of machine translation and suggested areas of use.

Translation, artificial intelligence, machine translation, translation quality assessment

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'37

А. Н. Ливанова

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID 0000-0002-4694-6411

alex_livanova@yahoo.com

НОВЫЙ ГЛАГОЛ VIP(P)SE В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются глагол, появившийся в норвежском языке недавно, но уже широко употребляемый в значении «перевести деньги с мобильного телефона». Этот глагол образован от звуко-символического междометия viprs, использованного банковскими служащими в качестве названия для сервиса быстрых платежей, и унаследовал от него соответствующую семантику. Быстрое распространение новой языковой единицы можно объяснить удачным сочетанием в его значении лексического и звуко-символического компонентов.

Глагол, звуковой символизм, междометие, словообразование, фоносемантика

С появлением и развитием все новых цифровых технологий, в том числе в сфере финансов, появились и новые возможности для скорого перевода денежных средств. Появление новых явлений влечет за собой необходимость в появлении обозначений для них, и норвежский язык не является здесь исключением. Можно назвать такие системы и сервисы быстрых платежей, как Elavon, Betala, Klarna, Lightspeed, Netaxept и другие, однако самой популярной из них является Vipps [Jebsen, s.a.]. Этот сервис был разработан для крупнейшего в Норвегии финансового концерна DNB (акционерное общество Норвежский банк). Помимо удобства для пользователей, успех этого сервиса можно объяснить и удачным выбором названия для него.

Удачный выбор названия обратил на себя не только наше внимание. Предложено оно было двумя служащими концерна, Яннике Биркеволл и Анне-Кристи Браттли Jannicke Birkevold Anne-Kirsti Brattlie [Korsberg Dalsø, 2018]. По словам Биркеволл, она «думала о чем-то, что служило бы иллюстрацией простого и интуитивно понятного способа оплаты с мобильного телефона. И чтобы это было словом, способным превратиться в глагол». Это было очень важно для норвежского языка, глагольность которого особо отмечается как специалистами-норвегистами, так и типологами.

Слово, годящееся стать названием сервиса быстрых платежей, обнаружилось среди глагольных междометий норвежского языка: *vips!* В толковом норвежском сетевом словаре [NAOB] оно подано таким образом: «Используется для выражения очень быстрого, внезапного, неожиданного движения». В словаре указывается на его происхождение из нижненемецкого языка. Для сравнения рекомендуют обратиться к статьям о глаголах *vippe* и *vipse*. Следует, однако, отметить сравнительно малую изученность норвежского языка в этимологическом отношении, поскольку в течение почти четырехсот лет Норвегия существовала в качестве датской провинции (так называемая *fire hundre års natten*, длившаяся с 1380 до 1814 г.). Лингвистические работы того времени, посвященные изучению норвежского языка, единичны и представляют собой главным образом списки лексических норвегизмов, поскольку норвежский язык считался диалектом датского.

Как бы то ни было, слово *vips* не внесено ни в новейший и самый полный этимологический словарь норвежского языка [De Carona, 2013], ни в этимологический словарь Харальда Бьорванда и Фредрика Отто Линдемана [Bjorvand, Lindeman, 2000]. Однако оно включено в авторитетный словарь норвежского и датского языков выдающихся лингвистов Ялмара Фалка и Алфа Торпа [Falk, Torp, 1991. Репринтное издание по выпуску <1903–1906>]. При этом указывается на существование такого же междометия в шведском языке, а также на его заимствованный характер.

Далее приводится восточно-фризский глагол *wipsen* (в норвежском нет звука [w], в норвежском начальным других германских языков соответствует [v]) со значением «быстро перемещаться». Давно отмечено, что среди звуко-символических образований встречается немало глаголов, обозначающих различные виды быстрого перемещения (или движения) в разных средах. В словарной статье указывается также на наличие в скандинавских языках родственных форм с начальным *s-* (*svip* и т.д.), что представляет собой характерную черту звуко-символических корней в германском ареале.

Глагол *vippe* в современном норвежском языке обозначает раскачивание вытянутых объектов, жестких или гибких, балансирующих на возвышении. Место крепления может размещаться в центре или быть сдвинутым к одному из концов. От глагола конверсивно образованы существительные *vippe*, одно из которых обозначает качели-планку, а другое колодезный журавль. Хотя этот глагол был заимствован в норвежский из средненижненемецкого языка, его место в системе языка отличается от места современного немецкого *wippen* [см. Veleshikova, 2010, с. 56–57], где за ним закреплено значения качания в направлении вверх-вниз. В норвежском существует не один такой глагол.

Что касается еще одного фактора, препятствовавшего попаданию междометий в словари, это тот факт, что междометиям как единицам, характерным для использования в устной речи, лишь относительно недавно стало уделяться внимание исследователей. Соответственно, в словари их тоже стали включать не так давно. Письменные же тексты, созданные в Норвегии во времена датского владычества, представляли собой различного рода документы, написанные в датской орфографии, пусть и с определенными видоизменениями; в документах междометия не встречаются.

В большом норвежско-русском словаре под редакцией профессора В. П. Беркова для перевода междометия *vips* предлагаются следующие русские эквиваленты: «раз!, и вот!; шмыг!» [Берков, 2003]. Эти толкования практически совпадают с тем, как представляла себе впечатления будущего клиента Биркеволл: «*vips, så er det gjort*», то есть примерно «раз, и сделано». Если зайти на сайт сервиса [<https://vipps.no/>], на экране появляется его девиз: «*Vipps – veldig, veldig enkelt*» («Раз – очень, очень просто»).

В английском языке норвежскому *vips* соответствует, если воспользоваться не самым надежным сервисом Google Translate, междометие *whoops* с иным гласным наполнением. Толковые словари современного английского языка [MW, COLL] указывают, что междометие *whoops* сигнализирует осознание того, что произошла небольшая ошибка или неудача, а также что совершивший их приносит свои извинения. В «Словаре английской звукоизобразительной лексики» М. А. Флакман данное образование не зафиксировано, однако в нем обнаруживается окказиональное междометие *viip*, изображающее быстрое движение [Флакман, 2016]. От норвежского *vips* оно отличается по форме долготой гласного, что не показательно, так как слоговые структуры в английском и норвежском языках принципиально различаются, а также конечным *-s*, вообще нередким в норвежских звукоизобразительных корнях после глухого смычного.

Vips отсутствует в списках шведской исследовательницы Осы Абелин [Abelin 1999], однако при всей близости между родственными норвежским и шведским языками их словарный состав (как и фонетика, и грамматика) все же различаются. При этом разницу в значении между *vips* и *whoops* можно до некоторой степени объяснить звукоизобразительными особенностями гласных [i] и [u], из которых первый ассоциируется с легкостью и быстротой, а второй – с тяжестью и неудобством, что соответствует так называемому закону гомоморфности по С. В. Воронину [Воронин, 1982, с. 180–182].

Биркеволл [Korsberg Dalsø, 2018] отмечает, что они с Браттли не сразу остановили свой выбор на междометии *vips*. Не будучи филологами, они все

же отмечали малую употребительность этого слова и даже определенную старомодность. Известно, что Хенрик Ибсен широко использовал междометия в своих пьесах для придания естественности диалогам. Составлен список междометий, встречающихся в произведениях Ибсена. В списке указано также, сколько раз им использовано то или иное междометие. Это число варьирует от 1352 (*å*, что соответствует русскому «о!») до 1. Междометие *vips* встречается у Ибсена как раз единожды, но если 1352 раза Ибсен использовал только *å*, то *vips* делит последнее по встречаемости место еще с тридцатью четырьмя другими междометиями, как первичными, так и производными.

Однако представляется, что междометие *vips* не так уж и устарело. Так, в опубликованном в 2023 году романе о современных жителях Осло автор пишет о том, что обычно людям в пабе после работы хватает пары минут, чтобы обсудить рабочие проблемы, «и ... *vips!*... разговор уже идет о чем-то еще» [Flink, 2023, s. 14].

Конечно, художественная литература не всегда служит надежным показателем употребительности слова или выражения. Но вот в электронном письме, адресованном автору данных тезисов и отосланном седьмого февраля прошлого года, корреспондент-норвежец пишет о сыре чеддер: «Но и меня можно тоже поблагодарить за то, что в магазине Киви на нашей улице его все еще продают, потому что внезапно он у них закончился, и я подумал, что из-за пандемии, но все-таки поговорил с управляющим, и на следующей неделе он снова появился! *Vips!* Чудеса!»

Приведем пример из популярной прессы. Журналист пишет в центральной газете «Афтенпостен»: «Конечно, тупицы всех возрастных категорий полагают, что если прицепить подмигивающий смайлик к любому сочетанию слов, и *vips*, вот тебе и ирония» *så er det ironi* [Rossavik, 2023].

Название сервиса привлекает к себе невнимание и запоминается также и определенным отклонением от принятых в норвежском языке норм орфографии, согласно которым написание двух одинаковых согласных букв перед третьей согласной допускается лишь для крайне ограниченного числа форм для различения на письме фонетических омонимов. В данном случае решение было вынужденным: оказалось, что название *vips* с одной буквой *p* уже было запатентовано за другим продуктом. Однако возможно, что в данном случае привлекающее к себе внимание нарушение орфографии сыграло положительную роль в запоминании названия.

В довольно скором времени на основе названия *vipps* образовался глагол *vippse*, имеющий классическую форму норвежского инфинитива, а также легко образующий все присущие норвежскому глаголу формы, часть которых

(å *vippse* – *vippser* – *har vippset*) и были использованы в качестве заголовка статьи, разъясняющей процедуру пользования приложением [Korsberg Dalsbø, 2018]. Сначала этот глагол означал «перевести денежные средства с помощью приложения *vipps* на мобильном телефоне», но постепенно стал использоваться и в тех случаях, когда средства переводятся с мобильного телефона при помощи других цифровых приложений и сервисов. В особенности такое использование слова распространилось среди молодежи. Немногочисленные доступные корпуса норвежских текстов показывают значительное число совпадений.

Так, корпус газетных текстов [Korpuskel: Corpus list] дает 3500 совпадений на запрос *vipse* (на дату обращения 08.03.2024). Мало того, едва появившись, глагол *vipse* с вариантом написания *vipse* уже включен в словарь норвежского толкового сетевого словаря с толкованием «переводить деньги с помощью платежного приложения на мобильном телефоне» [NAOB]. Хотя далее в статье указывается, что глагол образован от зарегистрированной торговой марки *vipps*, в толкование этот компонент значения не входит.

Вообще же не только междометие *vips*, но и глаголы *vippe* и *vipse* в их прямом значении не являются частотными в современном норвежском языке. Так, они отсутствуют в списке десяти тысяч самых частотных слов, составленном на базе сплошной выборки из газетных норвежских текстов [Heggstad, 1982], который, однако, был создан задолго до того, как Яннике Биркеволл и Анне-Кристи Браттли предложили использовать слово *vips* в качестве названия сервиса быстрых платежей.

Таким образом, удачный выбор торгового названия способствовал появлению и быстрому распространению в Норвегии нового звукоизобразительного глагола.

ЛИТЕРАТУРА

- COLL: Collins English Dictionary online. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/whoops> (дата обращения: 09.02.2023).
- Falk H., Torp A. Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog [Etymological dictionary of Norwegian and Danish languages]. Oslo: Bjørn Ringstrøms antikvariat, 1991 <1903–1906>.
- Flink J.Ø. Dobbeltgjengerne. Oslo: Kolon forlag, 2023.
- Heggstad K. Norsk frekvensordbok. De 10 000 vanligste ord fra norske aviser. Bergen – Oslo – Tromsø: Universitetsforlaget, 1982.
- Jebsen, G. De mest populære betalingsløsningene for netthandel i Norge. URL: <https://360logistics.no/de-mest-populaere-betalingslosningene-for-netthandel-i-norge> (дата обращения: 09.02.2023).

- Korpuskel: Corpus list. URL: <https://clarino.uib.no/korpuskel/corpora> (дата обращения: 08.03.2024).
- Korsberg Dalsbø, V. Å vippse – vipser – har vippset URL: <https://www.dnb.no/dnbnyheter/no/din-okonomi/a-vippse-vipser-har-vippset> (дата обращения: 16.02.2018).
- MW: Merriam Webster Dictionary of the English language. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/whoop> (дата обращения: 09.02.2023).
- NAOB: Det Norske Akademis ordbok. URL: <https://naob.no> (дата обращения: 17.01.2024).
- Rossavik F. Først skulle smilefjes forklare tekst. Nå trengs tekst for å forklare smilefjes. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/kommentar/i/9z6JwE/foerst-skulle-smilefjes-forklare-tekst-naa-trengs-tekst-for-aa-forklare-smilefjes> (дата обращения: 09.02.2023).
- Берков В. П. (отв. ред.). Большой норвежско-русский словарь. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2003.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ленинградского университета, 1982.
- Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: Изд.-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016.

Livanova, A. N.

Saint Petersburg State University

VIP(P)SE, A NEW VERB IN NORWEGIAN

The article discusses the etymology of a recent Norwegian verb widely used in the sense 'to transfer money from using a mobile phone'. This verb is derived from the sound-symbolic interjection vips, used by bank employees. Originally, it referred to a quick payment service and the meaning of this interjection, thus, was transferred to the action describing the transaction. The rapid increase in frequency of use of the newly coined verb (registered in contemporary Norwegian corpora) can be explained by the successful combination of lexical meaning and form still retaining its sound-symbolic association with quick movement.

Interjection, phonosemantics, sound symbolism, verb, word formation

УДК 81-114.2

М. А. Флакман

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID: 0000-0002-8258-4825

maflaksman@etu.ru

О РЕДКИХ ФУНКЦИЯХ ФОН(ЕМ)ОТИПОВ АНГЛИЙСКИХ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Настоящая статья посвящена изучению функций фон(ем)отипов английских звукоизобразительных слов на материале двух лексических корпусов – корпуса звукоизобразительных слов английского литературного языка и корпуса окказиональных звукоизображений. Рассматривается роль выбора ряда фонем английского языка для передачи естественных звучаний определённого типа, не изучавшихся ранее. Так, исследование показало, что латеральные в звукоподражательных словах являются указанием на краткий, отрывистый, «ударный» характер имитируемого звука (cling, ding-a-ling), а /ɾ/ имеют функцию имитации движений языка при имитации артикуляторных жестов (таких как жевание, глотание, рвота (slurp, retch, blurt)). Исследование проводится методом фоносемантического анализа.

Фоносемантика, оноματοпея, звукоизобразительность, звукоподражания, фонотип

1. «Значащая форма» звукоизобразительных слов

Звукоизобразительная лексика – это особый пласт лексики, характеризующийся наличием у слова иконической (неконвенциональной, естественной) связи между формой и значением. Иконичность – в широком смысле – это отношение подобия.

У звукоподражательных слов (мяу, плюх, ку-ку) отношение подобия возникает между акустическим обликом слова и его значением. На уровне речи звукоподражательные слова обладают рядом акустических (физически measurable) характеристик, максимально приближенных к акустическим характеристикам имитируемых (естественных) звучаний. Так, гласные, обладающие высокой частотой, используются при создании звукоподражательных слов, обозначающих природные звучания высокой частоты (писк, свист, визг) – англ. *peep* /pi:p/, *cheep* /tʃi:p/, *yip* /jɪp/, *pip* /pɪp/, и др. Напротив, гласные, обладающие низкой частотой, – для передачи природных звучаний низкой частоты (вой, гул, рокот) – англ. *hoot* /hu:t/, *toot* /tu:t/, *boom* /bu:m/, *zoom* /zu:m/.

Возможности человека имитировать «внешние» звучания ограничены способностью речевого аппарата. Опытные охотники или специально обученные актёры до определённой степени способны *подражать* крикам животных и птиц, однако в повседневной речи эта способность оказывается невостребованной. С другой стороны, в рамках повседневного дискурса может возникать необходимость говорить о криках животных, звуках ударов, шелесте листьев, и т.п. Слова, обозначающие эти понятия, с одной стороны, обладают рядом сходств (ср. рус. *мяу*, англ. *meow*, эст. *päiu*, исп. *miau*, вьетн. *тео*, исл. *tjá*, кит. *miao*), но, с другой стороны, – не являются идентичными.

Сходство между звукоподражаниями разных языков обусловлено общностью (звукового) денотата (в нашем случае, звуки, издаваемые кошкой) и *схожестью языковых средств*, использованных при акустической имитации (в нашем примере, использование сонорных согласных). Различия же объясняются объективными причинами: различием фонемных инвентарей разных языков и правил фонотактики. То есть, звукоподражательные слова являются *словами*, единицами языковой *системы*, и их облик обусловлен, ограничен (конвенциональными) правилами этой системы.

Звукоизобразительные слова, таким образом, являются иконическими лишь отчасти. Абсолютные иконы могут существовать только *вне* языковой системы (например, подражания крикам птиц, используемые охотниками). Звукоизобразительная же *лексика*, являющаяся частью языковой системы, и имеющая ту или иную степень сходства с имитируемыми звучаниями, обладает *двойственной природой*. С одной стороны, она достаточно иконична для указания на конкретный тип звучания, что подтверждается результатами многолетних психолингвистических экспериментов, где испытуемые правильно распознавали значения звукоизобразительных слов неизвестных им языков [Bremner et al., 2013; D'Anselmo et al., 2019; Dingemane, 2012, Dingemane et al., 2020; Dingemane et al., 2016; Haynie & LaPalombara, 2014; Iwasaki et al., 2007; Kazanina et al., 2006] и межъязыковым сходством структуры звукоизобразительных слов [Bartens, 2000; Childs, 1994; Dingemane, 2012; Saji et al., 2013; Wescott, 1980]; с другой стороны – в значительной мере конвенциональна.

Звукоизобразительное словотворчество в рамках языковой системы в значительной мере ограничивается (конвенциональными) правилами этой системы:

Во-первых, звукоизобразительные слова состоят из *фонем*, то есть, создаются из того же (жёстко ограниченного) «строительного материала», что и не-

звукоизобразительные слова. Редкими исключениями являются отдельные звукоподражательные междометия и идеофоны (см. [Nuckols et al., 2016]).

Во-вторых, они, в целом, подчиняются нормам фонотактики языка. Исключениями является ряд идеофонов и междометных звукоподражаний с редкими сочетаниями согласных или нетипичной структурой слога (например, *чпок*, *тьфу*, *бррр*) и отдельные, образованные от них, полнозначные слова (*чпокать*) (также см. [Hinton et al., 1994]).

В-третьих, звукоизобразительная лексика подвержена *системным* историческим изменениям – регулярные фонетические изменения, развитие полисемии и утрата исконного значения ведут к постепенной утрате иконичности [Флакман, 2015]. Существуют слова, не подверженные фонетическим изменениям (англ. *cuckoo*, *hoot*) и слова, поменявшие своё значение вслед за историческим изменением формы (англ. *creak*), однако их число незначительно [Flaksman, 2013; Флакман, 2015].

Таким образом, на синхронном срезе языка одновременно сосуществуют звукоизобразительные слова разной степени иконичности – различные как исходно (обладающие разным числом не-системных черт, перечисленных выше), так и различные вследствие накопленных последствий языковых изменений.

Звукоизобразительная лексика, таким образом, всегда обладает двойной (иконической и конвенциональной) природой. Формально, ЗИ-слова, такие как рус. *тарахтеть*, *трындеть*, *визжать* или англ. *pop*, *bleep*, *buzz* ничем не отличаются от не-звукоизобразительных *ходить*, *сидеть*, *летать* и англ. *cup*, *fork*, *spoon* соответственно. Они состоят из фонем, подчиняются нормам фонотактики и обладают тем же самым набором морфологических маркеров, что и не-ЗИ-слова. Однако, помимо значения, связанного со звуком, ЗИ-слова обладают *значащей формой*. Форма слова *тарахтеть* указывает на неровный, резкий, повторяющийся характер имитируемого звука («мотор тарахтит»), а форма английского слова *pop* указывает на отрывистый, взрывной, характер звучания. Но за счёт чего достигается этот эффект? За счёт чего участники многочисленных психолингвистических экспериментов со звукоизобразительными словами уверенно различают ЗИ-слова в неродственных (см. выше) и даже вымышленных [Давыдова 2022] языках, а также классифицируют слова по степени «подражательности» [Winter et al., 2017]?

2. Функции фон(ем)отипов в составе звукоизобразительных слов

Попытки определить и описать компоненты «значащей формы» ЗИ-слов в терминах современной лингвистики сталкивались с определёнными сложностями:

С одной стороны, фонемы, согласно современному лингвистическому подходу, не могут иметь значения – это абстрактные единицы языка, обладающие рядом функций: различительной, дилимитативной и конститутивной (строительной).

С другой стороны, объективная иконическая связь у ЗИ-слова устанавливается между *звуками речи* (обладающими объективно замеряемыми акустическими характеристиками) и естественными звучаниями (также обладающими объективно замеряемыми акустическими характеристиками). Однако метод минимальных пар, используемый для различения фонем языка, применительно к ЗИ-словам даёт интересные результаты. Так, замена *por* на *pip* даёт другое слово, но это слово также является звукоизобразительным, т.е. замена /p/ на /i/ не ведёт к полной утрате значения, а ведёт к его *значимой модификации* (см. [Флакман, 2012]). То есть, фонемы в ЗИ-словах обладают *дополнительной* функцией указания на качество имитируемого звука.

Такую функцию С.В. Воронин [2006, с. 68] обозначил как ЗИ-функцию. Но ЗИ-функцию Воронин [2006, с. 68] приписывал не отдельным фонемам, а *фон(ем)отипам*, «акустическим либо артикуляторным типам фонем» (в более поздних работах автор использовался термин «фонотип»).

Фонотип исследователь определял как «тип звука речи, содержащий фонетический признакотип, гомоморфный с мотивотипом» [Воронин 1998, с. 10]. Согласно Воронину, фонема участвует в формировании иконического знака «отнюдь не всем своим акустико-артикуляторным единством, а лишь *рядом признаков*» [там же].

Так, согласно О.И. Бродович [2005], «нельзя говорить в общем о какой-то ЗИ-функции той или иной фонемы; нужно говорить при этом о фонеме как члене класса – фонотипического класса». Исследователь подчёркивала, что «описание конкретных ЗИ-слов по необходимости ведётся в терминах фонем», однако «говоря о ЗИ-функции той или иной фонемы в составе ЗИ-слова, мы имеем в виду не фонему как таковую в ее целостности, а фонему как единицу того или иного ЗИ-класса фонем – фонотипа».

Необходимость приписывать ЗИ-функции не отдельным фонемам, а фонотипам О. И. Бродович [2005] объясняла тем, что разные дистинктивные признаки, характеризующие фонему, по-разному участвуют в звукоизобразительном процессе. Так /b/ в составе обозначений округлого (напр., англ. *bubble* «пузырь») выполняет свою ЗИ-функцию (имитации округлой формы предмета – *М.Ф.*) только через участие губ, т.е. через *место* артикуляции, поэтому /b/ в *bubble* принадлежит к фонотипу «лабиальных». Однако в составе слова *bang* «ба-бах» та же фонема /b/ участвует в ЗИ-процессе только через *способ*

артикуляции. Реализуясь в речи, данная фонема выступает как смычный (взрывной) согласный, безразлично к месту артикуляции, то есть, в данном слове /b/ принадлежит к фонотипу «взрывных» [там же].

В монографии «Основы фоносемантики» [Воронин, 2006] даёт подробный перечень фон(ем)отипов звукоподражательных [там же, с. 68–70] и звуко-символических [там же, с. 108–110] слов и описание их звукоизобразительных функций (ЗИФ). При этом Воронин [1998, с. 10] различает акустический и артикуляторный фон(ем)отипы. Как подчёркивает исследователь, «[р]елевантны[м] для звукоподражания (ономатопеи) [является] акустический фонотип – тип звука речи, содержащий акустический признакотип, гомоморфный со звуковым мотивотипом». И, соответственно, релевантным для звуко-символизма – «артикуляторный фонотип, [т.е.] тип звука речи, содержащий артикуляторный признакотип, гомоморфный с незвуковым мотивотипом».

Так, к *звукоподражательным* фон(ем)отипам Воронин [2006, с. 69] причисляет фон(ем)отип «взрывные» (ЗИФ передачи краткости звучания; встречается в таких словах, как *bob, tap, pop, bang*), «фрикативные» (ЗИФ передачи шума; встречается в таких словах, как *sizzle, hiss, fizz, swish*), фон(ем)отип /r/ (ЗИФ передачи резкого, «шероховатого» звучания, «диссонанса»; встречается в таких словах, как *grr, creak, crack, roar*), и др.

К *звуко-символическим* фон(ем)отипам Воронин [2006, с. 108] причислял фон(ем)отип «лабиальных» (указание на движение губ, встречается в таких словах, как *bubble, puff*), «латеральных» (указание на движение языка, встречается в таких словах, как *lick, slurp, lap*), «гutturальных» (указание на «горловое» формирование имитируемого артикуляторного жеста, встречается в таких словах, как *gargle, heck, cough*), и др.

Стоит, однако, отметить, что исследователь в той же монографии упоминает также и «ЗИ-функции фонем» [Воронин 2006, с. 23; с. 109], и что к некоторым фон(ем)отипам относится не просто кластер дистинктивных признаков играющих определённую роль при звукоподражании или при звуковом символизме («взрывные», «фрикативные», «сонорные», «лабиальные» и др.), а отдельные фонемы, вся совокупность дистинктивных признаков которых, как можно предположить, играют ключевую роль при имитации. Так, согласно Воронину [2006, с. 69], «[ф]онемотип /r/ в составе корня ономатопа всегда звукоизобразительно валентен».

В. А. Давыдова [2022], основываясь на исследовании лексики вымышленных языков, выводит понятие *фоносеманической интерференции*, то есть особого типа множественной номинации. Автор определяет данное понятие как «сочетание нескольких мотивов номинации и соответствующих им способов

звукоизобразительной имитации, принадлежащих к разным модальностям восприятия, для обозначения одного денотата» [Давыдова 2022, с. 133]. Например, рассмотрим лат. *turturare* «бормотать». С одной стороны, бормотание – это артикуляторный жест (движение губ), с другой стороны, бормотание – это также акустический феномен (низкий, приглушённый звук). Движение губ передаётся сочетанием лабиального согласного и лабиализованного (огубленного) гласного (C^LV^LC-), а низкая частота – гласным /u/ (CV^{low}C-). То есть, при реализации в речи, звук [u] синтетически передаёт и изображаемую артикуляцию (по месту образования), и качество изображаемого естественного звука. Воронин [2006] выделяет подобного рода слова в подкласс *фоноинтракинесемизмов*.

Как видим, терминология, используемая в фоносемантических исследованиях, в настоящий момент находится на уровне разработки, однако тот факт, что форма ЗИ-слов несёт определённую *смысловую* нагрузку, и что выбор фонем при иконическом словосоздании является не-случайным, в целом, можно считать установленным.

В настоящей статье мы рассматриваем редкие фон(ем)отипы звукоподражательных и звукосимволических слов английского языка, упомянутые в монографии «Основы фоносемантики» [Воронин, 2006]. Целью исследования является определение той *роли*, которую играют рассматриваемые фонемы / фон(ем)отипы английского языка при иконической номинации.

3. Материал и методы исследования: как выделить фон(ем)отип

Материалом настоящего исследования послужили два корпуса ЗИ-слов английского языка. Первый корпус – это корпус узуальной лексики ЗИ происхождения. Он насчитывает 1244 лексем, ЗИ по происхождению, отобранных методом сплошной выборки из БОС по тэгам ‘onomatopoeic’, ‘echoic’, ‘expressive’, и др. Второй корпус – корпус окказиональных звукоизображений из словаря слов комиксов К. Тайлора [Taylor, 2007]. Словарь насчитывает 1198 словарных единиц, которые в значительной мере можно назвать английскими идеофонами (ср. [Voeltz et al., 2001]). Окказиональные звукоизображения английского языка (с поправкой на орфографию), в подавляющем большинстве, не ограничены конвенциональными нормами фонотактики, не имеют истории фонетических и семантических изменений и, в целом, гораздо более иконичны, чем узуальные звукоизображения. Поэтому ЗИФ редких фон(ем)отипов в окказиональном корпусе выражены ярче, чем в узуальном.

Методом выделения фон(ем)отипов ЗИ слов отдельного взятого языка является *фоносемантический анализ*, выражающийся в сопоставлении формы

всего имеющегося массива ЗИ-слов с их значением. Подобного рода масштабное сопоставление позволяет определить *роль* тех или иных фонем (и групп фонем, объединённых одним дистинктивным признаком), которые они играют при передаче определённого типа звучания (для звукоподражаний) или иного признака, взятого за основу номинации (для звукосимволических слов, т.е. слов, обозначающих действия кусания, кашля, плевок, икания, и т.п., а также слов, имитирующих внешние характеристики объектов при помощи артикуляции – размер, движение, и т.д.).

Например, рассмотрим следующие группы английских слов и их словарные значения (согласно [БОС] и [Taylor, 2007]), и выделим (1) повторяющиеся элементы структуры этих слов и (2) повторяющиеся семы, входящие в состав значения. Для наглядности повторяющиеся элементы структуры запишем в виде формулы:

(1) blip	$C^{plos}CVC^{plos}$	‘a <u>quick</u> popping sound’ [БОС]
pop	$C^{plos}VC^{plos}$	‘a <u>short abrupt</u> explosive sound’ [БОС]
bounce	$C^{plos}VC$	‘a sounding <u>knock, thump</u> ’ [БОС]
clack	$C^{plos}CVC^{plos}$	‘a <u>sharp, sudden, dry</u> sound’ [БОС]
clatter	$C^{plos}CVC^{plos}$	‘a rapid succession of <u>short sharp</u> noises’ [БОС]
click	$C^{plos}CVC^{plos}$	‘a <u>short sharp</u> sound’ [БОС]
clop	$C^{plos}CVC^{plos}$	‘a <u>sharp</u> sound such as is made by hoofs’ [БОС]
rap	$C^{plos}VC^{plos}$	‘a <u>popping</u> or <u>tapping</u> noise’ [БОС]
pop	$C^{plos}VC^{plos}$	‘a <u>short abrupt</u> explosive sound’ [БОС]
tap	$C^{plos}VC^{plos}$	‘a <u>sharp knock</u> or rap’ [БОС]
(окк.) kugg	$C^{plos}VC^{plos}$	‘a <u>punching</u> sound’ [T]
(окк.) taka tak	$C^{plos}VC^{plos}V$	‘the sound of <u>typing</u> ’ [T]
(окк.) tak	$C^{plos}VC^{plos}$	‘the sound that a flipped coin makes when it <u>bounces</u> on a table’ [T]

Примечательно, что в словарных статьях слова одного типологического класса часто определяются друг через друга (*blip* ‘a quick popping sound’, *rap* ‘a popping or tapping noise’, и др.). Таким образом, в группе (1) выделяется повторяющаяся корреляция «смычные взрывные – резкие, отрывистые звуки, звуки ударов». Эта корреляция является иконической, так как взрывные согласные при реализации в речи являются наиболее краткими звуками речи. Наличие повторяющихся паттернов передачи значения «краткий, отрывистый звук (сопровождающий удар)» взрывными согласными позволило С.В. Воронину [2006] выделить фон(ем)отип «взрывные», обладающий ЗИФ передачей краткого (акустического) удара (см. выше).

Подобные корреляции не являются случайными. Рассмотрим вторую группу звукоподражательных слов английского языка:

(2)	fizz	$C^{fric}VC^{fric}$	‘to make a <u>hissing</u> or sputtering sound’ [БОС]
	fuzz	$C^{fric}VC^{fric}$	‘to <u>buzz</u> ’ [БОС]
	hiss	$C^{fric}VC^{fric}$	‘a <u>continuous spirant</u> sound’ [БОС]
	huzz	$C^{fric}VC^{fric}$	‘a <u>buzz</u> ’ [БОС]
	shish	$C^{fric}VC^{fric}$	‘a <u>prolonged</u> or reiterated <u>hissing</u> sound’ [БОС]
	siss	$C^{fric}VC^{fric}$	‘the sound of a <u>hiss</u> ’ [БОС]
	sh	\bar{C}^{fric}	‘an exclamation used to enjoin <u>silence</u> ’ [БОС]
(окк.)	psssh	$CC\bar{C}^{fric}$	‘the sound made by a <u>spray can</u> ’ [Т]
(окк.)	fssh	$C^{fric}\bar{C}^{fric}$	‘the sound of a rapidly moving <u>air</u> vehicle’ [Т]
(окк.)	fffsst	$C^{fric}\bar{C}^{fric}C$	‘the sound of a <u>fire extinguisher</u> ’ [Т]
(окк.)	iffpfp	$V\bar{C}^{fric}-$ $CC^{fric}C$	‘the sound of a tuba player sucking in <u>air</u> ’ [Т]

В словаре окказиональных звукоизобразительных слов [Taylor, 2007] не приводятся акустические характеристики имитируемых звуков, а даются полные описания ситуации употребления, однако по этим описаниям («звук спрея», «звук огнетушителя», «свист рассекаемого воздуха»), можно определить общий характер звучаний как «шипящий». Стоит отметить, что значения слов из данной группы *не пересекаются* со значениями слов из группы (1).

Таким образом, в группе (2) обнаруживается корреляция «щелевые (фрикативные) – шум, шипение, шелест, жужжание». Данная корреляция является иконической, поскольку при произнесении щелевых согласных (спирантов) артикуляторы в ротовой полости не смыкаются полностью, что приводит к образованию шума в результате прохождения струи выдыхаемого воздуха. Обнаружение данной корреляции («щелевые – шум») позволило Воронину [2006] выделить *звукоподражательный фон(ем)отип* «фрикативные» с ЗИФ передачи шума.

Пользуясь данным алгоритмом и на материале двух собранных корпусов, мы выделяем фон(ем)отипы ЗИ слов английского языка, не перечисленные или недостаточно подробно описанные в [Воронин, 2006], а также (что является целью настоящей работы) описываем их звукоизобразительные функции.

4. Редкие функции фон(ем)отипов ЗИ-слов английского языка

В настоящем разделе, прежде всего, рассматривается *роль* отдельных фонем английского языка в составе ЗИ-слов, то есть, какую именно звукоизобразительную функцию и за счёт каких аспектов звучания (при реализации в речи) они эту роль выполняют. Мы рассмотрим ЗИФ фонем /l/, /n/, /r/, а также аффрикат в звукоподражательных и звукосимволических словах английского языка. Материалом исследования послужили два корпуса слов, описанные в разделе (3). Стоит предварительно отметить, что второй, окказиональный, корпус практически полностью состоит из звукоподражаний (т.е. окказиональная звукосимволическая лексика присутствует в нём в малом количестве).

4.1. Роль /l/ в составе ЗИ-слов английского языка

Согласный /l/ является латеральным аппроксимантом и в британском варианте английского языка имеет два аллофона – [l] и [ɫ]. При произнесении обоих вариантов /l/ поток воздуха проходит по обе стороны языка, поэтому в звуко-символических словах (словах, обозначающих артикуляторные жесты), наличие /l/ является прямым указанием на использование языка. Как отмечал Воронин [2006, с. 70] «[л]атеральный ... выполняет ЗСФ передачи латерального элемента щелкающей артикуляции (имитирующей удар)». Исследователь отмечает, что основная функция латерального в составе звуко-символических слов – (а) «прямая индикация латерального элемента артикуляции щелканья либо латерального артикуляторного элемента, возможного при энергичном втягивании ртом жидкости» [Воронин 2006, с. 109], а дополнительная – (б) функция «прямой индикации движения всего языка в целом при смехе, глотании». Ср. следующие звуко-символические слова – (а) *lick, lull, lap, slurp* и (б) *glut, gulp, glug*, где кинема «движение языка» так или иначе входит в состав имитируемых артикуляторных жестов. Но какова роль /l/ в составе звуко-подражательных слов?

Как отмечает Воронин [2006, с. 70], сонорный латеральный в онематопах может «выполнять ЗПФ передачи резонаторного тона», однако исследователь не приводит конкретных примеров. Скорее всего, данное предположение исследователя основано на высоком положении латеральных аппроксимантов на шкале сонорности (они ближе к гласным, чем к другим видам согласных). В монографии [Воронин, 1998, с. 147] автор подчёркивает, что «[в] отличие от звуков других типов, /l/ в структуре корня онематопа не явля[е]тся отражением непосредственно какого-либо типа внеязыкового звучания, и в этом смысле можно говорить об отсутствии у [него] звукоподражательных функций», хотя «[н]е передавая никакого звучания, [латеральные] в обозначениях звучаний, в состав которых входит чисто шумовой неудар, могут звуко-символически передавать само движение, порождающее соответствующее звучание» (как, например, в словах *slush* или *flush*).

Мы, однако, обнаруживаем звукоподражательную функцию у латеральных в английском языке. Это функция передачи *акустического* удара (то есть, краткого, «взрывного» звучания). Ср. следующие примеры звукоподражательных слов английского языка, содержащих /l/:

(3) blip	CC ^{lat} VC	‘a <u>quick</u> popping sound’ [БОС]
clack	CC ^{lat} VC	‘a <u>sharp, sudden</u> , dry sound’ [БОС]
clatter	CC ^{lat} VC-	‘a rapid succession of <u>short sharp</u> noises’ [БОС]
click	CC ^{lat} VC	‘a <u>short sharp</u> sound’ [БОС]
clop	CC ^{lat} VC	‘a <u>sharp</u> sound such as is made by hoofs’ [БОС]

	lush	C ^{lat} VC-	‘to rush, dash; to <u>strike</u> ’ [БОС]
	lollop	C ^{lat} VC ^{lat} -	‘to go with a lounging gait; to <u>bob</u> up and down’ [БОС]
(окк.)	lubb-dupp	C ^{lat} VC-	‘the characteristic sounds of a normal heart <u>beat</u> ’ (WS)
(окк.)	blamp	CC ^{lat} VCC	‘the sound of a bullet <u>biting into</u> wood’ [T]
(окк.)	blang	CC ^{lat} VC	‘the sound of a pipe <u>hitting</u> a head’ [T]
(окк.)	blat	CC ^{lat} VC	‘the sound of someone being <u>slammed</u> to the floor’ [T]
(окк.)	blonk	CC ^{lat} VCC	‘the sound of an object being <u>knocked</u> over’ [T]
(окк.)	flang	CC ^{lat} VC	‘a metallic <u>hitting</u> sound’ [T]
(окк.)	gling	CC ^{lat} VC	‘the sound of a beetle that has <u>hit</u> a fan at full speed’ [T]
(окк.)	glong	CC ^{lat} VC	‘the sound of a wedding <u>bell</u> ’ [T]
(окк.)	katl	CVVC ^{lat}	‘a <u>breaking</u> sound’ [T]
(окк.)	k-klakt	CC ^{lat} VCC	‘the sound of an object <u>hitting</u> the floor’ [T]
(окк.)	kllimp	CC ^{lat} VCC	‘a sound made by a person <u>landing on</u> a floor’ [T]
(окк.)	klud	CC ^{lat} VC	‘the sound a <u>falling</u> body makes when it <u>strikes</u> the ground’ [T]

Особенно следует отметить звукоподражания *lush*, *lollop* и *lubb-dupp*, где латеральный не является частью консонантного кластера, как в *clop*, *click*, где он встречается в сочетании со взрывным (C^{plos}C^{lat} / C^{lat}C^{plos}). Как уже отмечалось при рассмотрении примеров (1), смычные в составе звукоподражаний (объединённые в фон(ем)отип «взрывные») имеют основную функцию – функцию передачи акустического удара. Латеральный в сочетании со смычными входят в состав ряда ономатопопов-инстантов и инстантов-континуантов (классов звукоподражаний определённого строения, передающих краткие, отрывистые звучания). Например, Воронин [2006, с. 44] включает латеральные в канонические модели таких инстантов, как *click*, *clack*, и др. Под канонической моделью исследователь понимает «звукоподражательную модель, в которой отражаются все общие для ономатопопов звукоизобразительно валентные компоненты» [там же, с. 47]. Однако латеральные в моделях инстантов являются «осложнителями», дополнительными компонентами, а не основными носителями (акустического) значения. Воронин [1998, с. 52] объясняет их наличие в составе звукоподражаний с тем, что «наиболее удачной имитацией щелканья (как нередко и близких щелканью звучаний — хлопанья и шлепанья, а также стука) является (на стадии первичной имитации) щелкающая артикуляция». То есть, исследователь объясняет их наличие в составе ономатопопов не их акустическими, а их артикуляционными характеристиками (кинемой движения языка).

Мы можем предположить, однако, что латеральные аппроксиманты в определённой степени акустически могут восприниматься как обозначения удара, равно так же, как и взрывные. В английском языке, где имеются звонкие и глухие смычные, которые могут занимать позицию как в анлауте, так

и в ауслaute, именно взрывные являются языковым средством *первого выбора*, когда возникает необходимость передачи отрывистого краткого звучания. Латеральный аппроксимант, напротив, является средством *второго выбора*, и используется в тех словах, где необходимо дополнительно указать на звонкость изображаемого акустического удара. Ср. примеры в (1) и (3), где слова, содержащие /l/, в словарных статьях гораздо чаще помечаются как «sharp» (резкий, звонкий), чем слова, состоящие только из смычных. Таким образом, ЗИ-функция передачи краткости звучания у /l/ в английском языке является в большой мере *латентной*, чем ярко выраженной (как у взрывных).

В китайском языке, напротив, латеральный аппроксимант /l/ используется в звукоподражаниях, передающих краткие звучания, наравне со взрывными. Фонотактика китайского языка не допускает взрывных в ауслaute, а также сочетания двух согласных в ауслaute. Поэтому, у [l], в китайском, с нашей точки зрения, функция передачи акустического удара выражена более ярко.

Ср. 磨磨 (*lilil*) «звукоподражание стуку камней друг о друга», 辘辘 (*lulu*) «звукоподражание грому колес, стуку повозки», 辘辘 (*linlin*) «подражание грому, тархтению телеги», 琳琅 (*linlang*) «подражание звону драгоценных камней» (см. [Флакман и др., 2022, с. 52]¹).

Таким образом, ЗИФ функции схожих фон(ем)отипов могут в разных языках совпадать лишь частично или быть проявлены в разной степени (в зависимости от структурных особенностей и инвентарных ограничений рассматриваемых языков).

4.2. Роль /n/ в составе ЗИ-слов английского языка

С.В. Воронин [2006, с. 70; 1998, с. 147] выделяет следующую функцию фон(ем)отипа сонорных носовых в звукоподражательных словах – функцию «прямого отражения резонаторного тонового неудара». Например, *clank, plunk, twank, pink, chink, tan-tan* – C(C)VC^{son}(C) – где /n/ (фон(ем)отип «сонорные», C^{son}) передаёт резонирующее, затухающее звучание.

В составе звукоименных слов, «[п]рисутствие носового всегда указывает на участие (в той или иной степени) носовой полости (прохождение воздуха через нос) в кинеме» [Воронин 2006, с. 108]. Например, *sneer, sniff, snigger, snivel* (CC^{nas}VC-) и др.

В настоящей статье нам бы хотелось подробнее рассмотреть третью ЗИФ /n/, а именно – функцию указания на участие зубов, возникающую в звукоименных словах, имитирующих артикуляторные жесты кусания, жевания,

¹ автор благодарит Пруцких Т.А. за предоставленные примеры звукоподражаний китайского языка

грызения. С.В. Воронин [2006, с. 108] отмечает, что /n/ «индицирует участие зубов при прохождении воздуха через нос при кусании», однако, подчёркивает, что ЗСФ /n/ заключается лишь в «передаче участия носовой полости в процессе».

Исследование массива ЗС слов, содержащих /n/ и умеющих указание на участие зубов в артикуляторном жесте, указывает, однако, не на опосредованное, а на *прямое* участие /n/ при имитации называемых процессов, связанных с участием зубов:

(4)	<i>munch</i>	CVC ^{den} C	‘to <u>chew</u> eagerly or audibly’ [БОС]
	<i>cranch</i>	CCVC ^{den} C	‘to crush with the <u>teeth</u> ’ [БОС]
	<i>crunch</i>	CCVC ^{den} C	‘to crush with the <u>teeth</u> ’ [БОС]
	<i>scrunch</i>	CCCVC ^{den} C	‘to <u>bite</u> with a crushing noise’ [БОС]
	<i><u>gnash</u></i>	(C)C ^{den} VC	‘to strike together or ‘grind’ the <u>teeth</u> ’ [БОС]
	<i>gnast</i>	(C)C ^{den} VCC	[obs.] ‘to <u>gnash</u> ’ [БОС]
	<i><u>gnaw</u></i>	(C)C ^{den} V	‘to <u>bite</u> (something) persistently’ [БОС]
	<i>nag</i>	C ^{den} VC	(dial.) ‘to <u>gnaw</u> , to <u>nibble</u> ’ [БОС]
	<i>natter</i>	C ^{den} VC-	(Scottish) ‘to <u>gnaw</u> , <u>nibble</u> ’ [БОС]
	<i><u>nibble</u></i>	C ^{den} VC-	‘to take a small <u>bite</u> ’ [БОС]
	<i>nip</i>	C ^{den} VC	‘to pinch, <u>bite</u> , squeeze sharply’ [БОС]
	<i>num</i>	C ^{den} VC	‘yum’ [БОС]
	<i>snack</i>	CC ^{den} VC	‘to <u>bite</u> or <u>snap</u> ’ [БОС]
	<i><u>snap</u></i>	CC ^{den} VC	‘a sudden closing of the jaws or <u>teeth</u> in <u>biting</u> ’ [БОС]
	<i>snarf</i>	CC ^{den} VCC	‘to <u>eat</u> or drink quickly or greedily’ [БОС]
(окк.)	<i>nom-nom</i>	C ^{den} VC-	‘what one says when <u>eating</u> something very good’ (UD)
	<i>snarl</i>	CC ^{den} VC-	‘to make an angry sound accompanied by showing the <u>teeth</u> ’ [БОС]

В английском языке /n/ – альвеолярный согласный (с дентально-альвеолярным аллофоном [ɲ] перед дентальными /θ, ð/). То есть, по месту образования он совпадает с /t/ и /d/. Поэтому, с нашей точки зрения, английский /n/ необходимо причислять к фон(ем)отипу «дентальные», в который, помимо собственно дентальных /θ/, /ð/, по классификации Воронина [2006, с. 108] входят также /t/ и /d/. Артикуляция [n] в английском языке производится кончиком языка,двигающегося в сторону зубов, и поэтому /n/ имеет ЗСФ передачи кусательного движения, то есть, выступает в той же роли, что и /θ/, /ð/, /t/ и /d/ в таких словах, как *chatter*, *stutter*, *stammer*, *tattle*, *dadder*.

Примечательно, что в исследованном корпусе количество слов, где имитация кусания или стука или скрежета зубов передаётся при помощи /n/ превышает количество слов, где это значение передаётся фон(ем)отипом «дентальные».

4.3. Роль /r/ в составе ЗИ-слов английского языка

О роли фон(ем)отипа /r/ в составе английских звукоподражательных слов подробно написано в Воронин [2006, с. 69]. ЗИ-функция данного фон(ем)отипа –

это отражение чистого диссонанса (прямое или опосредованное указание на резкий, «рваный», «режущий» характер звучания). Ср. *ring, rattle, roar*, и др. Примечательно, что ту же функцию (передачу чистого диссонанса) в китайском языке, где [r] не является фонемой, выполняют аффрикаты. Например, 除拉 (*chuala*) «подражании треску (жарящихся на огне сырых овощей)», 啾啾 (*zhoujiu*) «подражание звучанию струнных и духовых инструментов» (графемами «zh» «ch» «j» «q» передаются аффрикаты [ʃ̥], [ʃ̥ʰ], [tɕ] и [tɕʰ] соответственно), примеры из [Флакسمан и др., 2022]). Ср. следующие английские слова, обозначающие резкие, «дребезжащие» звуки (или резкие движения, сопровождаемые подобными звуками): *chirr, chirr, jerk, jar*, (исторически) содержавшие и /r/, и аффрикаты (также см. 4.4).

В настоящей статье хотелось бы обратить внимание на ЗСФ фон(ем)отипа /r/ в звуко-символических словах английского языка. С.В. Воронин [2006, с. 109] упоминает, что «ЗСФ фонемы /r/ – прямое либо аппроксимированное отражение дрожащего элемента артикуляции денотата». На этом аспекте нам бы хотелось остановиться подробнее. Что именно следует считать «дрожащим элементом» артикуляции?

Рассмотрим примеры звуко-символических слов английского языка и установим общие семы, объединяющие эти слова:

(5)	<i>barbary</i>	CVC ^R -	< PIE * <i>barbar-</i> of unintelligible <u>speech</u> of foreigners' [БОС]
	<i>blear</i>	CCVC ^R	'to protrude the <u>tongue</u> in mockery' [БОС]
	<i>blurt</i>	CCVC ^R C	'to <u>utter</u> abruptly, and as if by a sudden impulse' [БОС]
	<i>br</i>	C [̄] R	'expresses a shiver of cold, fear, disquiet, etc.' [БОС]
	<i>burp</i>	CVC ^R C	'to <u>belch</u> ' [БОС]
	<i>charade</i>	CVC ^R -	< Sp <i>charrar</i> 'to <u>chatter</u> , gossip' [БОС]
	<i>grouse</i>	CC ^R VC	'to <u>grumble</u> ' [БОС]
	<i>grudge</i>	CC ^R VC	'to <u>murmur</u> ' [БОС]
	<i>grumble</i>	CC ^R VCC-	'to mutter, mumble, <u>murmur</u> ' [БОС]
	<i>murmur</i>	CVC ^R -	'to <u>complain</u> in low muttered tones' [БОС]
(окк.)	<i>prate</i>	CC ^R VC	'to <u>talk</u> or chatter' [БОС]
	<i>rabble</i>	C ^R VC-	'to <u>speak</u> or read aloud in a rapid manner' [БОС]
	<i>ralph</i>	C ^R VCC	'to <u>vomit</u> , to expel by <u>vomiting</u> ' [БОС]
	<i>rasp</i>	C ^R VCC	'to <u>belch</u> ' [БОС]
	<i>retch</i>	C ^R VC	'to attempt to <u>clear the throat</u> or lungs' < OE <i>hræcan</i> [БОС]
	<i>rumble</i>	C ^R VCC-	'to mutter or <u>murmur</u> ' [БОС]
	<i>slurp</i>	CCVC ^R C	'to drink or <u>eat</u> greedily or noisily' [БОС]
	<i>gargle</i>	CVC ^R C-	'to wash (the throat or <u>mouth</u>) with a liquid' [БОС]
	<i>garrulous</i>	CVC ^R -	'given to much <u>talking</u> , L. <i>garrīre</i> 'to chatter, <u>prattle</u> ' [БОС]
(окк.)	<i>barf</i>	CVC ^R C	'a <u>vomiting</u> sound' [T]
(окк.)	<i>erghhh</i>	CC ^R C̄	'a <u>gurgling</u> or <u>groaning</u> sound' [T]
(окк.)	<i>slrrrk</i>	CC [̄] R ^R C	'a <u>slurping</u> sound' [T]

Как видно из примеров (5), данная группа слов распадается на несколько семантических подгрупп: (а) слова, имитирующие речь, (б) слова, имитирующие рвоту, и (в) слова, имитирующие поглощение пищи. Все эти процессы в той или иной мере происходят в ротовой полости. Можно осторожно предположить, что ЗСФ /r/ в английском языке – это передача различных *движений языка*, что сближает /r/ с латеральными, исполняющими ту же роль при имитации артикуляторных жестов.

4.4. Роль аффрикат в составе ЗИ-слов английского языка

Аффрикаты /tʃ/ и /dʒ/ – это относительно новые фонемы в фонемном инвентаре английского языка (ср. родственный исландский язык, где аффрикат нет). Однако несмотря на это, они довольно часто встречаются в ЗИ словах английского языка и имеют несколько ЗИФ.

Согласно Воронину [1998, с. 146], в составе ономатопопов основной ЗПФ аффрикат является функция индикации удара (*chop*), а в составе звуко-символических слов, их основной ЗСФ является передача «(чавкающего) элемента артикуляции» [Воронин 2006, с. 69].

Мы, однако, выделяем ещё одну (звукоподражательную) функцию аффрикат в составе английских ономатопопов – функцию передачи диссонансного (рваного, резкого, вибрирующего) звучания. То есть, в ряде звукоподражаний они выполняют ту же функцию, что и /r/ (передачу «диссонанса»).

Аффрикаты, с точки зрения их звукоизобразительной функции, занимают промежуточное положение между взрывными смычными (в английском языке имеют ЗПФ передачи резких, отрывистых акустических ударов) и щелевыми (в английском языке имеют ЗПФ передачи шумов). Диссонансный характер природных звучаний Воронин [2006, с. 40] описывает следующим образом: «если серия ударов достаточно велика, чтобы ощущаться как дрящееся звучание, и если частота следования ударов достаточно высока для того, чтобы каждый удар уже не ощущался обособленно, но в то же время эта частота ни столь велика, чтобы удары слились в единый непрерывный слитный неудар, то в этом случае мы имеем дрожание, собственно серию ударов, ощущающуюся как таковую; звучание подобного рода представляет собою чистый диссонанс, диссонанс в его наиболее "чистом" виде». Аффрикаты, с одной стороны, недостаточно кратки (как взрывные), а с другой стороны, недостаточно шумны (как фрикативные), что служит базисом для использования аффрикат в качестве звукоизобразительного средства передачи диссонансов (то есть, неровных, «грязных» природных звучаний). Ср. следующие примеры:

(6)	chap	C ^{affr} VC	‘to <u>crack</u> ; to burst into cracks or clefts’ [БОС]
	chirk	C ^{affr} VCC	‘to make a <u>strident noise</u> ’ [БОС]
	chirl	C ^{affr} VCC	‘to utter the <u>short sharp thin</u> sound’ [БОС]
	chirr	C ^{affr} VC	‘to make the <u>trilled sound</u> characteristic of grasshoppers’ [БОС]
	chitter	C ^{affr} VC-	‘of birds: to utter a short <u>series of sharp thin</u> sounds’ [БОС]
	chizz	C ^{affr} VC	‘(rare) to <u>chirr</u> ’ [БОС]
	churr	C ^{affr} VC	‘a deep or low <u>trilled or whirring sound</u> made by birds’ [БОС]
	jar	C ^{affr} VC	‘a <u>harsh inharmonious sound</u> or combination of sounds’ [БОС]
	jargon	C ^{affr} VC-	‘the inarticulate utterance of birds; <u>twittering, chattering</u> ’ [БОС]
	jerk	C ^{affr} VCC	‘to move with a <u>quick, suddenly arrested movement</u> ’ [БОС]
	jing	C ^{affr} VC	‘a <u>sharp ring, a jingle</u> ’ [БОС]
	jink	C ^{affr} VCC	‘the <u>sharp metallic sound</u> of a coin’ [БОС]
	jog	C ^{affr} VC	‘to <u>shake or move</u> (a heavy body) with a push or <u>jerk</u> ’ [БОС]
	judder	C ^{affr} VC-	‘to <u>shake or vibrate</u> rapidly and often noisily’ [БОС]
	jumble	C ^{affr} VCC-	‘a <u>shock, shaking, or jolting</u> ’ [БОС]
(ОКК.)	chash	C ^{affr} VC	‘a <u>crashing</u> sound’ [T]
(ОКК.)	chakka	C ^{affr} VCV	‘the sound of <u>machine gun fire</u> ’ [T]
(ОКК.)	ching	C ^{affr} VC	‘the sound of <u>chain rattling</u> ’ [T]
(ОКК.)	chow	C ^{affr} V	‘the sound of <u>gunfire</u> ’ [T]
(ОКК.)	chtthzz	C ^{affr} CC	‘the sound of <u>mechanical parts coming undone</u> ’ [T]
(ОКК.)	tchakk	C ^{affr} VC	‘a <u>mechanical</u> sound’ [T]
(ОКК.)	chrakk	C ^{affr} CVC	‘a <u>cracking</u> sound’ [T]
(ОКК.)	kkritch	CCVC ^{affr}	a sound of <u>weapon fire</u> hitting rock [T]

Примечательно, что в китайском языке (см. примеры в 4.3) аффрикаты являются основным средством передачи диссонанса (средством первого выбора), тогда как в английском – лишь вспомогательным (средством второго выбора).

В ряде примеров (6) аффрикаты /tʃ/ и /dʒ/ встречаются только в словах, также имеющих /r/ (*chirr, jar, chirk*), однако можно отметить и их самостоятельную ЗПФ передачи вибрирующих диссонансных звучаний (в т.ч. сопровождающих резкие, неравномерные движения) в таких словах как *chizz, jing, judder*, и др. То есть, функция передачи диссонанса у аффрикат является в большой степени латентной (ср. ЗПФ передачи удара у /l/ в 4.1).

Заключение

В настоящей статье были рассмотрены редкие функции фон(ем)отипов английских звукоподражательных и звукосимволических слов, ранее подробно не описанные в литературе. В частности, были рассмотрены фон(ем)отипы /l/, /n/, /r/, и «аффрикаты», используемые для иконической передачи ряда значений, не отмечавшихся ранее. Подтвердилось предположение С.В. Воронина (2006) о том, что одни и те же звуки языка могут одновременно

принадлежать к разным фон(ем)отипам и выполнять разную звукоизобразительную функцию.

Также в ходе исследования было установлено, что в рамках звукоизобразительной системы языка существуют звукоизобразительные средства первого и второго выбора. Так, ЗИ-средством первого выбора для передачи акустических ударов (кратких звучаний) в английском языке являются смычные взрывные (фон(ем)отип «взрывные»), а ЗИ-средством второго выбора – латеральные. Также ЗИ-средством первого выбора для передачи чистого диссонанса (вибрирующего, «неровного» звучания) является фон(ем)отип /r/, а ЗИ-средством второго выбора – фон(ем)отип «аффрикаты». В подавляющем большинстве случаев ЗИ-средства первого и второго выбора встречаются в сочетании друг с другом. Исключением является передача значений, связанных с использованием зубов. Наиболее часто данная ЗСФ встречается у фон(ем)отипа /n/, но практически никогда в сочетании с фон(ем)отипом «дентальные», также имеющим эту ЗСФ. Поэтому мы считаем целесообразным объединить /n/ и дентальные в один фон(ем)отип.

Ещё одним наблюдением, возникшим в ходе работы, является то, что звукоизобразительные функции фон(ем)отипов разных языков не совпадают полностью. Несмотря на ограниченное число рассмотренных примеров из китайского языка, можно предположить, что в китайском языке функции передачи удара у латеральных и функция передачи диссонанса у аффрикат являются основными. Различия между звукоизобразительными системами, таким образом, объясняются структурными различиями этих двух языков: ограниченное использование смычных и [r] в звукоизобразительных целях в китайском языке обусловлено его инвентарными и фонотактическими ограничениями.

ЛИТЕРАТУРА

- БОС: The Oxford English Dictionary (3d edition). URL: <http://www.oed.com> (дата обращения 01.02.2024).
- Бродович О.И. О некоторых фундаментальных понятиях фоносемантики // Знак: иконы, индексы, символы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения проф. С. В. Воронина, 2005. URL: <https://liconism.com/laboratoriya-dictionaries/terminologicheskaya-laboratoriya/616-fonotip.html> (дата обращения: 01.02.2024).
- Воронин С.В. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация. СПб.: Изд-во Института иностранных языков, 1998.
- Воронин С.В. Основы фоносемантика. М.: Ленанд, 2006.
- Давыдова В.А. Звукоизобразительная лексика в вымышленных языках: фоносемантический анализ. дисс. ... канд. филол. наук, СПб.: СПбГЭУ, 2022.

- Флакман М. А., Звукоизобразительная модификация как способ словообразования // Вестник Санкт-Петербургского университета, Сер. 9. Вып. 4. 2012. С. 106–114.
- Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка. дисс. ... канд. филол. наук, СПб: СПбГУ, 2015.
- Флакман М. А., Ткачева Л. О., Седёлкина Ю. Г., Лавицкая Ю. В., Наследов А. Д., Коротаевская Е. А. и Галикина Е. Д. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. М.: Мир науки, 2022. Сетевое издание. Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/69MNNPM22.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
- Bartens A. Ideophones and Sound Symbolism in Atlantic Creoles. Finland: Gummerus Printing Saarjärvi, 2000.
- Bremner A.J., Caparos S., Davidoff J., de Fockert J., Linnell K.J., & Spence C. “Bouba” and “Kiki” in Namibia? A remote culture make similar shape–sound matches, but different shape-taste matches to Westerners // *Cognition*, 126(2), 2013. P. 165–172.
- Brown R.W., Black A.H., & Horowitz A.E. Phonetic symbolism in natural languages // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 50(3), 1955.
- Childs G.T. African Ideophones // Hinton L., J. Nickols, J.J. Ohala (eds.). *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 178–207.
- D’Anselmo A., Prete G., Zdybek P., Tommasi L., & Brancucci A. Guessing meaning from word sounds of unfamiliar languages: A cross-cultural sound symbolism study // *Frontiers in Psychology*, 10, 2019.
- Dingemans M. Advances in the cross-linguistic study of ideophones // *Language and Linguistics compass*, 6(10), 2012. P. 654–672.
- Dingemans M., Perlman M. & Perniss P. Construals of iconicity: experimental approaches to form-meaning resemblances in language // *Language and Cognition*, 12(1), 2020, P. 1–14.
- Dingemans M., Schuerman W., Reinisch E., Tufvesson S. & Mitterer H. What sound symbolism can and cannot do: testing the iconicity of ideophones from five languages // *Language* 92(2), 2016. P. e117–e133.
- Flaksman M. Preservation of long vowels in onomatopoeic words denoting pure tones: phonosemantic inertia // *Материалы Международной конференции Индоевропейское языкознание и классическая филология XVII (чтения памяти И.М. Тронского), 24–26 июня 2013 года*. СПб.: Наука, 2013. С. 917–923.
- Haynie H., Bower C. & LaPalombara H. Sound symbolism in the languages of Australia // *PLoS One* 9(4), 2014.
- Hinton L., Nickols J. and Ohala J.J (eds.). *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Iwasaki N., Vinson D.P. & Vigliocco G. What do English speakers know about *gera-gera* and *yota-yota*? A cross-linguistic investigation of mimetic words for laughing and walking // *Sekai no nihongo kyoiku [Japanese Language Education Around the Globe]* 17, 2007. P. 53–78.
- Kazanina N., Phillips C. & Idsardi W. The influence of meaning on the perception of speech sounds // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 103(30), 2006. P. 11381–11386.
- Nuckolls J. B., Nielsen E., Stanley J. A. & Hopper R. 2016. The systematic stretching and contracting of ideophonic phonology in Pastaza Quichua // *International Journal of American Linguistics*, 82(1), P. 95-116.

- Saji N, Akita K., Imai M., Kantartzis K. & Kita S. Cross linguistically shared and language-specific sound symbolism for motion: An exploratory data mining approach // Proceedings of the 35th Annual Conf. of the Cognitive Science Society, 31, 2013. P. 1253–1259.
- Taylor K. J. KA-BOOM! A Dictionary of Comic Book Words, Symbols and Onomatopoeia. Surrey BC: Mora Publications, 2007.
- Voeltz E.F.K., Kilian–Hatz Ch. (eds). Ideophones [Typological Studies in Language 44]. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Wescott R.W. Ideophones in Bini and English // Sound and Sense: Linguistic Essays on Phonosemic Subjects, 1980, P. 195–210.
- Winter B., Perlman B., Perry L.K. & Lupyan G. Which words are most iconic? Iconicity in English sensory words // Interaction Studies 18(3), 2017. P. 430–451.

Flaksman, M. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University 'LETI'

RARE PHONOTYPES OF ENGLISH IMITATIVE WORDS

*This article deals with rare functions of phonotypes of English imitative words. The research material are two datasets of English words imitative by origin. The first one is comprised of words from the literary English, whereas the second one – from occasional onomatopoeic words. The aim is to study what role phonemes comprising imitative words play by sound-imitation. Thus, lateral consonants are used for indicating abruptness of imitated natural sounds (as in *cling, ding-a-ling*), and /r/ has the imitative function of indicating tongue movements in words imitating various articulatory gestures such as *chewing, gulping, or vomiting (slurp, retch, blurt)*. These imitative functions of lateral, rhotic and other phonotypes have never been investigated before. The research method is the method of phonosemantic analysis.*

Phonosemantics, onomatopoeia, iconicity, sound imitation, phonotype

**Материалы
Тринадцатой межвузовской научно-практической конференции
с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»
Санкт-Петербург, 17 – 18 апреля 2024 года**

Редколлегия:

Беседина Е. И., Кабанова Н. А., Кузьмич И. В., Курганская Е. В., Малышева В. Н.,
Степанова Н. В., Тихонова Е. С., Ульяницкая Л. А., Флакман М. А.,
Чупахина А. О., Шумков А. А.

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать _____. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 3.
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5

